

**История
и культура
болгар
и гагаузов
Молдовы
и Украины**

Мензиков Н.И.
(1899 - 1974)

Институт межэтнических исследований АНМ
Научное общество болгаристов РМ

История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины

(Сборник статей к 100-летию
со дня рождения И.И.Мещерюка)

Научный редактор: доктор истории И.Ф.Грек

*Ольга Балажешки
Заб. Нованов. З.
21.04.11*

Кишинев, «SSB», 1999

CZU 94 (478+477.7) (867=943.65)+929
187

Редакционная коллегия: И.Ф. Грек, Т.В. Зайковская,
Е. И. Челак, Н.Н. Червенков, Л.С. Чимпоеш.

Рецензенты: профессор Н. Жечев (Болгария),
доктор истории В. П. Степанов (Молдова)

Сборник издан на средства фонда «Отворено общество»
(Болгария)

ISBN 9975-9568-0-7

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Предисловие	7
I. И.И.Мещерюк: человек и ученый	
Автобиография	8
Мещерюк Г.И. Мой отец	12
Анцупов И.А. Учитель	15
Грек И.Ф. И.И.Мещерюк - исследователь истории и культуры болгар и гагаузов Бессарабии, их научно-общественный деятель-возрожденец середины XX столетия	20
Червенков Н.Н. Демографические аспекты в работах И.И.Мещерюка	41
Маруневич М.В. К вопросу о значении этнографических параллелей в работах И.И.Мещерюка	48
II. Из рукописного наследия И.И. Мещерюка	
От научного редактора	58
Мещерюк И.И. Массовое движение в поселениях (1842-1844 гг.)	61
Крестыанское движение в Верхне-Буджакском округе в 1842 году	61
Начало движения	64
Завершение следствия и его результаты	73
Волнения в конце 1842 г. в Комрате	76
Расправа с участниками движения в ноябре 1842 г.	78
Волнения в Болграде осенью 1842 г.	78
Вопрос о бегстве поселенцев в Болгарию	83
Августовское восстание 1843 года	92
Восстание в Дезгинже	96
Восстание в Бешалме	98
Восстание в Конгазе	99
Восстание южных поселений	101
Подавление восстания	103
Комиссия Атрешкова	114
Деятельность комиссии Атрешкова	116
III. Исследования	
Новаков С.З. Роль задунайских переселенцев в сельскохозяйственном прогрессе юга Бессарабии	123

	Стр
Русев Н.Д. Василий Дмитриевич Агура: жизнь и судьба	130
Тельши Ю.М. (Украина). Раскулачивание 1948 года в болгарских селах Измаильской области (по материалам Болградского, Ново-Ивановского и Тарутинского районов)	139
Нягулов Бл. (Болгария). Щрихи към портрета на етно-националния елит на бесарабските българи от Украйна и Молдова (1918-1991 гг.)	147
Шабашов А.В. (Украина). К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы	154
Дыханов В.Я. (Украина). Культ умерших в календарной обрядности болгар и гагаузов Украины	177
Кавалов А.И. Календарни празници и обичаи в град Твърдица, България, и в село Твардица, Република Молдова	190
Караджова М. Жилище как субъект и объект обрядовых действий населения Болгарии и болгарских переселенцев Бессарабии	202
Банкова Е.С. Детская одежда в с.Кортен Республики Молдова (конец XIX -50-е годы XXв.)	214
Челак Е. И. Ревизские сказки колонии Твардица как историко- демографический источник	219
Кара Н. В. Из истории антропологии бессарабских болгар середины XIX в.	239
Демирев Вл. (Болгария). "Преселението" на фолклорните мотиви	246
Кондов В. (Болгария). Едно интересно явление в езика на българите от Бесарабия (като резултат на морфологична интерференция между български и руски език)	257
Чимпоеш Л.С. Гагаузские народные гуляния	264

Предисловие

Настоящий сборник - дань признательности и уважения к памяти известного молдавского историка Ивана Ивановича Мещерюка, 100-летие со дня рождения которого исполняется в декабре 1999 г. Материалы сборника раскрывают личность И.И.Мещерюка в нескольких ипостасях: отца, педагога-учителя, исследователя истории и культуры болгар и гагаузов Бессарабии первой половины XIX в. Кроме того, в нем представлена разноплановая палитра содержательных работ последователей И.И.Мещерюка - ученых разных поколений: которых он учил, которые были с ним лично знакомы и ощутили на себе его личное влияние, а также те, кто только-только осваивает первые самостоятельные шаги в науке, изучая и отталкиваясь от научного наследия ученого.

В сборник включены материалы мемуарного характера, историографические и источниковые, а также научные разработки, в том числе и самого И.И.Мещерюка. Но объять необъятное невозможно. В целом, если иметь в виду научные направления, в нем преобладает этнологическая проблематика. Она сейчас наиболее актуальна в научном, политическом и общественном отношении.

Авторы не были стеснены в выборе темы и ее раскрытии на основе опубликованных исследований и новых архивных источников, а также новых подходов. Научный редактор не ставил своей целью "подправлять" того или иного исследователя. Их компетентность, как уже умудренных, так и только начинающих, не вызывает сомнений. В тех немногих случаях, когда возникали какие-либо вопросы частного характера, они разрешались посредством обсуждения.

И. И. МЕЩЕРЮК: ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

АВТОБИОГРАФИЯ Мещерюка Ивана Ивановича

Родился 29 декабря 1899 г. в г. Болграде, Измаильского уезда, Бессарабской губернии в семье рабочего, бондаря по профессии, Ивана Петровича Мещерюка. Отец работал по найму в мастерских крупных бессарабских помещиков: Захариади, Атанасиу, Радуловых, Давидовых, Княжевича и др. до своей смерти в 1925 году.

С 9-10-летнего возраста до 15 лет вместе с отцом работал по найму и в качестве ученика, а затем, с 15 до 19 лет, - подручным бондаря сезонно, в свободное от учебных занятий время.

В 1915 г. поступил в Сорокскую учительскую семинарию, единственное учебное заведение, обеспечивающее стипендией. Учился до августа 1918, после чего перевелся в Кишиневское училище в ноябре 1918 года.

В январе 1919 года, после оккупации Бессарабии, я был арестован румынами по подозрению в большевистской агитации, хотя был политически несознательным. В конце января 1919 года мне удалось бежать из-под ареста и 1 февраля 1919 года перейти Днестр у с. Кицканы, против Тирасполя, откуда выехал в Винницу. Здесь сдал досрочно экзамены по последнему курсу учительской семинарии и в марте вступил добровольцем в 1-й партизанский им. К.Маркса Подольский полк. Из 1-го партизанского полка меня вскоре откомандировали в 5 (409) Советский полк, где состоял красноармейцем до апреля, а с мая до августа 1919 года работал в ротной и батальонной школах учителем и зав. школой. В августе 1919 года меня отозвали на должность заместителя заведующего учетно-статистическим подотделом Политотдела 46 стрелковой дивизии. Отсюда летом 1920 года был откомандирован в распоряжение Поарма¹ XIII и назначен на должность инструктора культотдела Поарма и Полотбюро Реввоенсовета XIII Армии. В октябре 1920 года был назначен в Политотдел 7-й Самарской кавалерийской дивизии на должность начальника учетно-статистического подотдела и, одновременно, инструктора по школьному делу. Работая здесь до весны 1921 года, оставался беспартийным со времени вступления в ряды РККА². Весной 1921 года был принят кандидатом в члены РКП(б)

и выбыл в сентябре того же года по обвинению в коммунистической нестойкости и трусости. Мной тогда была допущена крупная ошибка, так как я не апеллировал к вышестоящим парторганам о восстановлении. Этот факт, то есть исключение, превратился в непреодолимое препятствие для попыток вступления в ряды партии вновь.

Работая по настоящее время в качестве преподавателя исторических дисциплин, ведя по сути партийно-воспитательную работу, я не имел никаких взысканий. В ноябре 1921 года политотдел 7-й Кавказской дивизии назначил меня заведующим школы 39 кавалерийского полка. На этой должности оставался до сентября 1922 г., когда по командировке Политотдела дивизии поступил на 1-й курс Винницкого института народного образования. Будучи студентом, беспартийным, я был приглашен в Подольский Губернский комитет ВКП(б) на должность секретаря учраспредотделения.

Ввиду того, что в Винницком ИНО был только факультет соввоспитания, летом 1923 года я перевелся на историческое отделение факультета профессионального образования Одесского ИНО, которое и окончил в 1926 году.

Находясь в Одесском ИНО, я принимал активное участие в общественно-политической жизни института в качестве члена профкома, культкомиссии и зав. клуба ИНО.

С 1925 года работал в различных учреждениях Одессы: техсекретарем РКК и месткома ЧООПа³, инструктором столовых мастеровских детдома № 22, им. ВЦСПС и Трудшколы № 31 до 1928 года.

В Трудшколе № 31, окончив учебу в институте, начал преподавание истории и обществоведения, совмещая подобной работой в Трудшколе № 3 и в школе ФЗУ Коморгученичества.

С 1928 года вся моя работа сосредоточивается на образовании в Мукомольном техникуме. С осени 1928 года до весны 1929 года работал по совместительству в вечерней совпартишколе Ленинского райкома ВКП(б), а в 1929-1930 г.г. - в вечернем рабочем автомеханическом техникуме и на рабфаке Мукомольного института. Работу в перечисленных учреждениях закончил весной 1931 года, после чего сконцентрировал ее в Одесском Украинском педагогическом техникуме. Здесь преподавал историю классовой борьбы и заведовал учебной частью, совмещая подобную работу на многочисленных курсах при педтехникуме. С июля 1932 года по распоряжению ОблОНО как болгарин и опытный работник вынужден был взять на себя по совместительству заведование учебной частью новосозданного тогда болгарского Педтехникума.

Одновременно с деятельностью по специальности выполнял общественную работу, как профуполномоченный, профорганизатор педколлектива, председатель культкомиссии месткома, председатель месткома № 37 Союза работников просвещения. Был инициатором, организатором и преподавателем I-х бесплатных курсов по подготовке рабочих судоремонтного завода им. А. Марта для поступления в вузы и втузы и т.п.

За активную общественную и учебную работу был многократно премирован и награжден грамотами.

В августе 1933 года решил заняться повышением собственной квалификации и поступил в аспирантуру при Московском Государственном историческом музее, которую успешно закончил в 1938 году.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук защитил при Московском институте истории, философии и литературы (протокол № 6 от 9 декабря 1937 г.).

В бытность свою аспирантом вынужден был вести преподавательскую работу, чтобы содержать семью - жену и дочь. В 1935-36 г.г. преподавал историю СССР в 1-й средней школе Ленинградского района Москвы. С 1935 по сентябрь 1938 года был и.о. доцента Сектора заочного обучения областного пединститута по историческому и литературному факультетам. В 1936/37 г. работал по совместительству научным работником Государственного музея керамики.

В сентябре 1938 года в связи с вводимой штатно-окладной системой, как незанятый в стационаре Института, я был освобожден от работы в Секторе заочного обучения.

С декабря 1938 года по февраль 1939 года временно работал в кабинете истории СССР Академии наук СССР в качестве библиографа, с марта по июнь 1939 года - научным работником в отделе письменных источников Государственного исторического музея, а с 26 июня по 31 июля 1939 года - преподавателем истории СССР на июльской сессии Сектора заочного обучения Кировского государственного пединститута.

Находясь в Москве, вел общественную работу в качестве кооперативного уполномоченного и члена ячейки МОПР⁴ Государственного исторического музея, члена ревизионной комиссии и редколлегии Государственного музея керамики.

В 1939-1940 учебном году работал по трудовому соглашению и.о. зав. кафедрой и профессором истории в Ашхабадском госпединституте. С сентября 1940 по 8 января 1941 года работал по договору и.о. зав. кафедрой и доцента истории СССР в Пятигорском Госпединституте. О своей работе имею положительные отзывы.

18 марта 1941 года ВКВШ⁵ назначил меня на постоянную работу и.о. заведующего кафедрой истории СССР и доцента в Кишиневский госпединститут.

В связи с эвакуацией 5-го июля 1941 года выехал из Кишинева в Астрахань и в местном госпединституте работал по специальности с 6 августа 1941 года по 5 сентября 1942 года, после чего эвакуировался в городе Андижан Узбекской ССР. С 1 ноября 1942 года по 25 июля 1943 года состоял методистом истории и географии Облпедкабинета при Андижанском ОблОНО и, по своему заявлению, получил назначение на работу преподавателем истории в средних школах города Андижана №№ 8 и 32. 6 декабря 1943 г. выехал в г. Грозный для работы по основной специальности в качестве доцента кафедры истории СССР госпединститута.

Отсюда реэвакуировался в Кишинев, где с 1-го сентября 1944 года состоял доцентом кафедры истории СССР госпединститута до 3-го октября 1945 года. По состоянию здоровья перешел на временную работу по договору до 17 октября 1946 года в качестве старшего научного сотрудника в Молдавский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики. После лечения вернулся на педагогическую работу и с 1 октября 1946 года по настоящее время работаю доцентом и заместителем зав. кафедрой истории СССР в государственном университете.

Со студенческих лет непрерывно вел активную общественную работу. За активную общественную и педагогическую деятельность много раз получал премии и грамоты. За все это время не имел никаких взысканий, а только положительные отзывы. 25 ноября 1949 г. Президиумом Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени. В декабре 1950 г. решением Красноармейского райкома КП Молдавии принят в члены КПСС. В настоящее время работаю над завершением своей докторской диссертации "Буджакские болгары и гагаузы в первой половине XIX в.

14 мая 1958 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Так в тексте - Политотдел армии.
2. Рабоче-крестьянская Красная Армия.
3. Так в тексте.
4. МОПР - Международное общество помощи революционерам.
5. Вероятно, Всесоюзный комитет высшей школы.

МОЙ ОТЕЦ

Как видно из автобиографии, мой отец родился 16 декабря по старому или 29 декабря по новому стилю 1899 г. Но он всегда отмечал свой день рождения 1-го января. В моей памяти, еще с раннего детства, сохранилось несколько рассказов отца, связанных с крещением и с происхождением самой фамилии отца. Мама отца, Зоя Михайловна, до самой смерти не могла простить попа, что он крестил ее сына Иваном. В нашей семье бытовало мнение о том, что мой дед, Иван Петрович, по национальности русский, находился в ссоре с попом и последний в отместку, крестил его сына именем Иван, хотя отец родился под Игнатия и по обычаю правильнее было бы дать новорожденному имя этого святого. Интересно, что мой отец не любил свое имя вплоть до Великой Отечественной войны, когда имя Иван стало символизировать победу СССР над врагом.

Фамилия отца правильно пишется Мищерук. Все наши родичи по линии деда писали так свою фамилию. И у отца она была такой до его учебы в Сорокской учительской семинарии в 1915-1918 гг., где один из учителей семинарии произносил отцовскую фамилию "Мещерюк". Именно это написание отец сохранил впоследствии за собой и своей семьей.

Между дедушкой и бабушкой не было единства относительно будущего моего отца. Дедушка был бондарем-кустарем, ему нужен был помощник, и он не особенно поощрял стремление отца к учебе. Тем не менее, он мечтал о том, чтобы сын стал машинистом. Бабушка, наоборот, мечтала и стремилась дать сыну образование и во всем помогала моему отцу.

Вообще родители отца были бедняками. Жизнь у них была трудной. О дедушке я выше сказала, а бабушка после смерти мужа в 1925 г. работала по-прежнему, не имея земли и имущества.

Отец учился сперва в начальной школе г. Болграда, а затем в Вулканештах. Учился хорошо. В летнее время с десяти-одиннадцати лет помогал дедушке бондарничать и работал на бессарабских помещиков Захариади, Давидова, Радулова, Княжевича, Атанасиу и других. В 1915 г. он поступил в Сорокскую учительскую семинарию, обеспечивавшую стипендией самых бедных, но самых способных из числа своих студентов. Таким был и мой отец. Ему назначили стипендию 15 руб. золотом, которая давала ему возможность питаться, жить на частной квартире и еще экономить 3 рубля и посылать родителям.

В августе 1918 г. отец перевелся в Винницкую учительскую семинарию, но его дальнейшая жизнь в полной мере зависела от революционных, политических и международных событий, развернувшихся в 1917 г. и в последующие годы и десятилетия в России, и, в частности, на его родине, в Бессарабии. В январе 1919 г., находясь в Бессарабии, он был арестован румынскими властями по подозрению в большевистской агитации, хотя в то время был еще "политически несознательным". Вскоре ему удалось бежать из-под ареста, у с. Кицканы переправиться через Днестр и выехать в Винницу. Сдав досрочно экзамены по последнему курсу учительской семинарии, он вступил добровольцем в 1-й партизанский отряд им. К.Маркса Подольский полк. До весны 1921 г. он служил в различных частях Красной Армии, главным образом занимаясь вопросами просвещения и культпросветработой. При этом он оставался беспартийным. Кандидатом в члены РКП (б) отец стал весной 1921 г., но уже в сентябре был исключен по необоснованному обвинению в политической неустойчивости. В то время апелляцию он не сделал. С одной стороны, это в дальнейшем являлось сильнейшим препятствием к его вступлению в члены партии вплоть до 1950 г. (поскольку не подал апелляцию, принимавшие в партию считали, что он тем самым признал обвинение правильным). Но с другой стороны, как мне представляется, оставаясь вне партии, он объективно был менее подвержен политическим обстоятельствам, развернувшимся в СССР в 30-40-е годы. Вместе с тем, именно в советское время он завершил свое образование, стал педагогом-профессионалом, ученым, то есть реализовал себя как личность. Поэтому мой отец всегда оставался её приверженцем, хотя это не помешало ему, как показывают последние публикации И.Ф.Грека, С. Ю. Страшнюка и Н.Н. Червенкова, выступать в 50-е гг. с предложениями по национально-культурному развитию болгар и гагаузов, идущим вразрез с политикой КПСС (об этом я узнала только по их публикациям; отец, как я теперь понимаю, таким образом оберегал нас с матерью).

Отец был болгарин по материнской линии. Его мать, Зоя Михайловна, была родом из Болграда. Ее девичья фамилия Милдева. Отец бабушки работал сапожником, внуку он запомнился улыбающимся и угощающим его красивыми яблоками. Он прожил до 103 лет, и в конце жизни у него в 3-й раз появились зубы.

Мой отец, выйдя из простой семьи, всегда трудившейся и всегда находившейся в стесненных жизненных обстоятельствах, приобрел такие качества, которые помогли ему в работе, в его взаимоотношениях с окружающими.

Прежде всего, он отличался огромным трудолюбием. Очень ценил время и всегда рассчитывал его не только по часам, но и по минутам. Если выпадало свободное время, то любил мастерить мебель, владел иглой, молотком, чинил бытовые приборы, малярничал, собирал радиоприемники. Работая в библиотеке Института истории АН СССР в 30-е годы, он сделал какое-то изобретение, увеличивающее производительность труда библиотекаря при обработке книги в несколько раз, но оно не было внедрено, так как приводило к сокращению штата. Он интересовался всем, что происходило в мире, много читал. Книга для него было священна, и он никогда не расставался с нею. Всегда посещал театр, филармонию, ходил в кино. Отец учился на русском и украинском языках, но знал еще болгарский, гагаузский, турецкий. Особенно красиво говорил по-украински. Мне не доводилось от кого-либо слышать такую яркую, сочную и красивую речь.

Отец был прост в общении с соседями. Дружил со многими как в своей стране, так и за рубежом. На Новый год, другие праздники он отправлял за один раз свыше 200 открыток своим близким, сослуживцам. Радовался успехам друзей и учеников. Был добрым и отзывчивым человеком, всегда готов был помочь любому, обратившемуся к нему за помощью. Если дал слово - выполнял его, был верным товарищем. Вместе с тем был строгим, справедливым и принципиальным. Знаю случаи, когда отец противился приему в институт или университет абитуриентов, не проявлявших способности к избранной профессии.

И, наконец, он был любящим отцом: чинил мне игрушки, шил сапоги, показывал звездное небо и рассказывал о далеком космосе. Ненавязчиво подсовывал мне литературу по истории, говорил, что больше меня не знает даже мой учитель по этому предмету. Тем не менее он на меня не давил. Я сама выбрала свою профессию (ботаника) и работала с удовольствием при обучении в вузе и аспирантуре. Особенно радовался, когда я показала ему свою первую статью. Он переплел ее и всем показывал.

Мой отец имел слабость к лекарствам. Очень верил в их силу, но они не всегда ему помогали. Биологическая особенность человека стареть не может быть обновлена лекарствами.

Каждый из нас в своей жизни встречается со многими людьми и вступает с ними в те или иные контакты. Большинство из них как-то скоро исчезают из памяти. Но есть такие, которые остаются в ней навсегда.

Можно с достаточной степенью уверенности сказать, что прежде всего мы запоминаем первых учителей, с которыми вступаем в общение с раннего детства. Они вместе с родителями и близкими совершают великое дело - формируют личность. Им мы многим обязаны на своем дальнейшем жизненном пути. И, конечно, важно вдвойне встретить учителя при ориентации на исследовательскую деятельность. Эта ориентация и дальнейшее становление научного работника очень и очень зависит от того, кто из наставников стоит с тобой рядом. А начинается такой процесс у студентов с первого курса учебы в вузе.

У гуманитариев, особенно у обществоведов, без помощи и содействия умудренных опытом ученых-педагогов практически невозможно стать самостоятельным исследователем.

К тому же преподаватели, доценты, профессора должны обладать даром проникать во внутренний мир студентов. Как говорят, студент - это «ищущая душа» и с ним надо обращаться бережно, предусмотрительно. И, разумеется, наставники должны обладать широкой и глубокой осведомленностью в науке. Ведь студенты уже взрослые люди и они высоко ценят и уважают тех, кто обладает большим багажом знаний и делится этим своим богатством с ними.

Вот к такой категории учителей относился Иван Иванович Мещеряк. Он обладал широкомасштабной эрудицией и к тому же был педагогом по призванию.

Впервые я узнал Ивана Ивановича в 1947 г., когда поступил в Кишиневский государственный университет. Тогда этот университет был еще очень молодым, «новым» (учрежден осенью 1946 г.). Контингент студентов был особенным: большую прослойку составляли недавние фронтовики, севшие за столы в аудиториях еще в гимнастерках и шинелях, то есть закаленные на фронте, которые учились не потому, что так хотели их родители. А времена тогда были еще суровые: продолжала действовать карточная система, общежития отличались крайней неблагоустроенностью.

Я поступил на историческое отделение историко-филологического факультета. И в числе первых преподавателей увидел и услышал Ивана Ивановича. Он вел курс древней и средневековой истории СССР -

читал лекции и руководил первым в моей жизни научным семинаром. Лекции его были тщательно продуманными, он читал их внятно, с "душой" и давал нам возможность записывать услышанное. Еще до войны мне удалось недолго учиться в одном из московских пединститутов, но в конце войны я был призван в армию, а потом - фронты, фронты...

Сравнивая уровень лекций московских доцентов и профессоров и Ивана Ивановича, я убедился, что он был преподавателем той московской профессуры, которая всегда отличалась необычайной эрудицией и педагогическим мастерством. Иван Иванович много лет работал в Москве научным работником.

На 1-м курсе в Кишиневском университете я впервые стал общаться (конечно, как и другие студенты) к навыкам исследовательской работы, к научному анализу исторических источников. Иван Иванович на семинаре учил нас, как надо читать, понимать и осмысливать источники. Мы вместе с ним детально знакомились с "Русской правдой" - замечательным документом раннего периода Киевской Руси. Помнится, Иван Иванович очень внимательно, серьезно-пристрастно слушал наши выступления, напоминая первые шаги младенца. Особенно неодобрительно относился к тем, кто начинал со слов "нам известно..." и т.д. Иван Иванович терпеливо внушал, что пока, мягко говоря, нам "ничего не известно".

Сдавали мы ему и зачеты и экзамены, памятуя о его требовательности и широких знаниях. Но закончился 1-й курс, и преподаватели сменились в соответствии с учебной программой. Однако с Иван Ивановичем судьба связала меня на долгие годы. На 2-м курсе он привлек меня к работе в архиве и учил читать документы (а это давалось непросто). Передо мной раскрывалась не придуманная кем-то история, а события, какими они были на самом деле. На 3-м курсе я "помогал" Михаилу Павловичу Мунтяну выявлять и фиксировать на бумаге материалы по крестьянскому движению в Бессарабии 1 половины XIX в.

В конце моей учебы в университете Иван Иванович уехал в Москву в докторантуру, а по возвращении в Кишинев снова привлек меня к выявлению документов - уже по его теме: он изучал историю "задунайских переселенцев" (преимущественно - болгар и гагаузов) в I половине XIX в. Это исследование вылилось в ряд монографических работ, опубликованных потом в научных изданиях.

В 1957 г. я был принят в аспирантуру при кафедре истории СССР родного университета. Заведовал кафедрой Я.С.Гросул (он же мой научный руководитель), а его заместителем был И.И.Мещерюк, так что я снова оказался в контакте с ним. Будучи аспирантом, я

приглашался им к ознакомлению с текстами (машинописными) его монографий и статей. Но и это еще не все: Иван Иванович поделился со мной методикой исследования и написания больших работ и дал мне посмотреть свою обширную картотеку документальных материалов.

Помнится, при издании первой монографии Ивана Ивановича - мы читали уже гранки - я сказал ему, что бывшие болгарские колонисты не находились в крепостной зависимости от помещиков. А он делал акцент именно на "антикрепостническую борьбу". Иван Иванович согласился со мной, но сказал, что книга уже набрана и менять текст с учетом этого замечания издательство ему не позволит. Так и осталась монография с такой концепцией.

Шли годы, образовалась АН МССР, а в ней Институт истории. Меня туда приняли в апреле 1957 г. (за 8 месяцев до окончания аспирантуры) и подключили к подготовке большого сборника документов - это заняло много лет. Иван Иванович ушел из университета в наш институт, продолжая трудиться над третьей монографией. Мы оказались в одном отделе. Один раз ездили вместе на сессию симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

В отделе обсуждали главы его монографии и всю работу в целом. Это, без прикрас, можно сказать, капитальное исследование - итог его многолетней научной деятельности. Я защищал кандидатскую диссертацию в 1964 г. Выступало много ученых высокого общественного уровня, и в их ряду Иван Иванович.

Потом он ушел на пенсию окончательно - было ему тогда под 70. Через два года скончался.

Мы его всегда помним. Жизненный путь его не был усыпан розами, подвергался он и давлению "специальных органов", но устоял в жизни, не согнулся. Это был чрезвычайно трудолюбивый человек, "пахарь от науки". Многим студентам он помог приобщиться к знаниям, оставил в них неизгладимый след. Его монографии - это "рукотворный памятник". Мы, его ученики, чтим своего учителя.

* * *

Историческая концепция И.И.Мещерюка по проблемам сложной судьбы болгар и гагаузов, переселившихся в пределы Российской империи (или, как её теперь называют, "исторической России"), изложена в ряде книг, статей, научных докладов и очерков. Наиболее концентрированно массовая миграция бывших "задунайских переселенцев", куда входили болгары и гагаузы как основной контингент и представители других этносов Балканского полуострова -

греки, албанцы, сербы, цыгане и др., изложена в монографии "Переселение болгар в Южную Бессарабию (1828-1834 гг.)", изданной в Кишиневе в 1965 г. На базе большого корпуса документов автор показал всю сложность массового выхода переселенцев из-за Дуная, процесс их устройства, трудности "вживания" в новую среду.

Книга настолько аргументирована, выводы автора глубоко продуманы, изложение материалов настолько доказательно, что теперь нет необходимости возвращаться к тем аспектам, которые основательно проанализированы И.И. Мещерюком. Причем автор не стремился "приглаживать" историческую ситуацию тех лет.

Главным, фундаментальным научным исследованием И.И. Мещерюка, безусловно, является его монография "Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1808-1856)", вышедшая в 1970 г. объемом в 22 печатных листа. В ее четырех главах освещены следующие проблемы: устройство задунайских переселенцев, их социально-правовое положение, развитие отраслей народного хозяйства, становление и развитие капиталистических отношений в колониях.

Сразу оговоримся, что И.И. Мещерюк вроде бы ограничил категорию колонистов двумя диаспорами - болгарами и гагаузами (как можно судить по названию монографии), но конкретные сведения включают и селения молдаван, албанцев, украинцев - они входили в округа задунайских переселенцев и в общей сложности оставляли до 20 процентов всей численности колонистов "болгарского водворения".

Хронологически конкретное изложение охватывает время от начала массовой миграции в Россию до Парижского мира 1856 г. Конечная грань исследования - 1856 г. - трагический рубеж в истории задунайских переселенцев. Из-за поражения России в Крымской войне 1853-1856 гг. (а против нее были обрушены огромные военные силы - сухопутные и морские - коалиции четырех держав) ее "отодвинули" от Дуная и лишили Черноморского флота. Она лишилась Подунавья, и за новой границей осталось около половины населения колонистов. В начале

60-х гг. из Подунавья многие тысячи колонистов устремились на восток со своих обжитых с большим трудом мест. И.И. Мещерюк остановился на пороге этой грани. Его последователи и продолжатели истории "болгарского водворения" отталкиваются от капитального исследования И.И. Мещерюка.

Очень обстоятельно в книге освещены отрасли сельского хозяйства, ремесла и промыслов. И, конечно, исключительное научное значение имеет глава "Зарождение и развитие капиталистических отношений в колониях". В начале 70-х гг. проблема генезиса капитализма в России,

кризиса феодальной системы в Российской империи широко дискутировалась в среде историков, экономистов, социологов, философов. Этим занимались многие специалисты, группировавшиеся вокруг симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, научных советов по проблеме генезиса капитализма, по многоукладности экономики России, по военно-феодалному характеру империализма в России и др.

И.И. Мещерюк принимал участие в сессиях симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, в конференциях историков-балканистов и др.

В монографии он изложил свою концепцию формирования буржуазных отношений в разряде крестьян - задунайских переселенцев. Ясно, что все проанализированные им данные и его выводы сводятся к заключению о развитии определенного слоя колонистов ("аграриев") по капиталистическому пути. Он дал аргументированное толкование причин, тормозивших пути широкого становления капиталистического уклада в исследуемом им регионе. Но на этом И.И. Мещерюк остановился, воздержавшись от конкретного определения их путей. А их было здесь два, соседствовавших в округах задунайских переселенцев: американский и грессбауэрский. И, рассматривая последующую историю этого разряда сельского населения, следует сказать, что последствия Крымской войны и рассечение колонистских округов пополам отодвинули поступательное, прогрессивное развитие колоний на ряд десятилетий.

Продолжая исследование проблем, начатых И.И. Мещерюком, историки отталкиваются от его трудов и мыслей. Его труды нельзя обойти, нельзя замолчать, настолько они серьезны, богато оснащены источниками, основательно осмыслены. Но жил он и трудился под давлением идеологического пресса, с которым нельзя было не считаться, поэтому в его, безусловно, серьезных книгах, замечается некоторая недоговоренность. Сам он вышел из семьи переселенца, знал свою диаспору, уважительно к ней относился и с глубоким душевным настроем хотел добра в исторической перспективе.

Книги И.И. Мещерюка, посвященные теперь уже давней истории "задунайских переселенцев", прочно вошли в историографию не только Республики Молдова, но и Балкан.

Грек И.Ф.

**И.И.МЕЩЕРЮК - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ И
КУЛЬТУРЫ БОЛГАР И ГАГАУЗОВ
БЕССАРАБИИ, ИХ НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ-ВОЗРОЖДЕНЕЦ СЕРЕДИНЫ ХХ СТОЛЕТИЯ**

Научной деятельностью И.И.Мещерюк занялся сравнительно поздно. В 34 года поступил в аспирантуру, в 38 защитил кандидатскую диссертацию "Заселение степной Украины. 1774-1788 г.г.". Она не была опубликована, нет и автореферата: тогда было принято при защите выступать с докладом. После присвоения степени кандидата исторических наук молодой ученый вернулся к преподавательской деятельности. Первые его газетные публикации были далеки от болгарско-гагаузской проблематики и чаще всего были связаны с его конкретной учебно-преподавательской работой или с актуализированными Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. русско-немецкими отношениями в средневековой истории: "Киевское государство в IX-XI вв.", "Слитовцами против немцев-рыцарей"², "Шивинский разгром немцев-рыцарей"³. Вернувшись в Молдавию, начал трудиться в Кишиневском госпединституте в должности доцента кафедры истории СССР (август 1944 - октябрь 1945) и в течение 1945-1946 гг. в республиканских газетах ("Советская Молдавия", "Молдова Социалистэ" и "Тинеримя Молдовей") появились пять его статей по изучению археологии Молдавии и данных археологических раскопок.

Сказанное не означает, что Иван Иванович не проявлял интереса - общественного и научного - к болгарскому и гагаузскому населению Молдовы и Украины. По матери он болгарин, детские и юношеские годы провел среди болгар и гагаузов Болграда и Вулканешт. В 20-е - первой половине 30-х годов работал в учебных заведениях Одессы, в которых подготавливались национальные кадры из приазовских, одесских, крымских болгар для работы в национальных районах и сельских советах, населенных болгарам. Работая над кандидатской диссертацией, он не мог пройти мимо литературных и документальных источников с сюжетами о первых компактных поселениях выходцев из-за Дуная в Новороссии. Необходим был какой-то толчок, чтобы подспудно накапливаемая информация оказала существенное влияние на формирование нового для И.И.Мещерюка научного интереса. Им стал переход ученого на работу старшим научным сотрудником в Молдавский

научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики Молдавской базы АН СССР в октябре 1945 г. (Согласно записи в трудовой книжке И.И. Мещерюк был освобожден от занимаемой должности в ноябре 1946 г. в связи с переходом на работу в Кишиневский госуниверситет. Но, судя по рассказам дочери Галины Ивановны и Ивана Антоновича Анцупова, он не уходил из создаваемого научно-го центра, а работал в нем по совместительству).

Первоначально И.И. Мещерюк вышел на практические проблемы национально-культурного развития гагаузского населения Молдовы и Украины в послевоенное время. В личном архиве ученого бережно сохраненном дочерью Галиной Ивановной и любезно предоставленном ею автору данной статьи, сохранилась интересная переписка, частично освещающая зарождение в СССР научного и общественного интереса к гагаузам и роль в этом Мещерюка.

16 сентября 1946 года старший научный референт вице-президента АН СССР академика В.П. Волгина и В.В. Альтман пишет И.И. Мещерюку письмо, являющееся официальным ответом на его письмо от 16 августа того же года. В нем говорится: "По поручению вице-президента Академии наук СССР академика В.П. Волгина сообщаю по поднятому Вами вопросу об организации гагаузоведения следующее. Получив докладную записку (в личном архиве ученого не обнаружена - И.Г.) с заключением члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева, академик В. П. Волгин в своей резолюции указал: "Считаю необходимым организовать изучение гагаузов в Молдавской базе, выделив на это дело - на первых порах - хотя бы одну штатную единицу". Одновременно акад. В.П. Волгин поручил ученому секретарю Отделения литературы и языка составить конкретный проект предложения по данному вопросу". Менее чем через месяц, 8 октября 1946 г., сам В.П. Волгин как директор Молдавской базы АН СССР пишет ученому секретарю этой базы Л.С. Мацюку: "Придавая большое значение изучению этнографии, фольклора, истории и языка гагаузов, Бюро Отделения литературы и языка АН СССР организовало особую комиссию в составе следующих специалистов: чл.- корр. АН СССР Н.К. Дмитриева, кандидата исторических наук С. Б. Бернштейна и кандидата исторических наук И.И. Мещерюка. Секретарем комиссии предполагается привлечь ст. преподавателя филологического факультета МГУ В.П. Арабаджи.

Комиссия считает необходимым участие в работе Молдавской базы АН. Ввиду изложенного, прошу Вас принять меры к тому, чтобы Институт истории, языка и литературы включил в план своих работ вопросы гагаузоведения. Для обеспечения выполнения этих работ не-

обходимо выделить одну штатную единицу ст. научного сотрудника, переключив на эту работу т. Мещерюка, и предусмотреть в смете Института соответствующие средства на аккордную оплату секретаря комиссии и на проведение экспедиционных работ". Деловой тон и научно-организационный характер переписки продолжает письмо В.П. Волгина к И.И. Мещерюку от 30.12.1946 г. за № 31-502: "Уважаемый т. Мещерюк! Придавая большое значение изучению вопросов гагаузоведения, я предложил включить их в план работы Института истории, языка и литературы на 1947 г. Ученому секретарю базы, как Вы знаете, дано указание о выделении одной штатной единицы для работника по вопросам гагаузоведения. Эта директива будет повторена после утверждения штатного расписания Молдавской базы. Работу эту необходимо серьезно поставить, начиная с 1947 г."

Последнее письмо, сохранившееся среди других биографических документов ученого у его дочери, датировано 2.06 1947 г. Ученый секретарь Отделения литературы и языка АН СССР профессор Н.Ф. Бельчиков извещает Московское отделение Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР (копия - Н. К. Дмитриеву, С. Б. Бернштейну и И.И. Мещерюку): "Бюро Отделения литературы и языка АН СССР сообщает Вам, что мероприятия, предложенные по организации изучения этнографии, фольклора, истории и языка гагаузов, утвержденные вице-президентом АН СССР В.П. Волгиным и Молдавской базе предложено выделить одну штатную единицу для И. И. Мещерюка". Далее в письме сообщается об утверждении состава комиссии по гагаузоведению, которая "должна приступить к работе".

Мы так подробно и полно процитировали документы, приоткрывающие одну из неизвестных страниц общественной и научно-организационной деятельности И.И. Мещерюка, так как они показывают: именно он поднимает во второй половине 1946 г. вопрос о гагаузоведении как о научной дисциплине и получает поддержку со стороны АН СССР; именно ему поручают заняться в рамках Молдавской базы АН СССР научно-организационной и научно-исследовательской деятельностью в области гагаузоведения (нам представляется, что результаты работы Комиссии по гагаузоведению были учтены партийным и государственным руководством СССР при решении вопросов по гагаузской письменности и гагаузскому языку в конце 40-х годов); именно в это время появляются его первые публикации по гагаузской проблематике⁴, тогда же он пишет статью "Гагаузы", она была помещена в девятом томе "Большой Советской энциклопедии", который вышел в свет в начале 50-х годов (авторство И.И. Мещерюка устанавливается на основании "Списка научных трудов", составленного им самим в конце 60-х годов - И.Г.).

Вторая половина 40-х годов - время окончательного оформления приоритетности болгаро-гагаузской проблематики в затянувшемся поиске Мещерюка своей темы исследования. Об этом свидетельствует его решение поступить в докторантуру, которое было официально оформлено приказом Министерства Высшего образования СССР за № А-3-05-73 от 3 ноября 1949 г., и его первая серьезная научная публикация "Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 20-е гг. XIX столетия"⁵.

Тема докторской диссертации - болгары и гагаузы Бессарабии. Первоначально ее хронологические рамки определялись началом XIX в. - 1878 г. Затем верхняя граница была уточнена и намечалось остановиться на 1856 году. Утвержденное название диссертации: "Болгары и гагаузы Буджака в первой половине XIX века". Но отведенного срока докторантуры все равно не хватило, чтобы завершить работу над диссертацией. К тому же ряд освещаемых автором проблем истории и культуры никак не гармонировали с господствовавшим тогда догматическим пониманием марксистско-ленинской методологии и вызывали негативную реакцию у научной общественности.

И.И. Мещерюк, отказавшись от защиты докторской диссертации, не отступил от реализации своего научного замысла - всестороннего освещения полувековой истории болгарских и гагаузских переселенцев Бессарабии. Над этим он работал 20 лет, последняя его публикация вышла в 1970 году. Воплощал он свой замысел главным образом в монографических работах, требующих основательного знания научных публикаций, привлечения нового архивного материала, долгого и кропотливого труда по их написанию, шлифовке и подготовке рукописей к изданию. Ученый опубликовал три монографии⁶. Кроме того, в научных, научно-популярных журналах и в сборниках увидели свет его статьи (их более десятка), которые так или иначе были связаны с проблемами, рассматриваемыми учеными в монографических работах. В машинописи остались две работы И.И. Мещерюка, общим объемом примерно в 260-270 страниц текста (12 а.л.). Они органически связаны с темой его докторской диссертации и названы автором "Культура и просвещение" и "Массовое движение в поселениях (1842-1844 гг.)". Объем изданного только в отдельных монографиях и подготовленного к публикации материала в виде монографий составляет примерно 55 печатных листов. Таков научный вклад И.И. Мещерюка в разработку проблем болгарского и гагаузского населения Бессарабии первой половины XIX века, если иметь в виду количественную его сторону.

Проблематика, исследуемая молдавским болгаристом-гагаузоведом, достаточно обширна. Одна из проблем, на первый взгляд кажу-

щаяся для него второстепенной, затрагивала вопросы этногенеза гагаузов.

До И.И. Мещерюка в специальной литературе выходцы из-за Дуная, поселившиеся в Бессарабии, назывались по-разному: болгарские переселенцы, бессарабские болгары, болгарское водворение в Бессарабии, задунайские переселенцы. Использование таких понятий-словосочетаний имело под собой основание. Они подчеркивали преобладание среди переселенцев из-за Дуная болгарского этнического, этнографического компонента или указывали на социально-правовую особенность их устройства в крае. И.И. Мещерюк делает в своих работах акцент на этническую специфику переселенцев, выделяя из их общей массы гагаузов. Не случайно он даже в названиях своих работ подчеркивает этот момент: "Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар...", "Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел...", "Болгарские и гагаузские поселения...". Это закономерный результат повышенного научно-гражданского интереса, проявленного им еще в 1946 г., к гагаузам. Гагаузский аспект в работах И.И. Мещерюка присутствует в разных ипостасях, но так или иначе связан с этногенезом гагаузов, этнонимом "гагауз" и глотонимом "гагаузский язык". Уже в первой своей газетной публикации "Гагаузский дин Република Молдовеняскэ"⁷ он указывает на то, что "гагаузы - это народ, по сегодняшним данным, вероятно, происхождения тюркского; родственник современным узбекам, каракалпакам. Гагаузы, жившие на протяжении веков под турецкой властью, заимствовали много турецких слов". То есть ученый признает: гагаузы - турки, их язык, несмотря на турецкие заимствования, из тюркской группы языков со своими особенностями.

Вторая его газетная статья, также опубликованная на молдавском языке ("Карей провениря гэгэужилор" - Цэранул советик, 18 июня 1947), посвящена вопросу о происхождении гагаузов.

В статье "Гагаузы"⁸ И.И. Мещерюк достаточно определенно высказывается о глотониме, утверждая, что "гагаузы говорят на особом гагаузском языке, который относится к тюркской языковой группе". Здесь он также затрагивает сложную научную проблему этногенеза гагаузов. Говоря о процессе формирования этноса, он, в отличие от предыдущей своей позиции 1947 г., приводит две гипотезы этногенеза гагаузов: огузскую и смешанную. По второй гипотезе "основная масса гагаузов состоит из потомков болгар (славяно-болгар - И.Г.), насильственно отуреченных во времена господства султанской Турции на Балканах (14 - 19 вв.), но сохранивших православное вероисповедание; по этой гипотезе, в состав гагаузов вошли незначительные остатки

тюркских племен". Что касается этнических процессов, происходящих в среде бессарабских гагаузов, то он подчеркивает: "Этнические особенности гагаузов, бывшие еще заметными в 19 в., постепенно уступают место этнической общности"⁹.

В своей первой монографии ученый вновь возвращается к вопросу о происхождении гагаузов. В ней он приводит несколько гипотез их этногенеза (отуреченные болгары, потомки половцев-куманов и других тюркских племен, потомки малоазиатских тюрко-сельджукских племен), в том числе и смешанную, но занимает по отношению к последней не отстраненное, как прежде, соотношение, а дает понять, что является ее сторонником: "Автор настоящей работы располагает некоторыми основаниями считать основную часть гагаузов отуреченными болгарскими, с которыми слилась часть тюркоязычного населения, поселившегося в Добрудже в XIII-XIV вв."¹⁰. И.И. Мещерюк склонен был считать, что гагаузский этнос на этапе своего раннего формирования состоял из двух этнических компонентов: славяно-болгарского и тюркского. Необходимо, однако, подчеркнуть, что специально этногенезом гагаузов он не занимался. Исторический материал о судьбе болгарского народа в период пятивекового османского господства на его землях (насильственная ассимиляция и исламизация), несомненно, давал И.И. Мещерюку основание считать, что часть славяно-болгар "спрятались" в гагаузской среде, и это была скрытая форма самозащиты своего православного вероисповедания, объективно оберегающая и их этническое происхождение. Добровольно избранная форма "сознательного отуречивания" ("язык переменим, но не веру") не приводила к утере самосознания, забвению своего болгарского происхождения.

Отстаивая присутствие болгар-славян в гагаузском этносе еще на раннем этапе его формирования, (ссылаясь при этом на мнение Г. Занетова и Д. Чакира - гагаузов по происхождению), И.И. Мещерюк неоднократно подчеркивал, что "окончательные выводы по данному вопросу станут возможны только в результате объединенных усилий историков, этнографов, лингвистов, антропологов и других представителей науки"¹¹, "затронутый вопрос ждет своего разрешения, которому должны уделить внимание специалисты ряда научных дисциплин"¹².

Достаточно много внимания в работах И.И. Мещерюка уделено выявлению и выделению гагаузского компонента в общей массе выходцев из-за Дуная еще на этапе переселения и основания болгаро-гагаузских поселений в южной Бессарабии. В своей второй монографии, посвященной массовому переселению болгар в конце 20-х - начале 30-х гг. XIX в., он анализирует ту часть эмиграции, которая считала себя греками по происхождению. И приходит к выводу: небольшая их часть дей-

ствительно была греками, а основная - греко-болгарами (огреченные болгары или грекоманы) и гагаузами. Споря с В.А. Мошковым, молдавский историк утверждает: "Среди новых поселенцев были болгары и гагаузы. При этом, как правило, болгары приселялись к своим соотечественникам, жившим отдельными селами, а гагаузы - к гагаузам, жившим в старых селах"¹³. Болгары-переселенцы основали тогда еще около трех десятков новых сел, гагаузы новых поселений не основали и поэтому были причислены к гагаузским поселениям, возникшим в XVIII- начале XIX в. И.И. Мещерюк - первый среди русских, советских, болгарских историков, кто разграничил выходцев из-за Дуная на болгар и гагаузов, кто указал на то, что они основали в южной Бессарабии колонии как болгарские или гагаузские, так и смешанные. К последним он относит Табак, Еникой, Кайраклию (с. Лошиновка Одесской области Украины), Каракурт, Кирсово, Кубей, Курчи, Ташбунар. В них болгары и гагаузы до середины XIX в. составляли примерно по половине населения. Но были и поселения, в которых болгары или гагаузы составляли меньшинство (автор не приводит названия этих сел), которое постепенно ассимилировалось большинством¹⁴. Важная особенность научного подхода И.И. Мещерюка к гагаузской теме состоит в том, что, разделяя гипотезу о дихотомичности гагаузского этноса (гагаузы - турки и гагаузы - славяно-болгары), он как бы оставляет это их этническое свойство в рамках их истории на Балканах, на болгарских землях. В пределах же бессарабских "задунайских переселенцев" он, как это ни парадоксально, снимает с гагаузов дихотомичную оболочку их происхождения и четко придерживается другого подхода: болгары - это болгары, а гагаузы - это гагаузы. Когда он рассматривал этнообразующий фактор "задунайских переселенцев", то фиксировал, что среди них "преобладали болгары", составлявшие к 40-м годам XIX в. "47,7 процента населения. За ними первое место по численности занимали гагаузы - 34,1 процента, затем молдаване - 14,6 процента" и т.д.¹⁵ Давая свое объяснение, почему Петербург, решая вопрос об устройстве выходцев из-за Дуная в Буджаке, остановился на животноводческом направлении их хозяйственного развития, автор вновь акцентирует внимание читателя на особенностях этногенетических традиций двух главных составляющих "задунайских переселенцев". "... Гагаузы легче всего могли быть использованы в скотоводстве, как имевшие большой, с давних времен сохранившийся опыт... У гагаузов, - соглашается И.И. Мещерюк с В.А. Мошковым, - чрезвычайно дифференцированы названия, даваемые животным, что могло иметь место у народа, который уделял скотоводству максимальное внимание на протяжении долгих столетий.

Болгары, хотя и в меньшей степени, также могли быть заинтересованными в развитии скотоводства, с которым они были хорошо знакомы у себя на родине"¹⁶.

Много места в работах И.И. Мещерюка занимает география выселения болгар и гагаузов из болгарских земель и их расселения в Южной Бессарабии. При этом его интересует не столько регион эмиграции (в принципе в литературе XIX - начале XX в. он уже был определен - северо-восточная зона болгарских земель и Фракии), сколько каждое конкретное село или город, подвергшиеся этническому опустошению, с одной стороны, и давшие наибольшее число болгарских и гагаузских переселенцев в Пруто-Днестровском междуречье, с другой. Вторая монография молдавского историка посвящена вопросам эмиграции и устройства второй массовой волны переселенцев из-за Дуная в Бессарабию. При этом впервые подробно рассмотрено, из каких населенных пунктов Болгарии произошло бегство населения на север от Дуная¹⁷, какие поселения были основаны тогда болгарами¹⁸, как сложилась судьба болгар и гагаузов - жителей Варны, Сливена, Ямбола, Котела, Анхияло, Бургаса, Новой Загоры, также эмигрировавших в южную Бессарабию¹⁹. Книга снабжена двумя ценными картами. Первая озаглавлена "Города и села юго-восточной Болгарии, жители которых переселились в Россию, Валахию и Молдавию в 1828-1834 гг.". Несмотря на отдельные неточности (например, село Гюльмян названо Дюльмен и указано на карте достаточно отдаленным от Ямбола в юго-восточном направлении, в то время как оно расположено западнее Ямбола всего в нескольких километрах от него), карта дает впечатляющее наглядное представление о масштабах географии болгарских земель во Фракии, охваченных эмиграцией населения.

Вторая карта - "Колонии задунайских переселенцев в южной Бессарабии" - дает представление о географии болгарских и гагаузских поселений, основанных или заселенных выходцами из-за Дуная на протяжении второй половины XVIII - первой трети XIX в., особенно в период первого (И.И. Мещерюк определяет его 1809-1822 гг.) и второго (1828-1834 гг.) массового переселения в Буджак.

Проблема переселения болгар и гагаузов тесно увязана И.И. Мещерюком с балканской политикой официальной России²⁰. По сравнению с предшественниками он отстаивает - и справедливо - достаточно жесткую оценку балканской политики Петербурга, не затушевывает стратегические геополитические цели царизма в Северном Причерноморье и на Балканах, реализуемые, в частности, и посредством территориальных приобретений, но одновременно верно подчеркивает объективно прогрессивную роль России в освобождении народов Балканского по-

луострова, в том числе и болгарского, от многовекового османского порабощения. Балканская геополитическая стратегия России диктовала ей необходимость проведения особой внутренней политики в Бессарабии, прямо или косвенно затрагивавшей интересы ее новых граждан - болгар и гагаузов. Она была реализована при решении вопросов социально-правового и экономического устройств задунайских переселенцев. Именно в исследовании этих проблем заслуга И.И. Мещерюка перед исторической наукой о болгарях и гагаузах Бессарабии неоспорима.

Если говорить о социально-правовом аспекте проблемы, наиболее полно и комплексно рассмотренной в "Антикрепостнической борьбе...", то молдавский советский историк аргументированно доказал следующее. Выходцы из-за Дуная активно сопротивлялись попыткам их устройства в Буджаке на правах "природным российско-поданным предписанных", а также на условиях местных, бессарабских правил и обычаев. Переселенцы настаивали на своем социально-правовом устройстве на правах Донского казачьего войска. Сама идея эта была заложена в известном обращении М.И. Кутузова от 26 апреля 1811 г., в ней предусматривались определенные льготы и административно-хозяйственная независимость болгар и гагаузов от бессарабских органов власти всех уровней. Петербург должен был найти такую модель социально-правового устройства, которая позволяла учитывать их автономные настроения и устремления, с одной стороны, и в наибольшей степени отвечала стратегической балканской политике, с другой. В результате длительного, почти десятилетнего, поиска, подталкиваемого непрерывающимся давлением со стороны выходцев из-за Дуная, власти в самом конце 1819 г. решили распространить на них российское законодательство об иностранных переселенцах. Колонистские права и привилегии обеспечивали им административно-территориальную автономию, прямое подчинение северной столице посредством специально созданного Попечительского комитета об иностранных поселенцах южного края России, освобождение от воинской повинности, наделение каждой семьи 60-ю десятинами земли, отданной в вечное потомственное владение, обеспечивающее на первых порах хозяйственное благополучие, что ставило их в социально-экономическом отношении в лучшее положение, чем то, в котором находились другие разряды крестьян Бессарабии.

Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских поселений южной Бессарабии в первой половине XIX в. наиболее полно, глубоко и комплексно рассмотрено И.И. Мещерюком в его последней монографии, вышедшей в 1970 г.²¹ Книга сейчас является почти библио-

графической редкостью, слабо представлена в книжных фондах библиотек в болгарских и гагаузских селах Молдовы и Украины. Не известна краеведам, музейным работникам, учителям общественных дисциплин школ указанных сел. Между тем, без этой книги невозможно вести краеведческую и преподавательскую работу среди болгар и гагаузов. А также объективно трактовать их социально-экономическое положение того времени.

В книге освещены два блока проблем: социальный и хозяйственный. Рассматривая социальное положение, И.И. Мещерюк обращает внимание на такие его составляющие, как социально-правовой статус, аграрные отношения, обеспеченность "задунайских переселенцев" орудиями и средствами сельскохозяйственного производства. Он анализирует процесс зарождения и становления капиталистических элементов в феодальных производственных отношениях в колониистской деревне, показывая превращения имущественного неравенства среди болгар и гагаузов в социальное расслоение и образование трех социальных групп населения (бедняков, середняков и зажиточных колониистов), а также выявляя систему хозяйствования, усиливающую проникновение товарно-денежных отношений в болгаро-гагаузские поселения и постепенно разрушающую там феодально-производственные отношения (появление крупных хозяйств на свободных и оброчных землях в границах Управления задунайскими переселенцами, на арендованных и купленных у бессарабских помещиков землях, использование в них наемного труда колониистов-бедняков, крепостных крестьян, дезертиров, пришлых вольнонаемных рабочих и десятнищиков). Сдерживающим фактором ускорения и углубления капитализации болгаро-гагаузской деревни выступил феодальный порядок землепользования, хотя и он не смог предотвратить сокращение земельной обеспеченности на душу ревизского населения, появление значительного числа безнадельных семей среди болгар и гагаузов. Противоречивый характер экономического развития колоний "задунайских переселенцев" привел к появлению первых признаков или симптомов кризиса в самой сельской общине болгар и гагаузов, одним из которых следует считать стремление колониистов заменить общинное землепользование на подворно-общинное. Вместе с тем И.И. Мещерюк, как нам представляется, несколько завышал уровень и степень проникновения капиталистических элементов в колонию болгар и гагаузов в Буджаке, поскольку купля-продажа земли в пределах Управления задунайскими переселенцами не разрешалась, а резервная колониистская земля непрерывно сокращалась из-за наделения ею новых ревизских семей.

Подробнейшим образом в монографии рассмотрено народно-хозяйственное развитие болгарских и гагаузских поселений в южной Бесса-

рабии. Колонистские хозяйства были многоотраслевыми. Каждая семья занималась животноводством, хлебопашеством, виноградарством и виноделием, садоводством и огородничеством. Определенное развитие получили шелководство и пчеловодство. Основные сельскохозяйственные отрасли развивались на экстенсивной основе. Вместе с тем, И.И. Мещерюк замечает и первые признаки хозяйственной переориентации на интенсификацию сельскохозяйственного производства. Межхозяйственная эволюция, внедрение озимых сортов зерновых культур, увеличение в животноводстве доли новых пород - цыгайских и меринских овец, открытие первых конных заводов с целью распространения в колониях новых пород лошадей, внедрение новых сортов винограда, плодовых деревьев, наконец, расширение площади земельных угодий под выращивание культур, которые принято относить к интенсивным, то есть под виноград, овощи и фрукты - все это объективные предпосылки приспособления болгар и гагаузов к новым условиям хозяйствования в Буджаке, движение в сторону полукстенсивного и полуготоварного животноводства и земледелия. Хотя до правильных севооборотов в растениеводстве, внедрения пара, использования в земледелии органических и неорганических удобрений, селекции в животноводстве и земледелии, технического переоснащения сельскохозяйственного производства было еще очень далеко. В целом в первой половине XIX в. сохранялась полная зависимость основных отраслей хозяйствования болгар и гагаузов от природных условий Буджака, заметным было снижение плодородия почв, падала урожайность сельскохозяйственных культур. Нарастали кризисные явления в аграрных отношениях в болгаро-гагаузских поселениях.

В специальной, небольшой по объему, главе И.И. Мещерюк рассматривает состояние домашних промыслов, ремесел и мелких промышленных предприятий в болгарских и гагаузских поселениях в южной Бессарабии. Он выделяет два периода в их развитии. Первый охватывает первую четверть XIX в. Ремесленники первой массовой волны эмиграции в подавляющем своем большинстве не смогли сохранить свой социальный статус. Животноводческо-земледельческое направление развития колоний задунайских переселенцев заставило многих из них получить земельный надел и вернуться к производству сельскохозяйственной продукции. Неземледельческие их занятия имели вспомогательный и натуральный характер, призванный удовлетворить бытовую семейную нужду: обути и одеть ее членов, украсить комнаты дорожками и коврами собственного производства, переработать зерно на муку, обеспечить себя свечами, мылом, строительным материалом, тарой для вина и домашних солений и т.д.

Второе массовое переселение конца 20-х - начала 30-х гг. XIX в. привело к появлению в болгарских и гагаузских селах Буджака людей, занимающихся только или почти только ремесленничеством. И.И. Мещерюк приводит данные, показывающие рост числа сапожников, портных, бондарей, плотников, кожевников, скорняжков, красильщиков, каменщиков, кузнецов и других профессий. Появляются первые мелкие промышленные предприятия: черепичные, кирпичные, гончарные, сукновальные, свечные, мыловаренные, красильные, маслобойные. Особенно много внимания уделяли переселенцы строительству ветряных, земляных и водяных мельниц, число которых в начале 50-х гг. XIX в. достигло 1486: в среднем по 10 на одно село. Болград и Комрат приобрели торгово-ремесленный вид. Мелкие промышленные предприятия стали производить продукцию на рынок. Но ремесленное "товарное производство сделало лишь определенный шаг" в колониях задунайских переселенцев. Сдерживающими его развитие факторами, по мнению автора монографии, выступали: а) большая обеспеченность земель, позволявшая производить торговлю сельскохозяйственной продукцией и получать значительные доходы, и б) общественное разделение труда в России и сопредельных странах, обеспечивавшее болгарам и гагаузам возможность покупать промышленные товары на стороне и, следовательно, исключавшее необходимость налаживания их производства у себя.²² Этот вывод И.И. Мещерюка, на мой взгляд, спорен и нуждается в коррекции. Общеизвестно, что к середине XIX в. бессарабские болгары и гагаузы уже испытывали нехватку земли и поэтому разделение труда и капитализация ремесла, промыслов и мелкой промышленности сдерживались феодальным общинным порядком землепользования, ограничивавшим социальное расслоение, перераспределение земельных угодий и разделение труда в колониях, подведомственных Управлению задунайскими переселенцами.

Большое внимание в трудах И.И. Мещерюка уделено социальным выступлениям болгар и гагаузов. Этому аспекту посвящены монография 1957 г.,²³ а также машинописный текст в 150 страниц о массовом движении болгар и гагаузов в 1842-1844 гг.

В изданной работе автор рассматривает положение выходцев из-за Дуная и их борьбу за устройство в Бессарабии, приведшую к распространению на них колониистских прав.

Чтобы разобраться в характере выступления болгар и гагаузов, И.И. Мещерюк утверждает, что он был антикрепостническим - необходимо иметь в виду, что выходцы из-за Дуная селились собственно в Бессарабии, то есть в Буджаке, еще до начала русско-турецкой войны (их называли "старыми переселенцами"), в ходе самой войны и после ее

окончания ("новые переселенцы"). Одна часть "старых" и "новых" переселенцев оказалась поселенной на помещичьих землях, а другая - на казенных. Те и другие, опираясь на легитимное "объявление" М.И.Кутузова от 26 апреля 1811 г., добивались устройства всех болгар и гагаузов на казенных землях в южной Бессарабии и на провозглашенных в "объявлении" условиях. Это затрагивало интересы крупнейших бессарабских помещиков, лишившихся дешевой переселенческой силы. Они строили свои отношения с выходцами из-за Дуная на основе местных прав и обычаев, феодальных по своему содержанию, но не крепостнических. Права помещика не распространялись на личность крестьянина, которого он не мог лишить жизни, продать, разлучить членов его семьи. Поэтому борьба болгар и гагаузов, оказавшихся на помещичьих землях, не могла иметь антикрепостнической направленности. В целом их борьбу, а также выступления их соплеменников на казенных землях Бессарабии можно определять как носившую отдельные черты антифеодального характера, но в целом это была борьба за устройство в Бессарабии на особом автономном и административном положении, не выходящем за рамки феодальной системы отношений, знакомые переселенцам и по балканскому периоду их жизни в составе Османской империи. Кроме того, известно, что болгары и гагаузы отказывались до 1818 г. присягать на верность российскому императору, следовательно, не были поданными России, не то что закрепощенными. Сказанное дает основание говорить, что использованное И.И.Мещерюком понятие "антикрепостническая борьба" скорее всего означало, что он отдал дань времени, в котором жил сам и в котором развивалась историческая наука в СССР. Содержание же самой книги достаточно полно и всесторонне раскрывает формы и методы борьбы между переселенцами, с одной стороны, и местными помещиками, цинунными и областными административными и полицейскими органами власти, с другой, которая в конце концов закончилась победой выходцев из-за Дуная. В этом они получили поддержку со стороны молдаван, прогрессивных сил России в лице будущего декабриста А.П.Юшневского.

Рукописный текст озаглавлен И.И.Мещерюком "Массовое движение в поселениях (1842-1844 гг.)". Такой заголовок указывает скорее всего на то, что рукопись представляла собой часть или главу из диссертационной темы "Болгары и гагаузы Бессарабии". Для отдельной работы ей не хватает введения, историографического сюжета и заключения. Рукопись, можно считать, отработана автором в технологическом плане до издательского варианта. Она не потеряла своей актуальности, несмотря на то, что ее отделяет от нас более 30 лет со дня написания, а также другая эпоха.

Тема крестьянского движения в болгарских и гагаузских поселениях юга России во второй половине XIX в. освещена в моей монографии, которая вышла в свет в 1988 г. В ней, в частности, анализируются и события 1842-44 гг. Метод написания, избранный мной в силу объективных причин, - статистический. Он был разработан известными советскими историками Н.Н.Лещенко и Б.Г.Литваком. Его суть в том, чтобы при помощи количественных параметров раскрыть процесс, характер и масштабы крестьянского движения того или иного региона России, не прибегая при этом к цитированию документов, описанию конкретных событий. Статистический метод позволял максимально сжать объем материала, подготавливаемого к печати и, таким образом, имел экономическую подоплеку.

И.И.Мещерюк при написании указанной рукописи использовал описательный метод исследования. Его преимущества перед статистическим в том, что, вводя в текст работы конкретный документальный материал и исторические личности, историк получает возможность реконструировать события, происходившие в реальной жизни задолго до того, как они стали объектом изучения. Иллюстративный метод оживляет историю наших предков, персонифицирует ее, делает рельефнее детали и узоры общей картины и тем самым максимально увеличивает психологический эффект воздействия на читателя. Статистический метод обращен к разуму читающего, в то время как иллюстративный затрагивает его душу, сердце.

Недостаток иллюстративного метода в том, что детали его не всегда позволяют охватить происходивший процесс целиком.

И.И.Мещерюку удалось свести к минимуму пробелы иллюстративного метода. Отсылая читателя к публикуемому здесь тексту работы молдавского историка, попытаемся вкратце прокомментировать его.

В центре внимания исследователя - социальные отношения в болгаро-гагаузских поселениях Буджака, спровоцировавшие массовые выступления "задунайских переселенцев". И.И.Мещерюк приводит убедительные факты нелегитимных форм и методов эксплуатации, взятых из арсенала аграрных отношений, свойственных крепостнической деревне Российской империи и использованных местным административным аппаратом (Управлением задунайскими переселенцами, окружными и сельскими приказами). Насилие над бедняками и середняками, злоупотребление властными полномочиями, использование дарового труда колонистов на полях, принадлежащих управляющему М. Буткову и окружным старшинам, установление незаконной монополии на продажу сельскохозяйственной продукции, ограничение числа питейных заведений, также незаконное, применение насильственных методов по пере-

благоустройству колоний (разрушение жилых землянок и принуждение строить дома по специально разработанным проектам и планам застройки села) - все это вызвало протест населения, выступившего в защиту положений Указа Правительствующего Сената от 29 декабря 1819 г. и "Письменного акта 1820 г."

И.И. Мещеряк подробно анализирует выступление болгар и гагаузов, начавшееся в мае 1842 г. с подачи на имя министра государственных имуществ П.Д. Кислева жалобы жителей Комрата на старшину Верхне-Буджакского округа А. Илашкова за незаконное принуждение колонистов работать на него, за злоупотребления, притеснения и физическую расправу над комратчанами и жителями других поселений округа. "Рассмотрение" жалобы властями закончилось фактическим прикрытием злодеяний окружного старшины, вызвавшим открытое проявление недовольства жителей Комрата и их поддержку во всех селах Верхне-Буджакского округа. Легитимные формы выражения протеста перешли в нелегитимные, активные формы, как считает автор, вплоть до восстания. Ответ властей был жестоким и решительным: аресты, содержание под стражей, публичная порка зачищников, ввод в поселения округа казачьих войск, лишение бунтовщиков колонистского звания и выселение за пределы округов Управления задунайских переселенцев. Но возникла реальная угроза бегства болгар и гагаузов за границу: в Дунайские княжества и за Дунай, на родную болгарскую землю. Этого Петербург допустить не мог. Новое расследование жалоб колонистов, проведенное специальной комиссией во главе с П. Атрешковым, показало их обоснованность и правоту задунайских переселенцев. Последовала замена управляющего, отстранение скомпрометировавших себя окружных старшин, сельских выборных и писарей.

Однако, недостатки иллюстративного метода исследований конкретных исторических событий в болгарских и гагаузских поселениях 1842-1844 гг. не могли не скрыть от автора некоторых, на наш взгляд, важных и глубинных причин выступлений, их характера и масштабов. Автор лишь вскользь говорит о сокращении земельной обеспеченности на ревизскую семью из-за значительного роста населения в поселениях, о появлении безнадельных семей, о не устраивавшей уже тогда болгар и гагаузов общинной форме землепользования, об усилении эксплуатации поселенцев со стороны самого государства путем введения многочисленных денежных сборов и натуральных повинностей. Не акцентировал он внимание на преобладании коллективных форм борьбы переселенцев над индивидуальными, на существовавшем присутствии организованного начала в их выступлениях и в других округах Управления задунайскими переселенцами - Измаильском и Нижне-Буджакском. Не

до конца раскрыта роль зажиточных переселенцев в организации коллективных выступлений болгар и гагаузов при одновременном присутствии в движении 1842-1844 гг. внутриобщинных проявлений борьбы вокруг резервной колонистской земли, несправедливого использования зажиточными переселенцами общинных сенокосов и пастбищ в своих интересах и в ущерб беднякам и середнякам-односельчанам, за обладание административной властью в поселениях и округах задунайских переселенцев.

И.И. Мещеряк работал над исследованием еще одной проблемы бессарабских болгар и гагаузов. В его архиве сохранился машинописный текст, озаглавленный "Культура и просвещение". Напечатан он через 1,5 интервала, его объем, если взять за основу два интервала, примерно 100-110 страниц (4,5 - 5 а.л.). Как можно предположить, по замыслу ученого, эта рукопись - часть общей работы "Болгары и гагаузы Бессарабии". В этой неизданной рукописи молдавский историк рассматривает такие аспекты, как культура Болгарии в годы переселения, основание первых школ в поселениях, проблема подготовки учителей, проблема основания средних и специальных училищ, специальные училища, литература и устное народное творчество, Пушкин среди поселенцев, гражданская архитектура и бытовые сооружения, внутренняя обстановка жилых зданий, строительство общественных зданий и сооружений, медицина, борьба с суевериями и предрассудками. Как видно, автор стремился дать широкую панораму материальной и духовной культуры болгар и гагаузов Буджака, определив при этом ее истоки, но одновременно подчеркивая и специфические особенности развития в условиях воздействия на нее инокультурной среды, российской в целом (А.С. Пушкин, Болградский собор, становление системы образования, зарождение медицины) и бессарабской полиэтнической, в частности (влияние на болгар и гагаузов материальной и духовной культуры молдаван, немецких колонистов, украинского и русского населения южной Бессарабии). Рассматривая проблему в хронологических рамках первой половины XIX в. и не выходя за пределы жизни и деятельности на новой родине первых двух поколений болгар и гагаузов, одно из которых родилось еще в Болгарии, а другое появилось на свет в Буджаке, И.И. Мещеряк стремится раскрыть двухуровневый пласт их духовных ценностей: традиционный многовековой, покоившийся на историко-этногенетических и религиозно-нравственных традициях, нравах, обычаях предков, освоенных первым поколением переселенцев на исторической родине и успешно переданных их потомкам, и вновь формируемый, обусловленный культурными в широком смысле слова процессами, происходившими тогда в границах Российской им-

перии (становление светского просвещения, строительство храмов, зачатки культурного взаимодействия народов Буждака, начало процессов интеграции болгар и гагаузов в русское культурное и духовно-религиозное пространство). Конечно, необходимо учитывать, что И.И. Мещерюк - историк, специализировавшийся на изучении социально-экономической проблематики. К тому же, разработка проблемы культуры и просвещения бессарабских болгар и гагаузов приостановилась после работ А. Скальковского, А. Клауса, Н. Державина, И. Титорова, В. Дяковича, появившихся в печати за 50-100 лет до того, как ею заинтересовался И.И. Мещерюк. Не является научным секретом также и то, что специфическая методика изучения истории культуры народов России и СССР получила свое воплощение в культурологических работах, опубликованных в СССР в 70-80 гг. нашего столетия, и скорее всего она осталась неизвестной молдавскому ученому, творившему в 50-60-х гг. На содержание работы не могло не повлиять и то, что И.И. Мещерюку не удалось выйти на некоторые важные архивные источники по исследуемой проблеме. Помимо того, сказывались и собственные мировоззренческие позиции при рассмотрении отдельных аспектов просвещения и культуры бессарабских болгар и гагаузов, например, церковного и религиозно-нравственного. Все сказанное в той или иной степени отразилось на выводах и оценках автора. Трудно согласиться с его утверждением, что "бессарабские поселения (болгар и гагаузов - И.Г.) с самого своего основания не получили каких-либо правил об учреждении в них сельских школ" (с. 19), так как такие правила появились в начале 40-х гг., когда повсеместно в поселениях, подведомственных Управлению задунайских переселенцев, открылись церковно-приходские училища. Резко отрицательно относится И.И. Мещерюк к роли священников в становлении просвещения в поселениях задунайских переселенцев; несправедлив по отношению к болгарскому учителю Степану Панайотову (с. 16), первому болгаро-переселенческому просветителю, деятельность которого в 30-40-х гг. XIX в. объективно подготовили почву к появлению в 50-х годах Болградской гимназии. С. Панайотов фактически превратил болгарское церковно-приходское училище в центральное колониальное учебное заведение, оказывал методическую помощь школам во всех селах Управления задунайскими переселенцами.

Относительно землемерного училища в Болграде И.И. Мещерюк остался на позициях, обсуждавшихся в историографии середины XIX - начала XX столетий. Более углубленный анализ архивных источников, а также публикация в "Одесском вестнике", появившаяся 27 октября 1843 г., позволяет говорить лишь о том, что в 1842 г. при Болг-

радском церковно-приходском училище было открыто лишь "особое отделение для образования из колониальных мальчиков сельских землемеров и архитекторов"²⁴. (Подробно см.: Грек И.Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев, 1993, с. 38-40).

Несмотря на указанные недостатки, неполноту и фрагментарность изложения - иного и не могло быть, так как тема "тянет" на специальную монографическую разработку с превращением "фонариков" рукописи в главы и параграфы - в рукописи правильно оценена культурно-образовательная официальная политика властей, роль самих болгар и гагаузов Бессарабии в сохранении духовных традиций своих предков, в становлении светского образования в поселениях, в культурном и бытовом обустройстве населенных пунктов Управления задунайскими переселенцами.

Вместе с тем, как мне представляется, изучение проблем культуры и просвещения выходцев из-за Дуная, относящихся к первой половине XIX в., убедило И.И. Мещерюка в том, что эти проблемы остаются актуальными и для середины XX столетия. Поэтому, не случаясь тот факт, что, разрабатывая ее ретроспективно, он одновременно поднимает перед высшим партийным и советским руководством СССР вопрос о необходимости национально-культурного развития болгарского и гагаузского населения Молдовы и Украины, не останавливаясь перед необходимостью обеспечить такое развитие в рамках особого для этого населения административно-территориального образования и пересмотра границы между Молдавской и Украинской республиками в Буджаке, установленной в 1940 г. Тем самым он в небезопасные 50-е годы поднимает свой голос в защиту духовной самобытности советских болгар и гагаузов и занимает активную культурно-общественную линию поведения. И.И. Мещерюк - предтеча современного национально-культурного движения среди болгар и гагаузов, правда, отставив он другую модификацию процесса, отличную, и весьма существенно, от реализованного в конце 80-х - начале 90-х гг. XX столетия. Вопрос этот освещен в литературе последних лет,²⁵ и нет необходимости здесь повторяться. Известное можно лишь дополнить.

Первое. Активная научно-общественная деятельность И.И. Мещерюка сыграла не последнюю роль в конце 50-х гг. в новом всплеске интереса к гагаузскому вопросу (известные решения партийных и советских органов об открытии гагаузских школ в населенных пунктах Молдовы с компактным гагаузским этносом, о создании грамматики гагаузского языка) и привела к открытию в рамках Института языка и литературы Молдавского филиала АН СССР "мобильной комплек-

ной болгаро-гагаузской группы" (по записи в трудовой книжке И.И. Мещерюка), а по другим сведениям - "болгаро-гагаузского отдела", который он и возглавил. В мае 1961 г. группа (или отдел) была расформирована, а И.И. Мещерюк переведен на должность ст. научного сотрудника в Институт истории МФ АН СССР. Научно-организационное начало в исследовании истории и культуры болгар и гагаузов Молдовы было приостановлено на четверть века, изучение проблем продолжалось самим И.И. Мещерюком, а также новым поколением ученых.

И второе. В московских архивах известным российским ученым М.Н. Губогло обнаружены документы, связанные с обращением И.И. Мещерюка в ЦК КПСС в конце 50-х гг. Из-за большой занятости Михаил Николаевич не смог принять участия в этом сборнике. Но мы надеемся, что они будут им введены в научный оборот и станут достоянием общественности.

Иван Иванович Мещерюк умер в первых числах января 1974 г., прожив ровно 75 лет. Юбилей обернулся прощанием. В 1999 г. исполняется не только 100 лет со дня его рождения, но и 25 лет со дня смерти. Но нас разделяют не только истекшие четверть века. Мы живем сейчас в совершенно иное время, в иной системе общественных отношений и ценностей, иных методологических подходов к исследованию глобальных, региональных и локальных исторических процессов. Изучая научное наследие И.И. Мещерюка - опубликованное и рукописное, - мы можем констатировать, что его работы, как и он сам, - продукт советского времени. Несмотря на сложные взаимоотношения с большевистско-коммунистической партией Советского Союза он, выходец из самых низов трудового народа, оставался верным рядовым провозглашенных партией и ее классиками идеалов. Именно они определяли его научно-общественную жизненную позицию и именно они вступили в противоречие с реальной действительностью. Требование ученого о национально-культурном развитии болгар и гагаузов в советских республиках Молдавии и Украины ни на йоту не противоречило ленинским принципам национальной политики в СССР, но именно ими больше всего пренебрегало в своей практической деятельности деградировавшее и выродившееся руководство КПСС на всех ее иерархических ступенях. И.И. Мещерюк, как и все, кто поднимал и ставил проблемы национальных отношений в Советском Союзе, не мог быть ими услышан и понят. Руководство КПСС двигало СССР к закату, до которого он не дожид, но свидетелями которого стали его ученики и последователи.

Но было бы упрощением, несоответствием реальности при оценке места и роли И.И. Мещерюка в исследовании проблем болгар и гагау-

зов Молдавии и Украины ограничиться вышеприведенной констатацией.

Иван Иванович практически воскресил болгаро-гагаузскую проблематику в советской исторической науке. Являясь в ее разработке крупным последователем А.А. Скальковского, А. Клауса, Н.С. Державина, Г. Занетова, Й. Тигорова, Вл. Дяковича, он вместе с тем пересматривает на основе богатейшего нового архивного материала многие положения и выводы своих предшественников. Результаты его исследовательской работы сохраняют свою актуальность и по сей день.

Несомненной его заслугой является то, что своими работами, своей педагогической деятельностью он способствовал появлению плеяды молодых ученых, которые успешно продолжили изучение проблем истории и культуры болгар и гагаузов Молдовы и Украины, расширив аспекты исследования, раздвинув хронологические рамки, вводя в научный оборот новые источники. Благодаря им на новый уровень подняты вопросы национально-культурного возрождения болгар и гагаузов на постсоветском пространстве, которым столько внимания уделил И.И. Мещерюк в 40-е-60-е гг. XX столетия.

Без фигуры И.И. Мещерюка нельзя представить себе первую шеренгу ученых-исследователей болгаро-гагаузской историко-культурной проблематики. Но без нее будет неполной и новая шеренга, в ряду которой стоят историки Молдовы, Украины, Болгарии, России, продолжающие дело И.И. Мещерюка и его предшественников. И это отчаянно: она непрестанно пополняется новыми интересными индивидуальностями. А это дает основание с оптимизмом смотреть в будущее науки о болгарях и гагаузах Молдовы и Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Газ. "Красный флот", 1938.
2. Газ. "Коммунистическая Астрахань", 1942.
3. Там же.
4. "Молдова социалистэ", 10.04.1947; "Цэранул советик", 18.07.1947.
5. Ученые записки Кишиневского госуниверситета. Т.2. Гуманитарные науки. Кишинев, 1950.
6. Мещерюк И.И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812-1820 гг. Кишинев, 1957. 118 с.; Мещерюк И.И. Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828-1834 гг. Кишинев, 1965 г. 208 с.; Мещерюк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856). Кишинев, 1970. 342 с.

7. "Молдова социалиста", 10.04.1947.
8. БСЭ, т.9. С.608-609.
9. Там же. С.609.
10. Мещерюк И.И. Антикрепостническая борьба... С.112.
11. Там же.
12. Мещерюк И.И. Болгарские и гагаузские поселения Бессарабии в 20-е гг. XIX столетия // Ученые записки Кишиневского госуниверситета. Т.2. Гуманитарные науки. Кишинев, 1950. С.86.
13. Мещерюк И.И. Переселение болгар... С.169.
14. Мещерюк И.И. Болгарские и гагаузские поселения... С.85-86.
15. Мещерюк И.И. Переселение болгар... С.169.
16. Мещерюк И.И. Болгарские и гагаузские поселения... С.77.
17. Мещерюк И.И. Переселение болгар... С.98-108.
18. Там же. С.144-148.
19. Там же С.148-162.
20. Мещерюк И.И. Антикрепостническая борьба...; Мещерюк И.И. Переселение болгар...; Мещерюк И.И. Русский царизм и национально-освободительное движение болгарского народа в 1828-1829 гг. // Колониальная политика и национально-освободительное движение. Кишинев, 1965. С.122-142.
21. Мещерюк И.И. Социально-экономическое развитие...
22. Мещерюк И.И. Социально-экономическое развитие... С.196-197.
23. Мещерюк И.И. Антикрепостническая борьба...
24. Подробно см.: Грек И.Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев, 1993. С.38-40.
25. См.: Червенков Н. Националните искания на българите от Украйна и Молдова от края на 50-те - началото на 60-те години // Болградската гимназия. Сборник по случай на 135 години от основанието ѝ. София, 1993. С.140-150, а также публикации документов и комментарии к ним И.Ф.Грека и С.Ю. Страшнюка в "Българите в Северното Причерноморие". Т.4. В.Търново, 1995. С.433-446; т. 5. В.Търново, 1996. С.399-418.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В РАБОТАХ И.И.МЕЩЕРЮКА

Успешно занимаясь проблемами переселения болгар и гагаузов в Бессарабию, их социально-экономическим развитием на новом месте, И.И.Мещерюк попутно освещал многие аспекты жизни этого населения, в том числе и демографические.

Прежде всего им была сделана попытка охарактеризовать демографическую ситуацию Юго-Восточной Болгарии, откуда в основном происходит массовое выселение в ходе и после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Автор особо подчеркивает "политику насильственного отуречения, осуществлявшуюся порабощателями"¹. Приводятся высказывания современников, анализируются документы, подтверждающие эту политику насильственного обращения в мусульманство значительного количества болгар в болгарском обществе в начале XIX века. То есть это, делает вывод И. И. Мещерюк, происходило на фоне широкого сопротивления, формы которого были различными. Он говорит о двойном угнетении, то есть и со стороны константинопольского духовенства.

У православного населения болгарских земель, по мнению И.И.Мещерюка, не было условий для успешного социально-экономического развития, прежде всего традиционного для него сельского хозяйства, необходимых ремесел.

В ходе и после русско-турецких войн "создавались реальные условия для осуществления эмиграции", на которых исследователь останавливается подробно. Важно, по мнению автора, что русские войска брали на себя "всевозможную помощь и охраняли их от преследования турками во время следования к русским рубежам"². Таким образом, рассматривая причины массового переселения болгар и гагаузов, И.И.Мещерюк справедливо указывал на национальный гнет, заинтересованность России в заселении ее южных губерний и т.д. Однако он не учитывал таких аспектов, как традиционное существование миграций в болгарских землях, аграрное перенаселение в них, которые выявлены последними исследованиями³.

И.И. Мещерюк конкретно раскрывает процесс переселения во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и после нее. Он считает, что в 1828 г. были только единичные случаи, когда выходцы из Болгарии обращались к русским властям за получением паспортов и

разрешений на поселение в Бессарабии. Положение изменилось с весны 1829 г., когда стало ясно, что "невозможно окончательное избавление от многовекового ига"⁴. Кстати, эта ситуация впоследствии была полнее раскрыта на новых архивных материалах другими последователями⁵. Из монографической работы И.И.Мещерюка "Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828-1834 гг." читатель получает информацию о том, из каких конкретно мест происходит переселение. Первая партия переселенцев в ходе русско-турецкой войны 1828-1829 гг., например, охватывала 22 населенных пункта⁶. Автор составил очень важные таблицы, позволяющие судить, из каких населенных пунктов и сколько людей выезжало в разгар самого пика переселения - с апреля до августа 1830 года. По месяцам картина следующая: в апреле люди переселились из 26 населенных пунктов, в мае - из 23, июне - 19, июле - 30⁷. Если исключить несколько повторяющихся названий (Созопол, Адрианопол, Сливен, Ново село), то только в эти три месяца переселение шло из более 68 населенных пунктов.

Одним из достижений упомянутой книги И.И.Мещерюка о переселении болгар в Южную Бессарабию является составленный им список городов и сел Болгарии, жители которых в 1828-1831 гг. переселились в Буджак. Всего переселение охватило более 150 населенных пунктов. Делается вывод, что большое число их падает на округа Юго-Восточной Болгарии: Сливенский - 38, Бургасский - 38, Ямбольский - 15, Варненский - 14, Старо-Загорский - 11⁸. Автор обращает внимание, что переселение шло из городов и местечек - он таких насчитал до 22, а также и из многих районов, которые сейчас входят в пределы европейской Турции (Адрианополь, Вайсал, Селиоглу, Девлтагач) и Румынии (Бабадага, Меджидие и Мангалии). Все эти изыскания отражены в прилагаемой на обложке книги карте "Города и села Юго-Восточной Болгарии, жители которых переселились в Россию, Валахию и Молдавию в 1828-1834 гг.", которая по сей день не утратила своей ценности и перепечатывалась и в других изданиях⁹. К сожалению, последующие исследования в этом направлении, прежде всего И.Дундарова¹⁰, внесли мало нового. Многие должны дать краеведческие работы болгарских коллег.

Один из вопросов, который всегда актуален для тех, кто интересуется переселением болгар в ходе и после русско-турецкой войны 1828-1829 гг. - это количество переселившихся. На этом И.И.Мещерюк останавливается подробно. Сделан убедительный вывод, что в ходе самой войны в Бессарабию, как и в другие области России, "переселилось всего несколько сот болгарских семей"¹¹. Из различных официальных документов, прежде всего из сводных ведомостей, регулярно отсылае-

мых главнокомандующим русской кампании на Балканах Дибичем в Главный штаб российской армии, молдавский исследователь определяет, что в болгарских землях по окончании войны получили право (билеты) на переселение 66472 человека. Из них подавляющее большинство (93 процента) тех, кто заявил о намерении поселиться в Бессарабии¹². Автор правильно считает, что были и переселенцы, выехавшие без письменных видов. С учетом этого, общее число желающих переселиться в Россию, по его мнению, превышало 100 тысяч. По приводимым таблицам можно определить и численность отдельных семейств. В среднем переселяющиеся семейства составляли 5,5 человека. Были и отдельные холостяки - "бурлаки".

Всего же, по мнению И.И.Мещерюка, прибыло в пределы Бессарабии до 50 тыс. человек¹³. Выходит, что половина лиц, намеревавшихся переселиться в Россию, туда не попали. Анализируя причины этого, автор указал, что другая часть "осели в Молдавии, Валахии и Северо-Восточной Болгарии, а часть погибла в пути от свирепствовавшей тогда чумы"¹⁴. Эта правильная констатация подтвердилась последующими исследованиями¹⁵, хотя требует дальнейшей конкретной расшифровки и объяснений.

Подробно И.И.Мещерюк остановился на возвращении части переселенцев из Буджака за Прут, посвятив этому отдельную главу "Возвращение части переселенцев в Болгарию и эмиграция в Дунайские княжества"¹⁶. Об этом процессе и до него писалось в литературе¹⁷. Однако он его раскрыл на основе архивных материалов, показав с различных сторон. Поэтому его выводы более аргументированы и приводимые цифры близки к реальным. Согласно им, из прибывших в Бессарабию более 50 тысяч человек здесь водворилось только 25 тысяч, а остальные вернулись на родину или осели в Дунайских княжествах¹⁸.

В работах Мещерюка раскрыт процесс расселения задунайских переселенцев в пределах Бессарабии. Автор показал, что болгарские переселенцы, ссылаясь на условия 1811 г., обещанные главнокомандующим Дунайской армией М. Кутузовым, приступили к переселению сюда еще во время продолжавшейся войны с Турцией. Поэтому они заняли в Буджаке первые попавшиеся "пустопорожние" земли, не зная, что они уже являются чьей-то собственностью¹⁹. Только со временем они поняли, что попали на помещичьи земли. После того как их стали, по мнению И.И. Мещерюка, закрепощать, они начали убегать с этих земель. К 1816 году общее количество таковых составляло около 1800 семей²⁰.

Большинство переселенцев пыталось с помощью областных властей переселяться на казенные земли, надеясь найти там более приемле-

мые условия жизни и освободиться от притеснений, которым подвергали их помещики. В связи с этим российское правительство создало Комиссию для изучения обстановки, создавшейся среди задунайских переселенцев. Она собрала очень интересные материалы, в том числе и демографического характера: количество переселенцев, число их дворов и семейств и т.д.

Работа и статистические данные комиссии впервые изучены И.И. Мещеряком²¹. При этом он справедливо обращает внимание на факт, который очень важен для демографии. Находясь на помещичьих землях, переселенцы всеми путями стремились скрыться от переписи властей, вплоть до того, что поднимали бунты против тех, кто был направлен с этой целью, что, например, имело место в Пилиней Молдовень и Пилиней Болгар²². Все это говорит о том, что необходимо очень критически относиться к данным о численности населения, приводимым в тогдашних материалах.

Об этом И.И. Мещеряк справедливо оговаривается, приводя составленную им таблицу о составе переселенцев в Бессарабии на лето 1816 г.²³ Данные таблицы устанавливают разбросанность переселенцев по огромной территории. Они поселились в 90 селах пяти цинутов и в г. Кишиневе. Общее количество переселенцев составляло 26164 душ обоого пола. В Кишиневе их было 571 человек. В среднем каждая семья задунайских переселенцев состояла из 5,1 человека.

И.И. Мещеряк установил, что тогда, при сборе демографических данных, Переселенческая комиссия обратила внимание на разнородность состава переселенцев и отразила эту особенность в своих сведениях, в том числе в упомянутой таблице. Среди переселенцев из-за Дуная она, по словам И.И. Мещеряка, "обнаружила не только болгар и гагаузов, составляющих большинство", но и "немалое количество молдаван и частью греков, которые переселились вместе с ними в Бессарабию". Правда, хотя автор говорит о болгарях и гагаузах, но в комиссии тогда они все проходили как болгары.

Обобщая статистические данные, И.И. Мещеряк приходит к выводу, что в общей массе переселенцев болгары и гагаузы составляли 83,3%. За ними следовали молдаване - 14,5%, греки - около 2%. На основании этих же материалов он установил, что в помещичьих селах Кодрского и Гречанского цинутов оставалось 1566 переселенческих семей, что по отношению к общему количеству семей переселенцев (5079) составляло около 30 процентов²⁴.

И.И. Мещеряк также впервые анализирует материалы, специально подготовленные по указанию царя Александра I для И.Н. Инзова, который был назначен в начале 1818 г. попечителем переселенцев. В их

основу легли данные новой переписи, которая проводилась осенью 1818 г. при прямом участии Д. Ватикиоти и доверенных из среды заинтересованных переселенцев. Поэтому исследователь считал их "достаточно точными"²⁵. Используя эти данные, И.И. Мещеряк составил очень важную таблицу, которая устанавливает общее количество болгар и гагаузов во всей Бессарабии и количество тех из них, которые еще оставались тогда во власти помещиков²⁶. Согласно ей, в ноябре 1818 г. в зависимости от помещиков числилось 3510 человек, а общее количество переселенцев во всей Бессарабии составляло 27062 человека.

Автор сравнивает данные этой последней переписи с предыдущей, 1816 г. Главный итог - значительно сократилось количество переселенцев на землях помещиков - до 13 процентов от общего состава задунайских переселенцев²⁷.

И.И. Мещеряк заключает, что материалы как последней переписи, так и произведенной упомянутой Переселенческой комиссии были использованы в этапном докладе И. Н. Инзова российскому царю, на основании которого был принят известный царский указ о болгарских переселенцах от 29 декабря 1819 г.

Хронологически исследуя далее проблемы задунайских переселенцев, И.И. Мещеряк показал, что в 1823 году Болгарское водворение было разделено на пять округов: Верхне-Буджакский, Нижне-Буджакский, Измайльский, Кагульский и Прутский, в каждом из которых было от 9 до 15 сел. А в селе - от 37 до 340 дворов. В административном центре болгарских колоний, Болграде, тогда было 823 двора. Всего во всех 56 селах числилось 6515 дворов. Автор приводит количество дворов по каждой колонии и в целом по Болгарскому водворению за 1822 г., число семейств за 1827, 1832, 1837, 1851 и 1856 г.²⁸ Эти данные, составленные автором на основе официальных документов, позволяют специалистам продолжить дальнейшие исследования различных демографических аспектов. Потребуется и объяснение ряда противоречивых сведений, заложенных в таблицах И.И. Мещеряка.

Исследователь останавливается и на географии расселения переселенцев в ходе последнего массового переселения - после русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг. Он подтвердил мнение С. Бернштейна, что первые партии предполагалось разместить вблизи Одессы, надеясь использовать переселенцев для работы на судах. Но, убедившись, что среди них нет моряков или судостроителей, губернатор Новороссии Воронцов добился разрешения на поселение их в Крыму. Это автор раскрывает на новых архивных материалах, прежде всего из Государственного архива Одесской области. Эти материалы позволили ему сделать также вывод, что до заключения Адрианопольского мира при-

бывшие в Россию селились на Одессщине, Екатеринославщине и частью в южной Бессарабии²⁹.

И.И.Мещерюк специально останавливается на динамике развития болгарского и гагаузского населения в Бессарабии. По его мнению, в 1809 г. в Бессарабии было 4 тысячи болгар и гагаузов. Немного позже, к 1812 г., - уже 25 тысяч человек³⁰. Накануне последнего массового переселения, в 1828 г., в Буджаке численность старых поселенцев составляла 28331 "душу обоего пола", а после ухода части новых поселенцев, к началу 1835 г., там числилось 53202 души³¹. Важны, особенно для краеведов, данные, приводимые И. И. Мещерюком в его книге "Переселение болгар в Южную Бессарабию" о численности семейств отдельных колоний в шести уездах Бессарабии, в которых проживали задунайские переселенцы в 1832 г.³².

Эти аспекты широко раскрыты в другой его книге - "Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии"³³. Автор показал, что за период с 1837 по 1856 г. численность семей во всех 83 селах увеличилась значительно - на 72,1%. От 57420 душ она достигла 98807 душ обоего пола. Как показал исследователь, произошло это за счет увеличения численности членов каждой семьи: с 5,8 в 1937 до 9,5 душ в 1856 г.

Разуместся, И.И.Мещерюк, который не имел специальной задачи исследований демографических проблем болгарского и гагаузского населения, не касался многих ее аспектов, не использовал многие важные материалы, прежде всего ревизские сказки. Однако его первоначальные демографические анализы, а также приводимые материалы в этом направлении позволили ему дать общие представления о численности, расселении задунайских переселенцев в Бессарабии, которые лежат в основе его работ, а также последующих исследований по проблемам бессарабских болгар.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мещерюк И.И. Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828-1834 гг. Кишинев, 1965. С. 26.

2. Там же. С. 27-28.

3. См.: Грозданова Е. Болгарската народност през XVII век. Демографско изследоване. София, 1989. С. 549-568; Грек И., Червенков Н. Болгарите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София, 1993. С. 10-20.

4. Мещерюк И. Указ. соч. С. 66.

5. См.: Степанова Л. Первое консульство России в болгарских землях (Сливен, 1830-1833) // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989. С. 159-186.

6. Мещерюк И. И. Указ. соч. С. 70.

7. Там же. С. 91-92.

8. Там же. С. 96-101.

9. См.: Грек И., Червенков Н. Указ. соч. С. 2.

10. Дундаров И. Болгарски колонии в Съветския Союз и родствените им метрополии в България // Отечество, 1990, 12, с. 38-39; 13, с. 35.

11. Мещерюк И. Указ. соч. С. 76.

12. Там же. С. 94.

13. Там же. С. 9.

14. Там же. С. 97.

15. Дойнов Ст. Преселническите движения от българските земи по време руско-турските войни през първата половина на XIX в. // Българското възрождане и Русия. София. 1981. С. 312-316; Трайков В., Жечев Н. Болгарската емиграция в Румъния XIV-1878 година и участието и в стопанския, общественно-политическия и културния живот на румънския народ. София. 1986. С. 74-94.

16. Мещерюк И. Указ. соч. С. 180-199.

17. Кристанов Цв., Маслов Ст., Пенаков И. Селимински като учител, лекар и общественик. София. 1962. С. 124-138.

18. Там же. С. 198-199.

19. Мещерюк И.И. Антикрепостническа борба гагаузов и болгар в Бессарабии в 1812-1820 гг. Кишинев, 1957. С. 23.

20. Там же. С. 25.

21. Там же. С. 41-52.

22. Там же. С. 51.

23. Там же. С. 57.

24. Там же. С. 58.

25. Там же. С. 99.

26. Там же. С. 99-100.

27. Там же. С. 101.

28. Мещерюк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии. Кишинев, 1970. С. 20-21, 25-27, 135-136.

29. Мещерюк И.И. Переселение болгар... С. 75.

30. Мещерюк И.И. Антикрепостническа борба... С. 13.

31. Мещерюк И.И. Переселение болгар... С. 192.

32. Там же. С. 139-140.

33. Мещерюк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел... С. 24, 27.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ПАРАЛЛЕЛЕЙ В РАБОТАХ И.И.МЕЩЕРЮКА

Мещерюк И.И. - один из исследователей Буджака. В своих работах наиболее крупная из которых "Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856 гг.)", ученый один из первых обратился к исследованию истории Центрального Буджака и в первую очередь населения гагаузских и болгарских сел в I-й половине XIX в.

Это был период заселения Буджака, только что покинутого ногайцами и турками, формирования многонационального населения края и развития адаптированной к природным условиям Буджака традиционно-бытовой культуры мигрантов.

На основе солидного, извлеченного из архивных источников материала, И.И.Мещерюк подробно повествует о налаживании жизни нового населения края, его социально-экономическом развитии в начальный период интенсивного заселения Буджака.

Раскрывая, по мере возможности, все стороны хозяйственного освоения края, исследователь часто привлекает значительные материалы и параллели этнографического характера, что, несомненно, делает его работу еще интереснее и ценнее с научной точки зрения.

В настоящей статье попытаемся подробнее оттенить именно эту сторону вышеупомянутой работы И.И.Мещерюка.

Для аргументации выводов статистических данных Мещерюк использует материалы В.А.Мошкова, Н.С.Державина и др., а также собственные наблюдения над традициями своих соплеменников.

История всегда имеет чрезвычайное значение, так как соотносится с самой основой народной жизни: основными занятиями людей, связанными с производством средств существования и повседневным процессом воспроизводства как традиционно-бытовой культуры, так и производства самого человеческого общества.

Жители так называемых буджакских колоний в первой половине XIX в. относились к той категории крестьянства России, которая в силу исторических условий имела целый ряд специфических черт как в социально-правовом, так и в культурно-бытовом отношениях.

Во-первых, население территории буджакских колоний в социально-правовом отношении являлось в основной своей массе переселенцами из северо-восточных аграрных областей Болгарии и за небольшим

исключением все были выходцами из крестьян. Лишь часть их, главным образом болгары, были из среды городских жителей или населения горных областей. Это так называемые "балканджин".

Это, несомненно, определило многие процессы культурного развития нового населения Буджака в процессе освоения земель на их новой Родине.

Во-вторых, с самого начала социально-правовое положение населения колоний определялось особым статусом, изложенным в Указе о буджакских колониях от 29 декабря 1819 года, приравнивавшем их в правовом отношении к положению иностранных колонистов и определявшем в связи с этим ряд социальных и правовых привилегий. Последние обусловили и некоторые, сравнительно более социально комфортные условия для развития многих сторон традиционной культуры у колонистов, чем это было у крестьян других категорий в самой Бессарабии, а также в центральных губерниях России. Буджакские крестьяне жили в условиях отсутствия крепостного права и развивали свои хозяйства по типу свободного фермерства, американского пути хозяйствования.

Эти обстоятельства, несомненно, прямым образом отразились на условиях их адаптации на новой родине и позволили с самого начала возродить привычный так называемый балканский традиционно-бытовой уклад крестьянской семьи, в составе традиционной сельской общины с сильными пережитками большой семьи, отличавшейся печатью хорошо сохранившихся патриархально-родовых отношений. Причем примечательно, что в этих условиях последние играли положительную роль в консолидации усилий семьи для организации обширного, многоотраслевого крестьянского хозяйства на земельном участке семьи, доходившем в большинстве случаев до 60 десятин земли. Кроме того, освобождение колониетских семей от воинской повинности сохраняло в семьях молодую мужскую рабочую силу, что, конечно же, влияло положительно на укрепление экономической мощи крестьянских хозяйств, органически включившихся в рынок России, с одной стороны, и возрождение национальных семейно-бытовых и культурных традиций, с другой.

Работы И.И.Мещерюка иллюстрируют, хоть и опосредованно, именно эти важнейшие стороны крестьянской жизни буджакских сел первой половины XIX в. Но имеются в его трудах и отдельные материалы чисто этнографического характера, которые, усиливая общее впечатление связи с народной жизнью, имеют для исследователей Буджака, особенно для этнографов, самостоятельное значение.

И это тем более важно, что выявление источников чисто этнографического материала за первую половину XIX в. (уже не говоря

о более ранних периодах жизни как гагаузов, так и болгар - основного населения Буджака), весьма затруднено и требует особой исследовательской методики.

Таким образом в работе И.И.Мещерюка "Социально-экономическое развитие..." есть возможность проследить целый ряд явлений этнографического характера, иллюстрирующих этнические процессы в крае в первой половине XIX в., и формирование региональных этнокультурных традиций его населения в этот период.

Так, в книге отражены процессы основания сел. Например, описывая образование таких сел, как Димитровка, Бановка, Задунаевка, Ивановка и др., автор отмечает, что в селе Димитровка сосредоточивались гагаузы, а в остальных собирались болгары, снимавшиеся с окрестных хуторов. (см.: И.И.Мещерюк. "Социально-экономическое развитие ...", с. 18, далее будут указаны лишь страницы - М. М.).

На страницах книги сосредоточен материал о величине селений и обеспеченности их жителей землей, что, несомненно, отражает глубинные факторы развития буджакских колоний, воспреемники которых составляют ныне сеть населенных пунктов Южной Бессарабии.

Интересно наблюдение И.И.Мещерюка о том, что входе распределения земли многие новоселенцы "неохотно" отселялись в другие малозаселенные места, не желая расставаться с односельчанами (с. 22, 23). Причиной этого он справедливо считает то, что первоначальное прибытие переселенцев в Бессарабию осуществлялось не одинокими семьями, а целыми группами семей, состоявшими из родственников и односельчан. Это наблюдение отражает и подтверждает то обстоятельство, что переселенцы, обладая сильно выраженным этническим самосознанием консолидировались по национальному признаку и, селясь вместе, способствовали формированию преимущественно одно-национальных по составу жителей сел. Это обуславливало формирование на буджакской земле своей этнической территории как гагаузами, так и бессарабскими болгарам.

Это особо важно было для переселенцев гагаузского происхождения, так как в Буджак прибыл тогда основной генофонд гагаузского народа, и с тех пор проблема этнической территории стала главной для сохранения самого гагаузского этноса в будущем и самореализация его в своей традиционно-бытовой культуре, уже имевшей древние корни. Именно это обусловило сравнительно компактное расселение гагаузов преимущественно в западной части центрального Буджака, а болгар - в его юго-восточной части.

Это в свою очередь представляется чрезвычайно важным не только для изучения характера расселения иммигрантов в Буджаке, но и формирования этнической культуры, а также в целом этнической карты Буджака.

И.И.Мещерюк отмечает, что задунайские переселенцы прибыли в Бессарабию обладателями устойчивых сельскохозяйственных традиций и привезли из-за Дуная привычные средства производства: крупный рогатый, молочный и мелкий скот, преимущественно овец, возы или арбы, деревянные плуги с железными сошниками, бороны-волокушки, молотильные камни, молотильные доски, косы, серпы, вилы, грабли и прочий инвентарь, необходимый для сельскохозяйственных работ. Некоторые переселенцы привезли с собой зерно, необходимое для пропитания семей и для посева. Органической частью этого хозяйства являлось наличие в переселенческой среде ремесленников: кузнецов, плотников, колесников и т.д., дополнявших занятиями работу на земле (с. 36). Как бы то ни было, но этого стало достаточно для возрождения на новом месте традиционного хозяйства.

Не случайно уже в ноябре 1817г. в донесениях царских чиновников, занимавшихся изучением и устройством новопоселенцев, сообщалось, что села в Бендерском и Измаильском уездах находятся в "самом цветущем состоянии", а их жители "изобилуют в хлебопашестве и скотоводстве и служат всем поселянам примером (с. 37).

И.И.Мещерюк, ориентирующийся на большой архивный материал, характеризовал именно эту сторону жизни переселенцев из-за Дуная, прибывших в Буджак в конце XVIII и начале XIX вв. В связи с этим интересен его вывод о том, что наряду с хлебопашеством в первой половине XIX в. колонистам свойственно было скотоводство, которое вначале было преобладающим в хозяйстве задунайских переселенцев и составило основу ускоренного развития пашенного земледелия, да так, что последнее уже к середине XIX в. стало преобладающей отраслью крестьянского хозяйства в колониях.

Анализируя обстоятельства освоения целинных земель Буджака и ход развития экономики селений в буджакской степи, И.И.Мещерюк отмечает живучесть ряда общинных традиций, в частности коллективной взаимопомощи. В этом отношении интерес представляют его наблюдения над одной из древних форм взаимного вспомоществования - "супряге", к которой колонисты прибегали в случае нехватки скота или инвентаря для обработки своего поля (с. 42-43).

С этнографической точки зрения интересны материалы рассматриваемой книги о характеристике и бытовании типов традиционных пахотных орудий и в первую очередь плуга. Вхождение

колониетских хозяйств в зерновой рынок России способствовало совершенствованию пахотных орудий труда за счет замены привычного в колониях молотильных машин не было. Крестьяне с успехом оставались по Болгарии крестьянского плуга тяжелым украинским плугом, "лучше верными традиционным методам обмолота. Используя имеющиеся в других приспособленного для работы на целинных черноземных литература XIX в. описания, исследователь восстанавливает живые почвах Буджака", хотя он, по мнению И.И.Мещерюка, немногим картины летней страды в селах. Он пишет, что колонисты "отличался по конструкции от балканского. Наибольшую трудность обмолачивают свой хлеб табунами лошадей и рогатым скотом с использованием этого типа плуга для новопоселенцев представляла употреблением досок, набитых кремнями". При этом автор справедливо необходимость впряжения по 4-5 пар волов при распахке целины. Сочмечает социальную комфортность этого вида молотбы: работой развитием земледельческого производства у колонистов проявились, обеспечивались как рабочий скот, так и все трудоспособные члены интерес и к усовершенствованному двухколесному плугу с железным осью. Это спасало также от расходов на приобретение машин и на лемехом немецких колонистов, признанному лучшим в конкурсе 1840 специалистов (механиков).

г. в Одессе, "по простоте конструкции, легкости, чистоте работы и Немаловажной выгодой являлось получение при обмолоте доступной цене". Проследив эволюцию пахотных традиций у "германовкой" массы грубых кормов (сечки, половы), не считая соломы. колонистов, исследователь отмечает также, что с освоением пашни Таким образом, традиционный способ молотбы, выработанный веками, селах Буджака наблюдается постепенная замена воловьего тягла был органично связан с системой производственных отношений, лошадиным, так как земля на полях со временем стала рыхлой и более разделением труда в селе и устоявшимися традициями народной жизни. податливой. Будучи сравнительно высокопроизводительным, он сочетал

Интересны материалы о применении других орудий крестьянского крестьянский быт и хозяйство с условием вхождения последнего в труда, например, борон. Сопоставляя данные источников и литературы рыночные отношения.

автор на стр.46 отмечает распространение железных борон, пришедших. Лишь в 50-е годы в XIX в. молотильная машинная техника стала в буджакские поля вместе с веянием новых технологий обработки проникать в хозяйство колонистской буржуазии, неуклонно пахоты. Но тем не менее, как подчеркивает автор, колонисты не расширявшей производство товарного зерна.

забывали и традицию предков в виде волока из веток колошечного Рост доли пашенного земледелия как прогрессивного хозяйственно-терновника - "сюрюгю", доказавшего свою полезность в условиях культурного типа отразился и на развитии мельничного хозяйства, в засушливого Буджака: он создавал сравнительно ровную разрыхленную котором, согласно выводам Мещерюка, львиную долю в этот период поверхность свежеспаханной пашни, способствуя этим сохранению еще занимали традиционные типы мельничных механизмов: ветряные, влаги в почве. водяные, земляные. Количество их, по подсчетам, достигало в среднем

Упоминаются и другие орудия уборки урожая у колонистов на село от 5 до 16 мельниц, а одна мельница приходилась на 52 жителя изготовленные сельскими мастерами по традиционным приемам: серпы (с. 49).

косы, деревянные вилы и грабли, крестьянские возы и арбы и др. Все эти данные, сосредоточенные в I главе книги "Устройство

Воспроизвел в своей работе И.И.Мещерюк и картины обмолота задунайских переселенцев в Буджаке", давая общую характеристику зерновых. В полной мере служили буджакским крестьянам обстоятельств освоения гагаузами и болгарам Центрального Буджака, традиционные методы обмолота, главным образом на крестьянских токах особо значительными выглядят в выводах И.И.Мещерюка на (гарманах) путем прогона по расстеленным стеблям с колосьями последних страницах этой главы (с. 49-51), где опираясь на них, автор каменных катков и молотильных досок (гаг. "дювен", болг. "дикан") опровергает искаженные представления ряда авторов в XIX в. об силой скота: лошадей, волов (с. 48). В примечании, данном к этому этнической и культурно-хозяйственной характеристике и социальном материалу, автор пишет, что основное преимущество этого метода составе задунайских переселенцев.

более высокой производительности труда в сравнении с обмолотом цепями, бытовавшим у молдаван и украинцев северной Бессарабии. Так, например, он полемизирует с А.Клаусом, который утверждал, что переселенцы - это "сброд" бездомных и нищих, представляющих

Ссылаясь на материалы Управления задунайскими переселенцами "неблагонадежный материал" для успешного заселения Буджака. Клаус ошибочно склонен был считать, что переселенцы в своей массе - бывшие кочевники, которые, оставив прежний, "бродячий", образ

жизни, стали заниматься в Буджаке земледелием, скотоводством и виноделием.

По мнению И.И.Мещерюка, такой взгляд был по меньшей мере противоречивым, так как кочевые "бродяги" не смогли бы столь успешно развивать указанные отрасли хозяйства, что он и доказывал указанными выше этнографическими аспектами своей работы.

Чистыми скотоводами, "склонными к бродяжничеству, к кочевому образу жизни" и пришедшими к хлебопашеству в Буджаке в начале XIX в. считал задунайских переселенцев еще один из исследователей Буджака в начале XX в. Н.С. Державин.

Анализируя причины таких неверных представлений об истинном содержании культурно-бытовых и хозяйственных традиций переселенцев из-за Дуная, И.И.Мещерюк утверждает, что, действительно, в Буджак переселенцы прибыли с большим количеством скота, в основном с овцами, и эта отрасль хозяйства в первой половине XIX в. получила у них преимущественное развитие, что дало повод вышеуказанным авторам принять их за кочевников-скотоводов. Но последние - лишь односторонний взгляд, не подтвержденный практикой жизни и условиями адаптации переселенцев на новой родине. Ведь скот - это единственная движимая часть имущества крестьян Северо-Восточной Болгарии, которую они могли взять с собой из покидаемых селений. Он был в пути одновременно средством существования, транспортным средством и материальной базой для обоснования на новых землях. Кроме того, выгодность развития животноводства в Бессарабии была хорошо осознаваема и в политике царских властей, рассматривавших Бессарабию как тыл военных действий в балканской политике.

От себя добавим еще, что авторы, писавшие об истории Буджака, в том числе и И.И.Мещерюк, констатируя факты, интерпретируемые различно, не учитывали еще одного обстоятельства, объясняющего такое соотношение скотоводческих и земледельческих традиций у населения Буджака в начале XIX в. А состояло оно в том, что значительная часть населения степного Буджака к моменту окончательного ухода из него ногайцев (1808 г.) составляли так называемые "старые болгары", прибывшие в край еще во второй половине XVIII в. и, приселившись к селениям ногайцев, десятки лет контактировавшие с ними. Это, несомненно, сделало их отчасти восприимчивыми традиций полукочевого аульного типа хозяйствования в буджакской степи, бытовавших здесь в течение 300 лет. Анализ исторических документов убедил нас в том, что этим населением могли быть в большинстве своем гагаузы, которым соседство, а то и совместное проживание с ногайцами облегчало родство языков, гагаузского и ногайского (оба языка были тюркскими).

Разумеется в условиях прихода в край новых волн переселенцев в ходе 1806-1812 г.г. и нелегкой практики обустройства старожилов (старые болгары) и вновь прибывшего населения, скотоводческие традиции хозяйствования в Буджаке, имевшие к этому времени возраст не менее 300 лет (как уже указано выше), преобладали, и отпечаток этого сохранялся всю первую половину XIX в., правда, как свидетельствуют исследования, по убывающей.

С учетом этого обстоятельства становится понятным столь противоречивое восприятие многими авторами XIX в. инерции развитых традиций кочевого скотоводческого хозяйства в крае в первой половине XIX в. И поэтому ценность труда И.И.Мещерюка, в первую очередь, и заключается в том, что, как истинный исследователь, он отчасти интуитивно, а в основном, опираясь на огромный освоенный им архивный материал, с помощью мастерски интерпретированных этнографических параллелей, пришел к правильной оценке процессов хозяйственно-культурного развития края в первой половине XIX в. И это прекрасно изложено в выводах I главы указанной работы автора. Он справедливо пишет, что в этот период основная масса переселенцев, составивших базу населения Буджака, являлась крестьянами, в хозяйстве которых животноводство и хлебопашество были ведущими отраслями. Именно такой прогрессивный в общенсторическом плане хозяйственно-культурный тип был ими привезен из прежних мест своего обитания и вкпе с коррективами бессарабских условий он же стал базой для хозяйственно-культурного развития народной жизни в Буджаке, сохранившись до настоящего времени.

Интерес представляет и анализ развития отраслей этого типа хозяйства в отдельности. Так, И.И.Мещерюк отмечает, что развитие животноводства в крае было неравномерным из-за частого падежа животных, что подрывало экономическую мощь крестьянских хозяйств. Об этих фактах на страницах работы имеются обстоятельно поданные материалы. Однако недостаточное историко-этнографическое изучение края в годы научной деятельности И.И.Мещерюка не дало в руки исследователя представления об одной из главных причин такого неблагоприятия в развитии животноводства в Буджаке. А именно: вместе с традициями кочевого скотоводства, воспринятыми переселенцами от ногайцев, первоначально в быт переселенцев пришла традиция необязательной подготовки к зимовке скота.

Издrevле кочевое скотоводство с его годовым циклом маятникового кочевания между зимними (кышлак) и летними выпасными угодьями составляло классическую основу хозяйственно-культурного типа,

который не предполагал заготовку кормов впрок. Подвижный кочевник рассчитывал на то, что скот сам может существовать на подножном корму круглый год и, исходя из этой традиции, приспособлялся к географии степей в выборе и чередовании пастбищ. Этого, разумеется, не делал оседлый земледелец.

Итак, принимая во внимание существование в крае традиций кочевого скотоводства в течение предыдущих 300 лет, нет оснований думать, что оно к началу XIX в. ушло бесследно вместе со сменой населения степи. Об этом свидетельствуют данные того же И.И. Мещерюка, отмечающего более благоприятный ход дела у новопоселенцев в разведении лошадей, которые оказались по традиции лучше приспособленными к табунному содержанию в камышовых загородках и к подножному корму. Но тем не менее это не всегда спасало поголовье в суровые зимы, и переселенцы постепенно, желая избежать бедствий (кто вспомнив старое, кто научившись заново), стали запасать корма на зиму и строить хлева. Это тем более было актуальным, потому что лошади, как отмечено выше, со временем занимали все большую долю в хозяйстве в качестве тягловой силы.

Таким образом, в Буджаке в первой половине XIX в. хозяйственно-культурный тип, сочетавший земледелие с домашним животноводством, формировался заново. И происходило это мучительно и достаточно долго.

Значительное место в хозяйстве крестьян занимало овцеводство, традиции которого в условиях Буджака возрождались также под влиянием скотоводческих традиций прежних жителей Буджака и старожильческого населения Бессарабии и всего Юга России.

Итак, хозяйственное освоение Буджака в начале XIX в. происходило далеко не "бродягами-скотоводами", а конкретным населением, знавшим свое происхождение и имевшим свое этническое самосознание, обладавшим навыками сельскохозяйственных работ, реализуемых новопоселенцами в специфических условиях Буджака, где произошло столкновение традиций двух крупных этнокультурных хозяйственных типов: степного кочевого скотоводства и пашенного земледелия. В результате к середине XIX в. в регионе сложился хозяйственно-культурный тип: пашенное земледелие в сочетании с домашним скотоводством, который дожил до настоящего времени.

Этот процесс в самом его начале обстоятельно отражен в работе И.И. Мещерюка, который иллюстрировал статистический и другой материал экскурсами в этнографию. Последнее было нетрудно, так как хозяйственный и домашний быт крестьянства в Буджаке, невзирая на

усиленное приобщение населения к рынку региональному и общероссийскому, продолжал сохранять полунатуральные черты. Это выражалось в том, что традиции народной кухни, одежды, убранства и освещения дома и др. стороны народной жизни обеспечивались в первой половине XIX в. преимущественно за счет крестьянского хозяйства и руками самих крестьян (с. 80-82).

Прямую связь с этнографией выявляют и разделы книги, посвященные развитию ремесел и промыслов, в том числе шелководства (с. 72-173). Шелководческие традиции, также как и другие домашние промыслы и ремесла, известны были гагаузам и болгарам до прибытия в Буджак, и, отражая балканские этнокультурные региональные черты, стали основой для формирования бытовых традиций жителей колоний на их новой родине. И.И. Мещерюк дает обстоятельное и подробное описание материальной базы шелководства как домашнего занятия (плантации тутового дерева, домашняя технология производства шелка-сырца, шелкоткачество и т.д.).

Изобилует этнографическим материалом глава III, содержащая сведения о развитии и других домашних промыслов и ремесел (с. 180-190).

Таким образом, И.И. Мещерюк, будучи хорошим историком, любил свой край и сопровождал историческую работу широким фоном этнографических параллелей, став одним из первых этнографов Буджака в современный период.

Многое в его работе можно признать как заявку на необходимость этнографического изучения традиционно-бытовой культуры населения Южной Бессарабии.

От научного редактора

Публикуемая впервые рукопись "Массовое движение в поселениях (1842-1844 гг.) начинается двухстраничной вводной частью и параграфом "Социальные отношения накануне движения в поселениях" (с. 2-38), в котором И.И.Мещерюк излагает причины, вызвавшие крестьянское выступление болгар и гагаузов Бессарабии в первой половине 40-х гг. XIX в. Поскольку содержание параграфа, а в отдельных случаях идентичный текст его нашли отражение в последней монографии ученого "Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856 гг.)". Кишинев, 1970 г. (см. главу IV, параграф 8 "Крупные хозяйства переселенческой буржуазии на захваченных его свободных землях сельских обществ" (с.207-218), а также частично параграф 3 "Крупные хозяйства на оброчных землях в селах переселенцев" (с. 218-239), принято решение не публиковать первые 38 страниц рукописи. К такому решению побуждали еще два обстоятельства. Первое связано с объемом сборника и материально-финансовыми затратами на его подготовку и издание. Второе же объясняется тем, что между написанием текста рукописи, в том числе и указанных страниц, и изданием монографии "Социально-экономическое развитие..." прошло достаточно много времени (не менее 10-15 лет), которое определенным образом повлияло на подходы, оценки и выводы автора, нашедшие отражение в указанных выше параграфах опубликованной работы и отличающиеся от таковых содержащихся в первоначальном тексте рукописи. В ней, например И.И.Мещерюк пишет: "колонизаторская деятельность царизма", "колонизаторские действия", "колонизаторская политика царизма" по отношению к болгарам и гагаузам, проводимая Управлением задунайскими переселенцев, Попечительным комитетом об иностранных поселенцах южного края России, Министерством внутренних дел и Министерством государственных имуществ. В книге же он придерживается иной точки зрения, на наш взгляд, более объективной и правильной, утверждая, что вышестоящие власти, заинтересованные "в упрочении влияния России среди народов Балканского полуострова" должны были реагировать на "недовольство переселенцев безудержной эксплуатацией Бутковым" (о себе заметим: не только им) и "были вынуждены охранять болгар, гагаузов, молдаван и других переселенцев от крепостников" - с. 227 (скорее об использовании в их поселениях крепостнических форм внеэкономического принуждения).

При подготовке рукописи к изданию (техническая и научная редакция) были учтены (в отдельных случаях) трактовки автором исследуемых событий, содержащиеся в опубликованной работе, как более правильные, как принадлежащие ему же и как такие, которые он сам бы внес, если бы готовил данную рукопись к печати в конце 60-х или сегодня. Кроме того, с целью придания публикуемому ниже тексту технической литературной издательской завершенности, в рукописи, там, где это диктовалось необходимостью, одни слова и словосочетания заменены другими, никоим образом не меняющими авторскую мысль в тексте. Все такого рода вмешательства в текст рукописи выделены жирным шрифтом.

Автор снабдил рукопись цифровыми обозначениями, отсылающими читателя к конкретным листам и страницам широко цитированных им и излагаемых своими словами архивных документов и литературных источников, откуда они взяты. К сожалению, сам справочный аппарат в рукописи не сохранился. Поэтому нет необходимости обозначать цифровые сигналы в публикуемом тексте. Достоверные цитаты или изложения содержания части документа взяты И.И.Мещерюком из известных нам дел из следующих архивов: Российский исторический архив (до 1991г.- ЦГИА СССР), ф.383, оп.5, 1842, а. е. 4367, ч.1,II,III; оп.9, 1846, а.е. 8066; НАРМ, ф.305, оп.1, а.е. 388, 389, 394; ф.2, оп.1, а.е. 3511, 3749.

Опуская начало рукописи, но одновременно учитывая, что книга И.И.Мещерюка "Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856 гг.) стала библиографической редкостью, и желая облегчить читателю прочтение и восприятие публикуемого текста, ниже приводим реферативное изложение вводных страниц и параграфа "Социальные отношения накануне движения в поселениях".

Поселенческое движение в Южной Бессарабии в 40-х годах прошлого столетия по своим движущим силам являлось крестьянским и имело много общего с крестьянским движением того времени в центральной России, Молдавии (Бессарабии в целом - И.Г.) и на Украине. Однако некоторые особенности социального состава населения и проводимой царизмом политики привели к тому, что движение болгар и гагаузов получило своеобразный отпечаток, несколько отличавший его от других крестьянских выступлений.

Как известно, бессарабские болгары и гагаузы не были крепостными, считались свободными поселенцами на казенных землях. К 30-м гг. XIX в. в их среде становится заметной классовая дифференциация. Выделяется немногочисленный, но экономически мощный слой формирую-

щейся аграрной буржуазии и купечества, в руках которого находились сельские и окружные приказы. Местная административная власть, представляемая сельскими выборными, писарями и окружными старшинами, поддерживалась Управляющим задунайскими переселенцами Михаилом Бутковым.

Самыми известными фигурами этого слоя были окружной старшина Верхне-Буджакского округа Андрей Илашков, его брат Петр Илашков, который был старшиной Нижне-Буджакского округа, болгарский выборный Дмитрий Каназирский, его односельчанин, кишиневский купец 2-й гильдии Кирилл Минко, сельские выборные Урсу и Бербер, сельский писарь Жерновой и другие. Накопление ими значительного состояния осуществлялось посредством злоупотреблений служебным положением, выражавшихся в присвоении и самовольном распоряжении хлебными запасами сельских обществ, хранящимися в сельских общественных магазинах (амбарах - И.Г.), а также другими общественными средствами, в безвозмездном использовании в своем хозяйстве орудий производства и дарового труда задунайских переселенцев (болгар, гагаузов, молдаван, украинцев, албанцев, имевших колонистский статус и проживавших в округах Управления задунайскими переселенцами - И.Г.). Свое богатство они создавали путем принудительного труда и крепостническими методами эксплуатации лично свободных поселенцев (барщина, гужевая и иные повинности, оброк в денежной и натуральной форме). В их распоряжении временно (аренда свободных от дела земель в поселениях) сосредоточивались огромные земельные массивы в несколько тысяч и даже десятков тысяч десятин земли, используемой ими для содержания больших стад овец, крупного рогатого скота под растениеводство. Иногда арендуемая ими земля сдавалась в субаренду колонистам тех селений, к земельному участку которого она относилась в безнадельном состоянии, или соседних. Приводятся многочисленные примеры эксплуатации поселенцев, использования служебного положения в корыстных целях братьями Илашковыми, Д.Каназирским, К.Минко, М.Бутковым и другими. Например, Д.Каназирский вместе с односельчанином Топаловым арендовал за бесценок с 1833 по 1844 г. более 3 тыс. десятин земли села Новопокровки, самовольно пользовался сенокосной землей в Измаильской балке, лугами в балке Каракуртской и Сарияны, использовал колонистов "на собственные работы", освобождая их от "исправления натуральных повинностей" (общинных и казенных - И.Г.), присвоил из запасного магазина Болграда зерна на сумму 70 тыс.руб. ассигнациями, прикарманил с доходов от базарной площади Болграда с 1837 по 1840 год 8900 руб. ассигнациями и с 1840 по 1842 год - 1944 руб. серебром.

Злоупотребления, формы эксплуатации, характерные для крепостнической системы хозяйствования, не носили систематического характера. Последние противоречили законодательству об иностранных поселенцах России. Однако сам факт их присутствия в болгарских и гагаузских поселениях в Южной Бессарабии и зримо намечившаяся тенденция роста произвола и внеэкономического принуждения в крепостнической форме вызвали протест и движение основной массы болгар и гагаузов против посягательств на их социально-правовой статус.

Другими причинами выступления поселенцев были сокращение размеров семейных наделов из-за естественного прироста населения и образования безнадельных молодых семей, увеличивавшаяся нехватка земли, стремление колонистов перейти к разделу общинной земли на подворное или семейное землепользование. Таким образом, дальнейшее социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских поселений Южной Бессарабии сдерживалось чиновническо-бюрократическим управлением, уравнильным общинным землепользованием, произволом и злоупотреблением местного административного аппарата, сохранением феодально-крепостнических отношений и самодержавия в России. Против всего этого объективно было направлено массовое движение в поселениях в 1842-1844 гг.

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОСЕЛЕНИЯХ (1842-1844 гг.)

... КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕРХНЕ-БУДЖАКСКОМ ОКРУГЕ В 1842 ГОДУ

Мы ознакомились с основными причинами, обусловившими обострение классовых противоречий, вызвавших в поселении борьбу народных масс против разбогатевшей буржуазной верхушки общества и колонистских властей.

Мы не располагаем нужными сведениями для установления точной начальной даты движения болгаро-гагаузских поселенцев. Г.Занетов отметил, что оно имело место "к концу управления Буткова". Такое определение начальной хронологической грани является расплывчатым и довольно неопределенным. Удаление Буткова с занимаемой должности по управлению поселенцами состоялось в конце 1844 года. Таким образом, 1844 г. может быть признан скорее конечной датой движения, так как удаление Буткова должно рассматриваться как одно из последних предшествующего движения масс.

И.Титоров, который, подобно Занетову, также не уделил достаточно внимания данному явлению, писал: "Это было в достопамятном 1848 году".

Анализ документальных данных, еще неизвестных исследователям, позволяет установить более достоверную начальную дату событий. Недовольным была непонятна необходимость замены существующих деревянных мостов, которые оказывались достаточно прочными для поселения, как думали названные авторы. Иначе говоря, движение 40-х годов было массовым. И, наконец, как можно судить по архивным материалам, оно началось не в Болграде, а в северной части поселения, центром которых был Комрат. Движение это имело три основных этапа. Первый этап выступления масс происходил в Верхне-Буковинском хозяйстве, что неизбежно должно было нанести ему урон. Здесь ранее, чем в остальных трех округах, началось движение протеста и сопротивления против разнообразных злоупотреблений со стороны колонизаторов - чиновников самодержавия и их сторонников. Правительственная комиссия, созданная в 1844 г. для "исследования поселенческой среды аграрной буржуазии и купечества. В первую очередь причин беспорядков, бывших в колониях", вскрыла, что Илашков, редь оно было направлено против окружного старшины А.Илашкова совместно с писарями Жерновым, Тодоровичем и Тыльковым, весьма известные из предыдущего изложения.

В начале поселенцы не заявляли своего протеста и сносили угнетение, которое, по всей вероятности, на первых порах еще не было очевидно. Тягостным. Положение резко изменилось к началу 40-х годов, когда административный произвол и усилившаяся эксплуататорская деятельность А.Илашкова и блокировавшейся с ним группы заинтересованных бюрократов и Тодорович, которые при этом брали с поселенцев деньги, а Жерновых вызвали нарастающее недовольство, вылившееся затем в открытый протест против них и поддерживавшего их управления, возглавляемого М.Бутковым.

Нужен был повод, чтобы движение началось. Такой повод представился.

Недовольство населения А.Илашковым из года в год росло, накаливалось и начало проявляться в 1841-1842 годах, когда на поселенцев легло новое бремя, возложенное бюрократическими учреждениями империи: после личного объезда министром государственных имуществ Киселевым в 1841 году было принято решение о преобразовании внешнего вида всех поселений. Конкретно это должно было выразиться в сносе почти всех старых неказистых жилищ и в замене их новыми постройками улучшенного типа, в строительстве каменных заборов, каменных мостов, в сооружении общественных зданий, в посадке леса и других мероприятиях. Идея, сама по себе неплохая, претворялась в жизнь применением различных жестокостей и варварских приемов принуждения, в чем отличились окружные и сельские власти, менее всего думавшие об удовлетворении непосредственных нужд и интересов самого населения.

Это был настоящий варварский разгром и бесчинство взбесившихся чиновничьих и помещичьих слуг, не знавших пределов своеволия и злоупотреблениям. Чаща страданий поселенцев, особенно бедных и беднейших, казалась переполненной. И надо удивляться тому, что они не сразу восстали, а ограничились негальными формами борьбы с Илашковым и его приспешниками.

Поселенцы сочли для себя также убыточным и разведение лесов, хотя безлесные степи юга Бессарабии и испытывали в них крайнюю нужду. Никто не разъяснял крестьянам пользу, которую могло бы принести для них такое важное мероприятие. Оно осуществлялось по бюрократическим, по приказу свыше, по "воле начальства", мерами, о которых упоминалось раньше. Поселянин не видел перспективы и личных выгод во всех этих мероприятиях. Небезынтересно в этом отношении заявление поселенцев о желании "разводить на свой капитал виноградные и фруктовые сады по способности земли". На своих землях поселяне чувствовали принуждение властей, отрывавших их от работы в своем хозяйстве рабочую пору, и знали, что для целей обесцеления необходимо нести

личные денежные расходы. Это, собственно, и давало им повод считать подобные мероприятия для себя разорительными.

Назначая Е. Гана на должность старшего члена Попечительного комитета в конце 1841 г., Киселев вменял ему в обязанность "лично удостовериться на месте, в какой мере и какими способами возможно, бо отягощения поселенцев, споспешествовать введению у них нужных улучшений", и проявить заботу об улучшении их устройства.

Не имея возможности разобраться во всем происходившем, комратское общество сочло Илашкова главным виновником своего разорения. Едва ли оно знало, что осуществление названных мероприятий происходило по распоряжению правительства. Впрочем, это не изменило бы положения, так как и распоряжение Киселева о "заботах" в пользу поселенцев было лишь фразой.

НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ

9 мая 1842 г. следует считать началом движения комратских поселенцев. В этот день два представителя их беднейших слоев - Недо Франко и Иван Велико - отправили первое "Прошение" от имени общества министру государственных имуществ П. Киселеву. Они жаловались на притеснения, которые испытывали от А. Илашкова. Это был протест против злоупотреблений общественным зерном и денежными средствами общества, против поборов, повинностей, нового строительства поселений и др. Комратчане просили Киселева принять меры для защиты их общества и назначить особого чиновника для "справедливого расследования", обещая дать под присягой "законные доказательства" изложенному и другим обидам, причиняемым Илашковым, но не упомянутым в "Прошении". Таким образом, комратчане вначале стали в путь легальной борьбы против угнетателей.

Первый департамент министерства государственных имуществ, в давший всеми иностранными селениями России, сообщил о поступившей жалобе Киселеву 3 июня 1842 г. Он обратил внимание министра на то, что заведение лесных плантаций, улучшение домостроительства путей сообщения осуществлялось по распоряжению Киселева, отданному им после его посещения поселений летом 1841 года. В соответствии с этим каждая семья поселенцев обязывалась посадить по 0,5 десятин леса всего 4625 десятин. Для осуществления этой цели, как сообщал I департамент, в 1842 г. уже был подготовлен материал для строительства 15 каменных мостов и отпущено из мирских средств поселений 704 рублей серебром". Вследствие этого было сочтено, что "Прошение" по данным вопросам являлось "не заслуживающим внимания".

Таким образом, министру рекомендовалось не принимать в расчет тех обстоятельств, которые, собственно, и побудили комратчан заявить в своем протесте против злоупотреблений Илашкова. Но так как уже нельзя было потушить недовольство поселенцев по другим жалобам, то, по рекомендации первого департамента, Киселев дал согласие проверить обоснованность поступившей жалобы на растраты и другие злоупотребления Илашкова. Старшему члену Попечительного комитета Евгению Гану было предписано произвести расследование, проверив, "действительно ли общество к. Комрат недовольно поступками старшины, какими именно и какие меры будут ими приняты для успокоения недовольных, если жалоба двух поселенцев оправдается".

Но Ган не торопился с выполнением полученного поручения. Поэтому I департамент 12 сентября должен был напомнить ему о необходимости ускорить расследование, тем более, что в департамент поступило новое "Прошение" за подписями тех же Н. Франко и И. Велико, жаловавшихся на "новые стеснительные для общества действия старшины".

Отговорившись своей занятостью, Ган поручил ведение следствия по возбужденным жалобам члену Попечительного комитета Евдокимову. Этот чиновник уже скомпрометировал себя темными сделками со зрителями немецких колоний Одесского водворения. Он был изобличен в том, что, подобно Илашкову, был замешан в злоупотреблениях общественными средствами поселенцев. У бессарабских поселенцев были основания недовольно относиться к Евдокимову. И когда в Комрате стало известно о его назначении, то поселенцы просили Киселева заменить Евдокимова особым чиновником и на время следствия удалить Илашкова из Комрата, а его имущество использовать для удовлетворения претензий комратских поселенцев.

Но с требованиями комратского общества не считались, и Евдокимов занимался следствием на протяжении 3-х недель, к которому приступил в Комрате 1 октября 1842 года. Следственный материал позволяет заключить, что следствие проводилось с пристрастием - не в отношении Илашкова, конечно, а в отношении всех тех, кто в той или иной степени пострадал от него.

В конце октября сам Ган должен был подтвердить, что не только уполномоченные комратского общества, "но и часть общества Комрата негодует на старшину".

Илашков также не был удален из пределов округа на время следствия, как этого добивалось комратское общество, и оно велось в его присутствии. Непонятно, почему Ган докладывал министерству государственных имуществ о состоявшемся якобы удалении Илашкова. Можно предположить, что прием обмана своего ведомства он исполь-

зовал для скрытия того пристрастия, с которым производилось следствие.

Присутствие обвиняемого, находившего поддержку со стороны Евдокимова, могло вселить в рядах недовольных робость перед этими начальниками. И Тигоров не без основания утверждал: "Наши болгары знали, что русские власти не шутят". А Евдокимов и Илашкова в глазах населения как раз и являлись представителями русского царизма.

Пристрастие в процессе расследования обнаруживает классовый подход к решению поставленных перед Евдокимовым задач. Отсюда понятна та ненависть к массе поселенцев и злоба, которой дышала его характеристика, данная Недо Франко и Ивану Велико: "Если бы колониисты эти принадлежали к числу нравственных и хороших хозяев, то прошение их имело бы право на внимание начальства, но Недо Франко и Иван Велико суть люди развратные, не имеющие хозяйства, не занимающиеся ничем полезным. Ремесло поверенных или мироедов есть для них единственный источник содержания. Они прибегли к нему тогда, когда мерами начальства воспрещено им было вредное искательство кладов. Я признаю и всякое потворство их деятельности в высшей степени вредным, общество же, избирающее подобных людей в свои поверенные, само дает о себе невыгодное мнение. Плодом наущений их служат ропоты на принимаемые начальством меры к улучшению в колониях домостроительства. Но ропоты эти неминуемы, ибо возникли в то время, когда предписания на первый случай улучшения уже сделаны, потому, что были сделаны по приказу Киселева без "особых принуждений и никаких чрезвычайных пожертвований". По заключению Евдокимова, строительство мостов, заборов, лесоразведение и пр. не имели оснований для жалоб.

Этим, в частности, можно объяснить неполноту следствия, произведенного в 1842 г. С одной стороны, Евдокимов сам не сделал ничего для добросовестного выявления всех злоупотреблений окружного старшины. С другой стороны, недовольные массы, из-за боязни перед начальством не посмели открыто заявить обо всех своих претензиях к Илашкову и его единомышленникам. В этом можно быть твердо уверенным, так как в 1844 г., во время нового следствия комиссии, назначенной министерством государственных имуществ, было вскрыто гораздо больше злоупотреблений благодаря тому, что возглавлявший эту комиссию старший советник Атрешков сумел создать атмосферу полного доверия комиссии. Мы остановились на этом для того, чтобы подчеркнуть создавшуюся атмосферу недоверия населения к Евдокимову при производстве им следствия. И все же, несмотря на все старание Евдокимов

выгородить Илашкова, он не мог не признать справедливости целого ряда обвинений.

По обширной "Записке из следственных актов по жалобам, поданным на старшину Верхне-Буджакского округа Илашкова, составленной членом Попечительного комитета Евдокимовым" можно проследить, как производилось это следствие и какими результатами оно завершилось. По прибытии в Комрат Евдокимов установил, что из числа сохранившихся и опрошенных им 600 жителей этого местечка лишь 240 заявили о своем недовольстве старшиной. Приводя последнюю цифру, несомненно преуменьшенную, член Попечительного комитета, по-видимому, надеялся показать, что значительное большинство комратчан не имело никаких претензий к Илашкову. Это предположение едва ли правдоподобно. По свидетельству самого Евдокимова, допрос жителей производился в присутствии Илашкова, которому давалась возможность опровергаться с помощью комратских присяжных стариков, то есть членов подчиненного ему же сельского приказа. Кроме того, многие поселенцы, не имевшие твердой уверенности в благоприятном для них исходе следствия, боялись говорить правду, зная по опыту о крутых мерах, которые применял Илашков. Несомненно, что от их внимания не ускользнула и близость, существовавшая между ним и Евдокимовым.

При такой обстановке Евдокимов, не входя в детошное рассмотрение существа поставленных вопросов, с необыкновенной ловкостью направского николаевского чиновника, отметал или смягчал целый ряд обвинений и жалоб жителей Комрата и других селений Верхне-Буджакского округа.

Так, например, им была признана необоснованной жалоба в получении Илашковым по 30 рублей с каждого селения округа за освобождение селений от повинностей на том только основании, что в поселениях якобы не найдено книг с соответствующими записями и не обнаружено жалоб со стороны поселенцев этих поселений на подобные сборы. В то же время было признано справедливым показание Илашкова о том, что жители Комрата (который был в четыре раза больше любого другого селения и насчитывал более 600 хозяйств) должны были отбывать и больше повинностей. Жалобу Франко и Велико в этом вопросе Евдокимов назвал "наветом" на Илашкова. Точно также Евдокимов отверг обвинение в злоупотреблениях общественным хлебом из запасных магазинов при оказании помощи румелийцам в 1830 году, за который будто бы Илашков денег не получал, и хлеб, полученный им, будто бы был возвращен в запасный магазин натурой. Неправдоподобность такого утверждения становится очевидной, если иметь в виду, что возвращение румелийцев на родину было вызвано неурожаем 30-х годов, особенно

1834 года, связанной с ними чрезвычайной дороговизной. Следовательно, они не успев обзавестись хозяйством, в создавшихся условиях не имели возможности вернуть полученную сумму натурой. Словесные жалобы, заявленные комратчанами во время следствия о взыскании 31 четверти и 14 мерок хлеба для пополнения запасов общественного магазина, после ухода румелийцев, подтверждают данное предположение.

Ряд жалоб одна за другой были признаны либо необоснованными, либо написанными "по недоразумению". Вину за безвозмездные поборы, производившиеся в пользу комратских старост, выборного, десятских и помощника окружного старшины была свалена на комратского выборного Вельчо Железа. Денежные поборы с населения по 1 рублю, затем по 52 коп. с души, строительство каменных мостов, посадка лесов, отвод 100 десятин общественной земли Йордану Койчу, новое планирование усадьбы Комрата, постройка каменных заборов взамен плетневых, ежегодные поборы на содержание окружного приказа, доставка селянами топлива за свой счет для последнего и другие жалобы не были приняты во внимание как мероприятия, осуществлявшиеся по распоряжению правительства, либо как ложные.

Надо особо отметить, что Франко и Велико, несмотря на созданный обстановку недоверия к ним и на запугивания, были поддержаны не только комратчанами, но и жителями других поселений, которые устно сообщали Евдокимову свои дополнительные жалобы. Сам Евдокимов сообщал о жалобах, поданных ему жителями Комрата, Бешалмы и Баурчи. Недовольства остальных 17 поселений Верхне-Буджакского округа он не обнаружил вопреки фактам, выявленным во время следствия в 184 г., записав, что их население "на сделанные от меня вопросы отзывалось, что Илашковым довольны". Такое заявление могло быть сделано в лучшем случае, только зажиточной частью поселенцев.

Обращают на себя внимание жалобы названных поселений, отклоненных Евдокимовым, как, например, на запрещение Илашковым свободного допуска поселенцев, особенно бедных, к приезжающим представителям власти для подачи заявлений о нуждах общества. Чтобы преградить подобное общение поселенцев с представителями власти, он терроризировал население, устрасая его побоями. Побойи, как средство устрашения, судя по следственным материалам, получили широкое распространение в практике не только у Илашкова, но даже у письмоводителей сельских приказов. Известный интерес представляют жалобы на поборы Илашкова, позволявшие ему наживаться за счет частных и общественных средств населения округа. При отдаче в откупное содержание корчмы в Чадыр-Лунге он получил в виде "подарка" от жителя Ча-

дыр-Лунги Ради Браничанина 50 руб. серебром. Евдокимов пытался доказать, что эти деньги являлись отступными, данными поселенцу Касапу, желавшему взять в откуп ту же корчму. Как "ложное" было отвергнуто обвинение в получении "подарка" от комратского поселенца Александра Койчу при постройке им запасного магазина в поселении Дезгиндже. Без всяких оснований Евдокимов пытался обелить старшину и тогда, когда из-за выявившейся запущенности учета общественно-го зерна в общественном магазине Комрата обнаружил недостачу в 448,5 четвертей хлеба.

Поселенцы жаловались на произвол и чрезмерные злоупотребления Илашковым своей административной властью, в чем ему помогали и подражали другие представители местной администрации, зависевшие от окружного старшины.

"Присяжные старики, выборные и писаря всего округа сменяются и определяются по собственному произволу Илашкова," - жаловались Франко и Вельчко. Нетрудно заметить, что это обвинение, отклоненное Евдокимовым как несостоятельное, могло бы вскрыть деятельность Илашкова, направленную на создание послушных ему сельских приказов, что облегчало ему господство в поселениях для увеличения личных доходов за счет населения. Произвол и злоупотребление проявились и в том, что Илашков без согласия обществ селян, без так называемых "мирских приговоров", чинил расправу над неугодными ему лицами. В селах его примеру подражали письмоводители или писари, которые юридически даже не являлись представителями власти, а были наемными должностными лицами в сельских приказах. Но эти крючкотворы, зачастую бывшие единственными грамотными людьми в селениях, довольно быстро воспользовались своим положением для того, чтобы, при поддержке окружного приказа, подчинить себе сельские власти и безнаказанно совершать всевозможные злоупотребления не только по побуждению начальства, но и по собственному усмотрению. Выше был приведен пример незаконного получения поборов взамен незаконных наказаний розгами конгазским письмоводителем Жерновым.

В дела евдокимовского "следствия" попали, конечно, далеко не все случаи произвола и насилий над поселенцами округа. В "записке" приведены лишь некоторые случаи такого рода. Так, например, поселенец Комрата Бужинков был отправлен в Болград и содержался там под арестом 9 суток по причинам ему неизвестным, а по объяснению Евдокимова - за подстрекательство румелийских болгар к возвращению на родину. Комратчане Люцкан и Дичиян подверглись наказанию розгами. В сентябре 1842 г. по неизвестной причине подвергся аресту житель Комрата Василий Абрамов. Когда в сельский приказ, где Абрамов находился

под арестом, явились поселенцы Василий Чунтук и Тодор Димка, что выяснить причины ареста, "Илашков, встретив их, бил обоих кулаками", а Тодора Димку, "заковав в кандалы, продержал целые сутки, потом наказал его 25 ударами розог, без всякого приговора". Советом необоснованно Евдокимов оправдывал Илашкова, взвалив вину за такой произвол на выборных и присяжных стариков, которые были наказаны Чунтука и Димку "за пьянство и буйство в питейном доме".

Произвол и насилия старшины особенно сильно испытывали на себе Франко и Велико, в которых он видел наиболее враждебных выражений протеста обидаемого им населения. Когда стало известно, что званые поверенные поселян послали Киселеву жалобу, то он взял под стражу, держал под арестом восемь дней и несколько дней морил голодом. Когда же "общество пришло ходатайствовать за них", Илашков совместно с комратским выборным Семеном Константиновым явились в дом Франко. Взломали двери и, ворвавшись туда, занялись пощипыванием черновиков "Прощения". После этого арестованные были выпущены. Но Иван Велико подвергся такому избиению, что долго болячки были столь очевидными, что их признал и Евдокимов.

Цитированная часть "Записки" Евдокимова представляет собой ценное своим свидетельством, что комратское "общество пришло ходатайствовать" за своих арестованных поверенных. Этим подчеркивается солидарность с ними массы населения и обоснованность "Прощений", подписанных по поручению односельчан Недо Франко и Ивана Велико, действия же властей, естественно, воспринимались как произвол против этих лиц.

Мы отмечали, какому жестокому истязанию за подачу "Прощения" подвергся И. Велико.

Небезынтересны доводы, приведенные в связи с этим для оправдания Илашкова. "При изыскании открылось, - писал Евдокимов, - что старшина Илашков, получив донесение письмоводца с Кирсово о том, что Н. Франко, отправясь в это поселение, имел какие-то тайные переговоры с некоторыми тамошними поселенцами, а отсюда неизвестно куда отлучился. Имея в виду секретные предписания г-на управляющего дунайскими поселенцами и г-на Бессарабского военного губернатора наблюдения за действиями и образом жизни болгар-поселенцев, не знают ли они с заграничными болгарскими, восставшими против своего правительства, каких-либо тайных сношений и не производится ли здесь польза заграничных болгар денежных сборов, поручил комратскому сельскому приказу, как только Н. Франко возвратится из неизвестного отлучки, взять его под арест вместе с И. Велико, который также отлучился с Франко тайно, что было приказом и исполнено, а сам Илаш

с выборным Константиновым пошел в дом Франко, где при поселенце Иване Янчогло чинил розыск и как не нашел у него никакой переписки с заграничными болгарскими" и, получив у Франко объяснения причин его отсутствия необходимо отправить "Прощение" к Киселеву, освободил их.

Обширная выдержка из "Записки" Евдокимова позволяет установить, что описанные действия Илашкова могли иметь место в мае 1842 г., так как "Прощение", поданное Киселеву за подписями Франко и Велико, датировано 9 мая указанного года. Для нас, однако, важно обратить здесь внимание на то, что сам Илашков действительно мог явиться, может быть, очень решительным исполнителем распоряжений управляющего Буткова и бессарабского военного губернатора Федорова.

Эти лица, как об этом недвусмысленно говорят архивные данные, с 1841 года действительно были заняты тушением искр болгарского освободительного движения, павших и в пределы бессарабских болгарских поселений. В 1841 г. в г. Рени действительно была обнаружена попытка организации болгарской тайной революционно-освободительной организации, во главе которой стоял переводчик таможенной конторы, чиновник русской службы болгарин Петр Ганчев. Он вместе с небольшим кругом единомышленников в Рени поддерживал тогда связь с запрутскими болгарскими в Браилове, Галаце и др., а также с известным болгарским революционным деятелем середины XIX в. Георгием Стойко Раковским. Эта зарождавшаяся организация пыталась установить связь с бессарабскими болгарскими поселениями, особенно с главным центром их Болградом с тем, чтобы собрать там необходимые средства и найти людей для развертывания антитурецкого освободительного движения в Болгарии. Неудачная попытка связей с богатым одесским торговцем болгаринцем Априловым привела к провалу организации. Ганчев и его единомышленники были выданы шефу жандармов Бенкендорфу. Организация погибла в самом начале своего существования. Материалы, попавшие в связи с этим в руки охраны, вызвали серьезное беспокойство правительства и его органов в Новороссии и Бессарабии. Переписка, которая велась по этому поводу между Бенкендорфом, Федоровым, новороссийским и бессарабским генерал-губернатором Воронцовым и Бутковым, свидетельствует об установлении тайного надзора за дунайскими поселенцами в Бессарабии. Она дает нам полное основание верить материалам из "Записки" Евдокимова в той ее части, где сказано о выполнении Илашковым секретного предписания о надзоре "за действиями и образом жизни болгар-поселенцев."

Предположение о связях между бессарабскими и заграничными болгарскими сохранилось в цитированном документе, где сказано о тайных

переговорах Франко и Велико в мае 1842 г., которые якобы велись жителями Кирсово и других сел Верхне-Буджакского округа. Остается неизвестным, имели ли в действительности эти переговоры какое-либо отношение к освободительному движению в Болгарии. Можно допустить, что Илашков в этом случае не смог вскрыть намерений Франко и Велико. Под напором требований общества комратских поселян освободить из-под ареста этих лиц, он был вынужден произвести в спешном порядке "розыск" в доме Франко, при котором "никакой переписки с иностранными болгарскими" и, очевидно, никаких других улик не было обнаружено. В силу этого Илашков ограничился объяснением Франко о причинах его отсутствия в Комрате. Слабый свет проливает на эту сторону движения донесение Гана Киселеву от 13 декабря 1842 года. Пытаясь опорочить одного из участников движения этого времени, бывшего в прошлом старшиной Верхне-Буджакского округа, Константин Койчу, Ган писал о нем как о человеке, который "по знанию азиатских нравов и обычаев может иметь сильное влияние на болгарский народ, которые не соответствуют видам правительства, то от этого влияния нельзя ожидать полезных плодов, особенно если он сделает себя посредником между нашими и турецкими болгарскими". Правда, Ган оговаривался об отсутствии у него основания для такого опасения и, так сказать, был озабочен принятием профилактических мер против болгарских революционеров. Он лишь думал, что "и в этом отношении зло может быть предупреждено удалением Койчу" за пределы Комрата и болгарских селений в Бессарабии вообще.

Спустя месяц после этого, в новом донесении Киселеву он писал "тайных сходбищах" в имении Койчу, "уличенного в подстрекательстве легковверных поселенцев к буйству и раздорам", к которому приходило "развратнейшие из поселенцев".

Стремление большого количества поселенцев Бессарабии бежать в Болгарию, чему официальные лица уделяли в своей переписке много внимания, также дает некоторые основания для утверждения о наличии связей с общеполгарским национально-освободительным движением начал 40-х гг. Но побег в большинстве случаев могут быть объяснены местными причинами и прежде всего "притеснением местного начальства". Однако, обо всем этом пока можно говорить лишь предположительно.

Более важным для нас является констатация другого факта, подтверждаемого цитированным документом и имеющего существенное значение для движения комратских поселенцев. Я имею в виду сплоченность и настойчивость масс комратских поселян, проявленные ими, когда они выступили в защиту своих пострадавших поверенных.

Именно этим можно объяснить проведение "розыска" и последующее освобождение Франко и Велико. Этим же показывается временное превосходство сил поселенцев в ходе их борьбы с ненавистной им оккупационной администрацией. Илашков видимо учел, что дальнейшее содержание под арестом поверенных угрожало и лично ему нежелательными последствиями.

Наконец, приведенные сведения являются ярким доказательством того, что движение поселенцев, имевшее к моменту подачи "Прошения", то есть к 9 мая 1842 г., характер легальной борьбы против произвола и злоупотребления местных властей, вскоре после этого переросло в активное движение народных масс против этих же властей, которое они называли "бунтом". Он мог иметь место вскоре после подачи "Прошения", примерно в средних числах мая 1842 г.

Не будет ошибочным предположить, что под воздействием нарастающего движения министерство государственных имуществ и его I департамент торопили тогда Гана с необходимостью производства следствия, одним из результатов которого должно было явиться усмирение движения. Этим же можно объяснить и отношение Гана к движению, как равно и определение им для производства следствия такого чиновника, каким был Евдокимов, на которого он мог положиться.

ЗАВЕРШЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

В конце октября 1842 г. следствие о причинах движения в Верхне-Буджакском округе формально было закончено. Материалы следствия поступили в Попечительный комитет и на их основании 28 октября Ган написал подробное донесение в министерство государственных имуществ. Как видно из этого донесения и "Записки" Евдокимова, Попечительный комитет принял все меры для реабилитации Илашкова и для обвинения довольно значительной части недовольного населения, вступившего в борьбу с Илашковым.

Большое количество жалоб поселенцев Верхне-Буджакского округа показало Евдокимову, что они выражают нарастающее недовольство народных масс создавшимся положением и что для их успокоения необходимо пойти хотя бы на некоторые незначительные уступки особенно в тех случаях, когда не представлялось возможности скрыть обнаруженные злоупотребления. Так, Евдокимов обязал Илашкова и других лиц возместить материальный ущерб, нанесенный отдельным поселенцам: заплатить за двух павших лошадей, взятых у поселенцев при проезде через Комрат Кишиневского архиепископа Дмитрия, вернуть деньги 10

поселенцам, незаконно взысканные в 1834 г. за не выданную им хлебную ссуду, возместить стоимость вола, павшего у одного из поселенцев во время работы на Илашкова, оплатить работу по перевозке сена и этот же хугор пятнадцати поселенцам с. Бурчи и ряд других мелких претензий.

Ган и Евдокимов после этого полагали свою миссию законченной и написали в министерство государственных имуществ о том, что якобы "все частные требования были немедленно исполнены: поселенцы, управлявшие для старшины какие-либо работы или понесли какие-либо убытки, им вознаграждены, должностные лица, воспользовавшиеся какими-либо ссудами от общества или хозяев, понуждены к возврату поличного и заведено дело на счет оказавшихся противозаконных действий власти. Сверх этого поставлены на вид прочим старшинам последствия поступков Илашкова". Одним из важнейших последствий деятельности Илашкова было распоряжение об его увольнении с должности окружного старшины.

В этом следует видеть известный успех поселенцев округа, выпивших решительно против главного виновника их бедствий. В смятенной форме его привалил Евдокимов. Он не мог не отметить, что Илашков "заслужил порицания за неприличные для начальства связи" с поселенцами. Такое решение об Илашкове, по его мнению, должно было успокоить недовольных.

Увольнение Илашкова с должности нельзя не рассматривать как успех, достигнутый поселенцами. Его можно рассматривать как удовлетворение политического требования масс на право свободного выбора обществами своих сельских и окружных органов управления, закрепленного законодательным порядком в декабре 1819 г.

В своем "Прошении" от 9 мая 1842 г. комратчане выражали протест против нарушения их самоуправления, отмечая, что на основании существующих законов, когда их "общество избирает по обыкновению с своей стороны выборного и присяжных, при оказывании чего-либо к общественной, а не Илашкова пользе", ничего не могут добиться, так как они "ни на что не смотря, причиняет им побои, как равно и тем бедным, которые за себя чего-либо просят". Несмотря на все это, поселенцы как будто соглашались на известный компромисс, чтобы добиться своей цели.

Еще в ходе следствия Евдокимов записал, что комратское общество подавшее ему жалобы на Илашкова дополнительно к перечисленным "Прошениях", подписанные поверенными Франко и Велико, "присовокупило, что за все вышеизложенные стеснения они к старшине Илашкову претензий ныне не имеют, но просят только, чтобы впредь этого не было и чтобы они избавлены были вообще от управления его над ними".

Нет возможности проверить данное заявление, так как дополнительные жалобы комратчан были сообщены Евдокимову в устной форме и не сформулированы. Это дает некоторые основания считать показание недовольным попытку смягчить остроту положения.

Но даже и такая формулировка заключения недвусмысленно свидетельствует об общем недовольстве поселенцев Илашковым. В нем обращают на себя внимание слова о том, что к последнему они "претензий ныне не имеют". Они как бы выражали этим согласие забыть прошлые деяния старшины, но при условии, "чтобы впредь этого не было и чтобы они избавлены были вообще от управления его над ними". Так выражаемое требование об отстранении Илашкова от занимаемой должности, пользуясь которой он вызвал всеобщее недовольство собой.

По-видимому, Евдокимов не хотел согласиться с этим мнением, и хотя по своему служебному положению, как член Попечительного комитета, сам должен был знать Илашкова, потребовал от Буткова характеристики нравственных и служебных качеств последнего.

Как и следовало ожидать, Бутков, личные злоупотребления которого были тесно связаны с деятельностью подобных лиц, дал ему самый положительный отзыв как о человеке "отличной нравственности", который "по службе деятелен и усерден, ознакомился совершенно с народом, знает природные их языки (имеются в виду болгарский, гагаузский и молдавский, на которых говорили поселенцы - И.М.) и необходим на настоящем месте и в настоящей должности".

Однако факты были слишком ярки и очевидны, чтобы их можно было игнорировать. И Евдокимов в конце концов оказался вынужденным дать свое согласие на отстранение Илашкова от занимаемой должности.

Удаление Илашкова явилось временной победой масс, наивно веривших в возможность прекращения всех тех социальных несправедливостей и злоупотреблений, существование которых в их представлении связывалось с деятельностью Илашкова. Тем не менее массы добились удовлетворения своего требования.

Значительность успехов движения поселенцев Верхне-Буджакского округа на первом его этапе станет еще более яркой, если принять во внимание соотношение борющихся сил. Представителям самодержавия фактически пришлось столкнуться с поселенцами, общее число которых во всем округе едва достигло в 1842 г. 21000 душ обоего пола.

Важным последствием достигнутого успеха движения 1842 г. следует считать и то, что оно вселило уверенность в возможности добиться дальнейших успехов и, наконец, в том, что движение в Верхне-Буджакском округе оказало несомненное влияние на его распространение во всех 4-х округах задунайских переселенцев.

На протяжении следствия, производившего Евдокимовым, масса населения могли питать какую-то надежду на решение вопроса в свою пользу. Этим можно объяснить отсутствие каких-либо активных выступлений в октябре. Движение сохраняло мирный характер вплоть до окончания работы Евдокимова. Принятое им же решение в результате следствия в самом конце октября послужило поводом к переходу масса на новую ступень борьбы, на ее новый этап, характеризующийся активностью населения. Круг участников расширился, борьба приняла более острый характер.

Как же происходила реализация евдокимовского решения? Для этого в ноябре в Комрат прибыл Бутков. Его прибытие, по словам Евдокимова, состоялось после того, как следствие закончилось и поэтому ключалась возможность непосредственного влияния на его ход. Таким образом, Евдокимов стремился показать свою мнимую объективность при расследовании жалоб поселенцев на своего старшину. Дело здесь однако не в степени влияния, которое мог оказать Бутков своим присутствием в Комрате, а в том, что более раннее его появление могло дать лишний повод к разоблачению его личной заинтересованности в оправдании Илашкова. Бутков мог надеяться на благоприятный исход дела полностью довериться Евдокимову: "Сей последний," - писал об Евдокимове штаб-офицер жандармского корпуса Бессарабской области, - "входясь с давнего времени в самой дружеской связи с управляющим Бутковым, следствие произвел так, как угодно было управляющему". Это очень ценное свидетельство с головой выдает Гана, Евдокимова и Буткова, неустанно твердивших о состоявшемся удовлетворении требований поселенцев. Таким образом, вопрос об объективности следствия отпадает и подчеркивается полное пристрастие Евдокимова к участникам движения.

Реализация решения показала, насколько оно отвечало этим требованиям. Бутков и Евдокимов испытывали явное затруднение при попытке обнародовать его. Не решаясь выступить с ним на мирской сходке, они вместо этого вызвали к себе Франко и Велико и сообщили им о принятых мерах по жалобам поселенцев.

Почти тотчас, как только массы узнали об этом от своих доверенных, в Комрате вспыхнуло движение, в котором приняло участие большое количество населения. По преуменьшенным данным Гана, в движение, которое он называл "неистовым буйством", участвовало около 100 человек. Оно, очевидно, охватило основную массу жителей Комрата насчитывавшего более 600 хозяйств. Что же касается 100 человек,

которых сообщалось, то они являлись наиболее активной частью восставших поселенцев, так как, по свидетельству того же Гана, это были наиболее бедные, из которых "почти ни один не имеет порядочного хозяйства. У некоторых все богатство заключается в землянке, а другие вовсе ничего не имеют". Это были действительно бедные и беднейшие крестьяне, которые не могли мириться с навязываемым им социальным угнетением. Они еще в ходе евдокимовского следствия убеждались в том, что их требования не получат желательного разрешения. К их жалобам на Илашкова Евдокимов подошел как защитник интересов господствующих классов. Поэтому его уступки в пользу народных масс оказались весьма незначительными, рассчитанными лишь на ослабление движения, и не могли удовлетворить массы. "Некоторые колонисты для одной только формы были удовлетворены деньгами, большая же часть жалоб осталась без исследования," - писал штаб-офицер жандармского корпуса Бессарабской области, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях или в сочувствии к массам народа, восставшего осенью 1842 г. Атрешков также констатировал, что после удаления А. Илашкова претензии поселенцев остались неудовлетворенными. После показаний этих официальных представителей власти мы имеем основание с большим доверием отнестись к показаниям К. Койчу, имевшего отношение к участникам комратских волнений. В своем "Прошении" к Киселеву он обвинял Евдокимова в пристрастном ведении следствия, отмечая, что "правильная претензия поселенцев к Илашкову за забранный им хлеб и прочее вознаграждалась побоями". Далее Койчу писал о том, что "злоупотребления бывшего старшины Илашкова были скрыты под страхом ожидаемого во всякое время наказания за справедливое показание... Просьбы обращены в донос и самый случай сей признан возмущением". Через некоторое время Койчу донес об этом же и Бенкендорфу. Более того, даже уступки, сделанными Евдокимовым, не были полностью реализованы до конца года. Ган в декабре, отстаивая несостоятельность новых жалоб, поданных министру государственных имуществ, отмечал, что на имущество Илашкова наложен арест с тем, чтобы удовлетворить претензии поселенцев.

Когда решение по жалобам поселенцев было объявлено, то они не только не удовлетворились им, но и, по словам Гана, "предались неистовому буйству, отказавшись от платежа податей и от засева своих участков на общественной плантации. Участники "неистового буйства", как оказалось, "оскорбили некоторых почтенных стариков" якобы "за показание при допросах истины, грозили добропорядочным хозяевам мщением и отчасти исполнили оное, ибо в двух местах оказались поджоги", и, наконец, "посягнули на лицо" Буткова, прибывшего для умирения

ния недовольных. Таким образом, в ходе борьбы более четко определилась расстановка борющихся сил. Люди, которых Ган глубоко ненавидел и называл "чернью", вступили теперь на путь активной борьбы только с местными представителями власти, но и с односельчанами, которые по своему социальному положению были средни Илашкову. Они боролись теперь не только против Илашкова, но и против "почтенных стариков", "добропорядочных хозяев", против "лучшей части общества", которая, заняв противоположные позиции, "с негодованием вела все происходящее и обратилась к начальству с просьбой о выселении из Комрата главных зачинщиков беспорядков".

Следовательно, в конце 1842 г. сельская беднота и примыкавшие к ней средние слои крестьянства выступали против тех элементов, из которых складывалась сельская буржуазия, известная у болгар и гагаузов под именем чорбаджии, как ранее еще в Болгарии называли сельских богатеев.

РАСПРАВА С УЧАСТНИКАМИ ДВИЖЕНИЯ В НОЯБРЕ 1842 Г.

Бутков, заинтересованный в ограждении интересов аграриев и, возможно, при их помощи повел жестокую борьбу для подавления восстания. По свидетельству К.Койчу, он стремился "вселить страх в народ, боязнь доискиваться истины, истязая за каждое слово правды наказанием или обременением оковами и отправлением по колониям для наказания прочим колонистам под видом возмутителей".

Восстание, проходившее стихийно, было подавлено силой. Стремясь предотвратить его распространение на соседние поселения, Бутков действовал быстро и решительно. Из числа наиболее активных участников комратского восстания ему удалось взять "зачинщиков", которые "были немедленно подвергнуты телесному наказанию, а двое - общественным работам". Среди наказанных оказались Франко и Велико, "скольким участие в беспоконствах, столько и за дерзость, оказанную ими Евдокиму, когда объявили ему, что не признают произведенного им следствия действительным". Расправа, как казалось Гану, достигла цели: он рапортовал начальству: "Мера эта увенчалась полным успехом. Спокойствие восстановилось".

ВОЛНЕНИЕ В БОЛГРАДЕ ОСЕНЬЮ 1842 Г.

Волнения, возникшие в мае, а затем и ноябре 1842 г. в Комрате, явились наиболее открытым проявлением недовольства всего населения "Бессарабского болгарского водворения". Однако, не везде оно вылилось

открытый протест, как это произошло в Комрате. Но можно утверждать, что за следствием Евдокимова наблюдало все население водворения и, убеждаясь в том, что его результаты едва ли принесут ожидаемое облегчение положения, искало выхода. Результатом этого явилось стремление к бегству в Болгарию, на чем остановимся подробнее ниже. Вместе с тем нельзя коснуться активных форм движения, наблюдавшихся в Болграде в ноябре 1842 г.

Следственные материалы, оставленные управлением и Попечительным комитетом, не дают представления о действительных причинах недовольства населения этого города. Представители колонистских властей старались показать, что волнения жителей г. Болграда были вызваны ограничением свободной продажи виноградного вина. Так Ган пытался дать свое объяснение причинам, вызвавшим движения в поселениях. Он писал Федорову, что в Болграде и Комрате "в конце прошлого и начале нынешнего (1843 - И. М.) года возникли особые неудовольствия по поводу предположенного начальством в этих колониях ограничения числа питейных домов". Этому вопросу в переписке начала 40-х годов действительно уделялось много внимания. Под видом забот о нравственности болгар и гагаузов Управление и Попечительный комитет, нарушая право свободной продажи вина, предоставленное указом от 28 декабря 1819 г., стали на путь ограничения количества питейных домов "свыше надобности". В результате этого во всех селениях, за исключением Болграда и Комрата, было оставлено по одной корчме. Корчмы эти отдавались в оброчное содержание, а получаемый доход поступал на пополнение общественных сумм. Жители Болграда, в котором до 1842 г. имелось большое количество питейных домов, не желали утрачивать этого важного источника личных доходов и высказывались против всяких ограничений. Ограничения подобного рода могли неблагоприятно сказаться на развитии такой важной отрасли сельского хозяйства южной Бессарабии, как виноградарство и виноделие. На эту сторону дела обратила внимание комиссия Атрешкова, отметившая, что уже тогда виноградарство и виноделие составляли "важный предмет производимости" в хозяйстве поселений, в которых насчитывалось более четырех с половиной миллионов виноградных кустов, дававших ежегодно около 137 тысяч ведер вина. Развитие этой отрасли сельского хозяйства ставилось в прямую зависимость от существовавшей до 1842 г. свободной продажи вина и вместе с тем отмечалось, что Болград и Комрат как центры Бессарабского задунайского водворения "не находили для себя выгодным ограничение вольной продажи вина". При этом комиссия неоднократно обращала внимание на впечатляющую ее трезвость местного населения, чем вскрывается фаризейство заботы властей его нравственностью.

Действительные причины, обусловившие острое столкновение с колониистскими властями, изложены нами выше, где говорилось о разности социального неравенства в пределах Измаильского округа. Они являются общими причинами борьбы всех поселенцев против Управления и местных аграриев.

Причины, вызвавшие восстание болгар Болграда и соседнего села Курчи были выявлены также в ходе следствия 1844 г., а именно: 1) стеснения, вызываемые "общественными постройками мостов, заборов и других хозяйственных исправлений" во время полевых работ; 2) злоупотребления общественным зерном из запасных магазинов; 3) продажа этого хлеба при замене новым по дешевой цене "приближенными Буткова"; 4) пользование поселенческими подводами по нарядам для казенных и частных надобностей, в то время как два курьера, нанятых общественные суммы, находились в личном услужении Буткова, а основная сумма денег на наем подвод присваивались им; 5) "все участии действий Буткова не несут никакой повинности"; 6) получение Бутковым "одобрительных актов" о своей деятельности в результате применения "обмана и насилия" и 7) жалобы на незаконные поступки Каназирского.

Жители Болграда обвиняли Буткова в ограничениях торговли скотом, так как он вел ее в сообществе с Каназарским, Минковым и Топалом.

Недовольство Каназирским - наиболее типичным представителем буржуазных аграриев - нашло тогда же свое отражение в песенно-фольклоре болгарцев. Сохранились две песни, рисующие Каназирского как эксплуататора. Обе они говорят о связях между ним и Бутковым. "Пока Бутков с нами," - говорил Каназирский словами песни "знать не будем печали". Он рисуется человеком, проявляющим усердие в ломке старых крестьянских заборов и замене их каменными. Но что самое важное - Каназирский мечтал с помощью властей приобрести племенных быков и коней и триста прялок для того, чтобы обратить крестьян в своих крепостных, заставить мужчин пасти свои отары табуны, а их жен - прясть пряжу. Себя он желал видеть паном, а своих детей - барчуками. Кроме того, нам уже известно о принудительных работах крестьян в пользу Буткова. Попечительному комитету были известны жалобы на "производившиеся в разных колониях запашки на управляющего".

Таковы причины, вызвавшие недовольство жителей Болграда, вылившиеся в форму открытого движения против властей в ноябре 1844 года. Вопрос же об ограничении свободной продажи виноградного вина послужил лишь поводом к выступлению масс.

Болградские и курчийские поселенцы, недовольные своим положением, виновником которого считали Буткова и его приближенных из числа чиновников Управления и представителей местной буржуазии, вначале, подобно комратчанам, стали на путь легальной борьбы в защиту своих интересов.

Архивные материалы по этому вопросу, к сожалению, скудны. Известно лишь, что, став на этот путь, они обращались к Королькову с просьбами писать прошения на "обиды и притеснения" колониистского управления. Корольков, не отрицавший, что писал жалобы, заявлял комиссии Атрешкова, что он указывал этим поселенцам также и других лиц, которые могли написать нужные прошения.

Из показаний К. Койчу видно, что представители названных поселенцев приезжали в поисках Королькова в Каракулак. Но Койчу отрицал свое влияние на них, заявив, что жителям Болграда и Курчи "советов не давал и в их делах не участвовал", хотя и знал содержание их жалоб на Буткова.

Официальные источники считают главным виновником волнений в Болграде известного нам местного купца Калчо Минкова (далее автор называет его также Минко - ред.). В них говорится, что он как человек, "которого колониистское начальство всегда отмечало как почтеннейшего из болгарских колониистов, в последнее время употребил во зло влияние на легковверную толпу". Убедившись, что ему не будет возвращена отобранная Управлением земля, которая ранее находилась у него в оброчном содержании, "Минко принял самое деятельное участие в беспокорствах по случаю ограничения количества питейных заведений".

Не лишено основания предположение об использовании Минковым стихийного движения масс для достижения своих целей. Ган писал, что Минко осмелился предложить Буткову, в случае возвращения ему оброчных земель, "усмирить недовольных и кончить дело по желанию начальства".

Мы видели, какие причины вызвали движение народных масс в Болграде. Оно было ускорено и произошло в ноябре, когда колониистские власти посягнули на право свободной продажи виноградного вина.

Население Болграда, выступавшее за сохранение своего права, боролось на самом деле против Буткова, дававшего своим приближенным при помощи стеснения продажи вина возможность наживаться на оброчном содержании корчем в ущерб мелким производителям.

Чувствуя, видимо, незаконность своего нововведения, Управление созвало в Болграде "мирской сход", пытаясь добиться соответствующего приговора, который, однако, не получил единогласного одобрения. Присяжный старик Дмитрий Мумжогло резонно заметил: "Если это от

государя, мы не противимся, а если нет, то зачем подписывать?". Таким образом разоблачался произвол колониистских властей. Несмотря на это Управление хотело во что бы то ни стало добиться своего. Чиновник Чернявский отправил Д. Мумжогло под арест закованным в кандалы 109 горожан, не подписавших приговора, в декабре 1842 г., по распоряжению Попечительного комитета тоже были наказаны - "употребление общественной работу. Между ними были старики 90 лет". Большинство подписало приговор из страха наказания. "Таким образом, - писал Атрешков, - местное Управление, объявив волю начальства об уничтожении вольной продажи вина в колониях, вместе с тем силлось исторгнуть у колониистов на то согласие".

Характерно, что, расправляясь с рядовыми участниками волнения колониистские власти весьма снисходительно отнеслись к Калчо Мицкву, которого считали "главным зачинщиком" движения. Он не пострадал ни в декабре 1842 г., ни в марте 1843 г., когда расследование событий производилось Ганом. "Мицко, - писал он, - лично мною уличен был в разных преступных действиях, за которые только по снисхождению предан формальному суду".

Однако власти сами не были уверены в своей победе. Недовольство народных масс не было ликвидировано, а только загнано вглубь и при благоприятной обстановке могло вновь пробиться наружу. Бутков, Евдокимов и Ган знали о том, что Франко и Велико в ноябре 1842 года в своем новом "Прошении" к Киселеву опротестовали несправедливое решение по предыдущим жалобам. Они настаивали на пересмотре решения Евдокимова, прося назначить его имущество для возмещения убытков, причиненных поселенцам. Протест против действий Евдокимова Буткова был заявлен и К. Койчу в его "Прошении" Киселеву 30 ноября, в котором он обличал их, отмечая, что, несмотря на удаление Илашкова с должности старшины, поселенцы, "доискивавшиеся поистине следующего, были наказаны". О том же писал и штабс-капитан жандармского корпуса Бессарабской области, знавший, что после пристрасного рассмотрения жалоб просители не только не получили удовлетворения, но "были наказаны публично на собрании общества".

Особенно обострились к этому времени отношения между К. Койчу представителями колониистских властей Бутковым и Евдокимовым. До последних становилась опасной роль, которую, по их мнению, Койчу играл и мог играть в ближайших выступлениях народных масс. Поэтому против него приняты все меры, чтобы устранить его влияние на массы. В ноябре, после подавления восстания, они удалили его из Комрата, в котором он жил с 1816 г. и в котором владел довольно большим состоянием. Его выслали сначала в с. Тартаул, Кагульского уезда, а потом - на со-

ственный хутор близ Комрата. Но этот акт требовал оснований. Ган и Бутков не стеснялись никакими средствами для этого. Ему вменили в вину составление жалоб на Управление, активную роль в ноябрьских "беспорядках" в Комрате, во время которых он являлся организатором собственной "партии" из своих родственников и приверженцев - "людей непохвальной нравственности и беспокойного характера", которых вдохновлял на борьбу под видом забот об их правах и благе. Дальнейшее пребывание Койчу в Комрате было сочтено "для народного (! - И.М.) спокойствия вредным". При этом Ган пытался доказать, что движение против Илашкова явилось следствием "вредных умыслов" Койчу, целью которых он полагал "доставить сыну своему место окружного старшины, а себе или кому-нибудь из приближенных своих - звание ходатая по колониистским делам". Особенное рвение проявил Бутков, лично заинтересованный в удалении Койчу. Ган одобрил его распоряжение по этому вопросу, считая, что вместе с этим устранялось "препятствие к восстановлению там спокойствия", тем более, что "Койчу в смежности имеет собственное владение (имелся в виду хутор Каракулак - И.М.) и, по непринадлежности к колониистскому званию, лишен права жить в колониях и, следовательно, не может жаловаться на какое-либо от того стеснение".

Подавление комратского восстания в ноябре 1842 года показало поселенцам, что колониистская деятельность Попечительного комитета и Управления стояла на страже интересов имущих слоев населения и защищала их. Обращение в министерство государственных имуществ обернулось против самого недовольства населения, а попытки его активных выступлений были довольно быстро ликвидированы силой. При таких обстоятельствах часть поселенцев утрачивала надежды на улучшение своего экономического и правового положения в пределах Бессарабии и искала выхода в бегстве за границу, на родину.

ВОПРОС О БЕГСТВЕ ПОСЕЛЕНЦЕВ В БОЛГАРИЮ

О намерениях и подготовке болгар и гагаузов к бегству из России в Болгарию осенью 1842 года свидетельствуют сообщения разных официальных лиц и учреждений. Об этом писал бывший болгарский врач Правицкий, бессарабский жандармский штабс-офицер, получавший сведения от пограничной стражи, об этом стало известно Федорову, одесскому жандармскому окружному начальнику, генералу Шнелю и др. Даже Ган, которому хотелось скрыть это явление, оказался вынужденным признать правильность факта. "Что касается до желания некоторых болгар возвратиться на родину, - доносил он Киселеву, - то я не скрою, что обстоятельство это справедливо".

Начальник крепостной измайльской гражданской команды Немич-Данченко, занятый проверкой слухов о намерении болгар бежать границу, доносил: "Действительно некоторые беженцы в начале осени распродали свой скот и овец и на зиму не делали никакой запашки - некоторые из них ходили к границе, чтобы разведать удобные места переправы и узнать о количестве расположенной там пограничной стражи. Ему удалось установить, что эти сборы к бегству имели своей причиной "притеснения, обиды и поборы управляющего Буткова и помощников его".

Таково донесение, говорящее о причинах, побуждавших бежать население Измайльского и Кагуло-Прутского округов. Как видим, причины тождественны тем, какие наблюдались и в остальных округах. Здесь люди были против стеснения в торговле шерстью, против отдачи земель в оброчное содержание крупным аграриям типа Каназирского Минкова, Топалова и др., против злоупотреблений колонистских властей, бесконтрольного распоряжения общественным хлебом и другими средствами, из-за чего не удовлетворялись нуждающиеся поселенцы.

Вполне естественно, что Бутков пытался опровергнуть подобное объяснение причин бегства своих опекаемых, убеждая Федорова в том, что причиной тому следует признать неурожай, которых болгары не знали у себя на родине, и ложные слухи, распространившиеся среди них намерением правительства забирать молодых болгар в уланские войсковые части. Однако Бутков не мог скрыть того факта, что около 20 человек готовились к переходу границы. По-видимому, таким намерением было охвачено гораздо большее количество людей, так как управляющий поселениями 21 декабря 1842 года отдал распоряжение во всем окружном старшинам и сельским приказам под их строгую ответственность принять повсеместно решительные меры к предотвращению поговорок, розыску и возвращению бежавших. Таким беспокойством были охвачены тогда не только колонистские власти. 28 декабря того же года начальник Измайльского таможенного округа полковник Батурин ввещал военного губернатора Бессарабии Федорова о принятых мерах по усилению пограничной стражи для той же цели. Он предупредил, что "всякий колонист, появляющийся на границе без письменного видения будет задержан как бродяга и, при малейшей попытке к сопротивлению, стража будет действовать оружием".

Ган со своей стороны поддерживал Буткова, объяснял стремление болгар к бегству в Болгарию как простое желание возвратиться на родину и прилагал все усилия, чтобы представить в искаженном виде причины, побуждавшие их избрать этот путь спасения от злоупотреблений произвола властей и от социальных притеснений в бессарабских поселе-

ниях. Он также не мог скрыть того, что осенью 1842 года действительно некоторые болгары, пожелавшие вернуться на родину, "начали продавать свой скот и имущество и отказались от засева полей". После его разъяснений, что желающие перейти границу должны руководствоваться существующими правилами и, в частности, уплатить следующую с них подать за три года вперед и расплатиться с долгами, несколько поселенцев отправилось в Одессу. "Здесь я расспрашивал их наедине о причинах их желаний оставить Россию, обещал им всякое пособие и увещевал показать истину, если бы они были недовольны действиями местного начальства". Естественно, что после недавней расправы с недовольными болгарам они не могли откровенно изложить действительных причин своего намерения. Но, желая уйти из Бессарабии, они выдвинули такие мотивы, которые Ган выдавал за правдоподобные. Заявив об отлучении жалоб на свое начальство, эти ходоки назвали причиной своего намерения к уходу в Болгарию неурожай, "которых на прежней родине не бывает". Когда же Ган более настойчиво вызвал их на откровенность, то был выдвинут еще один мотив - "опасение, будто бы их будут наряжать для поливки заведенных при колониях плантаций". Ган верил Киселева, что он развеял подобные опасения, убедив их в том, что плантации будет поливать бог", а не поселенцы и что они могут ходить за границу при условии выполнения названных условий. Этого будто бы оказалось достаточно, чтобы "люди эти, возвратясь домой, вновь принялись за хозяйства свои и с тех пор не возобновляли домогательств о переселении". Однако, вслед за этим сам Ган высказал сомнение в полном успехе и писал: "Я уверен, что если бы не взыскание ежегодной подати, то многие болгары, может быть, в числе около ста семей оставили бы Россию". Настоящими причинами, по его уверениям, были не притеснения со стороны управляющего Буткова, а слабая привязанность поселенцев к местам своего водворения, особенно тех, кто имел маломощное хозяйство, состоявшее в лучшем случае только из смлянок. Оно "столь малоценно, что они вовсе не дорожат им," - писал Ган. На путь бегства могли стать и те, которые не обзавелись своим хозяйством.

Таким образом, перед нами действительно бедняцкие слои населения, которые были причастны к "неистовому буйству" и которых Ган суждающе охарактеризовал как "людей, не имеющих "порядочного хозяйства". Отметим тут, кстати, что на путь бегства за границу не ставились зажиточные поселенцы.

Еще одной причиной Ган считал "простоту и легковерие большей части болгар", чем, якобы, "из корыстных и других видов пользовались многие посторонние лица, которые поселяют между колонистами раз-

дор и недоверие к начальству и колеблют преданность их к новому порядку". Так, например, распространился слух о намерениях властей превратить села болгар и гагаузов в военные поселения. Сам того замечая, Ган вступает в противоречия с самим собой. Не оспаривая попыток тайно бежать за границу и подготовки к этому, он приводит доводы противоположного характера. Особенно интересен из них следующий: "Прикомандированный к страже казак Морозовский, - пишет словесно объявил, что встретившийся с ним вблизи колонии Сатуно колонист, по прозвищу ему неизвестный, расспрашивал его о числе людей на кордонах и, узнав, что их не менее 25, возразил - это еще много, мы и силою проберемся, если будет худо". Ган признал это свидетельство необоснованным.

Все свидетельства Гана подчинены одной задаче - обелить Буткова. Управление во что бы то ни стало, показать, что в поселениях спокойны и никаких проявлений к бегству из районов, прилегающих к Пруту Дунаю, не обнаружено. В таком случае остаются совершенно непонятными распоряжения об усилении мер со стороны колониетских властей пограничной стражи к предотвращению побегов. Ган явно не свел счетов с концами. Разгадка будет найдена лишь при учете предвзятого отношения Гана к обвинениям против Буткова, которого он брал под защиту от "людей, склонных к буйству".

Движение протеста против злоупотреблений колониетских властей социального угнетения распространилось на все четыре округа западных поселенцев. Угроза обезлюдения южной Бессарабии могла стать реальностью. Между тем, жалобы, изложенные в "Прошении" К.Ковалева к министру госимуществ на злоупотребления Буткова, оставались без последствий. Поэтому 21 января 1843 года он оказался вынужден обратиться с аналогичными жалобами к шефу жандармов Бенкендорфу, настаивая на расследовании "противозаконных действий" Буткова и просил прислать для этого "благонадежного чиновника" для "беспристрастного исследования, не допустив к участию в нем Буткова".

Слухи о намерении болгар и гагаузов бежать из пределов Бессарабии в Болгарию, видимо, серьезно встревожили министерство государственных имуществ. Киселев вступил в переписку с Федоровым и Попечительным комитетом, предлагая им разобраться в создавшемся положении и предотвратить такое нежелательное явление для России.

Судя по словам самого Киселева, жалобы поселенцев и донесения колониетских властей зародили в нем сомнения в справедливости действий последних. Поэтому, выразив свое желание удостовериться в справедливости жалоб на беспорядки и злоупотребления колониального управления, он предписал находившемуся в Кишиневе чиновнику своего

министерства полковнику Калустову явиться к Федорову "для получения наставления к обнаружению означенных беспорядков и злоупотреблений". При этом Калустову поручалось выполнить это поручение "независимо от действий Попечительного комитета", чем подчеркивалось, что Калустов, в целях установления действительного положения дел, свяжется с подполковником корпуса жандармов Остолоповым и свою работу будет вести под наблюдением Федорова. Киселев верил, что Федорову удастся разобраться в деле и что "злоупотребления будут отращены и виновники наказаны, или же ложные изветы будут обличены и пресечены строгими мерами". Последнее высказывание Киселева говорит о том, что он сам не знал положения дела и допускал справедливость жалоб на Управление.

Однако Калустов выехал из Кишинева до получения этого отношения Киселева, и расследование причин "беспорядков" 1842 года производил один только Ган. Тем самым снова было допущено пристрастное расследование жалоб поселенцев, так как его симпатии были целиком на стороне Буткова и Управления. Об этом свидетельствуют попытки самого Гана оттянуть начало следствия и его предубежденность против жалобщиков. Так, например, 2 февраля 1843 г. он сообщал министру госимществ о своем намерении отсрочить выезд из Одессы в Бессарабию до конца месяца, "чтобы привести в совершенную ясность" дела по бессарабскому колониальному управлению, "которому поныне не мог отказать ни в доверии, ни в уважении" и далее: "Отсрочку эту я признаю тем более удобною, что имею уже сильнейшие основания сомневаться в справедливости большей части обвинений". Приведенные слова с достаточной убедительностью подтверждают наше предположение о том, что Ган, выезжая в поселения для расследования поступивших жалоб, заранее имел готовое решение, направленное на защиту колониетских властей.

Выехав в поселения в последних числах февраля 1843 г., Ган 30 марта уже доносил о результатах дознания, изложенных в угоду Буткову. Называя беспристрастными сведения, собранные им от общества 40 сел, которые он успел "обозреть" за такое короткое время, пришел к убеждению "что самое строгое и подробное исследование не откроет в действиях Буткова ничего предосудительного. Он мог ошибаться во мнениях и распоряжениях, мог увлечься излишним усердием, но никогда ни на шаг не отступал от правил чести, от долга службы". Расхвалив Буткова, Ган просил чтобы Федоров "оградил его от дальнейшего преследования". Защищая Буткова и ходатайствуя о покровительстве ему, Ган считал необходимым оговориться, что не смел в такой же мере ручаться "за прочих чиновников Бессарабского колониального управления", так как

за их действиями будто бы имеется постоянное наблюдение и в доказательство этого сослался на то, что "не далее как в конце прошлого года старшина Верхне-Буджакского округа был уволен по первому на не-удовольствию колонистов". В данном случае Ган не считал нужным знать, что увольнение Илашкова было следствием движения масс, что крайние меры были приняты лишь тогда, когда злоупотребления стали слишком заметными и скрыть их не было возможности, чего нельзя сказать в отношении более осторожного и облеченного большей властью Буткова.

Ган попытался свалить вину с Буткова на других лиц из числа соучастников, либо на людей враждебно к нему настроенных. К первому отнесен Минко за то, что тот в последнее время "употребил во зло свое влияние на легковерную толпу". Вторым крупным виновником был признан К.Койчу, который будто бы для "поправления расстроенных дел своих начал домогаться места окружного старшины и уличен в подстрекательстве колонистов к разным буйствам", в том числе своих родственников и приверженцев из селений в окрестностях Комрата. По мнению Гана, они были "неблагонамеренные люди, вселявшие раздор и недовольство к начальству", побуждавшие поселенцев составлять "жалобы и представления, исполненные клеветы". Защищая обвиненных, Ган вместе с тем не только не собирался разобраться в существе поданных жалоб, но обратил всю свою ненависть против недовольного населения, которое он называл толпой, чернью, способной только на "буйства", что в его представлении являлось преступлением, достойным наказания. В этом убеждаемся как по его высказываниям о восставших массах, так и по принятым мерам в ходе следствия. Вот как он описал свою встречу с жителями Болграда:

"На пути в Болград я, в двух верстах от него, был встречен толпой во главе которой находился Минков. В толпе этой не было ни одного порядочного поселенца. Она состояла главнейше из женщин, детей и работников. По команде Минкова она становилась на колени и с воплем требовала защиты от притеснений и разорений, причиняемых обществу выборным Каназирским. Некоторые порядочные поселенцы, стоявшие в стороне, с презрением смотрели на все это. Я тут же велел людям на другой день собраться в сельском приказе и обещал лично провести строжайшее исследование".

Можно остановиться еще на одном примере отношения Гана к разным социальным слоям поселенцев. Он отмечал существование в Болграде как и в Комрате, "двух состояний, из которых одно может быть названо чернью, и эта же последняя часть населения есть без сомнения самая буйная и легковерная, готовая на все в угодность первому подстрекателю

Говоря о "кознях" К.Койчу во время подавления движения в Комрате в марте 1843 года, Ган подчеркивал, что "чернь ходатайствовала о возвращении Койчу в Комрат", называл К.Койчу и его "партию" возбудителями черни против Илашкова, уже уволенного с должности. Такой взгляд на "толпу", "чернь", способную на "бунты", предопределял и отношение к ее жалобам со стороны Попечительного комитета. "Строжайшее исследование" Ган обратил на деле против этой массы населения.

Он не хотел разобраться в различии мотивов, во-первых, у народных масс и представителей местной буржуазии, и, во-вторых, в том общем, что объединяло тех и других для совместных выступлений против Управления.

Ган отверг обвинение в стеснениях свободной торговли шерстью, свалив вину на местных торговцев его. Жалобу на то, что Бутков произвольно распоряжается общинными землями также отверг, хотя знал о том, что "некоторые колонии не имеют вовсе земли для пастбищ и сенокосов, потому что таковая отдана за весьма малую цену приближенным Буткова: болградскому выборному Каназирскому, купцу Минко и поселянину Топалу". Он знал также, что "люди сии ведут с ним общую торговлю. Более других терпит недостаток в земле с. Новопокровка". Отрицалось и соучастие Буткова в получении доходов с населения, которые он делил с Каназирским, Минко и Топалом. Он стремился преуменьшить вину Буткова в злоупотреблениях в связи с "благоустройством" поселений, отмечая, что работы по строительству мостов, заборов и проч. не причиняли ущерба хозяйственной деятельности поселенцев. Однако допускал, что "местное начальство, может быть, слишком увлеклось своим усердием в деле усовершенствований, так как во многих колониях слышался ропот "особенно насчет исправлений и заведения лесных плантаций", и был вынужден признаться в том, что хотя насильственных мер употреблено не было, однако "частые настояния, сопровождавшиеся иногда и угрозами, возбудили местами недовольствие" и в том, что не следовало также "обременять общества, изнуренные многочисленными неурожаями, столь многими общественными постройками, которые, конечно, полезны и прекрасны, но без которых можно было бы обойтись до лучшего времени". Обвинения в злоупотреблениях общественным зерном Ган назвал "клеветой", отметив, что "заботливость начальства о сохранении запасов служит ему в честь" и что хлеб всегда выдавался для нужд самих поселенцев. Но при этом он знал, что "при перемене такого хлеба новым, старый запасной продается всегда дешевле против существующих цен", потому что заблаговременно бывает подготовлен покупатель, кто-нибудь из приближенных Буткова. Про-

даже хлеба допускается только "в случае порчи или неместительности магазина и не иначе как по желанию общества и с утверждением Попечительного комитета. Отзывы колонистов убедили меня, что в этом деле начальство не принимает никакого участия, ибо продажа производится присяжными стариками и поверенными обществ. Цены, по которым сбывается хлеб, я признал довольно вышними: в 1842 году продано было 1604 четверти разного негодного для посева хлеба и выручено на мес. 3973 руб. серебром". Приведенная аргументация не выдерживает никакой критики, так как в эти годы рыночная цена на четверть хлеба была значительно выше (от 6 до 9 рублей), в то время как по Гану хлеб сбывался всего по 2 руб. 48 коп. Тенденциозны ссылки на порчу хлеба или неместительность общественных магазинов, так как за сохранность хлеба отвечали местные власти. Все это не что иное, как уловка для сокрытия злоупотреблений Буткова и приближенных к нему скупщиков с которыми он делил барыши от подобных сделок.

Наконец, мы не можем пройти мимо заключения Гана по вопросам наказаний, применявшихся Бутковым. "В разбирательстве между колонистами употребляет весьма сильные меры, держит их по несколько дней в темной комнате на хлебе и воде, имея на руках и ногах кандалы. В последнее время действительно употреблены были меры строгости против некоторых болградских и комратских колонистов, но не при разбирательствах, а за буйство и неповиновение, возбужденные разными подстрекательствами и грозившие самыми вредными последствиями". Ган считал даже, что колонистское управление "заслужило упреки более за излишнюю снисходительность, чем за строгость".

Интересно сообщение Гана, позволяющее характеризовать Буткова как крепостника. Он отводил обвинение против последнего в пользовании общественными средствами, отпущенными на наем посельных и сторожей для нужд Управления, часть которых использовалась им на содержание личной прислуги. По уверению Гана, это неверно, так как якобы "прислуга Буткова состоит из двух крепостных и трех вольнонаемных людей". Цитированные места "Записки" не могли скрыть наличия крепостнических приемов и злоупотреблений колонизаторов в поселении. Это есть там, где масса поселенцев боролась против попыток насаждения крепостничества. Комиссии Атрешкова стало известно, что "Бутков сосредоточивший в себе все действия по управлению, страшился всякого постороннего вмешательства и к уклонению себя от такового принимал самые решительные меры". Такой вывод, сделанный комиссией 1844 года, прекрасно подтверждается той заинтересованностью, которую он проявил к движению народных масс в Верхне-Буджакском округе тогда, когда, казалось, они не затрагивали непосредственно самого Буткова.

Когда крестьяне "после утешительного, ничем не ограниченного принуждения работы и поборов всякого рода" в пользу Илашкова решились избавиться от него путем избрания "своего единоземца" Койчу, Бутков принял все меры, чтобы воспрепятствовать этому. Поэтому, чтобы предотвратить угрозу разоблачения, которая могла стать реальной с избранием Койчу старшиной округа, Бутков приложил все усилия для того, чтобы опорочить его в возбуждении народных масс к беспорядкам, и, при прямом содействии Гана, вызвал "военную команду" для усмирения силой вышедших из повиновения поселенцев. Такими мерами эти каратели надеялись устроить, терроризировать поселенцев, заставить их молчать.

То же самое надо сказать и о подавлении движения в Болграде, где, по признанию комиссии, "Ган не стеснялся поркой", в результате чего Бутков мог чувствовать себя достигшим цели и "поселенцы, вместо ожидаемой защиты от Попечительного комитета, были наказаны Ганом".

Видно, жесткие меры наказания с целью устрашения масс приняли какое распространение, что комиссия 1844 года оказалась вынужденной настаивать на необходимости хотя бы "отличнейших из поселенцев" не наказывать без суда, так как "степень их нравственных требований доказана и тем, что дети их получают образование в гимназиях", так как "страх телесного наказания делает иногда почтеннейших из них добровольными преступниками. Не смея ни в чем отказывать начальствующим, они подписывают акты, не зная содержания оных или сомневаясь в правильности их". Но, очевидно, Попечительный комитет, понимая, что применение одних только мер расправы с недовольным населением не может внести успокоения, решил пойти на удовлетворение некоторых второстепенных требований. Так, например, было решено, что "отдача дробной продажи питей в содержание может происходить по добровольному согласию обществ, которые во всякое время и произвольно могут вводить и отменять у себя подобное распоряжение". За властями сохраняются только "строгое наблюдение, чтобы вопреки нравственности и порядку не было заводимо питейных домов свыше надобности дозволенного числа". Соответствующее предписание Попечительного комитета было направлено Буткову, которому при этом рекомендовалось объявить поселенцам "на известных им языках..., дабы общества ни ныне, ни впредь не имели повода сомневаться в нарушимости представленных им в сем отношении... прав и во всякое время по своему усмотрению упразднить добровольно введенный ими откуп". Ган сообщал также, что в марте 1843 года общества городов Болграда и Комрата "приговорами объявили желание обратить дома в оброчные статьи, почему сделаны были вызовы торгами, и статьи эти остались в Болграде

за тамошним колонистом Родионовым из платежа в общественную казну по 3.810 руб. сер., а в Комрате за тамошним колонистом Иордан Койчу из платежа по 4200 руб. сер. в год”.

Комиссия Атрешкова, работавшая не один месяц, как думал Г. Завтов, а с февраля по август 1844 г., то есть более полугода, старательно входила во все детали порученного расследования и обнаружила “только часть злоупотреблений местного начальства”, благодаря тому, что последнее приняло все меры к сокрытию своих злоупотреблений, и обнаруженного оказалось достаточно для заключения о том, что “они везде неизбежно, но весьма редко, чтобы злоупотребления были так общими всему составу управления и производились с такой самоуверенностью и единством”.

Итак, движение масс, начавшееся в ноябре 1842 г., завершилось в марте 1843 г. подавлением, благодаря вмешательству Попечительного комитета, Бессарабского военного губернатора и применению военной силы. В результате этого Бутков и Управление оказывались оправданными, активные участники наказанными, причем Койчу был удален из Комрата, а основная масса недовольного населения не достигла своей цели - устранения Буткова, в котором видела виновника своего недовольства. Таким образом, Попечительный комитет брал под защиту Буткова и укреплял за ним положение не только для проявления и в дальнейшем личного произвола и злоупотреблений, но и для поощрения и усиления угнетения масс местной буржуазией. Этим же самым создавалась одна из предпосылок для обострения борьбы народных масс, продолжавших настаивать на устранении Буткова и других ненавистных чиновников Управления.

АВГУСТОВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1843 г.

Прошло всего несколько месяцев после усмирения движения Гановым, Евдокимовым весной 1843 г., как им пришлось убедиться в непрочности достигнутого спокойствия и порядка. Население продолжало выражать свое недовольство и, наконец, в августе того же года началось движение более решительно против политики властей. Это было движение болгарских и гагаузских масс, когда к предшествующим требованиям по ограждению их социальных и экономических интересов прибавились требования политического характера. Кроме того, движение, носившее до августа 1843 г. относительно мирный характер, теперь перерастало в восстание, сопровождавшееся рядом активных выступлений против колонистских властей, и охватило значительное количество поселений во всех округах.

Поселенцы теперь имели достаточно оснований считать Буткова главным виновником своего тяжелого положения.

Вполне естественно, что, когда Илашков был отстранен, они не могли отнестись безразлично к вопросу о выборе нового старшины. Бутков также отдавал себе отчет в том, что его личное положение как управляющего и крупного собственника тесно связано с вопросом о том, будут ли старшины округов находиться в прямом подчинении от него или же станут в такие отношения к нему, при которых произвол и насилие в управлении поселенцами могли бы оказаться для него в большей или меньшей степени ограниченными.

Один из активных участников августовского восстания конгазец Иван Тельпизов совершенно верно подходил к объяснению причины, вызвавшей восстание народных масс. Он видел ее в злоупотреблениях управления задунайскими поселенцами при Буткове.

И действительно, на новом этапе движения болгары и гагаузы обнаружили стремление к изменению состава органов местного управления и надеждой на полное устранение всех злоупотреблений и преград, стеснявших свободное развитие социально-экономической жизни в поселениях. Почти с самого начала разгорелась борьба вокруг кандидатуры нового старшины Верхне-Буджакского округа взамен удаленного Илашкова, на место которого Бутков назначил в качестве исполняющего должность старшины помощника Измаильского округа Осматескула.

После предшествующего движения в этом округе Бутков не мог сразу навязать удобную для себя кандидатуру старшины и как будто вначале был не прочь удовлетворить демократические настроения борющихся масс.

3 августа 1843 г. он предписал Верхне-Буджакскому приказу избрать нового старшину. Поселенцы, которым было объявлено это распоряжение, потребовали от своего окружного приказа дать всем сельским приказам предписание “о нестеснении их по выборам и приказать сельским писарям писать мирские приговоры, заверенные печатями сельских приватных, которые прибыли в Комрат для избрания нового старшины. По некоторым данным, для этой цели было выделено от 5 до 10 доверенных из 15-ти поселений округа. Это были представители сел Дезгинские, носившее до августа 1843 г. относительно мирный характер, теперь перерастало в восстание, сопровождавшееся рядом активных выступлений против колонистских властей, и охватило значительное количество поселений во всех округах.

Собравшись в Комрате “на сход”, доверенные решили остановить свой выбор на кандидатуре Дмитрия Койчу и отсюда направились на

жения колониетских властей за нарушение дарованных им привилегий, как, например, незаконное взыскание податей в рублях, а не левах, осуществление выдуманных начальством нововведений, якобы "неугоды царю" (постройка домов по плану, заведение плантаций и пр.). Вместе с нынешнего начальства депутаты будто бы настаивали на необходимости избрания нового - "из одних болгар по указанию Койчу".

Сгушая краски, Ган старался убедить Киселева в необходимости применения жестоких мер для подавления движения и оправдания тех, которые он уже применил в сентябре месяце.

Неизвестно, имелись ли у восставших масс или даже у их депутатов серьезные намерения создать новое Управление из одних только болгар. Факт заключается в том, что не только на севере, но и в южных поселениях массы становились на борьбу за отстранение Буткова от Управления, выдвигая против него более веские мотивы обвинения, нежели те, которые упомянул покровитель.

Деятельность семи депутатов было прервана до того, как они успели выполнить свою миссию. Успешно объехав 13 сел, где встретили полную поддержку населения, они появились в болгарском селе Твардице, в котором также имели полный успех и поддержку от местного общества.

ВОССТАНИЕ В ДЕЗГИНЖЕ

Борьбу за выдвижение кандидата из среды поселенцев начали жители с. Дезгиндже, заселенного преимущественно бедняками, "вышедшими из повиновения ..., которые отстали от всех прочих в отношении внутреннего и внешнего благоустройства". Это было одно из беднейших тогда гагаузских сел, в которое "была брошена первая искра буйства", и которое Ган презрительно назвал "грудой гадких, почти непокрытых лачужек".

По его мнению, семя "беспорядков", посеянное там 7-ю депутатами, не осталось бесплодным, так как оно будто бы было полно родственников и приверженцев Койчу и находилось под его влиянием. Колонистские власти изображали августовские события как результат подстрекательства Константина Койчу "легковерных колониетов к разного рода буйствам". Бутков и Ган объяснили такое стремление Койчу желанием "поправления расстроенных дел своих". Дело здесь не в том, конечно, что там были родственники К. Койчу. Едва ли у богатого Койчу могли быть такая масса бедных родственников. Его противники в отдельных случаях договаривались до абсурдных утверждений о наличии таких родственников почти во всех северных гагаузских селах, в которых

тому же они составляли большинство. Население Дезгиндже и других сел шло за Койчу потому, что в тогдашних условиях он лучше других сумел выразить протест восставших масс против произвола и насилия колониетских властей, независимо от того, каких целей добивался сам. Народные массы могли стоять за названную кандидатуру зная, что К. Койчу был их окружным старшиной с 1826 по 1827 год. Это было время, когда, благодаря внимательному отношению к ним главного попечителя об иностранных поселенцах И. Инзова, жители поселений еще не испытывали таких злоупотреблений и притеснений, какие стали обычными при А. Илашкове, поддерживаемом властями. Известно, что К. Койчу заявил себя непримиримым противником бывшего старшины и с этой стороны был весьма неугоден Буткову как человек, стоявший на позициях защиты интересов поселенцев, их "народного права, предоставленного законом каждому, приносить начальству жалобы" на обиды, терпимые от колониетских властей.

Вот почему боровшаяся масса поселенцев могла назвать своим кандидатом в окружные старшины сына К. Койчу - Дмитрия. Борьба за выдвижение этой кандидатуры началась в Дезгиндже в середине августа 1843 г. По утверждению официальных лиц, она была вызвана сторонниками Койчу, которые, как будто бы, не надеясь на поддержку своей кандидатуры в других поселениях, вызвали здесь "буйство", чтобы "насильственным образом достигнуть своей цели". На самом деле решающую роль играли сами жители этого села. Началось с того, что после избрания своих доверенных, или депутатов, для избрания окружного старшины, они потребовали у самого выборного Степана Урсу выдать им печать сельского приказа для оформления избирательного акта. Отказ Урсу выполнить это требование привел к насильственному изъятию печати, врученной тогда же доверенным с. Дезгиндже. Этот инцидент послужил толчком к борьбе с сельским приказом, послушным выборному Урсу. Восставшие поселенцы не только нанесли местному писарю "разные оскорбления", так как он вместе с Урсу "делал разные притеснения", но и решили "отрешить выборного и присяжных стариков", избрав на их место нового выборного и присяжных стариков. Свою ненависть против Урсу недовольное население обрушило как против ставленника А. Илашкова. По настоянию последнего, Урсу, несмотря на то, что не был болгаринем или гагаузом, был включен против воли общества с. Дезгиндже в его состав во время народной переписи 1835 года. Тогдашние присяжные старики Тодор Ненчо и Янчо Кананы заявили протест от имени общества вызвавшему их окружному старшине А. Илашкову. Они потребовали от него "расписку", т. е. письменное распоряжение на включение Урсу в состав общества, чтобы таким об-

разом оградить себя от ответственности за прием в свою среду лиц "неизвестно какого происхождения". Вместо того, чтобы ответить Илашков ударил Тодора Ненчо по лицу, сказав: "Вот тебе расписка! Вот при каких обстоятельствах Урсу стал колонистом и вскоре "сделан" выборным без согласия общества" с. Дезгиндже.

После отсылки печати сельского приказа в Каракулак к Койчу описанных событий из колониального управления в Дезгиндже прибыли чиновники для восстановления нарушенного порядка и усмирения восставших. Однако им не удалось добиться этого, так как последние оказали неповиновение и нанесли различные оскорбления усмирителям. В официальной переписке отмечалось, что жители Дезгиндже "оказали явное неповиновение и грубое ослушание полицейской власти", причем пятнадцать наиболее активных участников восстания не разрешили заниматься допросом своих товарищей. Только спустя некоторое время восстание было подавлено силой.

Восстание, начавшееся в Дезгиндже, не осталось изолированным. "Первая искра буйства", вспыхнувшая здесь, явилась примером для других сел. Почти тотчас же вспыхнули восстания еще в пяти селах, которых восставшие отбирали печати у сельских выборных: Бешгио, Бешалма, Джолтай, Чок-Майдан, Томай жители которых отличались бедностью. Не случайно Ган рассматривал распространение движения на многие села "как следствие одного обдуманного заговора", обратив внимание на то, что оно произошло всюду внезапно.

И действительно, восстанием были охвачены, кроме перечисленных еще села Баурчи, Конгаз и в южной части селений Болград, Курчи, Кубей и др. В некоторых из них происходило удаление выборных за отказ участвовать в восстании. В иных случаях отстранение выборных и присяжных стариков и замещение вновь избранными происходило из-за сопротивления выдачи печатей сельских приказов для отсылки в Каракулак. В отдельных селах сельские власти без сопротивления отдавали печати. Так, например, выборный с. Казаякли Стефаногло выдал ее по требованию восставших жителей села. В отдельных же случаях сельские власти становились на сторону восставших и действовали сообща с ними.

ВОССТАНИЕ В БЕШАЛМЕ

Так было, например, в с. Бешалме, где выборный и присяжные старики взяли на себя даже руководство "буйствующими", как их именова Ган. Восставшие действовали здесь довольно решительно. Сопротивление и ослушание прибывшим сюда усмирителям из колониальных вла-

стей дошло "до такого буйства и дерзости", что, когда стало известно о намерениях арестовать одного из активных участников восстания, все жители "собрались на совет и положили не допускать никого к аресту колонистов". Они прекратили всякую связь с Управлением задунайскими селениями, отказавшись даже принимать всякие распоряжения, пришедшие оттуда. Когда же сюда прибывали чиновники этого Управления с целью подавления восстания, то не могли въехать в село. Достаточно отметить, что в восстании приняли активное участие не только мужчины, но женщины и дети. Когда чиновник Управления впервые попытался въехать в Бешалму, то женщины и дети ходили по улицам села и выкрикивали угрозы против этого чиновника. По их тревоге поднялось на ноги все село. Все вооружилось кольями и камнями, чтобы встретить ненавистного представителя колониетских властей, вследствие чего он уехал, не приняв никаких мер. Вслед за этим в Бешалму прибыл для той же цели помощник старшины Измаильского округа, одновременно исполнявший обязанности старшины Верхне-Буджакского округа, Осматескул. Но и он ничего не добился. Возбужденная масса народа попыталась схватить его и расправиться с ним. Осматескул едва спасся бегством от преследования возмущенных бешалминцев. После этого гнев восставших обрушился на сельских понятых, действовавших с Осматескулом. Им "причинили побои, связали веревками руки, а на одном из них разорвали тулуп". Однако понятые по настоянию одного из местных жителей скоро были освобождены.

ВОССТАНИЕ В КОНГАЗЕ

Не менее остро происходила борьба в с. Конгазе. Местный выборный Иван Николаев отказывался выдать печать сельского приказа избранному местным обществом доверенным по выборам новому старшине. На этой почве и здесь началось движение за переизбрание сельских властей. Жители решительно стали на путь расчета с негодным выборным, против которого уже давно выступали. Общество еще с 1840 г. добивалось увольнения Николаева. Оно было убеждено, что выборный злоупотребляет общественными средствами и облагает население по своему произволу дополнительными денежными поборами в свою пользу.

И вот в августе 1843 г., когда окружающие села были охвачены восстанием, конгазцы потребовали заменить его новым выборным и одновременно произвести ревизию общественных сумм, которыми он распоряжался. Бутков оказался вынужденным пойти навстречу этим требованиям и послал в Конгаз для расследования положения Осматескула. Прибыв в Конгаз, Осматескул старался осуществлять линию, угодную

властям. С этой целью он вызывал для допроса по одиночке сто семнадцать человек в надежде выгородить и защитить таким образом выборного Николаева. Однако все вызванные проявляли редкое единодушие. Каждый из них заявил о своем нежелании иметь в дальнейшем Николаева в должности выборного. В конце концов Управление оказалось вынужденным удовлетворить требование конгазчан. Вместо уволенного Николаева они избрали Петра Дмитриева. Но эта кандидатура, похоже, не отвечала видам Буткова, и Дмитриев с трудом получил от своего предшественника печать сельского приказа, а через две недели в Конгаз прибыл чиновник Чернявский и, по указанию Буткова, потребовал вернуть ее старому выборному.

Более того, нарушая права поселенцев, он не признал "приговор общества" об избрании Дмитриева, потребовал составить новый и прислать его на утверждение в Болград. Конгазчане разгадали маневр Управления навязать нежелательную кандидатуру в выборные и на своем сходке решительно запротестовали против нарушения их прав. Раздались крики "не хотим!". Такие заявления не были единичными.

Когда, по распоряжению Гана, в села Баурчи, Дезгиндже, Томай, Бешалму были командированы чиновники Попечительного комитета для восстановления "нарушенного порядка" и ареста "главных зачинщиков беспорядков", им это не удалось. Крестьяне оказали решительный отпор свергнутому выборным в попытке забрать печати у их новых избранников. Собравшиеся толпы народа кричали: "Не дадим печати избранным".

Выход из положения был найден в последующей расправе с активными участниками восстания при помощи военной силы, на чем мы остановимся ниже.

Представители колониального управления, занимавшиеся по свежим следам расследованием августовского восстания, установили, что "с всех колоний Верхне-Буджакского округа по два человека от каждой, том числе пять с отобранными печатями, отправились к Койчу на хутор Каракулак. Но что они писали там, того нельзя было открыть, ибо соучастники, большей частью люди неграмотные, сознались только, что давали руки к подписи какому-то чиновнику, вероятно, прапорщику Королькову".

Не лишним будет отметить, что, по имеющимся данным, население ряда сел Верхне-Буджакского округа производило сбор денежных средств в связи с предстоящим писанием и отсылкой "Прошения" к Киселеву в Петербург. Всего было собрано около 230 руб. серебром. Предполагалось направить в Петербург Королькова, который на протяжении предшествующих 2-х лет неоднократно оправдывал себя в расхожая в интересах недовольных масс.

Борьба этих масс, группировавшихся вокруг К. Койчу, вызывала у Буткова серьезное беспокойство. В случае избрания старшиной округа Д. Койчу его отец получил бы возможность разоблачать злоупотребления Буткова, в чем нас действительно убеждает сохранившаяся переписка, в которой деятельное участие принимал К. Койчу.

Чтобы обезопасить себя с этой стороны, Бутков нашел всевозможные причины для удаления Койчу за пределы задунайских селений. Он обвинил его как виновника происшедших "беспорядков" в том, что тот являлся организатором "партии", составленной из своих родственников, "людей непохвальной нравственности и неспокойного характера", или, как формулировалось несколько позже, "из людей, большей частью немущих, безнравственных и потому самых буйных и дерзких", которыми, якобы, Койчу руководил под видом забот об их правах и благе. Но самое важное, заключалось в том, что Бутков считал его "для народного спокойствия вредным" и на этом основании - нежелательным его пребывание в Комрате.

ВОССТАНИЕ ЮЖНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Восстание, происходившее в Верхне-Буджакском округе в августе 1843 г., нашло отклик и в южных поселениях, особенно в Болграде Измаильского округа и Курчи в Гагуло-Прутском округе. Восстания вызывались здесь тем, что во время предшествующего движения требования масс не были удовлетворены и их движение подавлялось силой. Бутков, чувствующий, что его Управление, особенно в последние годы, вызывало растущее недовольство, решил с помощью насилия и обмана получить "одобрительные акты" о своей деятельности от мирских сходок болгарских и гагаузских обществ. Но эти вымогательства вызвали еще большее возмущение масс. Первыми выразили свой протест болгары и гагаузы с Курчи, изложившие свои жалобы в прошении на имя Киселева 18 августа 1843 г., в котором они заявляли о недовольстве незаконными действиями колониистского управления, о чем стало известно Попечительному комитету. Жители этого села продолжали жаловаться на притеснения со стороны приближенных Буткова, болгарского выборного Каназирского и своего выборного Бербера. По их словам, Бутков, "предчувствуя свое скорое падение", с помощью своих людей обманом и насилием добивался получения от общества "одобрительных актов, им самим составленных". Такой акт был получен в Курчи "против воли общества" с печатью сельского приказа, приложенной выборным Годором Бербером. Оказалось, что какой-то чиновник Митка, посланный Бутковым в Курчи, "страшал за невыдачу сего акта разными угрозами, подвергнувши некоторых посе-

ленцев аресту, для чего ночью забирая из их домов, навел разительный испуг на их жен и детей, впадших в болезненный недуг". Поэтому курчане просили считать акт недействительным, как взятый "вымогательным образом рукою сильного". Этим прошением, по сути, ставился вопрос о прекращении злоупотреблений Буткова и его приближенных, так как население Курчи считало неизбежным его "скорое падение".

По Кагульско-Прутскому округу задунайских поселенцев, заселенному преимущественно молдаванами, только села Вулканешты, Чешмекиой, Этулия, Болбока и Анадолка являлись гагаузскими. Болгары в них составляли меньшинство. Принимали ли жители этих сел какое-либо участие в движениях 1842-1844 годов, остается неизвестным из-за полного отсутствия материалов. Несомненно, однако, что недовольство деятельностью колониетских властей распространилось и на них. Следы этого нашли свое отражение в гагаузском песенном фольклоре. В одной из песен, записанной около 50 лет тому назад этнографом Мошковым и сохранившейся в названных селах до наших дней, поется о мероприятиях правительства по переустройству поселений и о посадках лесных насаждений. В связи с этим слышится отголосок о порабощении царизмом и Бутковым населения, разоренного до того, что они остались при одних "сухих рогожках", т.е. лишились всего имущества. Бутков предстает перед нами как главный виновник разорения. Сам он представлен как человек безобразной наружности, а "слова его крепче железа". Этим подчеркивается та "твердость", с которой он проводил в жизнь **незаконные для колониетской деревни крепостнические формы эксплуатации**. Мы уверены, что появление и сохранение подобной песни на протяжении более ста лет (рукопись написана в 50-е годы. - ред.) могло появиться в результате того глубокого следа, который остался в памяти народной, благодаря деятельности колониетского Управления во главе с Бутковым. Поэтому мы не ошибемся, если признаем участие населения данного округа в движениях начала сороковых годов прошлого столетия вообще и в августовском восстании 1843 г. в особенности, так как оно в сравнении с предшествующими этапами движения, охватило наибольшее количество поселенцев.

Недовольство Бутковым особенно сильно чувствовалось в Болграде, где жители подняли против него бунт, требуя решительных улучшений в их управлении. И. Титоров на основании собранных им преданий говорил о "бунте лично против Буткова", связанном с желанием жителей Болграда, "чтобы управляющим болгарскими поселенцами был болгарин... Как будто они, - недоумевал Титоров, - не могли удовлетвориться общинным самоуправлением, которым ранее были довольны. Им захотелось еще, чтобы и должность управляющего, занятая русским

принадлежала болгарину". Буржуазно-националистически настроенному Титорову, все симпатии которого находились на стороне болгаро-гагаузской буржуазии, восстание рядовых жителей г. Болграда было не по нраву, и он их резко осудил.

Решительные меры, предпринятые вскоре для подавления движения, могут служить в некоей степени подтверждением для опасений Попечительного комитета в том, что восставшие стремились к местному перевороту.

Вдохновителем августовского восстания во всех следственных документах выступает К. Минко. Мотивы, заставившие его принять участие в этом движении и использовать его в своих целях, как нам кажется, относительно верно показаны Ганом.

О том, что августовское движение жителей Болграда было направлено против Буткова и Каназирского и что в нем руководящую роль играл Минко, говорит Занетов. Последний сообщает о распространении Минко слухов о предстоящем, якобы, обращении поселенцев в крепостных и введении барщины, в связи с чем приобретался племенной скот, кони и прялки.

В сообщениях Иова Титорова, не одобрявшего болгарского восстания, записанных на основе воспоминаний, говорится о стремлении зажиточных болгар заменить Буткова на посту управляющего задунайскими переселенцами К. Минко, которого он считал человеком умным, но не способным к подобной роли. Такое решение было утверждено на сходке не только зажиточными жителями Болграда, но и множеством горожан. К. Минко приписывается обращение, с которым он выступил после этого перед населением: "Ребята! (Момчета! - по-болг. - И.М.), что бы ни случилось, держитесь!"

Вполне допустимо, что Бутков в этом случае, касавшемся его собственного положения, поспешил донести в Попечительный комитет о начавшемся "бунте". И понятно, что Попечительный комитет поспешил в Болград, чтобы подавить восстание как в этом селе, так и во всех остальных селениях. Приведенные сведения о Минко мы склонны считать более или менее правдоподобными, так как это подтверждается строгой мерой, предпринятой в отношении к нему при ликвидации восстания. Он был удален за пределы задунайских селений без права возвращения туда.

ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ

Несмотря на то, что восстание охватило значительную часть селений, оно было подавлено довольно быстро. Общее количество участни-

ков движения, выступавших разрозненно в своих селах, в середине августа, по нашим предположениям, доходило до 15-20 тысяч человек. Пользуясь разобщенностью, отсутствием прочных связей и единства между восставшими селами, находившимися к тому же на значительном расстоянии друг от друга, и стихийным характером движения, власти объединили свои силы для расправы с восставшими. Вначале карательные мероприятия осуществлялись Управлением задунайских поселений. На помощь ему вскоре пришли Попечительный комитет и Бессарабский военный губернатор Федоров, исполнявший тогда должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Участия последнего в подавлении восстания нельзя не учесть, так как он мог использовать и использовал все средства, бывшие в его распоряжении - войско, тюрьмы, уездные и областные учреждения, в том числе суды, то есть средства классового господства и принуждения, которыми непосредственно не располагали колониетские учреждения юга России.

Выше были показаны неудачные попытки Управления потушить восстание в отдельных селах. Восставшие временно одерживали верх благодаря сплоченности населения, наблюдавшейся в каждом отдельно взятом селе, так как оно имело дело с отдельными чиновниками, которые не встретили поддержки даже у зажиточных крестьян.

Учтя все это, Бутков стал на путь применения силы и стремился внести раскол в среду восставших, изымая "главных зачинщиков буйств". Так, например, поступили с семьей депутатами Верхне-Буджакского округа, которые, как уже отмечалось, успешно объехав 13 сел, прибыли в Твардицу и здесь также успешно добились согласия на поддержку выдвижения кандидатуры Д. Койчу в старшины округа.

Успех этих депутатов был, однако, непродолжителен, - доносил Ган. "Осведомясь о действиях их, местное начальство уличило их на самом деле и арестовало, захватив и бывшие у них бумаги."

Эту операцию выполнил чиновник Управления Гетьман, прибывший в Твардицу с десятью провожавшими его всадниками. По его распоряжению, депутаты Влаоглю, Константинов и Железов были закованы в кандалы и в сопровождении твардицкого выборного и восьми поселенцев отправлены в Болград.

Точно так же каратели действовали в Конгазе. Здесь подавление восстания Бутков поручил тому же Гетьману, как своему ближайшему помощнику по Управлению. После арестов в Твардице он прибыл в Конгаз в сопровождении трех верховых и приступил к жестокой расправе, чтобы терроризировать поселенцев. Так, например, он ворвался ночью в дом Стани Дойки Хинова, которому учинил "своеручно жестокий побой", ругался и перепугал его жену и детей, требуя черновик проше-

ния, посланного Киселеву. Но ему удалось лишь найти заметку о расходах конгазцев при отправлении этого прошения. Поиздевавшись над Хиновым, Гетьман "оковал" его в кандалы и в сопровождении конных провожатых отправил в другие селения "в назидание прочим", а затем посадил под арест на 19 суток в с. Каракурт. После этой дикой расправы он вторично, также в ночное время и в сопровождении верховых, ворвался в дом Хинова, побил его сына, "ругательствами и угрозами" так перепугал его жену, что она потом еще долго болела. Кроме перенесенных потрясений, Хинов жаловался и на материальный ущерб, причиненный его хозяйству на сумму в 60 рублей серебром, так как он и его семья переживали расправу "в самое рабочее время" и, кроме того, обвинял Гетьмана в краже 25 рублей.

Так поступили представители самодержавия в южной Бессарабии и в других селах, чувствуя свою безнаказанность и поддержку со стороны Попечительного комитета и общегражданских властей Новороссии и Бессарабии.

Правда, главный усмиритель восстания Ган, исполнявший обязанности попечителя поселенцев южного края России, в своей обширной переписке с местными властями и Петербургом из всех сил старался показать законность предпринятых мер и в отдельных случаях пытался доказать свое беспристрастное отношение при исследовании причин и удовлетворении жалоб восставших масс. На деле, однако, получалось так, что пострадали не виновники бедствий народа, а многие из представителей самой народной массы. Лживость, одно из качеств Гана, была широко использована для обеления Буткова.

Подполковник Бейхин, бежавший от преследований Буткова из Болграда в Рени, жаловался Киселеву на ложные заверения Гана в справедливом исследовании дела и на укрывательство темных сторон деятельности Буткова, жестоко расправлявшегося с недовольными. Так, во время проезда Гана в Болград через с. Табаки, местное население встретило его жалобами на Буткова, и жена одного поселенца, "засеченного до смерти", показывала окровавленную рубаху своего мужа. Но Ган оставил все это, как и ряд других жалоб на Буткова, "без рассмотрения".

Да иначе и быть не могло. Ведь Ган смотрел на восставших как на взбунтовавшуюся "чернь". Для него это была только толпа, в которой "не было ни одного порядочного поселенца". На стороне этих "порядочных" и на стороне Буткова был Ган и в этом нас убеждает расправа, произведенная им над восставшими после прибытия в Болград.

Жестоко расправлялись усмирители с восставшими в отдельных селениях, отсылая оттуда главных участников в Болград. Так было в селе

Конгазе. Здесь во второй половине августа один из активнейших участников движения Петр Тельпизов, по словам его 80-летнего отца, был "взят под арест срамительно и отправлен в Болград при конных провожатых как немаловажный преступник". Отец Тельпизова Иван показал, что арест его сына состоялся 10 августа. Мы считаем эту дату ошибочной исходя из того, что она дана неграмотным и старым человеком, жаловавшимся на свою "дряхлость" через год после описанного случая.

Подавляя восстание в Конгазе, Бутков применял, выражаясь словами Гана, "большую твердость". Иван Тельпизов, испытавший на себе жестокость расправы, писал о телесных наказаниях и арестах в Конгазе и других селениях, в числе которых он сам, несмотря на его восьмидесятилетний возраст, "был изнуряем арестом".

Действуя подобным образом, Бутков фактически проявлял произвол и насилие в невиданных до сего времени размерах. Он не мог не учитывать того, что за свое чрезмерное усердие мог очутиться в опале от вышестоящих властей. Поэтому предпринимались всевозможные меры для ограждения себя от разных неожиданностей с этой стороны. В их числе известный интерес представляет попытка сбора от сельских обществ различных актов с целью одобрения деятельности Буткова как управляющего и для обвинения его главных противников из среды активных участников восстаний.

Комиссия Атрешкова только в 1844 году разоблачила эту сторону деятельности Буткова на основании расследования большого количества жалоб сельских обществ. Мы остановимся лишь на некоторых наиболее ярких примерах сбора подобных актов. Один из вожаков восстания в Казаяклии Недо Влаогло на правах поверенного общества этого села написал прошение Киселеву с жалобой "на лихоимство и всякого рода противозаконные поступки" старшины Верхне-Буджакского округа. Затем он принимал активное участие, как один из ближайших приверженцев К. Койчу, в августовском восстании. По распоряжению Буткова в Казаяклию явились его подручные, "наказали телесно" многих участников восстания, а Влаогло был арестован и закован в кандалы.

Очевидно, Бутков смотрел на Влаогло как на человека, имевшего большое влияние на поселенцев, так как принял по отношению к нему решительные меры. Как выяснила комиссия Атрешкова, после ареста Влаогло, без ведома казаяклийского общества, но от его имени, Управление задунайскими поселенцами сфабриковало "мирской приговор" о нежелании жителей иметь Влаогло в составе своего общества. "Мирской приговор" затем был направлен в Бессарабское областное правление с просьбой о высылке Влаогло за границу. Несмотря на то, что при-

говор был утвержден Попечительным комитетом, областное правление по каким-то причинам не сочло приведенные аргументы достаточными, не дало никакого решения. Оно задержало "мирской приговор" у себя до начала работ комиссии Атрешкова, на рассмотрение которой и передало его вместе с подобными "приговорами" на других активных участников августовских событий. Эта комиссия тщательно расследовала вопрос о "мирском приговоре", выехала в Казаяклию, где внимательно изучила обстоятельства его появления. В результате было установлено, что "мирской приговор" оказался фальшивым, сфабрикованным колонистскими властями. По всей вероятности, приговор в его первой редакции составлялся на месте по настоянию Буткова сельским писарем Федором Вольшевским после того, как в Казаяклии была учинена описанная выше расправа. "Письмоводец" Ф. Вольшевский пытался оправдать действия властей, изложив события в следующем виде: "В 1843 году казаяклийское общество, заметив беспорядки и худое поведение Влаогло, часто отлучавшегося по разным колониям и непрерывно имевшего связь с чиновником К. Койчу, часто ездил в имение Каракулак, собравшись на мирской сходке при сельском приказе, имело между собой трактацию об учинении акта насчет исключения Влаогло из их поселения. Вследствие этого и приговорили учинить мирской приговор, который составлен им по приказанию выборного и прочих почетных сего селения старейшин с обозначением в оном всех его качеств, каковой подписан здешними поселенцами по их на то согласию без принуждения и за неграмотных подписался здешний же поселенец Пётр Калын".

Показания Вольшевского свидетельствуют о том, что он действовал по поручению колонистских властей и выполнял их указания. На очной ставке, устроенной Вольшевскому с выборным Стефаногло и поселенцами М. Димовым, Христо Караджой, Драганом Иванчо, Чекой Стефаном, Иваном Топалом и многими другими комиссия убедилась в том, что многие из них ничего не знали о приговоре и его содержании. Стало известно, что "приговор доставил в Болград П. Калын. Бутков же после проверки, вернул этот приговор для уничтожения и замены другим, так как остался недоволен им за какие-то "неуместные слова". После этого в Казаяклию прибыл Осматескул и добился подписания нового приговора.

Осматескул прибыл в Казаяклию в ноябре с предписанием Гана о выражении его благодарности казаяклийцам за то, что "они не желают иметь между собой такого лукавого человека, как Влаогло".

Выборный с. Казаяклии Тодор Стефаногло подтвердил этот факт, сообщив, что Осматескул приказал собрать на мирскую сходку к сельскому приказу не менее ста человек, которым прочитали привезенную

Осматескулом "бумагу", под которой подразумевалось упомянутое предписание Гана. Но содержания этой "бумаги" не понял и сам Стефаногло, несмотря на то, что Осматескул перевел ее с русского на молдавский, а поселенец Василий Пулусчи - с молдавского на гагаузский язык.

После этого был состряпан новый "приговор", содержание которого для поселян осталось неизвестным. При этом выяснилось, что почти все поселенцы не дали согласия на удаление Влаоглу, "приговора" не подписывали и никому не поручали его подписывать. К этому мнению присоединились даже присяжные старики Иванчов и Караджа. Выяснилось также, что многие поселенцы отсутствовали при чтении "мирского приговора", а поселенцы Караджа и Калиогло были приглашены в сельский приказ на другой день и подписали его, уверенные в согласии всего общества. Более того, комиссия установила, что сознательно приговор подписало только шесть поселенцев Казаяксии, а 34 не знали о приговоре и не могли дать своего согласия на подписание, так как часть из них в эти дни отсутствовала и не была в селе. Многие грамотные поселенцы заявили, что за них расписались как за неграмотных. Выяснилось, что по настоянию Осматескула подписи под таким "мирским приговором" поставил за своих односельчан Петр Калын без их согласия и ведома. Все это говорит о том, что основная масса казаякшицев относилась к своему поверенному Влаоглу благожелательно и была против его наказания. В этом мнении нас убеждает еще одно мероприятие комиссии Атрешкова. В целях проверки полученных сведений, оправдывавших Влаогло и разоблачавших произвол и обман колониетских властей, был проведен так называемый "большой повальный обыск о поведении Влаогло". После приведения к присяге, 24 поселенца единодушно признали, что "Влаогло в семейном быту добропорядочен, пьяным его никогда не заметили, с соседями жил миролюбиво и ничего позорного о нем не знают».

Примерно такая же картина наблюдалась в Комрате, где по настоянию Буткова был составлен "мирской приговор" на исключение из состава общества Михаила Акбаша, которого обвиняли в "развратном поведении и дурных поступках, клонившихся к нарушению спокойствия в поселениях". "Мирской приговор" против М. Акбаша, также, как и против Влаогло, после одобрения Попечительным комитетом попал в Бессарабское областное правление и оттуда был препровожден в комиссию Атрешкова.

Произведенное исследование показало, что большинство комратчан не подписались под приговором об Акбаше, не знали его содержания, а некоторые подписались "из боязни вновь подвергнуться наказанию". 28 комратчан не только сами не подписывали приговора, но и не испол-

мочили никого подписаться за себя. Большинство "подписей" было признано фальшивыми. Так, например, за 25 грамотных стояли подписи как за неграмотных. В числе подписанных обнаружены подписи 20 работников, не пользовавшихся правом голоса, но расписавшихся "вместо хозяев", значились подписи двух жителей, выбывших из Комрата за 10 лет до составления приговора, двух полоумных, одного комратчанина, выбывшего на военную службу, и двадцати одного жителя, умерших за 5 и 10 лет до августовского восстания. Некоторые поселенцы подписались по принуждению присяжных стариков и писаря Еремея Жернового. Среди таких находим Ивана Митиша, который "подписал приговор собственноручно, но не от желания, а от страха быть наказанным, не зная, что купец третьей гильдии избавлен от наказания"; купца Иордана Хаджи Дмитриева, подписавшего под угрозой быть высланным за границу; Иордана Койчу, подписавшего приговор, хотя "искреннего желания сослать Акбаша за границу у него не было". Против его высылки были и присяжные старики Николай Терзи и Янчу Неделков, объяснившие, что они часто подписывали бумаги, не спрашивая об их содержании.

Выборный с. Комрата Василий Железов открыл секрет изготовления "приговора", написанного "по словесному приказанию Буткова и требованиям чиновников Управления Гетьмана и Чернявского, настаивавших на "высылке беспокойных людей за границу". В этом же отношении очень интересно показание поселенца Дмитрий Мажара, которое помогает выяснить происхождение "мирского приговора" от имени комратского общества. Оказалось, что он был вызван в канцелярию сельского приказа писарем Жерновым, проявившем особое рвение по выполнению предписания колониетских властей. Под его принуждением Мажар написал приговор. После этого Жерновой вызывал комратчан по одиночке и принуждал подписывать приговор, не объявляя его содержания. Примеры такого подписывания изложены выше. Когда некоторые из вызванных пытались узнать содержание подписываемого, то писарь им отвечал либо: "узнаете после", либо отнекивался невозможностью читать приговор каждому в отдельности и в отдельных случаях сообщал, что имеется предписание выслать Акбаша за границу, так как он "бунтует народ".

Однако Жерновой, видимо, не мог добиться успеха в сборе подписей и решил поступить иначе. Он заставил Д. Мажара подписаться за всех жителей Комрата. Мажар пробовал сопротивляться, но уступил под угрозой быть наказанным. Оставшись наедине с Мажаром в канцелярии приказа, Жерновой достал "ревизскую сказку" Комрата и заставил "подписывать". Ему пришлось ставить подписи и за тех, кого не было налицо, в том числе и за мертвые души.

На очной ставке с комратчанами Жерновой заявил о том, что Акбаш не первый раз вызывал недовольство Буткова, и будто бы приговор о его высылке был утвержден обществом. Однако, его избличили в подделке подписей под приговором. "Большой повальный обыск", учиненный комиссией Атрешкова над 24 комратчанами, также как и в Казаякли, привел к единодушному показанию их после присяги в том, что "Акбаш в семейном быту добропорядочен, сосед мирный, хозяин хороший, в пьянстве и ссорах не замечен и ничего дурного решительно за ним не знают".

Таким образом, в обоих случаях все обвинения, которые Бутков использовал для опорочения Влаогло и Акбаша с целью их изгнания за границу, были отменены их обществами. Более того, поселенцы не вменили в вину своим доверенным их активного участия в восстании, как и в движении против колониетских властей вообще, в чем они были замешаны начиная с 1842 года.

В с. Курчи Бутков добился применения таких же мер "одобрительного акта" о всей своей предшествующей деятельности, что также было разоблачено комиссией Атрешкова по жалобе жителей, просивших считать их подписи недействительными.

Несмотря на это, Бутков подверг Акбаша, Влаогло, П. Тельпизова и др. суровым наказаниям. Буткову при подавлении восстания большую поддержку оказал Ган, обратившийся к Федорову за помощью военными силами. Федоров писал Киселеву, что при подавлении "беспорядков, доходивших до буйства и явного неповиновения", в поселениях болгар и гагаузов в сентябре 1843 г. он, по просьбе Гана и Буткова ("для немедленного пресечения волнения"), командировал в Болград и другие поселения казаков. Более всего каратели свирепствовали в Болграде. Еще со второй половины августа и в сентябре сюда свозили активных участников восстания из многих сел. Ко времени приезда Гана в Болград в середине сентября, там уже содержалось пятьдесят пять "главных виновников беспокойств". При этом оказалось, что "поселенцы, вышедшие из повиновения, суть те самые, которые отстали от всех прочих в отношении внутреннего и внешнего благоустройства". Эти слова Гана дают основание подчеркивать социальный состав восставших, их принадлежность к беднейшим слоям населения. В их числе оказались арестованные из Казаякли Иван Тельпизов, Неделко Душнев, Никола Попович и Петр Дмитриев. Последний, как известно, был вновь избран выборным села и противником старого выборного Николаева. В присутствии Гана казаки подвергли его и его односельчан порке розгами. По приказанию Гана "были наказаны казаками" двадцать пять поселенцев, признанных наиболее виновными, кроме которых мно-

менее виновных содержалось в кандалах под арестом и занесены в штрафные книги. Это были участники восстания из сел Дезгиндже, Бешалмы, Баурчи, Тома, Казаякли, Чадыр-Лунги, Чок-Майдана, Бешгиога, Комрата, Валя-Пержи, Авдармы и Конгаза.

По показаниям главного карателя Гана, половина задержанных после опроса была отпущена, "а другая подвергнута телесному наказанию. Эта мера строгости, - писал он, - сколь ни прискорбно прибегнуть к ней, требовалась, по убеждению моему, важностью обстоятельств", так как считал невозможным достигнуть усмирения с помощью убеждений. Тем самым засвидетельствована решимость восставших, уверенных в своей правоте, жаждавших добиться удовлетворения своих требований. Это говорило о степени остроты борьбы. Но именно эти настроения среди поселенцев вызывали беспокойство среди колонизаторов. Поэтому Ган решил проявить "твердость" и жестоко расправиться с безоружными массами. По его личному распоряжению в селах Бешалмы, Дезгиндже и других участники восстания были "подвергнуты по мере вины должным наказаниям и взысканиям". Всюду особое внимание уделялось при этом расправе с "главными зачинщиками".

В некоторые селения колониетское управление послало казаков на постой, чего никогда ранее не производилось. Так было, например, в с. Баурчи, где 35 поселенцев просили прибывшего туда Гетьмана "снять экзекуцию казаков, поставленную Управлением". Как оказалось, такая мера была принята с определенной целью. "Если, - ответил баурчинцам этот чиновник, - признаете виновным Койчу в том, что он был поводом беспорядков, происшедших в поселении, то казаки будут выведены". Однако "они отозвались, что Койчу напрасно винить не могут". Тем не менее с помощью угроз Гетьман вместе с сельским писарем добились подписания сфабрикованного ими прошения против Койчу.

Жестокость наказаний розгами с помощью казаков каратели намеревались применить к 20 участникам г. Болграда. По преданию, использованному И. Титоровым, казачья сотня производила эту расправу над "зачинщиками бунта" следующим образом: обнаженного наказываемого укладывали на землю лицом вниз и спрашивали: "Говори, кто научил вас бунтовать?" На это обычно следовал ответ: "Никто меня не учил - мы все хотели иметь управляющего болгарина". После такого ответа казаки приступали к порке. Таким образом было наказано девять человек. Когда дошла очередь до десятого, видимо малодушного, то он сказал вслух, чтобы его слышали дожидавшиеся своей очереди наказания: "Держитесь, ребята! (Момчета! - по-болг. - И.М.) Куда девался дед Калчо, чтобы избавил нас?" После этого он был свален на землю и ответил на заданный вопрос, как и его наказанные предше-

ственники. Но едва ему нанесли первый удар розгой, как он сказал: "Обождите! Скажу. Нам научил дед Калчо. Дмитрий Каназирский и...". Услышав названные фамилии, Ган отдал приказание прекратить порку. Таким образом малодушный жигель Болграда спасся сам от наказания и спас еще десять человек".

К сожалению, Титоров, знавший участников болгарского восстания, приговоренных к этому наказанию, не считал для себя удобным называть их фамилии по разным соображениям, за исключением Минко и Каназирского, которых власти не могли подвергнуть телесному наказанию по той причине, что они за свои прежние заслуги были награждены русским правительством медалями. Титоров не сумел критически использовать услышанное им предание и, не проверив его, отнес к числу организаторов болгарского восстания Дмитрия Каназирского, который, как известно из приведенных нами доказательств, не имел никаких оснований бороться против Буткова. Вместе с тем справедливо отмечено участие Минкова, с некоторой, однако, оговоркой, что едва ли он метил занять место управляющего. Справедливо утверждение Титорова о строгости меры в отношении Минко. Он был выслан из Болграда. Ему было запрещено возвращаться в этот город и в болгарские селения вообще и он переселился в Кишинев, где и прожил до глубокой старости. "Очевидно, - говорит этот автор, - русское правительство видело в нем опасного для порядка и спокойствия агитатора и применило к нему такую строгую меру".

Комиссия Атрешкова в своих следственных делах отметила, что при расправе, учиненной Ганом осенью 1843 г., "пострадали многие состоятельные поселенцы", в их числе имевшие "значительные богатства".

В ходе расследования "беспорядков" 1843 г. в Болграде комиссия нашла, что "жалобы", захваченные тогда Управлением, оказались "справедливыми", а подавшие их наказаны Ганом. В их числе указаны купец Минко, осужденный на изгнание из Болграда, наказанный казаками Назлиев, Фиговский, скрывшийся бегством за границу и вернувшийся после того, как узнали о прибытии комиссии Атрешкова.

Мы привели сведения о свирепой расправе колонистских властей с активными участниками августовского восстания 1843 г. Им удалось восстановить всюду старых выборных и присяжных стариков в результате "твердости" и жестокости усмирения и вернуть им печати сельских приказов.

В середине октября того же года Ган, казалось, торжествовал победу. В письме же Федорову он писал о том, что "беспорядки" в селах Дезгиндже, Джолгае, Баурчи, Бешалме, Томае и других "прекращены, по должном взыскании с главных виновников нарушения спокойствия, порядок и

тишина восстановлены". Через три дня после этого он извещал управляющего министерством государственных имуществ о состоявшемся восстановлении свергнутых сельских выборных и что "нарушенное в поселениях спокойствие повсеместно и совершенно восстановлено. Полученные мною от местного начальства донесения не позволяют теперь сомневаться, что буйствам и беспорядкам поставлен прочный предел".

Но полной уверенности в прочности достигнутого успеха ни у Гана, ни у других представителей колонистских властей не могло быть до тех пор, пока у Константина Койчу и его приверженцев оставалась хоть какая-то возможность бороться с ними. Усмирители прекрасно понимали это и предпринимали всевозможные меры к расправе. Так, распорядившись восстановить порядок и тишину в "буйствующих колониях, подвергнув главных зачинщиков заслуженному наказанию", Ган еще 5 сентября просил у Федорова "начальнического распоряжения к прекращению пагубных и злонамеренных происков Койчу, ибо без того нельзя предвидеть окончания буйств и беспорядков", что этого нельзя сделать, пока он как "главный виновник этих буйств остается безнаказанным".

Федоров удовлетворил просьбу Попечительного комитета и уже 7 сентября предложил Бессарабскому областному правлению приступить к рассмотрению следственных материалов по делу Койчу. В тот же день он предложил Гану передать эти материалы в областное правление, а кагульского земского начальника особым предписанием обязал немедленно доставить Койчу к кишиневскому полицеймейстеру для содержания под строгим полицейским надзором с лишением права отлучаться из города до рассмотрения поступивших на него следственных материалов. Соответствующее предписание тогда же было послано кишиневскому полицеймейстеру.

Первый из этих лиц уже 16 сентября рапортовал о состоявшейся отправке Койчу в Кишинев, а второй - о его прибытии туда же 17 сентября и об установлении предписанного надзора. Чиновник Чернявский в октябре 1843 г., в ходе ликвидации восстания, собрал материалы, присланные им в Бессарабское областное правление, в которых обвинял Койчу, Королькова и П. Тельпизова в "подстрекательстве к неповиновению" поселенцев, которое считал пагубным для правительства, о подготовке Койчу при посредстве Михаила Акбаша установить связи с Минко и архимандритом гиржавского монастыря в Бессарабии Спиридоном для совместных действий и, в частности, написать в сенат жалобу на колонистские власти, чем могло быть вызвано новое "возмущение болгар". Михаил Акбаш с этой целью должен был ходить по болгарским селам и призывать население, чтобы оно не боялось, а держалось бы вместе заодно, и все выиграют".

Ган усиленно добивался предания Койчу суду в середине октября с тем, чтобы окончательно лишить его возможности влияния на поселенцев. Однако дело о Койчу и его сторонниках затянулось, и он имел возможность споспешествовать с министерством государственных имуществ, в результате чего в 1844 году в поселения болгар и гагаузов была отправлена новая комиссия под председательством Атрешкова, материалами которой мы неоднократно пользовались в данной работе.

КОМИССИЯ АТРЕШКОВА

Настойчивость, с которой поселенцы добивались пересмотра решений по поводу своих жалоб на протяжении 1842 и 1843 года, их требования справедливого решения против Управления, Буткова, Каназирского, Илашковых и других представителей аграрной буржуазии, а также донесения жандармских чинов и других официальных лиц с одной стороны, и чрезмерное усердие Попечительного комитета, особенно его председателя Гана¹ и члена комитета Евдокимова в оправдании колоницкого управления, наконец, угроза бегства болгар и гагаузов за границу, чтобы найти спасение от угнетения и произвола уже с конца 1842 г. заставляли Киселева насторожиться к деятельности Попечительного комитета и относиться к многочисленным реляциям Гана с некоторым подозрением, а затем и недоверием.

Все донесения Гана, оправдывающие Буткова и Управление задунайскими поселениями, страдали столь явной тенденциозностью, что не внушали к нему доверия Киселева. Многократные отношения, донесения, рапорты, в которых тот стремился исказить истинное положение дел для реабилитации Буткова и для опорочения его противников вызвали недовольство министра, предожившего I департаменту: "Просить г-на Гана не утруждать меня своими советами".

Напомним, что весной 1843 г. в связи с этим Киселев пытался поручить расследование жалоб поселенцев, решений по ним, как и изучение причины волнений конца 1842 года и начала 1843 года чиновнику Калустову, который должен был действовать независимо от Попечительного комитета.

Очевидно, не веря в эффективность жестких мероприятий по отношению участников августовских восстаний 1843 г., Киселев затребовал более достоверные материалы относительно Буткова и обратился с этим к Федорову. Последний, хотя и был на стороне Буткова и оправдывал его, оказался вынужденным признать необходимость более глубокого исследования всего дела. В конечном счете было принято решение преизвестить тщательное расследование всех жалоб поселенцев, поступив-

ших с мая 1842 года, производившихся следствий, принятых решений и мер для подавления волнений в 1842 и 1843 гг.

31 декабря 1843 г. чиновник министерства государственных имуществ коллежский советник Атрешков получил предписание своего министра, которым ему поручалось расследовать все вопросы по этому делу и в особенности "о причинах неудовольствий и беспорядков, непрестанно возникающих между поселенцами. Чтобы положить конец всем беспорядкам и доносам". Предполагалось при этом образовать комиссию под председательством Атрешкова при одном члене от Попечительного комитета и одном от Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства. Соответствующее предписание о выделении этого члена было послано тогда же и Попечительному комитету, который считал для себя удобным выделить для этой цели уже известного нам Евдокимова, хорошо знавшего все местные дела. Комиссия была создана в конце февраля 1844 г.

Г. Занетов утверждает, что создание комиссии было вызвано тем, что некоторые бессарабские поселенцы, подавшие царю коллективные жалобы против Буткова², подвергшиеся затем преследованиям и вынужденные спастись бегством за Прут, снова "коллективно подавали жалобы царю" из Молдавии "через Австрию".

Этими лицами якобы явились "Минко из Болграда, Гаврил Занетов из Комрата и пр. из других селений". "Таким образом император узнал о недовольстве и распорядился" о производстве следствия. "Из Петербурга, - продолжает Занетов, - были отправлены для расследования жалоб на Буткова и Каназирского два ревизора: князь Голицын и Атрешков".

Не отрицая возможности подачи жалоб поселенцами, бежавшими в Запрутскую Молдавию, нельзя не отметить в приведенных цитатах ряда фактов, противоречащих действительности. Минко не бежал, а оставался, как мы и убедились в Болграде, принимал там активное участие в августовских событиях 1843 года, а затем был удален из пределов селений и находился под строгим надзором. Роль Гаврила Занетова в движениях 1842-1843 гг. не отмечена ни в каких следственных материалах этих годов². Не обнаружено также ни одной жалобы поселенцев на имя Николая I. Все они адресованы на имя Киселева. Наконец, и комиссия Атрешкова была создана не так, как сообщает Г. Занетов.

Атрешков по прибытии в Одессу, в соответствии с предписанием своего начальства, добился создания следственной комиссии, в которую кроме Евдокимова был определен также представитель от Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора полковник князь Голицын.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ АТРЕШКОВА

Комиссия под председательством Атрешкова начала свою деятельность 25 февраля 1844 г., определив довольно четко свою программу работы: 1) "подробное расследование по жалобам, доносам и о причинах бывших беспорядков" и 2) "дознание в каждой из 83 колоний о том, - нет ли иных стеснений колонистам или беспорядков". Многократные ссылки на следственные материалы комиссии, производившиеся в настоящей главе, делают излишним их повторение. Нам остается рассмотреть еще некоторые стороны ее деятельности и заключение, достаточные для полного освещения интересующих нас вопросов поселенческого движения.

Прежде всего мы считаем, что как программа работы комиссии, так и оставленные ею следственные материалы и заключения представляют собой достаточно надежный источник, необходимый для исследования. Мы склонны рассматривать Атрешкова, руководившего работами комиссии, как одного из немногих прогрессивных русских деятелей своего времени. По тому, как он производил следствие, и по целому ряду его мнений имеются основания предполагать, что он по своим взглядам примыкал к декабристам. С самого начала следствия Атрешков натолкнулся на целый ряд препятствий со стороны Попечительного комитета, в котором орудовали такие охранители незыблемости самодержавия, как Ган и Евдокимов. Оба первыми вступили на путь борьбы против Атрешкова и Голицына с целью отвести от Буткова все справедливые обвинения поселенцев. Так, например, 20 марта Ган обратился к Киселеву с поддержкой протеста Буткова против деятельности члена комиссии кн. Голицына, стараясь зародить к нему недоверие, так как его деятельность по вскрытию злоупотреблений Колониального управления была не по душе заинтересованным Буткову и Гану. Затем 10 апреля была сделана попытка опорочить в глазах властей и самого Атрешкова. Атрешкова и комиссию обвиняли в том, что они "вместо открытия причин прежних неудовольствий, действиями своими готовят новые беспорядки и совершенно ослабляют внимание местной власти". Власти были встревожены теми приемами, которые комиссия применяла для вскрытия причин недовольства среди поселенцев. Как бы ни пристрастны были обвинения первых, но мы полагаем, что в их основе лежат реальные явления. Видимо, с самого начала работы комиссии у населения многих сел появилась большая уверенность в том, что их надежды осуществляются и требования, наконец, будут удовлетворены. На этом основании некоторые села смело выступили против Управления. Бутков возлагал всю вину на комиссию за то, например, что в марте 1844 г. начались "буйства и неповиновения местному начальству о принятых им мерах к прекращению оных". Это были села

Томай, Бешалма и Чок-Майдан, то есть села, в которых в августе 1843 года происходили активные выступления масс. Ган поддерживал жалобу Буткова на то, что "восстановленное тогда на прочном основании спокойствие, нарушается ныне от ложного между колонистами понятия о цели и степени власти находящейся там следственной комиссии, член которой г-н Атрешков, не обнаруживший следственным порядком ни одного еще злоупотребления, позволял себе громко порицать действия Управления, явно потворствует доносчикам и участвовавшей в буйствах худшей части населения и снабжает легковерный народ, что угнетения, жертвой которого были колонисты, более терпим не будет".

В одном из документов показано, каким образом член комиссии Голицын добывался нужных сведений, разоблачавших виновность Буткова и Управления. В марте 1844 года он ходил по улицам и базарной площади Болграда с перекинутой через плечо большой плеткой и приглашал для переговоров к себе на квартиру главных участников августовского восстания в Болграде. Вел с ними переговоры у себя на квартире. Бутков жаловался также на то, что Голицын ходил с этой целью по домам "беспокойных и порочных колонистов" и якобы изменял распоряжения комиссии, - в частности, вопреки ее распоряжению о вызове К. Койчу и Королькова из Кишинева в Болград по прямому пути, потребовал доставить их в объезд Болграда через Рени и Сатуново в Измаил. Несомненно, что это делалось не вопреки комиссии, так как Голицын работал в согласии с Атрешковым, а против воли Евдокимова - члена этой же комиссии. Подобное мероприятие о доставке Койчу и Королькова могло быть вызвано необходимостью избавить их от встречи и всякого влияния представителей колониальных властей. О том же, что попытки такого давления производились, можно убедиться из следующего: житель Болграда Георгий Радионов, числившийся кагульским купцом 3-й гильдии, сообщил 11 марта в комиссию и особым показанием в Измаильскую городскую полицию в присутствии прокурора, что 5 марта, по выходе из церкви, он был вызван болградским выборным Каназирским в сельский приказ и здесь последний изложил многим собравшимся горожанам волю Буткова, чтобы они явились к последнему с жалобой на Голицына. Бутков желал, чтобы в жалобе было показано о хождении Голицына с плетью по улицам Болграда, во время которого он "наущал поселенцев протестовать и жалобы на г-на Буткова за угнетение их". Перед собравшимися выступил в качестве подставного лица поселения Николай Бяджиогло, четко объявивший отмеченные обвинения. Находившийся при этом Бутков сказал, что обо всем услышанном сообщит начальству. Такая подтасовка фактов не встретила поддержки даже у Гана, а Федоров не нашел оснований для удаления

Голицына из состава комиссии, полагая, что она сама в полном составе компетентна решать порученные ей дела.

Это лишь один из примеров того, как Бутков создавал затруднения комиссии для разоблачения собственных темных дел. Против него решительно выступил Атрешков, жаловавшийся тому же Федорову на затруднения при "раскрытии злоупотреблений по управлению поселениями", часть которых уже была обнаружена в марте 1844 г., "но не приведена в надлежащую ясность от сильного влияния местного Управления", которое навело страх даже на "степенных колонистов". Этому же мешало непомерное вмешательство Евдокимова, который в согласии с Бутковым, объявив себя решительным защитником Управления и обвиняемых, "делал из квартиры своей канцелярию Буткова, где составлялись бумаги, образцом которых может служить нелепый донос на Голицына". Атрешков прямо заявил о намерениях запутать работу комиссии, так как она наводнялась подобными бумагами. Поэтому Атрешков настаивал на замене Евдокимова в комиссии другим чиновником. Характерно, что Федоров, запрашивавший Киселева, как поступить в таком случае, считал нужным добавить от себя, что Евдокимову как члену комиссии Атрешкова приходилось отвергать результаты собственного исследования 1842 года и, что особенно важно, "он, г-н Евдокимов, сам подвергся жалобам". Несмотря на все это, комиссии удалось обнаружить не только массу фактов о злоупотреблениях и произволе Буткова и Управления, но и те многочисленные факты о притеснениях и эксплуатации, которые терпела масса поселенцев от богатой верхушки поселений. Достаточно отметить, что ревизией, длившейся с конца февраля по август 1844 г., было охвачено 60 поселений из 83. При этом Атрешков лично побывал во многих ближайших к Болграду поселениях и в других округах, в которых обнаружил злоупотребления: "переборы податей, растраты хлеба в магазинах, поборы выборных" и захват ими самими винных откупов". Он же разоблачил Каназирского и, как он сам выразился, "другого мироеда, Бербера, бывшего выборным с. Курчи по назначению Буткова", уличенного "в самовольном присвоении частных и общественных сумм, в чем и сознался", на исключении которого из своей среды, "за обиды и так долго терпимые", настаивало общество. Были выявлены и злоупотребления Андрея и Петра Илашковых и др. Также Атрешков указывал на несправедливость расправы с пострадавшей от них массой народа. Согласившись с доводами Атрешкова, Киселев предложил Попечительному комитету "для отклонения неудобства заменить Евдокимова", немедленно назначить вместо него другого члена комиссии, а Буткова удалить на время работы комиссии в Киплине, что и было исполнено в конце мая. Вместо Евдокимова Попечительный комитет назначил в комиссию своего нового представи-

теля, служившего в комитете, майора Алеамбарова, человека слабохарактерного, который не мешал дальнейшей работе Атрешкова и Голицына, кстати, и не считавшихся с его мнением.

При таком положении они могли почти без всяких ограничений заниматься детальнейшим изучением положения во всех поселениях и дать свои заключения для окончательного решения вопроса вышестоящими властями. Мы подчеркиваем, что комиссия могла заниматься следствием почти без всяких ограничений. И действительно, теперь никто не мог активно вмешиваться в ее деятельность. Бутков и Попечительный комитет, получившие разными путями сообщения о работе комиссии, засыпали канцелярию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, министерство государственных имуществ и его департаменты своими донесениями, рапортами и донесениями. В них они пытались опровергнуть деятельность комиссии, чтобы опровергнуть ее выводы о злоупотреблениях властей и опекаемых ими зажиточных поселенцев. Мы ограничимся лишь несколькими примерами.

В начале июня Бутков приложил все усилия, чтобы представить деятельность комиссии незаконной и в доказательство этого писал, что Атрешков и Голицыны, "минуя все установленные законом для следствия образцы, формы и порядки, действует вообще в духе безотчетного произвола и пристрастной односторонности". В чем же заключается этот произвол и односторонность? Оказывается в том, что члены комиссии не вступали ни в какие отношения с обвиняемыми, и, "пренебрегая даже приличием, собственным служебным лицам, дозволили себе частные сношения с просителями и доносчиками и неумеренные разглашения перед толпой народа об уважительности его жалоб", в результате чего усилилась деятельность "подстрекателей" и "возмутителей общественного порядка". Из цитированных нами материалов видно, что комиссия действительно не отгородилась от народных масс канцелярскими стенами, подобно тому, как это действительно делали в 1842 и 1843 гг. Евдокимов или Ган, а действовали среди массы народа, исследуя дело непосредственно в болгарских и гагаузских селах. Именно благодаря этому мы и располагаем относительно объективными сведениями по интересующим нас вопросам. Но это же обстоятельство больше всего затрагивало интересы колонизаторов. Демократизм комиссии явно мог повредить им.

Вот почему, сгущая краски, Бутков обращал внимание на тот "существенный вред, который происходит от забвения господами следователями своего священного долга", так как они старались "усиленно исторгать жалобы уверением, что всякая из них будет иметь место и ход, располагая даже самые мирные и спокойные общества к слепому подражанию крамольникам, которых, по естественному порядку вещей, не

может не быть во всяком обществе". «Склонность к беспокойствам и жалобам, столь явно одобряемая, - продолжал он, - по известности мне нравов колонистов, может, как зараза, распространиться между ними до такой степени, что никакие меры правительства впоследствии не в силах уже будут скоро положить конец этому злу... и тогда уже всякое местное начальство обречено будет служить метою для клеветы и наветов людей непокорных". Попечительный комитет не менее самого Буткова чернил комиссию Атрешкова, высказывая резкое недовольство деятельностью этой комиссии. Он обвинял ее в односторонности исследования, так она как собирала сведения только от населения, которое якобы "подготавливалось в допросу и даже приводилось к присяге в противность к порядку и существующим узаконениям". Он жаловался и на то, что комиссия разрешила Алеамбарову лишь присутствовать при допросах и "наблюдать, чтобы показания были в точности снимаемы", в то время как от Буткова, как от обвиняемого, не потребовала ни одного объяснения по возведенным на него обвинениям. Более того, он старался доказать то, что Атрешков поставил своей целью "вовлечь и высшее начальство в заблуждение" и "осмеливается назвать злоупотребления по-всеместно проникшими". В донесении Киселеву он повторил ряд этих обвинений, добавив новое, будто бы Атрешков "позволяет себе грозить должностным лицам ссылкой в Сибирь, осыпая ругательствами, а перед собранным народом хвастает своею властью, вызывая защитит болгар от несправедливых нападений начальства". Достаточно отметить, что Киселев сделал помету на полях против места, где написано о подобных действиях Атрешкова, "справедливо", так как они не вызвали протеста не только у Голицына, но и у представителя Попечительного комитета Алеамбарова.

По тогдашним временам это были страшные обвинения против Атрешкова и Голицына, изображенных как возмутители против существующего порядка вещей. Все это делалось для того, чтобы вернуть Буткова к управлению поселенцами. Между тем, как вскоре убедимся, Атрешков и Голицын были далеки от того, чтобы нарушить существующий порядок в стране, но отстаивали лишь необходимость устранения тех мероприятий, существование которых наносило вред тогдашней России. Этим, а не чем-либо иным можно объяснить их искреннее желание добросовестно исследовать все обстоятельства и получить нужные сведения для последующих заключений о том, что необходимо предпринять и добиться полного успокоения недовольного населения колоний. Именно исходя из этого Атрешков должен был удовлетворить требования болгар и гагаузов о назначении взамен Буткова нового чиновника, полагая, что такое решение вопроса "обеспечит спокойствие и восста-

новит между ними должный порядок", ликвидирует боязнь к повторению несправедливостей в случае возвращения Буткова.

Споры двух заинтересованных сторон, нашедшие отражение в обширной переписке, закончились тем, что под напором фактов и недовольства народных масс Киселев решил заменить весь состав Управления и удалить Буткова, предписав осуществить это мероприятие чиновнику министерства Колошину, который тогда занимался ревизией колоний в Новороссии. Особый интерес представляют указания, данные по этому вопросу Колошину. Исходя из необходимости "приведения в порядок внутреннего и внешнего устройства" селений, вплоть до замены Управления и его чиновников "другими надежными и видам правительства соответственными людьми", ему следовало найти их на месте. По мысли Киселева, нового управляющего поселениями также следовало найти на месте, "где без сомнения может быть найден и приглашен на эту должность чиновник с местными для оной познаниями и нужными для исполнения ее нравственными качествами". Вместе с тем, новым в административной практике являлось оставление за министром решения вопроса об окончательном утверждении нового управляющего, который ранее назначался Попечительным комитетом.

Колошин не имел возможности выполнить это предложение, и замещение вакантных должностей осуществлялось позднее несколько иначе.

В августе комиссия Атрешкова закончила свою работу и выехала из селений. В связи с этим предстояло решить вопрос о судьбе Управления селениями. Федоров довел до сведения Киселева о поступившем запросе Гана, в котором испрашивалось разрешение на возвращение Буткова в Болград для возобновления своей деятельности. Ган не упустил случая бросить обвинение по адресу Атрешкова и Голицына в том, что их комиссия позволяла во всеулышание порицать Буткова и "столь открыто говорить будто бы о злоупотреблениях", что она чернила его и перед Киселевым "как главного действующего в том управлении".

Завершив свою работу, комиссия Атрешкова представила огромный следственный материал, насчитывавший более 10 тысяч листов, и сообщила о результатах работы особым рапортом Киселеву, которым подтвердила справедливость не только всех жалоб, поступивших на колониальное управление и отдельных старшин, но и целого ряда новых заявлений, поступивших в ходе расследований на месте, часть которых мы показали в настоящей работе.

О том, что вопросу о расследовании "причин неудовольствий и беспорядков, непрестанно возникающих между колонистами болгарского дунайского водворения, чтобы положить конец всем беспорядкам и доносам между ними", придавалось большее значение, можно судить не

только по огромному следственному материалу, поступившему в министерство государственных имуществ. Об этом свидетельствует то внимание, которое уделялось разбору материалов в министерстве. На их изучение потребовалось затратить много сил и времени. Первый департамент министерства только 14 февраля 1845 г. представил свою докладную записку (более 30 листов).

После длительного обсуждения этой докладной записки с приложенными следственными материалами в первом департаменте и различных отделениях министерства она была передана на решение в Совет министра государственных имуществ в начале 1846 г. Последний в своем журнале констатировал наличие "многих обстоятельств, наводящих сильное сомнение насчет бескорыстия управляющего колониями Буткова". На этом основании было решено произведенное следствие препроводить исполняющему должность Новороссийского и Бессарабского генерала-губернатора для передачи "рассмотрению надлежащего судебного места", известил Киселева о состоявшейся передаче полученных следственных материалов с приложениями в Бессарабский областной уголовный суд для рассмотрения и вынесения "законного постановления". В настоящее время не представляется возможным установить, какое решение было вынесено названным судебным учреждением, так как в архивных фондах Кишинева не сохранилось никаких следов по этому вопросу.

Г. Занетов считает, что "Бутков и Каназирский были отстранены от занимаемых должностей, а Бутков даже заключен в тюрьму, где и умер". Впрочем, он сам не был твердо уверен в последнем.

Но так или иначе, точно известно, что Бутков уже более не возвращался в Болгради должность управляющего задунайским поселенцами была замещена новым лицом. Это достаточное основание в пользу того, что поселенческое движение 40-х годов закончилось в конечном счете временным успехом, особенно, если учесть одновременное удаление с занимаемых должностей целого ряда лиц, сотрудничавших с Бутковым в Управлении, в окружных и сельских приказах и бывших ненавистными народным массам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так в тексте. Ган был старшим членом Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России. С. 111.
2. Гаврил Занет был в числе семи избранных доверенных Верхне-Буджакского округа для сбора подписей в колониях по поводу избрания окружным старшиной Дмитрия Койчу - см. С. 113.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ

Новаков С.З.

РОЛЬ ЗАДУНАЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОГРЕССЕ ЮГА БЕССАРАБИИ

С переселением в Южную Бессарабию в I трети XIX в. задунайские переселенцы привезли с собой из родного отечества - Болгарии, бывшей в то время еще провинцией Османской империи, многовековой опыт, накопленный ими в области ведения сельского хозяйства, в том числе животноводства, полеводства, виноградарства и виноделия, садоводства, огородничества и бахчеводства, шелководства, в переработке сельскохозяйственного сырья, в заготовке продовольствия впрок, а также в строительстве жилья и хозяйственных помещений, в изготовлении национальной одежды и обуви, в приготовлении пищи в соответствии с этнической традицией и т. д.

Большинство переселенцев привезло с собой значительную часть своего движимого имущества: рогатый скот, овец и лошадей, орудия земледельческого труда, семена ряда хлебных культур, саженцы десятков сортов виноградной лозы и фруктовых деревьев, семена овощных и бахчевых культур и многое другое, что широко использовалось в хозяйстве на родине и пригодились им в новых условиях.

На первых порах у них не было нужды здесь чему-либо учиться или переучиваться. Им предстояло внедрить уже имеющееся на пустом месте, в новой среде вынужденного обитания в Южной Бессарабии (сопредельной в то время с болгарскими землями, отделявшейся от них только Дунаем), которая должна была стать родиной для их детей и внуков. Затем, когда немного окрепнут их хозяйства в новых условиях, они сумеют перенять и применить для повышения своего благосостояния все лучшее, что было и у их соседей - молдаван, немцев и др. А пока что все нужно начинать с нуля - и устройство быта, и организацию хозяйства. При этом им предстояло проявить невероятное терпение и затратить колоссальный труд. К этому они тоже привыкли.

I. Для переселения болгар и других задунайских переселенцев правительство России отдало в 1819 г. всю западную часть Буджака, состоявшую из 73 участков казенной земли общей площадью 557608 десятин, в том числе удобной - 494246 десятин¹. В начале 30-х гг. XIX в. к этой земле был добавлен участок в 33,2 тыс. десятин удобной земли².

Таким образом, пространство целины, которую предстояло вспахать, очистить от диких зарослей кустарников и сорняков, то есть агротехнически освоить и ввести в сельскохозяйственный оборот, составляло 527432 десятины.

К началу 50-х годов XIX в. было освоено 65% наделных земель, к концу XIX в. они были распаханы окончательно. На вспаханных землях переселенцы ввели трехклинный севооборот, то есть систему разбивки всей удобной земли на пахотную, выгонную и сенокосную и их поочередную ротацию через определенный период времени, занимавший к середине XIX в. 18-20 лет, к его концу - 10-12 лет³.

Постоянное расширение пахотных земель шло за счет сокращения площадей сенокосных и выгонных угодий.

Если в середине XIX в. пашня занимала около 30%, выгон - 38% и сенокос - 32%, то к началу XX в. пашня занимала 65%, выгон - 28%, сенокос - 0.1 - 0,2%⁴.

Сложившаяся в первые десятилетия переложная система земледелия уступила место двуполью⁵.

Таким образом, задунайские переселенцы, освоив пустующие степи и урочища западного Буджака, заложили основы современного земледелия и приступили к внедрению своей степной агротехники, включая сюда зерновое хозяйство, огородничество и бахчеводство, садоводство и виноградарство.

2. Задунайские переселенцы здесь, в Южной Бессарабии, изобрели и внедрили новое пахотное орудие - болгарский плуг, наиболее подходящий по своей конструкции для обработки почвы в засушливом Буджаке. Взяв некоторые элементы колониетского немецкого плуга, переселенец Стойчо Бъчваров из болгарского селения Дермендере⁶ (ныне Канчак) основанного в 1830, земляк известного воеводы-переселенца Генчо Къргова (Грекова) в 40-х годах изготовил конструкцию плуга, который был и легче, и обеспечивал лучшее качество пахоты.

После того, как было налажено его серийное производство на заводе акционерного общества И.И.Гена в Одессе, болгарский плуг, названный "бессарабским", получил самое широкое распространение не только в поселениях задунайских переселенцев, но и во всей Бессарабии. Болгарский "бессарабский" плуг, после того как был завезен в 60-х годах в Англию, изготовлен целиком из металла и назван еще "англо-болгарским", к 1914 г. изготовлялся в одиннадцати моделях⁷ и применялся в Херсонской, Таврической и др. губерниях. По образцу болгарского плуга изготовлялись плуги Сакса (Лейпциг, Германия), "Говарди" (Англия)⁸, откуда они распространились по всему свету.

3. Привезенный задунайскими переселенцами знаменитый сорт яровой пшеницы в Буджаке получил самое широкое распространение. Этот сорт - "арнаутка" (албанка) - играл роль ведущей хлебной культуры в торговле болгарского водворения с Одесским портом, откуда она поступала в Турцию, Египет и другие зарубежные страны.

4. Болгары первыми на юге Бессарабии и России завели поливальные устройства - чегири (водоподъемные сооружения, так называемые дулапи) и указали другим поселенцам средства и местности для заведения огородов и бантанов⁹. Капуста, огурцы, фасоль и большая часть других овощей вошли во всеобщее употребление в этом крае благодаря болгарам. По примеру задунайских переселенцев юга Бессарабии, огородничеством как промыслом занимались и болгары, поселившиеся в Кишиневе, что неоднократно отмечалось в отчетах губернаторов на имя императора¹⁰. Огородничеством занимались практически все семьи задунайских переселенцев. Особенно много огородной продукции выращивали жители Болграда, Чешма-Варунта, Табака, Колибаша, Сату-Ноу, Вулканешт, Комрата, Кирсова, Казаклии, Томая и др.¹¹.

Огороды и бантаны благодаря задунайским переселенцам прочно утвердились не только на юге Бессарабии, но и частично по всему Новороссийскому краю.

5. С поселением болгар и других задунайских переселенцев в Буджаке связано начало разведения и распространения по всей Бессарабии знаменитой болгарской породы овец - "цигайской"¹². Отличный мех, нежное и сочное мясо, молоко, тонковолокнистая шерсть, способность плодиться лучше других пород и выдерживать переменчивость степного климата, неприхотливость к кормам делали цигайскую (полутонкорунную) овцу наиболее соответствующей экономике не только болгарских переселенцев, но и немецких колонистов, государственных крестьян и даже многих помещиков. В Таврическую губернию ее завезли и широко развели бессарабские болгары, вынужденные переселиться в приазовские степи в 1861-1862 гг. по известным причинам.

С цигайским овцеводством была тесно связана вся хозяйственная жизнь болгар-колонистов: торговля, домашний промысел (ткачество, кожевенное дело и т.д.). В 1846 г. из всего торгового оборота Болгарского водворения - 600 тыс. руб. серебром - 300 тыс. руб. серебром падало на скотоводство, при этом главная доля приходилась на овцеводство.

Бараньи тушки и смушки, овечья брынза и кашкавал (плавленный овечий и коровий сыр), тонковолокнистая шерсть пользовались огромным спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке (через Одессу).

Цигайская овца кормила и одевала не только тех, кто ее разводил, но и жителей городов и местечек Юго-Запада тогдашней России. Рус-

ские фабриканты, особенно во второй половине XIX в. в большом количестве закупали цыгайскую шерсть для выработки камвольной пряжи в центре страны¹³.

6. Задунайские переселенцы распространили сыроварение по всему югу Бессарабии, они внедрили производство кашкавала. В колонии Шоп-Тараклия размещались знаменитые на юге сыроварни К. Минкова. Купцы - армяне и немцы - оптом закупали готовую продукцию и вывозили в приднуйские порты, перепродавая ее большими партиями в Турцию и другие страны. Как писал А. Грекулов в статье "Чабаны" в 1916 г., выделкой кашкавала в крупных экономиях Бессарабии ведают уже не чабаны, и даже не молдаване, а болгары. Это их специальность. Они занимаются на сезон с марта по сентябрь - и выработывают за это время от 2 до 3 тыс. пудов кашкавала, смотря по размеру хозяйства¹⁴.

7. Говоря о скотоводстве, необходимо отметить также и тот факт, что привезенный из родных мест крупный рогатый скот оказался чудесным рабочим подспорьем. Эти животные, приспособленные к югу, степи, холмам и горам, пригнанные в немалом количестве как из Северной, так и из Южной Болгарии, сыграли решающую роль в становлении земледелия поселенцев в Южной Бессарабии. Именно волам красной балканской породы оказалась под силу буджакская целина. Лошадей в 3-4 пары невозможно было запрягать в тяжелый украинский плуг, которым поднимали целину: лошадь не выдерживала сопротивления целины. Ее использовали только для боронования, заделки семян (наволоки), при вспашке междурядий виноградников, на обмолоте (гармановка) и на некоторых других работах. Позже, когда земля стала более рыхлой и очищенной от сорных трав, стали более широко использовать и лошадей.

Свиноводство и птицеводство также получили широкое развитие в поселениях Болгарского водворения. С постройкой железной дороги Бендеры-Галац миллионы голов и десятки миллионов яиц через станции Лейпцигская (Бессарабская), Чадыр-Лунга, Тараклия, Траянов вал (Болград), Вулканешты отправлялись в Одессу и Рени, откуда попадали на внешний рынок.

8. Как уже отмечалось, задунайские переселенцы привезли из родных мест десятки сортов саженцев плодовых деревьев и виноградных лоз. Эти растения прижились на буджакской земле и получили широкое распространение. Среди садовых и парковых деревьев и кустарников - абрикос, персик, миндаль, орех, тополь, алая роза (трандафил) и другие. Переселенцы из южно-подбалканского села Кортен, например, привезли с собой саженцы 15 болгарских сортов винограда, среди которых Държанка, Бяла и Черна Торба, Каравълчевка, Босилково¹⁵. Эти и другие сорта привезли с собой и многие переселенцы в Южную Бессарабию.

Высаживались также и известные молдавские - Рара Нягрэ, Галбина, Плавая, Шасла Розовая и Золотистая, а также ряд крымских сортов.

Если в середине XIX в. площадь виноградников в поселениях Болгарского водворения занимала более 3 тыс. десятин, то к началу XX в. в болгарских местностях только Бендерского и Аккерманского уездов - 17,7 тыс. десятин, а вместе с болгарскими поселениями Измаильского уезда - более 20 тыс. десятин. Вина, приготавливавшиеся в поселениях болгарских колонистов, по своим вкусовым качествам превосходили вина других районов Бессарабии, уступая лишь винам аккерманским и шабских (швейцарских) колонистов. Получая добротный виноматериал, болгарские поселенцы опытным путем убедились в том, что приготовленное ими вино при определенной выдержке настолько улучшало свои вкусовые качества и крепость, что не уступало лучшим винам Франции и Венгрии. Они переняли у швейцарцев технологию выдержки вина (снятие с дрожжей, перетоки в 1-ый год - 3, во 2-ой год - 2 и далее по одному разу в год), тщательная обработка бочкотары, постройка капитальных подвалов с постоянным микроклиматом и т.д. На выдержанные лучшие вина цены за ведро в 80-х гг. были от 5 руб. до 8 руб., на средние - от 2 руб. до 5 руб., на обыкновенные - от 50 коп. до 1 руб. 20 коп. серебром¹⁶.

9. Производственной деятельностью болгар и гагаузов связано внедрение и распространение шелководства и в Буджаке, и на левом берегу Днестра. Шелковые ткани вошли в быт населения Бессарабии; приданое дочерей было немислимо без шелковых изделий. Интерьер бессарабского жилища также украшали изделия из шелка.

10. Ковроделие у болгар и гагаузов, как и у молдаван, было широко распространено. Их ковры отличались от знаменитых молдавских национальным орнаментом. Сотканые из шерсти цыгайской овцы, эластичные, с четким разноцветьем рисунка, они составляли важнейшую часть интерьера болгарского жилища и обязательный предмет приданого дочерей.

11. Городская промышленность была тесно связана с деятельностью болгарских купцов. Они были проводниками промышленного производства - мукомольного, винодельческого, спиртового, сахарного, кожевенного, сыродельного, шелкоткацкого, колбасного и др. Первый сахарный завод в Бессарабии, к примеру, был построен к середине XIX в. Кириллом Минковым в Перенах (под Кишиневом)¹⁷.

12. Жилища, которые стали строить болгары и гагаузы взамен времянки, были очень удобны для проживания. Молдавский тип дома был неприемлем на юге, так как при его сооружении требовалось много деревьев. Болгары и гагаузы сооружали чамурные, плетневые и каменные дома по своей балканской архитектуре.

13. Традиции болгарской общины, выработанные в течение тысячелетия на родине, помогли задунайским переселенцам перенести все трудности по вживанию в новую среду обитания. Община следила, между прочим, и за тем, чтобы колонисты на позволяли себе распахивать склоны, не пускали туда даже свиней и овец, чтобы не разрушать почву, обсаживали их лесными деревьями, дабы предупредить оползни. В почти безлесом Буджаке колонистами были посажены искусственные леса, парки и плододитомники на площади несколько тысяч десятин. Переселенцы были очень тесно связаны с природой, пребывая на воздухе с раннего утра и до позднего вечера, с ранней весны и до поздней осени. Долгожителей среди переселенцев было очень много. Чаще всего умирали дети от 1 до 5 лет от детских болезней и глубокие старики.

Под строгим контролем общины, установленным традицией, а не властью, находилось не только использование земли, но и переработка сель-скохозяйственного сырья. Община во все времена своего существования в этих краях организовывала взаимопомощь селян. Там человеку не давали умереть с голоду, его поддерживали. Среди болгар и гагаузов не было бедных людей, в основном жили среднезажиточные семьи.

Община на юге Бессарабии была хранительницей национальных традиций, которые живы в болгарских и гагаузских селах и в настоящее время.

Своим трудолюбием, бережливостью, высокой нравственностью, готовностью всегда прийти на помощь, общинной спайкой болгары и гагаузы завоевывали авторитет среди своих соседей - молдаван, украинцев, русских, и отношение их к ним всегда было миролюбивое, дружелюбное¹⁸.

Болгарский фактор в Молдове, о котором стали все чаще говорить в последние годы и даже с трибуны Парламента, возник не вчера, а вместе с появлением на юге Бессарабии болгарской диаспоры и ее существенной ролью в развитии производительных сил в Буджаке.

В заключение считаем уместным подчеркнуть, что долг историков-болгаристов - расширять и углублять исследования по этой тематике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака. Аккерман, 1899. С. 15.
2. НА РМ, ф. 134, оп. 3, а. е. 123, л. 252-263. Подсчитано автором.
3. Деление уездов на однородные в хозяйственном отношении местности. Кишинев, 1912. С. 11, 27.

4. Анцупов И.А. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812-1870 гг.). Кишинев. 1978. С. 133.

5. Ломакин В.Г. Очерк современного состояния полеводства и скотоводства в Бессарабской губернии. Кишинев, 1900. С. 5

6. Греков М. Как ние освобождавахме България. София, 1990. С. 274.

7. Расценка на земледельческие машины и орудия Бендерский кассы малого кредита на 1914 г. Бендеры, 1914. С. 4.

8. Греков М. Указ. соч. С. 274.

9. Скальковский А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 108.

10. ЦГИА, ф. 1281, оп. 6, а. е. 91, л. 97.

11. НА РМ, ф. 24, оп. 1, а. е. 3, л. 9-10, 15-16

12. Ильев Ф.В. Из истории овцеводства Молдавии // Труды КСХИ. Т. 47. Кишинев, 1966. С. 11

13. Ильев Ф.В. Указ. соч. С. 13

14. Грекулов А. Чабаны. Издание Бендерского Земства. Бендеры. 1916. С. 22.

15. Новаков С.З., Гургуров Н.Н. Страницы истории села Кортен. Кишинев, 1995. С. 20, 44.

16. НА РМ, ф. 65, оп. 1, а. е. 363, л. 14.

17. Там же, ф. 2, оп. 1, а. е. 7291, л. 4.

18. Новаков С., Беянина Е. Традиции бессарабских болгар и проблемы сохранения их идентичности // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1995. С. 65.

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ АГУРА: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Фамилия Агура из села Чешма Варуита (ныне с. Криничное Болградского района Одесской области) хорошо знакома исследователям болгарского Возрождения. Впрочем, далеко не всем ее представителям историки уделяли одинаковое внимание. Наиболее известно имя проф. Д. Д. Агуры (1849-1911), историка и филолога, преподавателя Болградской гимназии и Софийского университета, видного государственного и общественного деятеля Болгарии (ИБАД 1911: 267; Дякович 1930: 105; Сюпюр 1982: 113-114; БВИ 1988: 29). Гораздо реже говорится о В. Агуре - священнике и учителе, основавшем и возглавившем в 1876 г. филиал БЦБО в с. Шикирли-Китай (теперь Суворово Измаильского района Одесской области). Высказано предположение, что после 1878 г. он остался в Бессарабии, где и закончил свой жизненный путь (Сюпюр 1982: 113).

Мне, родившемуся в болгарском селе Суворово во второй половине XX в., уже с детства довелось слышать от своего деда Николая Георгиевича Руссева (1904-1985) об «отце Василии». Говоря о нем, пожилые болгары чаще всего употребляли выражение «стари о поп». У меня хранится метрическое свидетельство деда, выданное при крещении в 1904 г. В сущности, это небольшая иконка с изображением Св. Николая чудотворца. На оборотной стороне внизу, после краткого изложения жизни святого, чернилами вписаны имена новорожденного, его отца и воспитателя. Завершает весь текст автограф: «Василий Агура».

Совсем недавно исполнилось 100 лет церкви в Суворово, построенной на средства жителей села в бытность Василия Дмитриевича Агуры священнослужителем. Рядом с этим храмом, не закрывавшем двери для прихожан даже в годы воинствующего атеизма, находится могила со строгим надгробием. На фотографии запечатлен крепкий седовласый человек в облачении священника при наградах. Надпись на памятнике гласит: «AICI ODHNESTE R.D. PROIEREUL VASILIE AGURA DECEDAT 10 IUNIE 1924 IN VIRSTA DE 78 ANI A PASTORIT 57 DE ANI...» («Здесь покоится раб божий протоиерей Василий Агура, умерший 10 июня 1924 в возрасте 78 лет, пастырствовал 57 лет...»). Здесь же во дворе церкви имеется еще несколько могил. В одной из них, по воспоминаниям 80-летнего Марка Васильевича Балабана, похоронен его дед, церковный староста. Право быть погребенным у церкви он заслужил, подарив храму ажурную металлическую ограду (ПВ 1998: 3). По всей видимости, речь идет о Симеоне Демьяновиче Балабана, действительно

избиравшемся неоднократно старостой при В. Д. Агуре как раз в 90-е гг. прошлого века, когда в селе строилось новое церковное здание (АИ: Ф. 503, оп. 2, д. 2, л. 230).

До сих пор на перекрестке улиц Пушкина и Кирова находится и добротный дом В. Д. Агуры - «попската къща», как говорят мои односельчане. В Суворово проживают и некоторые из его потомков.

Об активной общественной деятельности молодого Василия Агуры, пожалуй, более всего известно по сообщениям газеты «Български глас», издававшейся в 1876-1877 гг. в Болграде. Так, в номере от 17 августа 1876 г. опубликован «Устав Благотворительного общества Шикирликитая», поставившего перед собой цель собирать в селе и окрестных населенных пунктах материальные средства для пострадавших в войне с Турцией семей. Его председателем с самого начала являлся 27-летний отец Василий. Как практически происходил один из первых сборов пожертвований, описывается на той же странице. В торжественной обстановке 15 августа после окончания церковной службы священник прочитал народу газету «Български глас», подробно рассказал о страданиях «его несчастных братьев в Болгарии» и об обязанности помогать ближним. Воодушевленные наставлениями «добротого пастыря» прихожане вносили посильные пожертвования. Мужчины приносили пшеницу, а все женщины без исключения - рубашки, полотенца, полотно. Заметка завершалась восклицаниями: «Пусть живут такие патриоты. Шикирликитайцы заслуживают наивысшей похвалы» (БГ 1876: N 18, 3).

Благодаря дельным советам моих коллег И. Ф. Грека и Н. Н. Червенкова, среди архивных документов в Кишиневе и Измаиле мне удалось отыскать важные сведения о жизни и деятельности В. Д. Агуры. Конечно, сегодня еще рано говорить о возможности написать целостную картину судьбы этого человека, однако немало дат и событий все же удастся восстановить.

Большую ценность представляет «Ведомость о церкви Константино-Еленинской одноклирной Измаильского уезда с. Шикирликитая за 1895 г.» В ней несколько страниц отведено сведениям о церковном причте, на одну из которых занесены данные о священнике и его семье. Из этого документа следует, что «Василий Димитриев Агура 46 лет, сын причетника,» закончил в 1866 г. курс румынской четырехклассной семинарии. Мелхиседек, епископ Нижнедунайский, 14 октября 1867 г. рукоположил его «во диакона к Георгиевской церкви, с. Чешмеворуйте». Затем 1 апреля 1869 г. он «тем же преосвященным произведен во священники к сей церкви». Перевод в Шикирликитая произошел 5 мая 1871 г. С 24 сентября 1879 г. В. Д. Агура был «назначен на должность законоучителя Высокопреосвященным Павлом при Шикирликитайских мужском и жен-

ском училищах». Кроме того, позднее он получил назначение законоучителем в соседние села - 26 августа 1880 г. в Чимашир (совр. Приозерное), а 14 октября 1885 г. в Новопокровку. 14 апреля 1890 г. ему «за усердное преподавание Закона Божия Высокопреосвященным Сергием изъяслена благодарность».

В плане карьеры, пожалуй, наиболее важной вехой в его жизни стало назначение помощником благочинного 22 января 1881 г. Здесь же перечислены и награды В.Д.Агуры: 1) набедренником - 22 июня 1880 г.; 2) «Синодальною скуфьею» - 20 марта 1884 г.; 3) «Благословением Святейшего Синода» - 12 июня 1889 г.; 4) камилавкой - 12 апреля 1895 г. Этим поощрениям соответствует лаконичная характеристика священника как человека «похвального» поведения, который «читает и поет хорошо, катехизис знает» (АИ: Ф. 503, оп. 1, д. 2, л. 224-225).

Тот же источник содержит сведения и о детях В.Д.Агуры и его жены-ровесницы «Парасковии Дмитриевой». Их старший 26-летний сын Дмитрий, как указано в записи, «занимается хозяйством». У него и его жены-сверстницы Кириакки уже росла 2-летняя дочь Мария. О другом сыне священника, 21-летнем Иване, сказано: «Состоит учителем». В семье были две взрослые дочери 18 и 16 лет - Мария и Анна. Из более ранней ведомости можно узнать о том, что дети отца Василия обучались в Кишиневе. В 1888 г. 12-летняя Мария воспитывалась в Епархиальном женском училище, 15-летний Иоанн (Иван) - в Духовном училище, а 17-летний Георгий - в Духовной семинарии. Документ 1895 г. данных о Георгии не содержит (АИ: Ф. 503, оп. 1, д. 2, л. 122 об., 124).

Клировые ведомости 1888 и 1895 гг., а также сводка сведений об учебных заведениях Бессарабии за 1887 г. (НАРМ: Ф. 152, оп. 1, д. 357) позволяют по-новому ставить вопрос о времени рождения и происхождении В.Д.Агуры. Поскольку по данным двух более ранних документов ему соответственно 39 и 40 лет, то дата рождения его должна приходиться на 1848 г. По ведомости 1895 г. В.Д.Агуре 46 лет, т.е. он мог родиться и в 1849 г. Однако, скорее всего, он появился на свет в конце 1848 г. В этом случае при составлении документа в начале 1895 г., ему действительно было лишь 46 лет. Произведенные исчисления противоречат публикации, ориентировочно определяющей время рождения В.Д.Агуры 1845 г. (Сюпор 1982: 113). Ближе к ней данные надробной надписи, по которым это событие нужно бы отнести к 1846 г. Отчество Дмитриевич позволяет думать, что Василий приходился родным братом Д.Д.Агуре, старшим или с меньшей вероятностью даже близнецом. Если это так, то их «крестьянское», по мнению Е.Сюпор, происхождение в какой-то мере условно (Сюпор 1982: 45). Отец В.Д.Агуры, названный «причетником», служил при церкви с. Чепма-Варунта, по всей видимости, псаломщи-

ком. Огромное стремление старшего поколения рода Агура давать детям хорошее для той эпохи образование показывает, что оно уже не думало связывать свою жизнь с сельскохозяйственной деятельностью.

Служба священника явно не удовлетворяла многогранные интересы В.Д.Агуры. Особенно много усилий он прикладывал на ниве народного просвещения. Материалы об этом находятся в «Журналах заседаний уездного отделения епархиального училищного совета за 1898 год». Из записей за декабрь выясняется, что отец Василий составил донесение о необходимости открытия в Шикирликитае школы грамоты. По его сообщению, в селе насчитывалось «более 500 душ детей школьного возраста» и лишь пятая часть из них помещалась в существовавшем тогда двухклассном ланкастерском училище. По этой причине в 1898 г. имели место около 125 случаев отказов в приеме на учебу. Священник возбудил ходатайство об открытии новой школы для 50 детей. Для осуществления этой идеи под учебное здание приспособили церковную сторожку, приобрели классную мебель. Постановление, вынесенное в уезде 11 декабря 1898 г., гласило: «Разрешить открыть школу грамоты в с. Шикирли Китгае, назначив заведующим и законоучителем священника В.Д.Агура, а к учительству в школе временно - впредь до назначения особого учителя - допустить псаломщика Зиновия Бондарева». Открытие церковной школы стало возможным благодаря устойчивому экономическому положению села. По сообщению исправника в тот год предполагался остаток средств колонии после исполнения бюджета в сумме около 4000 рублей и выделение 200-250 руб. на содержание школы не представляло никакой сложности (АИ: Ф. 785, оп. 1, д. 18, л. 5 об., 21).

В начале XX в. В.Д.Агура продолжал оставаться законоучителем в Шикирликитае. Причем известно, что 14 мая 1902 г. его наградили наперсным крестом, а в 1908 г. Орденом Св. Анны III степени (СЛ 1905: 63; 1908: 98). Продолжал он, как и в молодости, быть организатором благотворительных акций. По рассказам моего деда, в годы Первой мировой войны наставляемые отцом Василием школьники регулярно с божественными песнопениями обходили дворы своих односельчан, собирая пожертвования в пользу раненых.

Однако не все в жизни этого человека складывалось просто. Документы консистории 1904 г. зафиксировали тяжелый конфликт священника с церковным старостой. В жалобе В.Д.Агуры на имя «Отца благочинного 1-го Округа Измаильского уезда» от 8 марта говорится о действиях обидчика, творившего «произвол» в денежных делах и оскорблявшего попа, находясь «под влиянием Бахуса». Расследование церковного начальства установило, «что староста церкви села Шикирликитай Иван Македонский уклоняется от ежемесячного производства

счета церковных сумм и что с местным священником в обращениях груб и непочтителен». Вскоре этот выборный помощник лишился должности (НАРМ: Ф. 208, оп. 5, д. 2531, л. 3-6 об.).

В 1906 г. вокруг сельской церкви возникли новые сложности. Псаломщик З. Бондарев пожаловался на своего «сверхштатного» коллегу Ивана Стефанова, усмотрев несправедливость в распределении церковных доходов. Жалобщик требовал в качестве компенсации 10,50 руб. и 28 мер пшеницы. И. Стефанов отдал деньги, но не зерно. Очевидно этот спор задевал и священника. Во всяком случае, он признал перед советом села, что причитающаяся псаломщикам часть доходов делилась по устной договоренности между ними на 3/5 и 2/5, а не поровну, как полагалось по распоряжению Синода. Благочинный совет принял решение: «На будущее время во избежание могущих произойти недоразумений предложить псаломщикам Бондареву и Стефанову делиться землею и доходами по приходу согласно существующим на то правилам, а в случае недовольства таким дележом предложить недовольному принискать себе другой приход». Из этого дела известно, что при церкви числилось «385 руб. указных дворов» и 60 десятин земли, из которых священнику причиталось 3/4 (НАРМ: Ф. 208, оп. 5, д. 2876, л. 1-2 об.). Таким образом, В. Агура в 1906 г. пользовался 45 десятинами церковной земли. Заметим, что его имущество в 1895 г. состояло из дома, виноградного сада и надела земли в 28 десятин (АИ: Ф. 503, оп. 1, д. 2, л. 225).

Разумеется, высокий ежегодный доход В. Д. Агуры от церкви и преподавания Закона Божия в школах - несколько сот и более рублей - давал возможности священнику для приобретения нового имущества и, в частности, земли. Поскольку рост собственности чаще всего происходил за счет обезземеливания части крестьянских дворов, это накаляло обстановку среди односельчан. Особенно трудно в такой ситуации было сохранить авторитет находившемуся на виду у всех священнику. Так в условиях крестьянских реформ, начатых П. А. Столыпиным, возникла долгая тяжба В. Д. Агуры и его сына с П. И. Смоковым.

В жалобе на имя епископа Измайского Дионисия Петр Смоков писал об отданных им в 1910 г. священнику векселях матери на 2000 руб. П. И. Смоков устно попросил В. Д. Агуру, чтобы тот для него «исходатайствовал» на публичных торгах по векселям спорный участок в 6 десятин 2299,5 сажени. Однако при продаже его на торгах 7 мая 1913 г. сын попа Иван «наддал сумму 1665 руб.» и «выделил таковую землю в отрубной участок». Судя по жалобе, сначала В. Агура с сыном признали неправомочность своих действий и были готовы вернуть П. И. Смокову землю или деньги, но в 1914 г. суд прекратил это дело не в пользу истца (НАРМ: Ф. 208, оп. 5, д. 4080, л. 3-3 об.).

В деле имеется обширная объяснительная записка В. Д. Агуры от 8 февраля 1916 г., в значительной мере проливающая свет на эту довольно запутанную историю. Из нее следует, что П. И. Смоков в 1911 г. «нотариальным порядком» переуступил в собственность священнику три векселя на 1500 руб. и исполнительный лист на 500 руб. для предъявления иска о земле его матери. По словам В. Д. Агуры, он долго отказывался от ценных бумаг и ведения судебного дела. Однако спустя 2-3 месяца П. И. Смоков со слезами на глазах молил о помощи, поскольку «из-за векселей отчим очень обижает мать и его с женою и ребенком среди зимы ночью выбросил на улицу и не даст ему ни вершка земли». После уговоров священник согласился помочь с условием, что векселя будут переуступлены другому лицу, указанному самим П. И. Смоковым. Через месяц по его желанию ценные бумаги были переданы И. В. Агуре. Хотя отец Василий и описывает как разворачивались события далее, он указывает, что с этого времени «был только посторонним зрителем».

В 1913 г. Петр Смоков с женой даже приходили благодарить В. Д. Агуру и радовались, что после сбора урожая смогут расплатиться с долгами по уплате пошлин и ведению дела. В том же году П. И. Смоков сам, как и многие сельчане, решил сделать свой участок отрубным. Однако когда его землю выделили и обозначили гербовыми знаками, он стал отказываться от первоначального решения. Дело дошло до прокурора, у которого выяснилось, что П. И. Смоков клеветал на И. В. Агуру, обвиняя его в грабеже. Тем не менее, обиженный крестьянин отказался «получить свой документ на приобретенную для него землю», выделенный участок или «такое же количество земли в общем владении». Когда в 1914-1915 гг. И. В. Агура отдавал отруб исполу в пользу П. И. Смокова, тот отказался получить свою половину урожая. В начале 1915 г. все вроде бы шло к разрешению спора, но затем тяжба возобновилась. По мнению священника, это произошло «под давлением Георгия Васильевича Смоковского», который обещал решить дело в суде без всяких затрат и при этом «ни одной копейки не даст Ивану Агуре за посредничество, за уплату пошлин и другие расходы». За эту услугу П. И. Смоков обязался заплатить Г. В. Смоковскому 225 руб. На сей раз жалобу в защиту потерпевшего, подала жена последнего, Д. В. Смоковская, якобы всюду похвалявшаяся, что «она хитростью может выиграть» дело.

В. Д. Агура особенно подчеркивает следующее обстоятельство: «Я совершенно не причастен к делу», а сын - «совершенно самостоятельный хозяин». Свое объяснение он завершает словами: «Прошу ходатайствовать пред Епархиальным начальством об освобождении меня от нахальства Смокова, который порочит мое доброе имя» (НАРМ: Ф. 208, оп. 5, д. 4080, л. 4-5 об.). В итоге дело по обвинению В. Д. Агуры высокие

инстанции рассмотрели в первой половине 1916 г. и решили «оставить без последствий» (НАРМ: Ф. 208, оп. 5, д. 4080, л. 1-2 об., 11-12).

Однако, как мне представляется, описанный случай далеко не раскрыт следствием. Даже многие десятилетия спустя очевидно, что главным пострадавшим, несмотря ни на что, является Петр Иванович Смоков. Как говорится в одном из документов от его имени: лишившись земли, «я извлекаю и добываю средства к пропитанию поденной работой». Бедный молодой человек не был самостоятельным в суждениях, его можно было легко обмануть, да и сам он не раз обманывался. Это объясняет, почему поначалу благоговейное отношение к В.Д.Агуре и его семье сменяется вспышками ненависти. В течение нескольких лет он не раз менял свои решения о земельной собственности на противоположные. Проиграв дело в суде, он то избегает И.В.Агуру, то соглашается на примирение, а потом вдруг начинает новую тяжбу. Неграмотность и неведение, отраженные в деле, превращали П.И.Смокова в легкую жертву более ушлых односельчан.

Здесь встает вопрос о «сердобольных» Г.В.Смоковском и его супруге, подавших жалобу от своего родственника (?) на В.Д.Агуру и его сына 15 декабря 1915 г. Как выясняется из клировой ведомости 1895 г., 44-летний Г.В.Смоковский, будучи сыном причетника, значился с 24-летней женой Домникой при церкви и служил сельским писарем (ИА: Ф. 503, оп. 1, д. 2, л. 228). Через 20 лет многое изменилось. Г.В.Смоковский уже не был писарем, его прежнее место в 1915 г. занимал некто Бухнев (НАРМ: Ф. 208, оп. 5, д. 4080, л. 8 об. - 9). Однако, связанный с церковью, юридически он имел право претендовать на работу, долю доходов и, вероятно, многое понимал в делах прихода. Можно допустить наличие серьезных причин, включая и преклонный возраст, которые мешали реализации этих возможностей. Однако вряд ли бывший писарь правильно воспринимал эти аргументы. Поэтому он и особенно его жена, находившаяся еще в расцвете сил, чуть ли не открыто выступили против В.Д.Агуры. Речь шла не столько о заинтересованности в получении 225 руб. при выигрывше дела, сколько о глубоком расколе села на «партии» в годы реформ П.А.Столыпина и Первой мировой войны. Усиливавшееся массовое недовольство оказывалось направленным против людей, занимавших руководящее положение в селе. Таким человеком, наряду с примаром Д.М.Калаяновым (См. напр. НАРМ: Ф. 9, оп. 1, д. 2290), являлся, несомненно, и В.Д.Агура.

Между тем Российская империя стремительно приближалась к событиям 1917 г. Хаос пришел даже в самые дальние уголки огромной страны. Припоминается мне лаконичный рассказ деда о том, как произошла революция в Шикирликитае. Судя по тому, что он употреблял именно

это слово, так воспринимали свои действия и организаторы беспорядков, и мои односельчане. Эти самые революционеры, которых можно было пересчитать по пальцам, первым делом вывели на площадь В.Д.Агуру и прилюдно всячески издевались над седовласым священником. Помню дословно фразу деда: «Извели попу на мигдано и гу дрыпали за брадата» (вывели попу на площадь и дергали его за бороду). Трудно ожидать, чтобы подобные факты сельской революции нашли письменное отражение. Тем не менее, архивные документы косвенно запечатлели те давние события.

Среди бумаг Кишиневской Духовной консистории хранится дело о назначении к церкви с.Шикирликитай нового священника Симеона Тишковского из с.Старые Трояны, датированное ноябрем 1917 - мартом 1918 г. Однако наиболее ранний из документов - «Мирский приговор» схода жителей от 14 ноября 1917 г. - вовсе не упоминает о В.Д.Агуре. Однако в заявлении С.Тишковского архиепископу Кишиневскому и Хотинскому Анастасию 22 декабря 1917 г. недвусмысленно сказано: «Имею сведения, что священник села Шикирликитай Василий Агура устранен обществом от должности».

Более полную картину рисует копия протокола заседания «Благочиннического Совета 1 окр(уга) Измаильского уезда», датированного 28 декабря 1917 г. Из доклада благочинного было сделано несколько важных констатаций: «1) что с.Шикирликитай остается без богослужения 9 месяцев, 2) прихожане достаточно наказаны за грубое отрешение протоиерея Василия Агуры от прихода, 3) прихожане, почувствовав великую нужду в священнике, исполнили все требования благочинного - уплатили жалованье и арендные за захваченную церковную землю по 1 янв. 1918 г., внесли все сборы с церкви за 1917 год, 4) обострение в селе усливается и может вылиться в неприятную для церкви и духовенства форму и 5) прихожане отказались от претендента на их приход священника Дмитрия Димова, способствовавшего разложению прихода и дали приговор в пользу священника с.Старо-Троян Симеона Тишковского». В постановляющей части протокола говорится: «Нет надежды на то, чтобы в селе произошел перелом и протоиерей Василий Агура остался на месте» (НАРМ: Ф. 208, оп. 3, д. 5454, л. 1-9).

Таким образом, можно быть уверенным вполне, что произошедшие еще ранней весной 1917 г. революционные действия кучки людей были поддержаны большинством жителей села, пожелавших участвовать в местной секуляризации. В Шикирликитае, как и в большинстве населенных пунктов рухнувшей империи, не нашлось достойных защитников прежних порядков и особенно прежних лидеров, включая духовных. Не случайно и прихожане, и медлившие до поры церковные руко-

водство пошли на компромисс, пожертвовав В.Д.Агурой - священнослужителем, окормлявшим без малого полувека прихожан Шикирликитая.

Обстоятельства возвращения отца Василия к богослужению мне точно неизвестны, но оно состоялось очень скоро, по всей видимости, уже в 1918 г. с приходом румынской власти. Он оставался священником Константино-Еленинской церкви до конца своих дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

- АИ // Отдел Одесского областного государственного архива в г.Измаиле.
БВИ (1988) Българската възрожденческа интелигенция. София.
БГ (1876-1877) Български глас. Болград.
Дякович Вл. (1930) Българите в Бесарабия. София.
ИБАД (1911) Известия на Българското археологическо дружество.
Т. II. София.
НАРМ // Национальный Архив Республики Молдова. Кишинев
ПВ (1998) Гончаренко Н. За дела земные... // Придунайские вести.
№ 65.
✓ СЛ (1905) Список лиц, служащих в Одесском учебном округе на 1905/1906 учебный год. Часть II. Одесса.
✓ СЛ (1908) Список лиц, служащих в Одесском учебном округе на 1908/1909 учебный год. Одесса.
Сюпюр Е. (1982) Българската емигрантска интелигенция в Румъния през XIX век. София.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ 1948г. В БОЛГАРСКИХ СЕЛАХ ИЗМАЙЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (на материалах Болградского, Ново-Ивановского и Тарутинского районов)

Приоткрывая новые страницы истории бессарабских болгар, мы видим полный драматических событий путь, насыщенный примерами тяжелейших потрясений и жесточайших ударов, которые, казалось, испытывают на прочность жизнеустойчивость болгарского населения. Первые послевоенные годы явились временем суровых испытаний. Хлебозаготовки, насильственная коллективизация, тяжелый налоговый пресс, репрессивная политика властей, административно-командные методы управления, голод 1946-1947 годов, наконец, раскулачивание - все это вызывало неадекватную реакцию населения, разочарование в новых условиях жизни, а у многих - и глубокую ненависть к советской власти.

Выселение кулацких семей в октябре 1948 года, наряду с другими событиями послевоенных лет в Придунайском крае, является одной из малоисследованных страниц истории. В советский период раскулачивание второй половины 40-х годов освещалось строго тенденциозно, отвечая методологическим требованиям советской науки. В девяностых годах ряд исследователей вплотную занялся этой проблемой, пытаясь критически переосмыслить политику власти в отношении бывших кулаков¹. Влияние раскулачивания на многочисленные этнические группы в Бессарабии, в том числе и болгар, не было до настоящего времени предметом исторического анализа.

Рамки статьи ограничены районами Измаильской области, в которых наиболее компактно проживали болгары. В Болградском, Ново-Ивановском и Тарутинском районах в середине 40-х годов располагалось около 70% всех болгар области (97300 человек). Внутри этих районов доля болгар составляла соответственно 73%, 83% и 53%². На наш взгляд, данные районы достаточно представительны и в этом отношении и дают полное впечатление об основных тенденциях рассматриваемого явления.

Говоря о раскулачивании в Бессарабии, следует иметь в виду, что этот процесс начался еще в 1940 году с установлением в регионе советской власти. Он включал в себя выселение кулаков в начале 40-х годов, ограничение размера их землепользования и торгово-предпринимательской деятельности, постоянное усиление налогового пресса и другие

мероприятия, направленные на ослабление и уничтожение зажиточных хозяйств. Задача ликвидации кулачества как класса была в полной мере завершена в ходе выселения 1948 года.

Первым шагом к подготовке этой операции была докладная записка первого секретаря ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущева на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л. П. Берия от 10 февраля 1948 года, в которой предлагалось принять закон, укрепляющий дисциплину в колхозах. По аналогии с практикой, существовавшей в царской России, Хрущев вносит предложение издать закон, предоставляющий право общим колхозным собраниям выносить приговоры о выселении за пределы республики "элементов, упорно не желающих приближаться к общественно полезному труду"³. Его предложение нашло поддержку в Москве, и уже 21 февраля 1948 года принимается секретный указ Президиума Верховного Совета СССР "О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни". Н. С. Хрущев вряд ли мог предположить, что всего через три месяца его "почин" приобретет всесоюзный размах: 2 июня 1948 года действие указа распространилось на всю территорию СССР, за исключением западных областей Украины и Белоруссии. На следующий день правительством принято секретное постановление за подписью Сталина и Чадаева, в котором подробно расписан порядок применения указа на практике и определены районы размещения будущих спецпереселенцев в бассейнах реки Оби, Енисея и Лены⁴.

Несмотря на то, что данный указ стал действовать в Измаильской области только с 23 ноября 1948 года⁵, когда выселение в основном было уже проведено, само его наличие придавало раскулачиванию легитимный характер, служило необходимой юридической базой и главным критерием для областных властей при разработке "антикуркульской" политики.

В западных районах СССР раскулачивание проводилось в тесной взаимосвязи с послевоенной коллективизацией сельского хозяйства. К осени 1948 года колхозное строительство в Придунайском крае практически завершилось. Бывшие кулацкие хозяйства, в большинстве своем вступившие в колхозы, но затем исключенные из них, фактически были вынуждены вести индивидуальные хозяйства. Они ощущали государственный прессинг гораздо сильнее, нежели колхозники. С середины 1947 года на кулацкие хозяйства был увеличен сельскохозяйственный налог. Так, средний размер налога на одно кулацкое хозяйство в Молдавии повысился с 553 руб. в 1947 г. до 1284 руб. в 1948 г., процент изъятия с облагаемого дохода увеличился в 2,3 раза. В 1948 г. на одно кулацкое

хозяйство было предъявлено к уплате в 4,4 раза больше, чем в среднем на колхозный двор, и в 7,6 раза больше, чем на единоличное хозяйство. Кулаки привлекались к обязательным поставкам продуктов по нормам, на 50% превышающим установленные для бедняцко-средняцких хозяйств⁶. Естественно, кулацкие хозяйства, обремененные тяжелыми налогами и поставками, не в силах были рассчитаться с государством. Областные власти широко использовали этот факт для обоснования применения репрессивных мер к кулакам. При этом руководство упускало из виду то обстоятельство, что к 1948 году кулацкие хозяйства давно перестали быть реальной экономической силой в деревнях. Лишенные большей части своей земли, вынужденные сдавать государству непосильную дань, не имея возможности пользоваться наемным трудом, совершать торгово-посреднические и предпринимательские операции, будучи политически разобщенными, не имея социального союзника в городах, не получая помощи извне, зажиточные крестьяне не представляли угрозы для колхозно-совхозного строительства⁷. Например, хозяйство выселенного Дюльгера Василия Дмитриевича (Делены) состояло из коровы, 28 голов птицы, 482 килограммов кукурузы, 301 килограммов картофеля⁸. Однако, ярлык "кулака" оказался сильнее реального положения вещей: крестьяне были репрессированы, по сути, за давно несуществующее владение землей и имуществом, нажитым тяжелым крестьянским трудом.

В мае 1947 г. райисполкомы и органы МВД-МГБ собрали необходимые материалы о кулаках Измаильской области. Всего были представлены справки более чем на 2200 глав семейств. По определению советских властей, кулацким хозяйством считалось крестьянское хозяйство, в котором использовался труд наемных или сезонных рабочих (за некоторым исключением), имелся доход в виде отработок, денежной или натуральной платы за предоставление рабочего скота и сельскохозяйственных машин другим хозяйствам, имелся систематический доход от мельниц, маслобоек и других промышленных предприятий, а также доходы от открытой аренды земли, торговли, ростовщичества и спекуляции⁹.

Собранные на кулаков материалы несколько раз уточнялись, проверялись и дополнялись. Местное руководство не всегда точно классифицировало принадлежность крестьян к тому или иному слою. Зачастую в категорию кулаков попадали середняки, а кулаки, по тем или иным причинам не попадали в списки¹⁰.

Одним из способов избежать раскулачивания было выдвижение бывших кулаков на руководящую работу. Так, во время выселения председателем колхоза им. Жданова (Табаки) работал бывший кулак, член либеральной партии Бахчиванжи Федор Яковлевич. Спихватившись,

его сняли с работы в декабре 1948 г., но никаких мер к нему применить не успели¹.

Решение о выселении кулацких семей в области было принято на основании постановления Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У от 6 октября 1948 года "О частичном выселении кулаков Измаильской области". 14 октября 1948 г. бюро Измаильского обкома принимает постановление с нейтральным названием "О мероприятиях по укреплению колхозов Измаильской области в связи со сплошной коллективизацией". Через несколько дней райкомы и райисполкомы принимают соответствующие постановления, где прямо была поставлена задача провести выселение кулаков и их семей по утвержденным облисполкомом спискам. В постановлении подробно оговаривались все мероприятия по конфискации имущества репрессированных, передаче его колхозам, государственным организациям. Вся практическая деятельность по выселению кулаков и организация массово-политической работы в селах возлагалась на райисполкомы. Намечалось провести совещания актива, собрания колхозников и крестьян-единоличников. Выдвигались требования провести собрания "на высоком политическом уровне с тем, чтобы выселение кулаков послужило... организационно-хозяйственному укреплению колхозов"¹².

В проведении операции был задействован весь личный состав УМВД области и его периферийные органы, личный состав 26-го и 105-го пограничных отрядов, Одесская школа милиции, работники Министерства внутренних дел УССР - в общей сложности до 900 человек¹³.

20 октября 1948 года проводились последние приготовления. По линии военкоматов был мобилизован автотранспорт из расчета: на каждое семейство - одна машина. Вечером того же дня во всех районах в райкомы был созван советско-партийный актив, где были поставлены перед каждым конкретные задачи, разъяснен порядок изъятия, определено время начала операции, составлен четкий план действий.

Для организации выселения только из районного актива было выделено 42 человека в Тарутинском, 50 - в Ново-Ивановском и 57 - в Болградском районах¹⁴. Выехав ночью в села, районные коммунисты организовали сельский актив и 21 октября 1948 года в 6.00 часов утра приступили к выселению¹⁵. В течение дня выселяемые были погружены в эшелоны на станциях в Арцизе, Измаиле и других городах.

По воспоминаниям репрессированных, в большинстве случаев людям не позволяли брать с собой ничего, кроме одеяла и небольшого запаса еды. В пути следования первые 15 дней их не кормили вообще, а затем выдавали по мешку хлеба и два ведра чая на вагон. Поскольку выселяемых не выпускали из вагонов на коротких остановках поезда, они не

могли достать продукты, и вынуждены были довольствоваться тем немногим, что захватили с собой.

Не менее тяжелым было испытание холодом. Одетые сравнительно легко, без запасной одежды, спецпереселенцы попали в области, где в декабре морозы доходили до 30-40°С. Вагоны не отапливались. Люди буквально замерзали от холода.

До последнего момента выселяемые не знали, куда их везут. Некоторые пытались заговорить с прохожими на железнодорожных станциях, спрашивая название местечка, но в ответ получали лишь молчание: на вагонах было написано предупреждение: "Особо опасные преступники! Не разговаривать!"

Тяжелое положение раскулаченных усугублялось необходимостью тут же в вагоне справлять естественные надобности в одно общее ведро, хотя здесь находились вместе мужчины, женщины и дети. Смрад, удручающее психологическое состояние, голод, холод сопутствовали выселяемым на протяжении всего пути следования (более 20 дней).

Конечным пунктом назначения оказалась станция Асино Томской железной дороги. "Получателем" раскулаченных семей был Тресттомлес Министерства лесобумажной промышленности. Отсюда люди распределялись на работы в различные организации (колхоз, леспромхоз и др.). Болгарские семьи оказались в самой глубине Сибири в начале зимы без подходящей одежды, обуви, продовольственных запасов, денег, без надежды на будущее.

В трех рассматриваемых районах подлежало выселению 76 семей (360 чел.). Фактически было репрессировано 73 семьи. Из них болгарских семей было 59, что составляло 80% от общего количества семей. Всего из Измаильской области было выселено 250 семей. По неполным данным, среди них было 116 болгарских семей (почти 50%). Данные о количестве выселенных по районам приведены в таблице¹⁶:

Районы	Количество семей, подлежащих выселению	Всего выселено	Из них болгарских семей	% болгарских семей
Болградский	38	37	28	75,6
Ново-Ивановский	17	17	16	94,1
Тарутинский	21	19	15	78,9
Итого	76	73	59	80,8

С отъездом кулаков акция по "воспитанию" и "устрашению" крестьян не закончилась. В тот же роковой октябрьский день во всех селах, где проводилось раскулачивание, были проведены колхозные и крестьянские

кие собрания. В одном только Болградском районе было проведено 10 партийных, 27 комсомольских, 43 колхозных, 96 бригадных собраний, а также 6 собраний крестьян-единоличников. На этих собраниях властям необходимо было продемонстрировать народную поддержку антикуркульской политики правительства. Официально считали необходимым одобрение раскулачиванию. Некоторые искренне хотели пожелание выселить *всех* оставшихся кулаков в селе¹⁷. Такие высказывания перекликались с призывами брать высокие социалистические обязательства, добиваться новых трудовых побед, всемерно укреплять колхозный строй. О степени воздействия на крестьян акции по выселению свидетельствует и тот факт, что в этот же день сотни единоличников подали заявления в колхозы. В с. Кальчево таких заявлений было 70, в с. Кубей - 10. Характерное настроение крестьян выразила в своем выступлении Василиса Стоянова (Кубей), которая сказала, что путь колхозов, как она *убедилась*, единственно правильный и другого выхода из нужды нет. В резолюции собрания записали: к 31-й годовщине Октября провести полную коллективизацию села.¹⁸

Как видим, вся предшествующая политика советской власти на селе, а также конкретные действия по выселению кулаков во многом лишали людей возможности проявления поведенческого компромисса в отношении своих односельчан. Очевидно, что в более демократической обстановке они не проявляли бы такой безусловной поддержки политики правительства.

После выселения имущество репрессированных было конфисковано. В течение нескольких дней оно было передано колхозам, различным организациям, а также реализовывалось в счет погашения задолженности кулацких хозяйств перед государством по особым поставкам.

Проанализированные акты о конфискации имущества кулаков свидетельствуют о том, что зажиточные хозяйства к осени 1948 года фактически перестали быть таковыми и только непобедимое трудолюбие крестьян позволяло им "держаться на плаву". У 37 хозяйств Болградского района было конфисковано 9 лошадей, 13 волов, 25 коров, 25 свиней, 18 телят, 489 овец, 529 голов птицы. В Тарутинском районе 19 раскулаченных хозяйств имели 113 коров, 7 телят, 7 свиней, 91 овцу, 316 голов птиц¹⁹. В некоторых случаях руководство присваивало часть имущества, не полностью указывая в акте его количество. При выселении семьи Деде С.И. (Гюльмен) было конфисковано три коровы, пять лошадей, три свиньи, 50 овец, две повозки, три плуга, три бороны, веялка, 100 килограммов шерсти. В акте же было записано о конфискации одной коровы, двух овец и предметов домашнего обихода²⁰. Приблизительная стоимость конфискованного имущества составила в Ново-Ивановском районе - 224315 руб., в Тарутинском районе - 140000 руб.; в Болградском районе только предметы домашнего обихода оценивались в 36000 руб.²¹. Данные цифры в определенной степени отражают материальный ущерб, нанесенный раскулаченными семьям.

Только сравнительно недавно семьи бывших кулаков были реабилитированы. Специально созданные в каждом районе комиссии частично возмещают материальные потери обращающихся туда репрессированных. Однако, подвергнув бывшие кулацкие хозяйства ostrакизму, государство нанесло им и непоправимую моральную травму, которую невозможно излечить никакими выплатами.

Раскулачивание 1948 года в болгарских селах Бессарабии явилось ярким примером человеческого бесправия, бессилия и унижения. Только через 8-10 лет выселенные болгары смогли вернуться на родину. Их жизни были исковерканы, судьбы изломаны, души изранены. Начиная новую жизнь после возвращения на родную землю, они затаили глубоко в себе душевную боль, и лишь теперь смогли открыто рассказать о своей драме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волков І.М. Виселення селян України у віддалені райони СРСР наприкінці 40-х років // УІЖ. 1993, № 7-8. С. 37-43; Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян // Отечественные архивы. 1993, №2. С. 31-38; Зима В.Ф. "Второе раскулачивание" (Аграрная политика конца 40-х - начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994, № 3. С. 109-125 и др.

2. Государственный архив Одесской области (далее: ГАОО), ф. ИР-424, оп.1, а. е. 864, лл. 4, 5, 7-13, 16-21.

3. Попов В.П. Неизвестная инициатива... // Отечественные архивы. 1994, № 3. С. 33-36.

4. Зима В.П. Указ. соч. С. 109.

5. Там же.

6. Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946-1950. М, 1978. С. 386.

7. См.: Бачинский А.Д. В семье советской. Социалистическое строительство в Придунайских землях Украинской ССР. Киев-Одесса, 1984. С. 115.

8. ГАОО, ф. ИР-938, оп. 1, а. е. 14, л. 76.

9. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. 2, оп. 7, а. е. 2630, л. 25.

10. ГАОО, ф. П - 7109, оп. 1, а. е. 145, л. 13, а. е. 197, лл. 4, 16, 24.
11. Там же, а. е. 197, лл. 4, 24, 36, 37.
12. Там же, а. е. 145, л. 2, ф. П-4980, оп. 1, а. е. 866, лл. 9, 14.
13. Там же, ф. П- 4890, оп. 1, а. е. 866, л. 34.
14. Там же, , лл. 4, 14.
15. В некоторых селах выселение началось еще ночью. Например, в селе Делены семьи подняли в 3.00 часа ночи.
16. Подсчитано по: ГАОО, ф. П-4980, оп. 1, а. е. 866, лл. 4, 14. 22-24; а. е. 868, л. 1.; ф. Р-7721, оп. 3, а. е. 3, лл. 1-193.
17. ГАОО, ф. П-4980, оп. 1, а. е. 866, л. 26.
18. Там же, ф. П-7109, оп. 1, а. е. 145, лл. 6, 8, 9.
19. Там же, ф. П-4980, оп. 1, а. е. 866, л. 26; ф. Р-7721, оп. 3, а. е. 1, л. 193.
20. Деде И. По пътя за Сибир...// Бесарабските българи за себе си.../ Съст. П.-Е Митев, Н. Червенков. София, 1996. С. 127.
21. ГАОО, ф. П. 4980. оп. 1, а. е. 866, лл. 23, 26; ф. Р-7721, оп. 3, а. е. 1, л. 197; ф. ИР-938, оп. 1, а. е. 14, л. 4.

ЩРИХИ КЪМ ПОРТРЕТА НА ЕТНОНАЦИОНАЛНИЯ ЭЛИТ НА БЕСАРАБСКИТЕ БЪЛГАРИ ОТ УКРАИНА И МОЛДОВА (1918 - 1991 г.)

Понятието "етнонационален елит" обхваща политически сознателните и социално активните личности от средите на една общност. Мисията на този елит е да стимулира и мобилизира етническите чувства и възприятия на общността, да формулира и изрази нейните специфични и общи интереси, да организира и оглави движение за защитата на тези интереси. Елитът се състои от лидери (водачи), които създават идеологиите и програмите или оглавяват организираното движение, и активисти, които въвеждат идеите сред широките слоеве на населението и осъществяват програмните начертания.

Доскоро ролята на етнонационалните елити в историята на българските задгранични общности беше подценявана. Господстващата идеология абсолютизираше значението на социално-класовия фактор и прилизаваше мястото на личността в общественото развитие. Този недостатък при отразяването на миналото започна да се преодолява през последните години. Без да се проучи формирането и дейността на елита не би могло да се разбере миналото, да се обясни настоящето, да се прогнозира бъдещето на бесарабските българи. Настоящата публикация представлява опит за въвеждане към темата за елита на бесарабските българи от Украйна и Молдова през съвременната епоха. Предмет на анализ е начинът на формиране на елита и изпълнението на неговата мисия сред населението от български произход в географските граници на Бесарабия от края на Първата световна война до разпадането на Съветския Съюз и създаването на нови независими държави.

Съвременната история на бесарабските българи протича в условията на чужди за тях национално-държавни и предимно недемократични политически режими. Те живеят последователно под румънска власт (1918-1940 г.), съветска окупация (1940-1941 г.), румънски военно-окупационен режим (1941-1944 г.), и отново под съветско управление (1944-1991 г.). Тяхното развитие е обусловено от ограничената парламентарна демокрация, кралска и военна диктатура в Румъния, от тоталитарния режим в СССР с вариантите, които бележат неговото развитие - едноличната диктатура на Сталин, "затоплянето" при Хрушчов, "застоя" при Брежнев и "перестройката" на Горбачов. Възходът на национализма, авторитаризма и тоталитаризма в целия регион през съвременната

епоха се отразява и върху съдбата на областта между Прут и Днестър. Тя се развива предимно като оспорвана между Съветска Русия и Румъния гранична територия със смесено етническо население, и като "несигурна" периферия, подложена на изключителни мерки от държавите, които я владеят.

Тези условия определят крайно неблагоприятната среда, в която съществува българската общност в Бесарабия през ХХ век. Тя губи своя стопански и културен просперитет от предходното столетие и е подложена на стопанско разоряване, етнокултурна асимилация, дискриминация, депортации и геноцид. От друга страна, държавата-майка България не провежда активна етноохранителна политика спрямо бесарабските българи, въпреки че именно те са най-многочислената и компактна българска диаспора. Превратната и мъчителна историческа съдба, честата смяна на държавния съюзен и прекъснатите връзки с прародината поражда пасивност, приспособяване и регионално обособяване на българското население в Бесарабия. Всичко това се отразява и върху състоянието на елита, излъчен от неговите среди.

Ако основен критерий за наличието на етнонационален елит са неговите обществени прояви, то през съвременната епоха такъв елит при бесарабските българи се извява предимно в три периода: между двете световни войни, през втората половина на 50-те и 60-те години и от втората половина на 80-те години. Различната степен на либерализация в обществените условия през посочените периоди определя предпоставките и рамките на конкретните изяви. През междувоенния период се предприемат няколко предимно неуспешни опити за организиране на българско малцинствено движение в Румънска Бесарабия; след ХХ конгрес на КПСС през 1956 г. се предприемат безуспешни като краен резултат индивидуални акции за формулиране на малцинствени искания и тяхното поставяне пред официалните съветски власти; от втората половина на 80-те години се разгръща организирано движение за отстояване на общностните интереси, което продължава да се развива резултатно и в наши дни.

Елитът на бесарабските българи се излъчва от средите на интелигенцията от български произход. Аграрния характер на общността определя малобройността на този социален слой, което ограничава възможностите за естествен подбор на елита. През съвременната епоха бесарабската българска интелигенция получава своето образование в румънско или рускоезични учебни заведения. Българските училища в Бесарабия са русифицирани още по времето на царска Русия след 1878 г. В края на Първата световна война и първите години след нея, в условията на революционен подем и демократизация на обществения живот, частично

се възстаповява образованието на роден български език, но към средата на 20-те години то е напълно румънизирано. Присъединяването към Съветския Съюз след 1944 г. е последвано от поредната русификация на образователната система, която продължава до въвеждането на българския език в обучението през 1986 г. От началото на 90-те години започва процесът на по-масова образователна дейност на майчин език сред бесарабските българи както в Молдова и Украйна, така и в България. Нейни най-реални достижения се създаването на съответни средни учебни заведения и педагогически специалности в двете постсъветски републики, както и обучението на студенти в български висши учебни заведения.

Ролята на образованието при формирането на елита е значителна. Фактите показват, че образованието, получено в България, повишава националното самосъзнание, което от своя страна е предпоставка за съответни на националната идентичност изяви. Например, водачът на движението за откриване на национални български училища в Болградския район през 1918-1921 г. Хараламби Митанов, родом от с. Чешма Варунта (Криничное), е завършил гимназия в София. Той става първия преподавател по български език в Болградската мъжка гимназия, след неговото въвеждане в обучението през 1918 г. Една от софийските гимназии е завършил и проф. Петър Недов от с. Чийшия (Огородное) - инициатор на групата съмишленици от същото село, която обсъжда повдигането на българските етнонационални искания в края на 40-те години, но е ликвидирана от сталинската репресивна машина още в самия и зародиш. Като се има предвид увеличаващия се през последните години брой на следващите и вече дипломирали се в България младежи от Бесарабия, може да се прогнозира със сигурност, че именно от техните среди ще бъде излъчен бъдещият елит на общността.

От друга страна, завършилите чуждоезичните университети бесарабски българи проявяват по-голяма склонност за самоинтегриране към съответната национално-културна среда. Един от най-типичните примери за това е бързото създаване на румъноезична интелигенция от средата на българите в Бесарабия през междувоенния период. През 30-те години се извява дори цяло едно поколение от литератори - българи по произход, които създават поезия и проза на румънски език. Причините могат да се потърсят както в българската податливост на чужди влияния, така и в уменията на румънската културна пропаганда за национална интеграция. Близостта между българския и руския език, както и силното духовно, но и "имперско" присъствие на руската култура в региона, са предпоставките за нейното доминиращо влияние върху бесарабските българи. Това се потвърждава особено при интелигенцията,

която се формира след откъсване от родната среда и в рускоезично обкръжение. И все пак именно от тази русифицирана в една или друга степен интелигенция се излъчват някои дейци, които се опитват да възродят общността или да защитят нейните интереси.

Като цяло, водачите на бесарабските българи през междувоенния период са получили своето образование в университетите на дореволюционна Русия. Такива са, например, Иван Желязков, роден в Болград, и Фьодор Узун, роден в с. Селюгло (Холмское), които са завършили право в Санкт-Петербургския университет, Христофор Христофоров от Болград, завършил физико-математическия факултет на Одеския университет и др. Мотивацията за тяхната малцинствена дейност е свързана по някакъв начин с проруските им симпатии по време, когато Бесарабия е в границите на Румъния, а местното население е подложено на денационализаторски режим. Наред с това, обаче голямо значение за тяхното обществено поведение имат и други обстоятелства, каквито са непрекъснатите връзки с общността и поддържането на връзки с прародината, или, какъвто е случаят с Иван Желязков - дори получаване на материални стимули от нея. Съществена предпоставка за малцинствена дейност е и свободния професионален статут, какъвто предлага, например, адвокатската кариера, упражнявана от Ив. Желязков, Ф. Узун, Борис Камбуров (от Болград) и др.

Индивидуалните акции за привличане вниманието на официалните съветски власти към етнонационалните проблеми на бесарабските българи в годините след XX конгрес на КПСС през 1956 г. са дело също на възпитаници на руски (съветски) университети. Това са отделни представители на интелигенцията, които не са свързани пряко с държавната структура, и се занимават с научно-изследователска дейност, особено в сферата на историята на бесарабските българи. Такъв е, например, кишиневския историк Иван Мешчерюк, родом от Болград, който преди Втората световна война работи в съществувалия тогава български педагогически техникум в Одеса. Несъмнено непосредственият досег с историята и културата на общността, както и влиянието на личния и обществен опит благоприятстват национално-патриотичните изяви. Предимно представители на хуманитарната интелигенция от български произход са и водачите на започналия етновъзродителен процес сред бесарабските българи по време на "перестройката" в бившия Съветски Съюз. За отбелязване е фактът, че част от тях са получили своето образование през годините на относителна либерализация при управлението на Н. Хрущов.

Дейността и изявите на бесарабския български елит през съвременната епоха се вписват в две взаимно-свързани направления: културно-

просветно, което доминира, и обществено-политическо, което остава на заден план. Ако крайната цел при първото направление е постигането на някаква степен на етнокултурна автономия, то при второто - става дума за различни форми на териториална автономия.

Изучаването в училищата на майчиния български език е най-често издиганото искане от страна на елита. През 1918-1921 г. то е свързано с въвеждането на българския език в училищата, и с последвалия натиск за румънизация на образованието. Тогава Х. Митанов създава и оглавява Български централен училищен комитет в Бесарабия с център в Болград, а в 1921 г. се провежда също в Болград конгрес на български представители, където се разискват специално проблемите на българската просвета. Въвеждането на българския език в обучението се разисква и на проведения в края на 1929 г. в с. Ивановка Болгарския конгрес на българите от 17-те български "колонии" в окръг Четатя Албъ (бивш Акерман, дн. Белгород Днестровски), чийто главен организатор е Ф. Узун. Създаването и поддържането на частни български училища е главната цел на учреденото от Ив. Желязков през 1934 г. Българско общество в Болград. Изучаването на българския език се обсъжда през 1948 г. от така наречената чийшийска група от съмишленици, начело с Петър Недов. То фигурира като основно искане в писмата на И. Мешчерюк до Н. Хрущов в края на 50-те години, както и в другите индивидуални акции на С. Мумджиев, на П. Недов, на историците Михаил Дихан, Иван Грек и др. Отново същият предмет излиза на преден план след създаването на условия за неговото решаване през годините на Горбачовата "перестройка". Той е в основата на първите колективни акции на бесарабските българи пред официалните власти в Съветския Съюз, предприети през 80-те години и сред главните искания на създаваните от 1989 г. техни сдружения.

Другата водеща идея в обществената дейност на елита обхваща различните форми на национално-териториална автономия, предлагани за района с компактно българско население. Двама конгреса на представителите на българските общини, проведени в края на 1917 и началото на 1918 г., предявяват искания за административна (политическа) автономия на бесарабския юг. В края на 20-те и началото на 30-те години се лансира идеята за обособяването на Болградския район като нов административен окръг. Разделянето на територията в Бесарабия, населена предимно с българи и гагаузи, между Молдавската и Украинската републики след присъединяването на областта към СССР намалява допълнително възможностите за осъществяване на териториалната автономия. Предложението на И. Мешчерюк от края на 50-те години за създаване на самостоятелен административен окръг за българите и гагаузите

с център в Болград и в състава на Молдавската ССР е направено именно за да се поправи грешката, допуснатата с това разделяне. Идеята за българска национално-териториална автономия в Бесарабия се издига отново от учреденото в 1989 г. в Болград дружество "Св. св. Кирил и Методий" с председател Виктор Стоянов, заменен по-късно от Николай Тодоров. От своя страна, и дружество "Възраждане" в Кишинев с председател Иван Забунов, първоначално се обявява за българска автономна република в южната част на Бесарабия, но после се отказва в полза на предложението за присъединяване на тази част към Молдова. Превръщането на границата между Молдова и Украйна в междудържавна, създаването на Гагаузка автономна република в Молдова и позицията на украинските власти против формирането на автономни територии на практика предреждат неуспеха на предложенията за българската териториална автономия.

В своята съвременна история бесарабските българи не успяват да постигнат ефективно организационно и политическо обединяване, като не

превъзможат личните, идейните и други противоречия в името на общите етнонационални цели. Доминиращ в тяхното поведение е политическият опортюнизъм, разбран като присъединяване към управляващите партии на етнонационалното мнозинство. Тази по-консервативна линия, за разлика от самостоятелната политическа дейност, не предоставя големи възможности при отстояване на собствените интереси, особено когато става дума за една многочислена и компактна общност в условията на денационализаторски или недемократични режими. Наред с обективните дадености, това обяснява защо елитът не съумява да мобилизира достатъчно етнонационалните чувства на общността на бесарабските българи и да създаде масово движение.

В заключение може да се обобщи, че формирането и характерните черти на бесарабския български елит през съвременната историческа епоха отразяват състоянието на общността, от която той се излъчва. Неговата дейност не само е главния индикатор за правото за присъствие на бесарабските българи като малцинствена група в общественото развие, но и има решаваща роля за самосъхраняването и възраждането на общността. В наши дни, благодарение на разширяващата се образователна дейност на български език, бесарабските българи имат най-добри перспективи за формиране на собствен етнонационален елит. Гаранции за неговата по-ефективна обществена дейност в бъдеще биха създали организационните обединения и по-активното участие в обществено-политическия живот чрез собствени формирования.

НАРМ, ф. 680. Бессарабский областной инспекторат полиции. Филiaal ГАОО в г. Измаиле, ф. 312. Измаилское уездное управление полиции.

Бесарабските българи за себе си. Животоописания на българи от Молдова и Украйна. Съставители: П.Е. Митев и Н. Червенков. София, 1996.

Грек И. Из архива на доцент Иван Иванович Мешчерюк // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т.4. Велико Търново, 1995. С. 433-446.

Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова: минало и настояще. София, 1993.

Нягулов Б. Бесарабски българи в румънската литература между двете световни войни // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 4. Велико Търново, 1995. С. 285-302.

Нягулов Б. Бесарабският българин Иван Желязков и българското малцинствено движение в Румъния // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 2. Велико Търново, 1993. С. 230-246.

Нягулов Б. Културно-просветни проблеми на българите в Бесарабия (1917-1940) // Болградската гимназия. Сборник по случай 135 години от основаването ѝ. София, 1993. С. 123-140.

Нягулов Б. Прояви на организирано малцинствено движение сред българите в Бесарабия (1929-1930 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 3. Велико Търново, 1994. С. 229-242.

Страшнюк С. Опит за възраждане на българските училища в Украйна през 50-те години на XX в. (За писмата на И.И. Мешчерюк до Н.С. Хрущов и техните последствия) // Българите в Северното Причерноморие. Т. 5. Велико Търново, 1996. С. 399-418.

Червенков Н. Националните искания на българите от Украйна и Молдова (в края на 50-те - началото на 60-те години) // Болградската гимназия. Сборник по случай 135 години от основаването ѝ. София, 1993. С. 140-150.

The Formation of Nation Elits. Edited by A. Kappeler in collaboration with F. Adanir and A. O' day. European Science Fondation. New York University Press. Darthmonth, 1992.

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ГАГАУЗОВ. НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Проблема этногенеза гагаузов на протяжении более чем столетия, начиная со второй половины прошлого века, когда этот народ был "открыт" учеными, привлекает повышенный интерес исследователей, а в последнее время и широкой общественности в связи с известными политическими событиями в Молдавской ССР - Республике Молдова. Несмотря на определенные успехи, которые были достигнуты в решении данной проблемы, продвижение в искомом направлении значительно затрудняется по двум основным причинам. Первая из них - нездоровая затронутая окраска, которая была ей придана рядом авторов. Достаточно привести как пример и некоторые новые "научные" изыскания в этой области: статью американского автора Карпата Х. Кемала и болгарского исследователя П. Чолова (первый убеждает читателей, что гагаузы - это османские турки, а второй - что они - болгары), столь же неубедительно аргументированные, сколь и насыщенные надуманными, а то и просто некорректными обвинениями в адрес своих оппонентов¹.

Вторая причина - очень слабая источниковедческая база существующих исследований по этногенезу гагаузов. Подавляющее большинство работ на эту тему, вышедших в последние десятилетия, являются историко-этнографическими по своему характеру, авторы в них более или менее полно перечисляют набор существующих гипотез, возникших, как правило, еще в конце XIX - начале XX вв. (и, как бы интересны они ни были, сформулированы в большинстве случаев не специалистами в области этнографии гагаузов, а занимавшимися этой проблемой вскользь, непосредственно работавшими над другой проблематикой), затем - мнения более поздних авторов, также базирующихся на этих гипотезах, и, наконец, высказывают свои убеждения по предмету, в лучшем случае приводя в качестве дополнительных аргументов отдельные гипотетические соображения². Лишь небольшое число исследователей, кроме работ своих предшественников, используют некоторые косвенные исторические свидетельства, которые, на их взгляд, могут пролить свет на этногенез гагаузов, да еще легенды и предания, почерпнутые из общедоступных источников, естественно, без всякой его критики, сторонники концепции "болгарского происхождения гагаузов". Например, один из авторов обосновывает болгарское происхождение гагаузов следующей

легендой, рассказанной им со слов какой-то бабушки: "Пришел один паша с множеством войска, а вслед за ним пришел и турецкий царь, и как только он взял Варну, приказал всех христиан переколоть, кроме тех, которые потуречатся. Но потому что началась большая война и турки одолели христиан, то те, которые еще не потуречили веру - потуречили язык: "или дининизи, или дилинизи" (или вера, или язык). Тогда одни отдали веру, а не язык, а наши (то есть гагаузы - Ш.А.) отдали язык, а не веру" и т.д.³ Психологический механизм возникновения подобного рода легенд у гагаузов, на наш взгляд, очень удачно раскрыт Страшимиром Димитровым⁴.

Единственно возможным прорывом в данном направлении является решение проблемы на основе широкого привлечения данных этнографии, лингвистики и антропологии - именно тех наук, которые составляют ключ к этногенетическим исследованиям (еще и археология, но уже потому, что гагаузы сформировались сравнительно поздно, а решающая сила археологии действительна в отношении, наоборот, ранних периодов истории, этот вид источников здесь оказывается мало полезным)⁵.

Достижения же в этих областях весьма скромны. Из ранних этнографических работ, посвященных гагаузам, можно выделить только добротные сочинения В.А. Мошкова⁶, да еще, пожалуй, монографию А.И. Манова⁷.

Наиболее продуктивным периодом для развития гагаузоведения, когда оживились исследования этнографических, лингвистических и антропологических особенностей народа и даже начала формироваться научная школа этнографического и лингвистического гагаузоведения, стал послевоенный советский период. В этнографии начало этому подъему положила небольшая работа московского специалиста, впоследствии ставшего известным - Г.Е. Маркова⁸, подготовившего затем одного из наиболее известных исследователей этнографии гагаузов - М.Н. Губогло. Последний, защитив кандидатскую диссертацию, издал несколько интересных работ по рассматриваемой проблеме⁹. В Молдавии в 60-е - 80-е годы активно работали в области этнографии гагаузов прежде всего М.В. Маруневич и С.С. Курогло¹⁰.

Начало научного анализа гагаузского языка в СССР, также как и интересующих нас его связей с другими тюркскими и нетюркскими языками, то есть место этого языка в генеалогической классификации, которое, естественно, непосредственно связано и с происхождением его носителей, положил крупный тюрковед Н.К. Дмитриев¹¹. После него в этом направлении продуктивно работали Н.А. Баскаков, определивший место гагаузского языка в разработанной им классификации тюркских языков¹² и Л.А. Покровская¹³. Из зарубежных работ следует отме-

тить работу польского филолога Т. Ковальского¹⁴. Антропологический состав гагаузов в связи с происхождением народа исследовал В. Д. Дяченко¹⁵.

В этот период была даже сделана попытка создания научной теории происхождения гагаузов, базирующаяся на достигнутых в области эмпирических исследований результатах. Главная заслуга в разработке такой теории принадлежит М. Н. Губогло. Однако в дальнейшем, с девальвацией ценностей научного творчества в области фундаментальных проблем, произошел значительный откат назад. Те, кто мог бы плодотворно продолжить поиск научной истины, занялись политической деятельностью, или, в лучшем случае, решением научно-прикладных задач.

Вместе с тем, если отбросить выше охарактеризованные "априорно-историографические" подходы и вернуться на почву эмпирических фактов и обобщений только на основе кропотливого сбора полевых материалов (несмотря на проделанную работу, о которой говорилось выше, и в области диалектологии, и в области этнографии гагаузы остаются одним из наименее изученных народов мира), то проблема этногенеза гагаузов не выглядит столь трудноразрешимой, чтобы было возможно существование стольких взаимоисключающих гипотез. Впрочем для того, чтобы *в целом* оценить перспективность существующих теорий, достаточно обратиться к широко известным фактам.

Итак, если отбросить экстравагантные теории, всерьез не рассматриваемые специалистами, то все существующие концепции можно свести к следующим блокам:

1. Гагаузы - это отуреченные болгары.
2. Гагаузы - тюркский народ, происходящий от средневековых тюркских племен.

В свою очередь последняя распадается на несколько гипотез о происхождении гагаузов:

- а) протоболгарском (тюркско-болгарском);
- б) узо-печенежском;
- в) куманском;
- г) турецко-сельджукском;
- д) смешанном (то или иное сочетание вышеперечисленных компонентов).

Первая концепция, некогда широко распространенная в болгарской историографии, в целом изжила себя, о чем говорит уже тот факт, что она не доминирует даже среди современных болгарских исследователей, все больше склоняющихся к тюркской концепции происхождения гагаузов¹⁶. Из научных аргументов по этому поводу можно вспомнить,

что гагаузский язык, хотя и является тюркским, не идентичен турецкому, а довольно значительно расходится с ним и, естественно, не только наличием болгарских элементов, но и других тюркских, но не турецких, отсутствующих в турецком языке, субстратов, что уже с очевидностью свидетельствует: гагаузы - не отуреченные болгары. Это же подтверждает и язык гаджылов - тюркского же, но мусульманского населения Северо-Восточной Болгарии. Язык этой малоизученной этнической группы очень близок к гагаузскому и близок именно теми чертами (северно-тюркскими), которые противопоставляют оба эти языка языку османских турок¹⁷. Г. Атанасов в недавно опубликованной работе по этому поводу пишет следующее: "Теория, что гагаузы являются болгарами, потерявшими свой язык, но сохранившими после турецкого нашествия свою религию - абсурдна. Лейтмотивом политики османского правительства являлось только изменение религии, а отнюдь не языка и обычаев. Случай с помаками и боснийцами показателен"¹⁸. Хотя и в этой концепции существует рациональное зерно, о чем мы скажем ниже, в целом она должна быть сдана в архив истории.

В последнее время в Болгарии стала популярной концепция, утверждающая, что гагаузы - прямые потомки тюрко-болгар, заселившихся на той же территории, где позднее формируются как народ гагаузы. Она была выдвинута еще в XIX в. археологами братьями К. и Х. Шкорпилами¹⁹. Однако и она в целом не может быть принята, поскольку язык современных гагаузов чрезвычайно далек от того реконструируемого языка, на котором говорили тюрко-болгары и преемником которого, как считает большинство специалистов, является современный чувашский язык²⁰.

Концепция о куманском происхождении гагаузов, также достаточно распространенная в науке, вообще, на наш взгляд, является плодом недоразумения. Дело в том, что в Болгарии в XIX в. учеными не делалось различий между куманами, узами и печенегами в плане их этнического облика, считалось, что эти племена чрезвычайно близки, если не идентичны друг другу. В Болгарии это ошибочное мнение удержалось до сих пор. Кажется, первым высказал эту мысль болгарский поэт, публицист и этнограф Петко Р. Славейков, который в 1870 г. писал о средневековых узах или гузах, которых, как он считает, называли и куманами²¹. Мнение о куманском происхождении гагаузов, также как и об их тождественности гузам поддержал К. Иречек, который, в частности, писал: "Вскоре печенегов превзошли куманы, называющиеся на своем языке узами (огузами), а по-русски половцами"²². Это же утверждение, что "узы", "гузы" или "огузы" назывались также куманами, повторил в 1909 г. Г. Димитров в первой в Болгарии историографической работе, посвя-

щенной наименованию и этнической принадлежности гагаузов²³. Кажется, к мнению о том, что печенеги, узы и куманы "были не только родственными племенами, но представляли собой три части одного и того же народа", а также, что "узы" "было настоящее самоназвание или туземное имя куманов...отделенных позднее от общей массы узов», склоняется и болгарский историк профессор П. Мутафчиев²⁴. А известный языковед академик Ст. Младенов вообще предлагает общее название для двух этих народов - "узо-куманы"²⁵. Некоторыми это заблуждение разделяется до сих пор²⁶.

Однако в отечественной науке факт существенного различия между огузами (гузами, узами), печенегами и куманами (кыпчаками), различных по происхождению, этническим особенностям, историческим судьбам, антропологическим особенностям, являющимися носителями различных языков в рамках тюркской группы (если гузы и печенеги еще входят в одну, огузскую, подгруппу западнотюркских языков, то куманы относятся к другой, кыпчакской, подгруппе этих языков) давно детально обоснован и стал аксиомой. Более того, куманы (кыпчаки) были непримиримыми врагами гузов и печенегов и неоднократно разбивали их, сначала в Приаралье, откуда они их вытеснили (печенегов в союзе с гузами в конце IX в., а последних - в первой половине XI в.), затем в степях Восточной Европы, откуда сначала печенеги, а затем и гузы в панике бежали на Балканы, оставив всю Великую Евразийскую степь в безраздельной власти своих противников, которая стала называться с этого времени Дешт-и-Кипчак (Кыпчакская степь), а затем и на Балканах, где кыпчаки сыграли решающую роль в катастрофическом разгроме и последующей за ней резне печенегов в конце XI в. соединенными византийско-кыпчакскими силами в битве при Левунионе. Первый важный шаг в определении этнического облика и исторической судьбы куманов был сделан П.В. Голубовским, который в своей работе, опубликованной в 1884 г., обосновал идентичность куманов европейских источников с половцами древнерусских и кыпчаками восточных источников, а также их различие с печенегами и гузами (торками древнерусских летописей) - более ранними волнами кочевников в Европу²⁷. Благодаря сохранившемуся словарю половецкого (куманского) языка конца XIII в. "Codex Cumanicus", а также другим многочисленным источникам, сегодня мы знаем, что, несмотря на известную языковую и этническую близость всех тюркских народов между собой, огузы (носители средневекового языка узов, печенегов и современных турецкого, гагаузского и пр. языков) составляют отдельную группу среди западных тюрков, причем достаточно удаленную от двух других западнотюркских групп: кыпчакской (язык кыпчаков - половцев, куманов и многочисленные со-

временные языки: казахский, ногайский, кумыкский, каракалпакский и др.) и болгарской (тюрко-болгарский - протоболгарский мертвый язык и современный чувашский язык), как в области языка, так и в области культуры и быта. Отсутствие же серьезных кыпчакских элементов в огузском по своему строю языке гагаузов (об отдельных немногочисленных кыпчакских элементах в языке гагаузов см. ниже), на наш взгляд, уже является решающим аргументом против данной концепции, эти элементы в значительном количестве не могли бы не сохраниться, если бы гагаузы были *прямыми потомками* кыпчаков. То же касается и других этнических черт кыпчаков, не прослеживающихся у гагаузов. Например, кыпчаки, в отличие от более ранних кочевников Восточной Европы - тюрко-болгар, узов и печенегов, были достаточно выраженными монголоидами и не могли бы не оставить весомого следа в антропологическом облике гагаузов, будь они их потомками. Известно же, что гагаузы - достаточно ярко выраженные представители южной ветви европеоидной расы.

Эти факты лишней раз доказывают, что изучение тюркских народов должно вестись строго в сравнительном плане, понять этническую природу одного тюркского народа без знания общетюркской этнографии и лингвистики попросту невозможно.

Наконец, турецко-сельджукская концепция происхождения гагаузов, основанная на прочтении некоторыми исследователями позднесредневековых турецких исторических произведений, в которых якобы указывается на переселение турков-сельджуков в середине XIII в. в Добруджу во главе со бежавшим из Малой Азии султаном Изеддином Кейкавусом и Сары Салтыком, подвергнута уничтожающей критике упомянутым профессором П. Мутафчиевым в обстоятельной работе, посвященной этой проблеме²⁸. Поэтому не стоит повторять подробные аргументы указанной работы, вряд ли эта концепция, возникшая в начале XX в. и с тех пор всерьез, после ее критики, не воспринимаемая специалистами, смогла бы сейчас вновь переживать некий ренессанс, если бы не стремление со стороны Турции к эмансипации гагаузов, таким образом пытающейся доказать их идентичность с турками и, соответственно, право последних на подобную эмансипацию. Наличие севернотюркских элементов в языке гагаузов, а также многочисленных элементов культуры, не имеющих параллелей с турками, с точки зрения этнологии уже полностью дискредитирует эту теорию.

Таким образом, даже предварительный анализ показывает, что ни одна из существующих гипотез, кроме узо-печенежской, не имеет строгой аргументации и не может быть взята на вооружение специалистами. С другой стороны, рациональное зерно есть во всех перечисленных кон-

цепциях, поскольку безусловно все перечисленные компоненты вошли в состав гагаузов и создали то своеобразие культуры и языка, которое мы наблюдаем у этого народа.

Мы не склонны сводить этногенез, как это делает С.А. Арутюнов, только к биологическому, генетическому происхождению представителей этноса²⁹, а рассматриваем этот процесс как происхождение тех компонентов, которые и создают этнос, прежде всего социальную, а не биологическую единицу, то есть его культуру, различающую один этнос от другого: язык, систему хозяйства, питание, материальную, духовную культуру, социальные и семейные отношения и т.д. Поэтому, по нашему мнению, и турки сыграли важную роль в этногенезе гагаузов, так как даже если, в отличие от всех предыдущих перечисленных народов (тюрко-болгар, узов, печенегов, куманов, славяноболгар), реального генетического вливания их в состав рассматриваемого народа, возможно, и не было в массовом количестве, чему серьезным препятствием было различное вероисповедание и различный социальный статус представителей ислама и христианства в Османской империи, то элементы турецкой культуры, турецкого языка, безусловно, составили очень мощный пласт у гагаузов, как, впрочем, и у болгар, во многом определяя их современный этнический облик.

В целом, основные субстраты, вошедшие в состав гагаузского народа, хорошо видны уже по ключевым особенностям гагаузского языка, которые определяют его положение в системе других - тюркских и нетюркских языков:

- 1) общий огузский строй этого языка (в фонетике, лексике и др.);
- 2) наличие в гагаузском языке палатализации согласных в позиции перед переднеязычными гласными других тюркских языков и переходом этих переднеязычных гласных в соответствующие заднеязычные, например, *бдн* < тюрк. *бен* - личное местоимение ед. числа первого лица; *сдн* < тюрк. *сен* - личное местоимение ед. числа второго лица³⁰.
- 3) наличие оглушенной согласной "к" вместо "г" исконно огузских языков в начальной позиции: *кыз* < *гыз* "девочка", *кара* < *гара* "черный".
- 4) наличие значительного славянского субстрата в лексике, грамматике, синтаксисе, например, в ряде случаев формант "-ка" в гагаузском языке выражает женский род: *балдыска* < тюрк. *балдыз* "свояченица", тогда как известно, что в тюркских языках грамматическая категория рода отсутствует.

Таким образом, основа языка гагаузов является огузской, что связывает их с другими близкородственными тюркскими огузоязычными народами: турками, азербайджанцами, туркменами, юрюками и др.

Вторая фонетическая особенность, кроме гагаузского языка, характерна среди тюркских языков еще только для чувашского и караимского и противопоставляет три перечисленных языка всем другим тюркским. Эта особенность объясняется академиком Н.А. Баскаковым наличием у гагаузов тюрко-болгарского субстрата, прямыми потомками тюрко-болгар считаются современные чуваша, сохранившие древний тюрко-болгарский строй языка, оказавшие значительное влияние и на формирование языка караимов³¹.

На третьей особенности не без основания базируется классификация огузских языков, предложенная М. Молловой, разделяющей их на "ка-языки" и "га-языки". Только последние (южные) и являются чисто огузскими, к ним относятся такие языки, как азербайджанский, в том числе иранские его диалекты, туркменский, восточнородопский, язык турок Кипра, округа Елена в Балканских горах и анатолийско-турецкие диалекты. "Ка-языки" являются северноогузскими, эта фонетическая особенность сближает их с другой группой тюркских языков - кыпчакской. К "ка-языкам", кроме гагаузского, относится ряд балкано-турецких диалектов и турецкий литературный язык, сформировавшийся на их основе. Переходным между двумя означенными группами является язык турок Тузлука³².

Следовательно, данные лингвистики со всей очевидностью указывают на огузскую основу гагаузского этноса и, вместе с тем, на значительные тюркские же, но не огузские субстраты, вошедшие в состав данного этноса. Рассматриваемые особенности никак не могут быть объяснены на почве османской или вообще огузской филологии. Они указывают на северный путь проникновения кочевых предков гагаузов на Балканский полуостров, поскольку только в Предкавказье, Приазовье и Северном Причерноморье они могли столкнуться с проживавшими здесь в различные периоды истории тюрко-болгарскими и тюрко-кыпчакскими племенами и смешаться с ними. Другая часть огузов продвигалась из Приаралья — общей прародины обеих групп — на запад южным путем, через Переднюю Азию, и никогда не соседствовала и не находилась в этнических контактах с тюрко-болгарами и кыпчаками, почему в их язык и не могли проникнуть лингвистические особенности последних. И лишь позднее, на Балканах, южные и северные огузы вновь пришли во взаимодействие, осев на смежных территориях, но уже став обособленными этносами.

На более поздних этапах гагаузы вступили в тесные всеобъемлющие связи с носителями славянского языка — болгарами и в результате длительного взаимодействия этих двух этносов у них выработались многие общие этнокультурные черты, нашедшие отражение и в языке. Этому

благоприятствовало и общее православное христианское вероисповедание, противопоставлявшее оба этноса туркам-мусульманам.

Эта, в целом, общепринятая, несмотря на, казалось бы, такой разноречивый оттенок благодаря некоторым фактам из болгарской филологии и этнографии, не рассматривавшимся до сих пор, насколько нам известно, в таком ракурсе. Так, например, чрезвычайно интересным является то, что палатализация согласных перед переднеязычными гласными с переходом последних в заднеязычные характерна и для восточноболгарских диалектов (например, *желязо* вместо *железо* "железо", *яма* вместо *нема* "нет; не имеется" и мн. др.), что противопоставляет носителей последних западным болгарам, как и славянам вообще, и сближает их с гагаузами, чувашами, караимами и историческими тюрко-болгарами, если закономерно предположить, что их язык и является источником данной особенности для всех вышеперечисленных.

Таким образом, восточных болгар и гагаузов сближает не только позднейшее непосредственное взаимодействие, но и общий тюрко-болгарский субстрат, сыгравший важную роль в формировании обеих групп населения. По многим сторонам материальной, духовной и соционормативной культуры восточные болгары действительно ближе к гагаузам, чем даже к западным болгарам.

Вместе с тем, данная фонетическая особенность вынуждает пересмотреть существующее мнение по поводу соотношения гагаузских диалектов и, соответственно, субэтнических групп - их носителей. Высказывалась мысль, что "вулканештские", или южные гагаузы, в большей степени сохранившие тюркский строй своего языка, являются "хасыл", "настоящими", или "греческими", "приморскими" гагаузами, описанными на территории современной Болгарии, а "комратско-чадырлунгские" (центральный диалект), в меньшей степени сохранившие тюркские черты и имеющие большее число болгарских элементов в языке — "болгарскими" гагаузами, или "отуреченными болгарами"³³. Однако, переход переднеязычных гласных в заднеязычные, вместе с палатализацией предшествующих согласных характерен прежде всего для центрального диалекта. Это указывает на то, что и комратско-чадырлунгские гагаузы имеют тюркское происхождение (не отрицая большую роль в их формировании славяно-болгарского компонента), и именно у этой части этноса имеется более значительная примесь тюрко-болгар, тогда как вулканештские гагаузы ближе к древним огузам³⁴.

Однако даже только в области фонетики этим не исчерпывается ряд парадоксальных параллелей между чувашским, гагаузским и болгарским языками. Так, "йотированное произношение начального "е" являет-

ся одной из фонетических особенностей гагаузского языка, отличающей его от всех (!) других тюркских языков, где начальное "е" произносится как "э"³⁵. Эта же особенность характерна для восточноболгарских диалектов (исходя из материалов по болгарам Украины и Молдовы) в отличие от болгарского литературного языка, например, *йерген* вместо *ерген* (*эрген*) "парень"; *йела* вместо *ела* - повел. накл. "иди сюда!" В диалектах болгар Одессины, судя по фольклорным текстам С.И. Цвятко, йотируется не только начальное "е", но и любая начальная гласная (элемент очень древний в этих диалектах, так как был зафиксирован в начале XX в., а фольклорные тексты, как известно, отражают более архаичное состояние языка, чем разговорный язык, синхронный с ними): *йутзьде* вместо *отзад* "сзади, позади", *йолен* вместо *елен* "олень", *йабре* вместо *абре* "эй, ты! ну, ты!" и т.д. Эта особенность характерна не только для гагаузского языка и болгарских диалектов, но опять же - и для чувашского языка (то есть утверждение Л.А. Покровской, что в этом отношении гагаузский язык среди тюркских исключение - неверно). Для чувашского (как и для мертвых тюркских языков болгарской подгруппы, в том числе тюрко-болгарского) характерно замещение некоторых начальных гласных дифтонгами и дифтонгоидными сочетаниями, например, *йерт* (вместо *ерт*) "водить", *выран* (вместо *орын*) "место" и пр.³⁶ Таким образом, восточноболгарское *вуйчо* вместо *уйчо* "брат матери, дядя" вполне объясняется из закономерностей чувашского языка. Одним из основных критериев деления чувашского языка на отдельные диалекты (их насчитывают два) является произношение в одном случае гласной "о" (верховые чувашы, вирьял), а в другом, в соответствующей позиции - гласной "у" (низовые чувашы, анатри). Причем, по мнению известного чувашского филолога В.Г. Егорова, эти различия сложились в очень древний период развития проточувашского языка³⁷. Также и болгарский язык делится на две группы: укающие (большинство восточноболгарских) и окающие (западноболгарские и литературный язык) диалекты³⁸.

О взаимовлияниях в области структуры терминологии родства, системы родственных взаимоотношений между гагаузами и болгарам, и шире - между тюрками и славянами в рамках юговостоноевропейского континуума писалось в предыдущих работах автора³⁹. Здесь хотелось бы обобщить происхождение терминов родства - как известно, одной из наиболее устойчивых сфер лексики основного словаря любого народа, у гагаузов и болгар, что также наглядно иллюстрирует значение субстратов, вошедших в состав гагаузов и их общность с болгарам⁴⁰. Для сопоставления с тюрко-огузской терминологией приведены турецкие параллели. При анализе автор исходил из тюрко-болгарского происхождения терминов "чичу", "бати", "кака"⁴¹, "лея" как не имеющих параллелей ни в славянских, ни

в тюркских языках, но наличествующих в финно-угорских и частично чувашском языке (в фонетически измененном виде) с идентичным или близкими значениями (наличие мощного финно-угорского субстрата в составе гуннов и, соответственно, тюрко-болгар - факт, давно известный в науке), а также "буля" и производное - "булка", как считает И. Коев и др. специалисты⁴², термин "калина" также относят к тюрко-болгарским, на наш взгляд, однако, он может иметь как тюрко-болгарское, так и тюрко-каспийское и даже тюрко-огузское происхождение. Происхождение остальных терминов достаточно очевидно и не вызывает дискуссий в науке, чтобы останавливаться на их этимологии. В таблице приведены 26 основных терминов родства у гагаузов - носителей вулканештского и чадырлунгского диалектов и обобщено у восточных болгар (по материалам диаспоры). Случаи бытования параллельно нескольких терминов, за исключением малосущественных вариантов, отражены в таблице и при дальнейшем анализе. Знак "н" в записи турецких терминов примерно соответствует русскому "ы", знак "g" - "мягкому г".

Список гагаузских, болгарских, турецких терминов родства

русский перевод	гагаузы (Вулканештский)	гагаузы (Чадырлунгский)	вост. болгары	турки (лит. яз.)
мать	маму	маму	мама	ana
отец	буба, баба, бака	тятя, тето, бака, буба, баба	тапи	baba, ata, پدر (< перс.)
дед	дяду, буюк баба	дяду	дяду	dede, büyük baba, büyük ata
бабушка	мани	мани	баба	nine, büyük anne, babaanne
сестра матери и отца, тетя	лелю	лелю	леля	hala (< араб.-перс.); teyze
муж сестры матери и отца, муж (старшей) сестры	йениште	йениште	калеко (< греч.), свако и др.	enişte (?)
брат матери, дядя	дайка, уйчу	учу	уйчу, учу	dayı

жена брата матери	булю	булю	уйна, учинайка, буля	yenge
брат отца, дядя	амуджя, чучу	чучу	чичу, чучу	amca (< араб.-перс.)
жена брата отца	булю	булю	чинка, буля	yenge
старший брат	бати, ага	баги	баги	ag' abey
старшая сестра	кака, абла	кака	кака	abla (< араб.-перс.)
брат	кардаш	кардаш	брат	kardeş
сестра	кызкардаш	кызкардаш	сестра	kızkardeş
сын (мой)	оол(ум)	оол(ум)	син	og'lum
дочь (моя)	кыз(ым)	кыз(ым)	дашгера, штерка	kızım
жена младшего брата, жена сына	гелин	гелин	булка	gelin
муж младшей сестры, муж дочери	гюве	гюве	зет	damat (< перс.), güvey
своjak, муж сестры жены	баджанак	баджинак, баджанак	баджинак	bacanak
отец мужа, свекор	кайната	кайната	свекър	kaynata
мать мужа, свекровь	кайнана	кайнана	свекърва	kaynana
свояченица, жена брата мужа	йельты	йельты	итерва	elti
брат жены, шурин	каинчу	каинчу	пуряк, каинчу	kayınçе
сестра жены	белдеза	белдеза	белдеза	baldız
брат мужа, деверь	драгинку	драгинку	драгинку, девер	kayınçе
сестра мужа, золовка	кератца	кератца	калина, зыла, кератца	görümce

Если посчитать процентное соотношение основных субстратов в терминологии родства и чрезвычайно условно экстраполировать результаты на соотношение этих субстратов в формировании рассматриваемых этнических групп, конечно же, не предполагая, что эти два явления прямо коррелируют друг с другом, но думая, что они могут наглядно указать, хотя бы очень приблизительно, на соотношение этих субстратов, то получим следующую картину. У вулканештских гагаузов около 59,5% составляет тюрко-огузский пласт, около 17% - тюрко-болгарский, около 11,5% - славянский, около 4% - турецко-персидский и около 8% затруднительно куда-либо отнести. У чадьрлунгских гагаузов около 52% - тюрко-огузский, около 23% - тюрко-болгарский, около 17% - славянский пласт и около 8% - неясного происхождения. У восточных болгар около 64% славянский, около 25% - тюрко-болгарский, около 10% - тюрко-огузский компонент и около 1% - неясного происхождения.

Исходя из сказанного, кажется не совсем верным тот подход, при котором, обосновывая кочевое прошлое гагаузов, их противопоставляют болгарам, стараются отыскать у них такие элементы культуры - реминисценции кочевого быта, которых нет у болгар и которые отличают их от исконных оседлых земледельцев⁴⁵. Сам подобный априорный метод, когда первоначально чисто умозрительно выдвигается тезис, а затем он "подтверждается" источниками, на наш взгляд, в такой сугубо эмпирической науке, как этнология, бесперспективен. Об этом свидетельствуют и те доказательства, которые приводят апологеты рассматриваемой концепции.

Итак, по Г.Е. Маркову, черты в быту и хозяйстве гагаузов, говорящие о том, что в прошлом это был кочевой народ, следующие: 1) у гагаузов меньше, чем у болгар земледельческие навыки; еще в первой половине XIX в. гагаузы сильно уступали болгарам в умении вести сельское хозяйство; 2) гагаузы никогда не огораживали своих построек высокими глухими оградами, как это делали оседлые мусульмане или соседи гагаузов - славяне и молдаване; 3) еще недавно основными предметами домашней утвари гагаузов были котел на цепи или треножник; 4) гагаузы имеют особую склонность к скотоводству, особенно к коневодству⁴⁶.

У гагаузов, как показывают полевые исследования, такие же навыки и умения в земледелии, как и у болгар. Такая же система земледелия, такой же набор сельскохозяйственных культур, орудий, методов обработки почвы и т.п. Никакие материалы за XIX в. не говорят об обратном. Разве что такие же субъективные оценки, которые сделал в свое время В.А. Мошков и, по-видимому, вслед за ним повторил Г.Е. Марков. Правда, мнение о том, что болгары - лучшие хозяева, можно, пожалуй, услышать кое-где в гагаузских селах, однако, нужно отдать должное и самокритичности болгар, утверждающих то же самое в отношении гагаузов (явление широко распространенное в Бессарабии: гагаузы, например,

считают более дружными, организованными болгар в сравнении с собой, а болгары, наоборот, - гагаузов). Заборы, как может заметить любой наблюдатель, бывавший в Южной Бессарабии, по своей величине и материалу здесь не различаются у гагаузов, болгар, молдаван, украинцев и др. народов региона. Котел на цепи мне не встречался, но треножник есть в каждой болгарской семье, правда, сейчас он стал заменяться железными ободами от грузовых автомобилей, с помощью которых в казане на открытом воздухе регулярно готовятся различные блюда⁴⁵. Убежден, что и котел на цепи не был прерогативой гагаузского быта. Последний пункт относительно скотоводства мы рассмотрим чуть ниже.

Подобную по убедительности аргументации находим и у М.Н. Губогло. Он, например, считает, что о прежнем кочевании гагаузов свидетельствуют слова песни:

*Мать Оглана - женщина степей
Глубокой ночью поднялась,
встала и пошла.*

*Как красив ты, мой великодушный пастух*⁴⁶.

По видимому, намек на кочевание исследователю дает выражение "женщина степей". Но никто не сомневается в том, что гагаузы жили в степях, впрочем, как и множество народов, не являвшихся кочевниками. Пастухи также были у большей части народов ойкумены.

Далее исследователь приводит гагаузские названия небесных светил, например, "кыр керван" - звезда степного каравана, утверждая, что "все эти названия могли возникнуть на основе кочевого быта"⁴⁷. Факт безусловный, поскольку эти названия тюркские. Однако, это говорит не более чем о том, что гагаузы - носители тюркского языка; даже если бы они были отуреченными болгарами и никогда в прошлом не кочевали, они точно так же называли бы небесные светила. Так, азербайджанцы, кстати, очень близкие по языку гагаузам, считаются в науке предками древнего оседло-земледельческого ирано- и кавказоязычного населения Закавказья, принявшего язык своих завоевателей тюрков⁴⁸. Но, несмотря на свой тюркский язык, их предки кочевниками, несомненно, не были.

М.Н. Губогло ссылается на сообщение В.А. Мошкова, услышанное им от гагаузов: "Если поймать конокрада, так чтобы никто этого не видел, то лучше всего с ним тут же на месте и покончить. Греха в этом никакого нет", сетуя на то, что этот исследователь "не обратил никакого внимания" на ценное сообщение, в котором, по его мнению, отражается "отношение к скоту", свойственное кочевникам⁴⁹. В этом случае нам придется признать, что одним из самых кочевых народов мира, во всяком случае гораздо более кочевым, чем гагаузы, являются... русские (!), поскольку у них одним из наиболее жестоко наказываемых преступлений было конокрадство⁵⁰. И, наоборот, казахи или монголы - вообще не кочевники, поскольку угон скота, в том числе лошадей составлял у

них до недавних пор своего рода промысел, весьма безобидный в глазах населения.

Есть, правда, у этой концепции и аргументы посерьезней. Такие, как культ волка, выражающийся, в частности, наличием цикла "*джанавар йортулары*" (волчьи праздники)⁵¹, развитая терминология скотоводства⁵², приготовление в качестве культового блюда курбана (баранины, запеченной с пшеничной крупой - булгуром) и т.п., что на первый взгляд отличает гагаузов от болгар. Однако, существует этнографическая группа болгар, представленная в Южной Бессарабии, так называемые туканцы-переселенцы из Северо-Восточной Болгарии, которые также отмечают волчьи праздники ("*вълчи празници*"), не зафиксированные у других групп болгар Бессарабии, тоже готовят в качестве курбана баранину с булгуром вместо бульона из баранины, как болгары-балканцы; имеют, впрочем, как и большинство других этнографических групп болгар, развитую терминологию по скотоводству. То есть, если некоторые культурные отличия, быть может, свидетельствующие о кочевом прошлом, можно отыскать между гагаузами и восточными болгарами, то у гагаузов (чадырлунгский диалект) и северо-восточных болгар - туканцев, проживавших в Болгарии в одном ареале с гагаузами, таких различий (кроме, конечно, языка) практически нет⁵³. И, таким образом, болгары-туканцы в культурно-бытовом отношении ближе к гагаузам, чем даже к другим этнографическим группам восточных болгар. Взаимовлияния в данном случае мы исключаем, поскольку сходства относятся к архетипическим сторонам культуры этих групп и поскольку их непосредственное общение было как раз весьма ограничено (например, болгары-туканцы с. Чийшия (Городнее), хотя они около 200 лет жили по соседству с двумя гагаузскими селами - Дмитровкой и Александровкой, имели очень ограниченные контакты с ними, до сих пор межэтнические браки между ними - редкость), вряд ли можно предположить, что в Болгарии ситуация была прямо противоположной и вектор их этнокультурного развития был направлен на всесторонние контакты и взаимобмен основными элементами культуры. Что касается терминологии скотоводства, которая действительно в случае своего богатства и развитости может свидетельствовать о том, что ее создание и сохранение связано с кочевым образом жизни⁵⁴, то наши данные указывают на не меньшее богатство этой терминологии у болгар и, в частности, у болгар-туканцев. К сожалению, М.Н. Губогло приводит терминологию по скотоводству обобщенно, не указывая диалектной принадлежности терминов, сферы их бытования, что уже не позволяет другому исследователю анализировать приведенные им списки. Богатство приводимой терминологии может указывать, например, на многочисленность диалектных синонимических лексем. Как в случае терминологии родства, наличие у гагаузов в целом нескольких терминов для обозначения одного родственника не указывает на развитость этой номенклатуры, а только

на диалектное богатство языка, в каждом же отдельном говоре может быть в ходу при этом только один термин из этого длинного списка. В конечном счете это говорит о синкретичном происхождении языка и этноса. Так, М.Н. Губогло приводит три названия кастрированного барана: "бурук", "хазман", "еркек"; у гагаузов с. Дмитровка известно лишь одно название - "бурма". Термин *ат* "конь", приводимый исследователем, оканчивается неизвестным многим гагаузам. Когда в 1998 г. в Чадыре на Идерлез проводились конные скачки, многим гагаузам оказалось непонятным название этого мероприятия - "Алтын ат" ("Золотой конь"), придуманного организаторами праздника (в гагаузско-русско-молдавском словаре это слово обозначено с пометкой "устаревшее"). Термин *байтал* "кобыла", также приводимый М.Н. Губогло, не известен гагаузам из того же села Дмитровка, у которых вообще не зафиксировано отдельного наименования для кобылы, а только обобщенное слово "бегир", обозначающее одновременно и коня и кобылу и т.д.

Поэтому для того, чтобы прояснить ситуацию, необходимо сопоставлять списки терминологии, связанной со скотоводством, составленные по отдельным гагаузским и болгарским селам, и на такой основе делать соответствующие выводы.

По имеющимся у нас материалам можем предложить для иллюстрации такой список, включающий скотоводческие термины гагаузов с. Дмитровка (носители Чадырлунгского диалекта), болгар-туканцев (с. Чийшия (Городнее) и болгар-балканцев (с. Кирнички).

Список некоторых гагаузских и болгарских терминов по скотоводству

гагаузы (с. Дмитровка)	болгары-туканцы (Городнее)	болгары-балканцы (Кирнички)	перевод
тырла	мандра, кошара, ыгъл тырла	агъл -	загон для овец, кошара, круглое, неогороженное место возле кошары, где отдыхают овцы
струнга	струнга	чердак	загон, в котором производится дойка овец
-	ыгълчинце	котурка	загон перед доильным загонем
-	голям ыгъл, малк ыгъл	-	загоны внутри кошары, ее части
-	перде, чердак	?	навес в кошаре, доильном загоне

сюрю (бир сюрю койун)	сюрийа, сурийа	турма	отара овец
сюрюджюк (уменьш. от предыдущего)	билючка	-	маленькая отара овец
саамалар койуннар	сыгмала	сагмал	дойная отара
йозлар	йалови	йаловник	недойная отара
кузу	йегне	агне	ягненок
токлу	шили	шили	ягненок до года
-	кучле	-	ягненок около года, самец
шишек	дзвиска	дзвиска	двухгодовалая овца, первоярка
-	кюрпе	-	поздно рожденный (после мая) ягненок
йоз	йалова	йалоу	яловая, недойная овца
койун	майка, дойна офца	майка	взрослая овца
коч	куч	коч	баран-производитель
бурма	овен	озман	Кастрированный баран
кабак	-	-	баран без рогов
цап	цап	цап	козел
кичи	куза	куза	коза
бурма	исчистен цап	-	Кастрированный козел
олак	кузенце	йери, кузенце	козленок

бегир	кон	кон	конь
айгыр	айгыр	хайгыр	конь-производитель
-	кубила	кубила	кобыла
-	-	кубилка	молодая кобыла
кёснек	-	-	кобыла, которая нагуливает жеребенка
кули	конче	конче	жеребенок
чекал	брыс кон	-	лошадь с пятном на лбу
-	пантанок кон	-	лошадь с пятном на ногах

Даже если сделать поправку на то, что информаторы из Дмитровки не были чабанами, как информаторы - болгары, все равно вывод о большей развитости гагаузской терминологии скотоводства по сравнению с болгарской не подтверждается. По приведенному материалу она даже беднее, чем у туканцев.

Впрочем, все сказанное, конечно, не умаляет идеи авторов, подвергнутых критике. Вне всякого сомнения, элементы традиционной культуры гагаузов, восходящие к их кочевому прошлому, отыскать можно, однако, привлекая сравнительный материал по восточным болгарам, находим эти же элементы и у последних, выраженные в большей или меньшей мере в зависимости от принадлежности к определенной этнографической группе. Важно сделать уточнение, что *эти же реминисценции кочевого прошлого в весьма значительной степени характерны и для восточных болгар*. А в более широком плане - вывод о том, что, хотя, конечно, гагаузы и болгары - различные этносы (хотя бы уже потому что обладают различным самосознанием, являющимся, по отечественной научной традиции, основным критерием этноса), но *гагаузы формировались на единой этнической основе с восточными и, особенно, северо-восточными болгарскими, которая представляла собой сложный конгломерат славяно-тюркского населения*, а тюрки, в свою очередь, в этом конгломерате делились по своему происхождению и языку на тюрко-болгар, тюрко-огузов и тюрко-кыпчаков, различия же между гагаузскими и болгарскими заключаются в количественном соотношении этих компонентов. Если для гагаузов решающим оказался тюрко-огузский, то для

болгар - славянский пласт, причем данные различия не стоит переоценивать, даже несмотря на то, что гагаузы и болгары говорят на языках, относящихся к различным семьям. Нет ни одного этнического компонента, который, приняв участие в формировании одного из этих двух народов, не оказал бы влияния и на другой. Это, а также проживание в одной природно-географической среде, в одном регионе, одинаковые исторические, этнокультурные условия развития в Византии, средневековых болгарских государствах, Османской империи, России, то есть одинаковые исторические судьбы привели к очень близкой, почти идентичной культуре, наблюдающейся у этих двух групп. Главным фактором в образовании гагаузского народа стал, таким образом, язык. Те анклавы из сложного тюрко-славянского конгломерата Северо-Восточной Болгарии, у которых господствующим оказался тюркский язык, стали гагаузами (а мусульмане - гаджялами), а те, у которых возобладал славянский язык (хотя и с огромным количеством тюркских заимствований), вошли в состав болгарского народа. Сам механизм этого процесса, его этапы и особенности остаются пока не раскрытыми в науке и представляют большую сложность для исследования, так как для периода средневековья имеются только косвенные источники.

Без знания особенностей болгарской культуры нельзя верно осмыслить этнические особенности гагаузов, также как без привлечения гагаузского и шире - тюркского материала остается закрытой дверь к болгарской этнологии. *В понимании дуализма и глубокого взаимопроникновения, обмена культурной и генетической информацией на Балканах между двумя суперэтносами - тюркским и славянским - и лежит ключ к разгадке происхождения многих балканских этнических групп.* Этот же тезис верен для последних двух тысячелетий и в отношении многих других этносов Великой Евразийской степи, а также прилегающих стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карпат Х. Кемаль Сельджукско-анатолийское происхождение гагаузов // ЭО. 1994. №4; Чолов П. Болгарите гагаузи. Историческа съдба и съвременни проблеми // Военноисторически сборник. 1993. Кн.2.
2. См., например, Державин Н.С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // СЭ. 1937. №1; Губогло М.Н. Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы) // СЭ. 1967. №3; Градешлиев И. Гагаузите. Добрич, 1993; Мутафова Кр. Теориини хипотези за гагаузите // Болгарите в Северното Причерноморие. Т.2. Велико Търново, 1993 и др.; Милиш-Титяк Н.И. Гагаузката проблематика в българската научна литература. Автореф. канд. дис. София, 1995.

3. Нейков Балчо. Факийско предание. София, 1985.
4. Димитров Ст. Гагаузскит проблем // Болгарите в Северното Причерноморие. Т.4. 1995. С. 151-153.
5. О методике этногенетических исследований, необходимости комплексного характера их источниковедческой базы см., например, Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986.
6. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // ЭО. 1900. №1; 1901. №1, 2, 4; 1902. №3, 4; его же. Турецкие племена на Балканском полуострове // Известия Русского географического общества. 1904. Вып.3.
7. Манов А.И. Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. Ч.1-2. Варна, 1938.
8. Марков Г.Е. Материалы по этнографии гагаузов // Краткие сообщения Института этнографии. 1953. Вып.19.
9. Губогло М.Н. Указ. соч.; его же. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. (К вопросу о происхождении гагаузов). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1967; его же. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. (Материалы и исследования). Кишинев, 1968; его же. Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971; его же. Гагаузская антропонимия как этнографический источник // Советская тюркология. 1973. №2.
10. Маруневич М.В. К вопросу о пережиточных формах заключения брака у гагаузов // Известия АН МССР, серия общ. наук. 1965. №1; ее же. Поселения, жилища и усадьба гагаузов южной Бессарабии в XIX - нач. XX вв. - Кишинев, 1980; ее же. Материальная культура гагаузов, XIX - нач. XX вв. - Кишинев, 1988; Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX - нач. XX вв. - Кишинев, 1980.
11. Прежде всего следующие его работы: Дмитриев Н.К. Фонетика гагаузского языка // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962; его же. Гагаузские этюды // Там же; его же. К вопросу о словарном составе гагаузского языка // Там же.
12. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. С.125-136; его же. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. С. 252-262.
13. Среди многочисленных работ этого исследователя отметим наиболее интересные для нашей темы: Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964; ее же. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // СЭ. 1974. №1; ее же. Гагаузские термины родства // Алгебра родства. Родство, системы родства, системы терминов родства. Вып.1. СПб., 1995; ее же. К вопросу об этимологии этнонима "гагауз" // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1995. №2.

14. Kowalski T. Les turcs et la langue de la Bulgarie du Nord-Est. Krakowie, 1933.

15. Дяченко В.Д. Антропологическое исследование гагаузов Молдавской ССР // Краткие сообщения Института этнографии. 1952. Вып.15; его же. Антропологический состав гагаузского народа (в связи с его происхождением) // Гагаузы. Исследования и материалы. М., 1993.

16. Димитров Ст. Указ. соч.; его же. Още едно мнение за името "гагаузи" // Българите в Северното Причерноморие. Т.5. Велико Търново, 1996, и хотя автор отдает дань старой терминологии, когда он весьма противоречиво пишет, что гагаузы по происхождению тюрки, протоболгары, всегда сохранявшие свой родной тюркский язык, но одновременно и часть славяноболгарского народа, совершенно очевидно, что он - сторонник тюркской концепции этногенеза гагаузов; Атанасов Г. Още веднъж за етногенезиса на гагаузите // Там же.

17. Баскаков Н.А. Тюркские языки. С.135-136; о гаджялах см. также Мошков В.А. Турецкие племена на Балканском полуострове.

18. Атанасов Г. Указ. соч. Примеч. к с. 232.

19. Шкорпил К., Шкорпил Х. Паметници на Одесос // Годишен отчет на Варненската държавна мъжка гимназия за 1897 - 1898 гг. Варна, 1898; Шкорпил К. Материали към въпроса за съдбата на прабългарите и северите и към въпроса за произхода на днешните гагаузи // Byzantinoslavica. V. 1933-1934.

20. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. С.231-241.

21. Цит. по Димитров Ст. Още едно мнение за името "гагаузи". С. 200.

22. Иречек К. Указ. соч. С. 271.

23. Димитров Г. Гагаузи. (Потеклото им и произхождение на думата) // Известия на Варненското археологическо дружество. 1909. №2. С. 16.

24. Мутафчиев П. Мнимото преселение на селджушки турци в Добруджа през XIII в. // Мутафчиев П. Изток и Запад в европейското средновековие. Избрано. София, 1993. С. 701-702.

25. Младенов Ст. Печенеги и узо-кумани в българската история // Българска историческа библиотека. 1931. Т. IV. Кн. I.

26. Димитров Ст. Указ. соч. С. 213; Атанасов Г. Указ. соч. С.228, который буквально пишет, что гагаузы "могут быть потомками *единственно* (курсив мой - Ш.А.) тюркоязычных куманов".

27. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX - XIII вв. Киев, 1884.

28. Мутафчиев П. Указ. соч.

29. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 12.

30. Интересно свидетельство об очень раннем существовании произношения "бян", наряду с общетюркским "бен" у тюрков Балканского полуострова. Видный болгарский книжник конца XIV - начала XV вв. Константин Костенечки, объясняя своим читателям, зачем необходимо различать буквы *є* и *ять* ("е-двойное"), приводит пример, что только через употребление буквы "ять" можно передать двойное произношение "исмаильтянского" эквивалента слова "аз" ("я"): как "бен" и как "бян". Цит. по Димитров Ст. Гагаузский проблем. С. 152.

31. Баскаков Н.А. Тюркские языки. С. 132. Правда, известный филолог Л.А. Покровская отрицает наличие такой особенности в гагаузском языке и, соответственно, связь последних с тюрко-болгарами, утверждая, что подобная палатализация характерна только для нескольких слов гагаузского языка (лич. местоимения и некоторые другие) и что концепция Н.А. Баскакова "устарела". (Из личной беседы на научной конференции "Народные традиции, обычаи и обряды - наше национальное богатство", 5-6 мая 1998 г., г. Чадыр). Однако, если читатель откроет любую книгу на гагаузском языке или словарь этого языка, он найдет не один десяток слов, в которых имеется буква "д", обозначающая такую палатализацию.

32. Моллюва Мефторе. Восточнородопский турецкий диалект (фонология) и его отношение к другим тюркским языкам и диалектам огузской группы. Автореф. канд. дис. М., 1974. С. 15-16, 21.

33. Покровская Л.А. Современный гагаузский язык (курс лекций). Комрат, 1997. С. 41.

34. Л.А. Покровская выдвигает предположение, что эти две группы могли относиться в прошлом к разным огузским родам, которые говорили на двух разных диалектах. См. там же.

35. Там же. С. 56.

36. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. С. 232.

37. Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык. Ч. I. Чебоксары, 1954. С. 69-70.

38. Стойков Стойко. Българска диалектология. София, 1956. С.48-49.

39. Шабашов А. В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО. 1995. №3. С. 84-92; его же. Някои теоретични резултати от изследването на системата на родство у българите в Украйна // Българите в Северното Причерноморие. Т.6. Велико Търново, 1997. С. 353-367.

40. Гагаузские и болгарские термины родства - по полевым материалам автора, турецкие: Янчев М.М. Турско-български речник. София, 1992.

41. Шабашов А.В. Някои теоретични резултати от изследването на система та на родство у българите в Украйна. С. 360-361, 365-366.
42. Коев И. Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура // Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971. С. 61.
43. Из последних работ ср. Губогло М.Н. К изучению гагаузов в торкоязычном мире Юго-Восточной Европы // Гагаузы. Исследования и материалы. Москва, 1993. С. 7-9.
44. Марков Г.Е. Указ. соч. С. 56.
45. Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии. Одесса, 1998. С. 123.
46. Губогло М.Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов. С. 54.
47. Там же. С. 55-56.
48. См., например, Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984. С. 165.
49. Губогло М.Н. Указ. соч. С. 56.
50. Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990. С. 26-27.
51. Губогло М.Н. Указ. соч. С. 57.
52. Губогло М.Н. Гагаузская терминология по скотоводству.
53. Ср. с подобными выводами В.Я. Дыханова в отношении календарной обрядности: Дыханов В.Я. Основные праздники календарного обрядового комплекса болгар и гагаузов Украины // Записки исторического факультета. Вып. 5. Одесса, 1997. С. 58-59.
54. Губогло М.Н. Указ. соч. С. 218-219.

КУЛЬТ УМЕРШИХ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ БОЛГАР И ГАГАУЗОВ УКРАИНЫ

Не вдаваясь в научные дискуссии относительно определения и уточнения категории "культ умерших" и вообще понятия "культ" в этнографии, мы все же считаем данную категорию адекватной в применении к системе почитания умерших у болгар и гагаузов в качестве технического термина.

Действительно, понятие "культ" в узком смысле слова подразумевает религиозное поклонение умершим, где они непосредственно выступают в роли объекта поклонения. Известно, что у большинства народов мира неразрывную часть духовной культуры составляет почитание умерших¹, что, тем не менее, не позволяет говорить о наличии у них "культы". Для выделения последнего необходимо провести четкие различия между религиозными категориями поклонения и почитания.

Поклоняются непосредственно объекту, а предмет почитания часто становится средством поклонения, входя в более широкую систему верований и воззрений. Если выразить понятие религиозного поклонения в категориях коммуникативного акта, то объект поклонения приобретает функции адресата, а предмет почитания - средства коммуникации, кодирующего текст (содержание самого акта) при передаче от адресанта (поклоняющегося) адресату.

В этнографической литературе наряду с понятием "культ умерших"² чаще употребляется общепризнанный в науке термин "культ предков"³. Признавая соотношенность обеих категорий с одним и тем же кругом обрядов и верований, мы все же считаем первое понятие более предпочтительным, поскольку у некоторых народов, например, у тюрко-монголов многие обряды адресовались не только собственным умершим предкам, но и "покойным старейшинам"⁴. Здесь усматривается взаимосвязь между культом предков и позднейшим культом святых. Поклонение пра-родителям и покровителям рода или племени перерастает со временем в поклонение святым, которые также выступают в роли покровителей. Можно считать установленным, что культ святых в исламе во многом обязан своим возникновением и развитием тюркам и, возможно, персам, а не арабам, среди которых ислам зародился. Скорее всего, подобную же эволюцию культ предков и покровителей рода претерпел и в христианстве, однако напрямую выводить культ святых у болгар и гагаузов из культа предков у тюрко-болгар, тюрко-огузов и тюрко-кыпчаков представляется на данном этапе исследования пока еще необоснованным,

между тем как эта эволюция прослеживается у чувашей, формально исповедующих христианство.

Хотя и представляется возможным, при некоторых допущениях, интерпретировать поклонение "покойным старейшинам" как часть культа предков, все же с помощью определения "культ умерших" можно избежать ненужных допущений, интерпретаций и дискуссий относительно его релевантности. С.А. Токарев считает понятие "культ предков" более узким и "неуниверсальным". Возникновение самого культа этот исследователь связывает с патриархально-родовым строем⁵, он же отмечает, что культ предков был более выражен у китайцев и кочевых тюрко-монгольских народов по сравнению с другими народами Евразии⁶.

В связи с этим необходимо отметить, что у болгар и гагаузов соответствующие обряды адресуются самим умершим и, по своей сути, традиционно не связаны с поклонением потусторонним силам, стоящим за ними. Данные обряды выделяются как независимый по происхождению пласт духовной культуры, контекстуализированный в обрядность иного происхождения.

В традиционном календаре болгар и гагаузов обрядность культа умерших проявляется в основном в течение небольшого периода в году - с Великого четверга до дня Пятидесятницы (53 дня)⁷.

Связь указанного периода с культом умерших объясняется по крайней мере двумя причинами. Первая видится в распространенности среди православных греков, болгар, гагаузов, сербов, украинцев и русских предания, зафиксированного в популярном древнеславянском апокрифе "Хождение Богородицы по мукам", представляющем перевод и, отчасти, переделку греческого апокрифа "Откровения пресвятой Богородицы"⁸. В "Хождении" повествуется, что Богородица, после молитв на Елеонской горе в сопровождении архангела Михаила проходит по местам, где мучаются грешники, она видит огненные реки, виселицы, огненные столы и т. п. Пораженная увиденным, милосердная Богородица обращается с мольбой к Господу об облегчении участи грешников. Всевышний, по молитвам матери, дает облегчение грешникам, заключающееся в том, что их мучения прекращаются на время от Великого четверга до дня Пятидесятницы. С этим преданием связано широко распространенное среди болгар и гагаузов Украины поверье, что в начале этого периода умершие "отпускаются" (болг. "умрелити са распускат", гаг. "йёлюлери салвершилар")⁹, а в конце - "закрываются", либо "возвращаются" назад на кладбище. В течение этого периода они беспрепятственно "посещают" родные очаги. В различных болгарских и гагаузских селах называются разные дни, когда умершие "отпускаются": Великий четверг, Пасха, понедельник после Фомина воскресенья (Софиенден).

Нет единства и относительно того, когда умершие "возвращаются" назад, в могилы: в среду перед Вознесением, на Вознесение или в субботу накануне дня Пятидесятницы.

Вторая причина видится в том, что у многих европейских, переднеазиатских и кавказских народов, а также у кочевников евроазиатских степей, в основном, к весне приурочиваются жертвоприношения¹⁰. У земледельческих народов эти жертвоприношения связывались с началом летних полевых работ и были нацелены на достижение плодородия и обильного урожая, а у скотоводческих - с отгоном скота на летние пастбища, концом тяжелого зимнего периода с частыми падежами скота и, как следствие, голодовками и были призваны способствовать размножению скота в предстоящем сезоне. Многие исследователи справедливо усматривают в весенних жертвоприношениях проявления культа умерших.

Обряды, связанные с культом, удобнее рассматривать по отдельным праздникам, среди которых представляется необходимым выделить следующие:

- 1) Великий четверг (*Пръв Велики четвъртък, Ак першембе*);
- 2) понедельник после Фомина воскресенья (*Суфиенден, Суфинден, Сухиенден, Сувиенден, Мрътвие Великден, Малка Паска, Кючюк Паскелле, Кючюк Паскалия, Йёлюлери паскеллеси, Паскеллени докузу*);
- 3) день вмч. Георгия Победоносца (*Гергьовден, Гергевден, свети Гьорги, Едерлес/Идерлес, Ай Йорги, Ай Гёрги*);
- 4) среда накануне Вознесения (*сряда срещу Спасууден, Спас чаршамбасы*);
- 5) Вознесение (*Спасууден, Спас, Испас*);
- 6) Троицкая родительская суббота (*Троица задушница, Русалска задушница, Моши гюню*)¹¹.

Необходимо подчеркнуть, что культ умерших у болгар и гагаузов не ограничивается вышеперечисленными праздниками, ниже будут приведены примеры, каким образом этот древний по происхождению культ отразился в обрядности праздников, формально никак не связанных с почитанием мертвых.

1. **Великий четверг.** У бессарабских болгар в этот день строго воспрещалось работать, как и во все четверги от Великой недели (*Врвьнята неделя*) до Вознесения (*Спасовден, Спас*), которые также почитались Великими. Данный запрет по отношению ко всем четвергам, не установленный в православной церкви, очевидно, ведет свое происхождение от болгар метрополии, где он широко распространен¹³. Считается также, что яйца, окрашенные к Пасхе на Великий четверг не портятся вплоть до *Спаса*. Таким образом, эти яйца (*красе-*

ни *ица*, *ванчени ица*) выступают в роли ритуального блюда в течение всех праздников от Пасхи до *Спаса*. В некоторых болгарских селах в этот день принято ходить на кладбище и приводить в порядок могилы родных и близких, хотя указанный обычай в большинстве случаев и не связывается с поверьем о том, что "мертвые отпускаются" на свободу.

Данное поверье широко распространено среди гагаузов. Название праздника - *Ак першембе* - весьма многозначно¹⁴ и отчасти сходится с его русским народным названием - "чистый четверг". По словам гагаузов, в этот день "Христос освобождает (*салверий*) мертвых из ада (*йаддан*), и покойники приходят домой". На *Ак першембе* пекли небольшие калачики, рано утром перед домом разводили костер из хвороста, собранного на огороде, а угли от этого костра клали в *кандиль*, или *кандиле* - небольшой глиняный сосуд с ручкой и отверстиями в стенке для лучшей циркуляции воздуха, предназначенный для каждения в ходе множества календарных и семейных праздников. Также рано утром во дворе или перед воротами устанавливаются столы, на которых раскладываются калачики (*колач*), лук (*суан*), чеснок (*сармысак*) и зажженная свеча (*мум*). Над столом совершается каждение с помощью кандиле и читается молитва, как правило, "Отче наш", по-гагаузски ("Бизим бубам"), по-русски или, реже, по-румынски. Так готовится первая ритуальная трапеза для мертвых. Люди убеждены, что их умершие родные и близкие угощаются с приготовленного стола: "Гёрмейиз онпары, ама бизи гёрмилляр" ("Мы их невидим, а они нас видят"). В течение дня принято раздавать соседям по улице или кварталу (*сокак*, *маала*, *махала*) калачики, нитки, платки и другие мелкие подарки.

Обрядность *Ак першембе* обнаруживает сходство с празднованием этого дня у молдаван и румын (*joimarele*, *joi-mare* - "великий четверг"; *joi ratimelor* - "страстной четверг"; *joi negru* - "черный четверг")¹⁴. Молдаване и румыны разжигали костер на Великий четверг утром и вечером, чтобы умершие "погрелись у огня". Не разжечь "огня мертвых" и не дать поминального угощения (*потана*) в их честь считалось грехом. В различных районах Румынии в страстной четверг ходили на кладбище и, выкликая по имени умерших, просили их: "Поднимайтесь! Поднимайтесь и пойдем домой!"¹⁵ В Трансильвании в церковных дворах из приношений устраивали общественные поминки. На исключительное значение праздника в календарной обрядности румын указывает и одно из его названий - *ziua morților* ("день мертвых")¹⁶. Возможно, обрядность *Ак першембе* у гагаузов испытала влияние молдаван и румын, поскольку эти народы на протяжении длительного времени соседствовали друг с другом.

Великие четверги от Страстной недели до *Спаса* как у болгар, так и у гагаузов играли связующую роль в течение всего периода обрядов и обычаев, относящихся к культу умерших.

2. *Софиенден*. Обрядность этого праздника целиком посвящена культу умерших. Бессарабским болгарам он известен под названиями *Суфиенден*, *Суфинден*, *Сувиенден*, *Сухиенден*, *Малка Паска*, *Мрътвие Великенден*. Последнее - "Пасха мертвых" - передает главную идею праздника - устройство для мертвых такого же большого праздника, что и Пасха для живых. Два последних термина идентичны гагаузским названиям праздника: *Кючюк Паскелле*, *Кючюк Паскалия* ("малая Пасха") и *Йёлюлерин паскеллеси* ("Пасха мертвых"). *Паскелленин докuzu* можно перевести как "девятый [день] Пасхи", потому что он отмечается на девятый день празднования Пасхи. Самым распространенным в Юго-Восточной Европе следует признать термин "малая Пасха", именно так называют этот день в Сербии (*мали ускре*, наряду с *млади ускре*)¹⁷ и Трансильвании (*Pascile mici*)¹⁸. Албанское название - *Ахынна Ндырваре* (букв. "в понедельник на кладбище", с. Жовтневое Болградского р-на) - прямо указывает на центральный обычай праздника - посещение могил родных и близких. Гагаузы в качестве наиболее главного предписания этого дня единодушно утверждают: "*Кючюк Паскелледе лязым гитмия мезарлаа*" ("на Кючюк Паскелле надо идти на кладбище"). Данное предписание соблюдается и русским населением Южной Бессарабии, причем зачастую оно ассоциируется с предыдущим днем - Фомино воскресенье (*Проводы*, *Родительское воскресенье*).

В этот день болгары и гагаузы идут на кладбище и берут с собой угощение "для мертвых", которое в некоторых селах называется *помен* или *помана*. Угощение чаще всего включает пасхальные ритуальные блюда - пасху (*паска*) и крашеные яйца (*красени ица*, *бойалы йымыртлар/йумуртлар*), а также широко известное в погребально-поминальной и календарной обрядности блюдо - *колива*, *колюу*, *кутя*, *кольба*, *варено житю*, которое готовится из вареной пшеницы с сахаром, маком, грецкими орехами и добавляемыми в конце сладостями (изюм, мармелад, леденцы, карамель и т. п.). Берут также с собой на кладбище и спиртные напитки - вино (*вино*, *шаран*) или водку (*ракия*, *ракы*, *вотка*).

Еще в 20-30-х годах нашего века в большинстве болгарских сел перед трапезой у родных могил люди совместно раскладывали угощение на длинных подстилках и вся ритуальная пища освящалась местным духовенством, совершалось каждение, вычитывалась молитва, после чего каждая семья брала принесенную еду и напитки и шла к могилам своих покойных родственников, где совершалась трапеза "для мертвых". Крошки пасхи, крашеных яиц, несколько ложек *кути* клались

прямо на могильный холм. Таким образом мертвые кормились. Вино, реже водку, наливали в небольшие стаканы (емкостью около 100 мл) и клали в специально предназначенные для данной цели ниши в надгробных памятниках, либо у изголовья могил, где они и оставались долгое время. Всех проходящих мимо было принято угощать ритуальной пищей и вином (или водкой) "за душу" покойного. Например, в с. Кирнички Измаильского р-на при этом говорили: "Земли за дядоо душа или за бабина"¹⁹.

Начиная с конца 50-х гг., во многих болгарских и гагаузских селах угощение освящается не совместно, люди сразу идут к родным захоронениям, а священник ходит от могилы к могиле и отдельно совершает все необходимые обряды.

У большинства бессарабских болгар именно с этим днем ассоциируется поверье, что умершие "отпускаются". В некоторых болгарских селах рано утром в этот день ворота кладбища открывают и оставляют открытыми вплоть до *Спаса*, когда умершие "возвращаются" назад, между тем как большинство гагаузов связывает "освобождение" с *Ак першембе*. В этой связи необходимо отметить, что, например, у гагаузов с. Виноградовка Болградского р-на кладбищенские ворота открываются на *Ак першембе*, а закрываются на *Спас чаршамбасы*.

3. *День в.м.ч. Георгия*. В этом крупнейшем в традиционной календарной обрядности болгар, гагаузов и албанцев²⁰ празднике встречаются обычаи и обряды, относящиеся к культуре умерших. С одной стороны, эти обычаи выпадают из контекста содержания праздника, который отличается детализированностью и пышной обрядностью, с другой - их связывает обряд жертвоприношения (*курбан*) как неременный атрибут Георгиева дня. Под данным названием жертвоприношение известно многим народам мира в самые различные исторические эпохи: древним евреям (*korban*), ассирийцам (*kurbanu*), арабам, туркам, албанцам (*kurban*), эллинистическому населению Малой Азии и Восточного Средиземноморья (*korban, korbana*), сербам, македонцам, болгарам, гагаузам (*курбан*), чувашам (*харпан*)²¹. Во многих деталях этот обряд у армян (*мадах*)²², совпадает с болгарским и гагаузским вариантом²³.

Возможно, не последнее значение имеет и тот факт, что *Гергьовден*, имеющий фиксированную дату (6 мая), чаще всего выпадает на период между Пасхой (может приходиться на время с 7 апреля до 8 мая) и *Спасом* (отмечается 40 дней спустя после Пасхи). В те редкие годы, когда Пасха праздновалась после Георгиева дня (например, в 1943 г.), вся обрядность последнего переносилась на время после Пасхи, так как на Великий пост (*Велики пост, Бююк оруч, Паскеленин оруджу*) *курбан* совершать нельзя. Таким образом, *Гергьовден* оказывается в рамках перио-

да, когда большинство праздников содержат обрядность культа умерших.

4. *Среда накануне Вознесения*. Большинство болгар и гагаузов считает, что именно в этот день мертвые "возвращаются" назад, на кладбище. В некоторых болгарских селах "возвращение" умерших приурочивается к *Спасу*. Обрядность данного праздника во многом сходится с обрядностью Великого четверга. В селах, где бытуют поверья относительно "закрытия" в этот день мертвых на кладбище, люди идут к могилам родных и близких и вновь приводят их в порядок. Распространено убеждение, что на кладбище необходимо идти босиком, чтобы родные "по следам узнали своих". Дома, во дворе накрываются столы, раскладываются вино, калачи, крашеные яйца, вареная фасоль, лук, чеснок, устанавливается зажженная свеча. Люди прощаются со своими умершими, совершается каждение, вычитывается молитва "Отче наш". Этими продуктами принято угощать гостей, раздавать соседям, в особенности одиноким старикам, больным, бедным "за мертвых".

Угощение "для мертвых" считается обязательным: если возвращающиеся на кладбище умершие не найдут пищи у родных очагов, то они будут "есть камни" (так, например, в с. Кирнички Измаильского р-на), или "возьмут с собой камни и землю" (в с. Виноградовка Болградского р-на), что должно навлечь большой позор на их родственников. Данное предписание неукоснительно соблюдается теми, кто понес утрату в течение года.

5. *Вознесение*. К этому празднику во многих болгарских и гагаузских селах приурочивался *курбан*. Обрядность *Спаса* во многом совпадает с обрядами, приуроченными к первому Великому четвергу и дню накануне. Вознесение завершает собой череду Великих четвергов, так как, во-первых, выпадает на тот же день недели и, во-вторых, чаще всего служит окончанием периода пребывания умерших "на свободе".

Рано утром в четверг, как и днем накануне, люди идут на кладбище "процаться" со своими умершими. Вновь могилы приводятся в порядок. В большинстве болгарских и гагаузских поселений на кладбище священник совершает службу, освящает могилы. Принято поливать могилы родных и близких освященной водой. На кладбище раздают то же угощение, что и накануне.

6. *Троицкая родительская суббота*. Данный праздник следует рассматривать в контексте ряда поминальных субботних праздников в течение года, все из которых приурочены к определенным календарным датам. У болгар Украины и Молдовы выделены следующие такие "дни памяти" - *задушницы*:

1) *Гуляма задушница* (в субботу перед Масленицей);

- 2) *Великденска задушница* (в субботу за две недели до Пасхи);
- 3) *Троицка (Русалска) задушница* (в субботу перед Троицей);
- 4) *Димитровска задушница* (в субботу перед днем вмч. Димитрия - 8.XI);

5) *Арангелска задушница* (в субботу перед праздником Собор Архистратига Михаила - 21.XI).

Несмотря на то, что первая в году задушница называется *Гуляма* - "Великая" (в православной церкви - "Вселенская родительская суббота"), наибольшее значение имеет Троицкая суббота. Большинство болгар и гагаузов не отмечает никаких задушниц, даже утратили название остальных поминальных дней.

В эту субботу после поминальной службы в церковной ограде или на кладбище организовывалась общественная трапеза, к которой иногда готовился *курбан*. Традиция проведения подобных совместных трапез в данный праздник в основном была утрачена в бессарабских болгарских и гагаузских поселениях в 50-60-е гг., а в приазовских - в начале 30-х гг. нашего века. Вместе с тем сохранился обычай раздавать соседям угощение вместе с посудой, либо дарить только посуду: тарелки, ложки, вилки, миски и т. п. Важно отметить, что этот же обычай приурочен к погребально-поминальной обрядности. Так, после погребения или поминальной трапезы родственники покойного дарят гостям посуду, чтобы они ели из нее за упокой умершего, и чтобы простились его грехи (болг. *Бог да гу прости*; гаг. *Алаа прот етсин* - "Пусть простит [его] Бог").

Необходимо добавить, что именно с вечера этой субботы, по поверью болгар и гагаузов, возникает опасность, исходящая от мифических существ - русалий (болг. *русали*, *русари*, *лусари*; гаг. *русали*, *русалии*). С этого времени бытует запрет купаться, так как нарушитель этого запрета может либо утонуть, либо заболеть и умереть, либо "помешаться". В качестве оберега от русалий используется полынь, листья или ветки грецкого ореха, базилик и чабрец (болг. *пилин*, *орях* или *оряф*, *бусилик*, *чубрика*; гаг. *пилин*, *джевис йапраа*, *бусилик* или *босилек*, *чубрика* или *чебрец*). Все эти травы и листья ореха вечером в субботу раскладываются в доме, закрепляются у ворот, на загонах для скота, либо под стрехой дома (болг. *стря*; гаг. *сачак*). Эти запреты и обереги сохраняются в течение всей Русальской недели (болг. *Русалска* (или *Русарска*, *Лусарска*, *Троицка*) *неделя*; гаг. *Русалия афтасы*).

Если возводить русалии к общеславянскому культу русалок как "зложных" покойников, то есть людей, умерших неестественной смертью: самоубийц, утопленников и некрещенных детей, то Троицкая суббота связывает период праздников с элементами культа умерших с русаль-

ским периодом, когда умершие неестественной смертью могут навредить живым. Русальскую неделю можно считать продолжением череды праздников, каким-то образом связанных с покойниками.

Следует добавить, что в календарной обрядности болгар и гагаузов нашли свое отражение те традиции кочевых и полукочевых тюрков евразийских степей, которые связаны с погребально-поминальной обрядностью. Наибольший интерес в данном случае представляет празднование дня св. Феодора Тирона (болг. *Тодоровден*, гаг. *Тодор гюню*, *Ай Тодор*), неперенным атрибутом которого выступает верховая езда, а во многих селах - конные состязания (болг. *кушия/кошия*, гаг. также *кошу*). Этот день иногда называют "конский праздник", по-видимому, в связи с тем, что Феодор Тирон считается покровителем коней.

В соответствии с православной традицией праздник отмечается в субботу после Масленицы в первую неделю Великого поста. Однако, в ряде преимущественно болгарских сел Украины *Тодоровден* отмечают на следующий день, в воскресенье.

Следует отметить, что в обрядности данного праздника в настоящее время сохранились лишь отдельные элементы культа умерших, между тем как конные состязания и сопровождающие их обряды и обычаи можно отнести к народным развлечениям и играм. Обе характерные стороны праздника сохранились в традициях его проведения в с. Криничное Измаильского р-на. В этот день молодежь верхом на всех имеющихся лошадях объезжала три раза кладбище. Делалось это "для здоровья коней". Затем 5-6 самых быстрых лошадей с наездниками отъезжали приблизительно на 1,5-2 км от кладбища и по условному сигналу пускались вскачь наперегонки к старой, безвестной, возвышающейся над остальными могилами, расположенной отдельно от других захоронений. Эта могила считалась финишем. Победителю соревнований вручали рубашку, всех остальных также ожидали подарки. Первым трем примчавшимся к финишу давали денежные призы. Хозяева лошадей приносили вино для угощения наездников и зрителей. Старались подбирать легких наездников, как правило, подростков и юношей в возрасте от 12 до 20 лет. Участники состязаний, кроме уздечки, не использовали никакой другой упряжи, по-видимому, в целях безопасности и более легкого бега коней. Заканчивались состязания обильным угощением участников и всеобщим пиршеством.

У казахов и киргизов конные состязания (*байга*, *байге*) обязательно организовывались как на похоронах, так и на поминках. Важно отметить, что сразу же после похорон перед ритуальной трапезой киргизы проводили *кёр байге*, или *мурзо байге* (букв. "скачки у могилы"), где

финиш располагался у самой могилы покойного²⁴. Дистанция этих скачек была "небольшой" - 5-10 км²⁵, что совпадает с дистанцией конных состязаний, проводившихся на *Тодор гюню* в селах Виноградовка, Васильевка, Городнее Болградского р-на и в Вулканештах в Молдове.

Самые значительные поминальные торжества и скачки проводились у казахов²⁶ и киргизов (*кемиге байге* - "скачки, посвященные рытью очагов" и *чон ат чабыш* - "великие скачки")²⁷ на годовичные поминки. Возможно, обряды годовичных поминок были нацелены на то, чтобы "магическим путем покончить с могущественной силой духа умершего предка, покончить с трауром, со всеми траурными запретами и церемониями"²⁸. У болгар и гагаузов Украины именно через год принято наряду с деревянным крестом или антропоморфным изображением²⁹ устанавливать стационарный надгробный памятник или большой металлический крест, а годовичные поминки занимают важное место в поминально-погребальной обрядности. Указанные антропоморфные изображения распространены у многих тюркских народов³⁰; наиболее существенное место они занимают в погребально-поминальной обрядности чувашей³¹. Повидимому, описанный обычай у болгар и гагаузов имеет также тюркское происхождение.

Обрядность праздников, связанная с культом умерших у болгар и гагаузов, выходящая за рамки церковной обрядности и ведущая происхождение от дохристианских народных верований и обычаев, обнаруживает несколько составляющих его этнокультурных компонентов. Одна часть обрядов, обычаев и поверий приурочена только к балканскому этнокультурному ареалу (например, ряд обрядов на Великий четверг и Георгиев день), другая имеет сугубо славянское происхождение (например, поверья относительно русалий), а третья - тюркское происхождение (например, конные состязания в Феодоровскую субботу). Кроме того, культ святых также имеет генетическое сходство с культом предков у тюрков. Следует подчеркнуть, что все три компонента (балканский, славянский и тюркский) присущи как болгарам, так и гагаузам, что указывает на общие исторические условия этногенеза этих народов и близость их культур. На путях дальнейшего непредвзятого научного исследования этих этнокультурных компонентов и их соотносительности, на наш взгляд, лежит ключ к решению проблем этногенеза и этнической истории болгар и гагаузов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мы не беремся утверждать, что у всех народов мира, так как, например, арабы-ваххабиты Аравийского п-ова считают ненужным по-

сечение могил родственников и выполнение поминальных обрядов. Они строго запрещают оплакивать умерших, усматривая в этом отсутствие веры в справедливость Аллаха. Особенно же резко они выступают против культа святых, находя в нем нарушение единобожия. См. Беляев Е.А. Религия арабов // Страны Аравии. М., 1964. С.36.

2. Например, см. Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX - начале XX вв. Л., 1984. С.139.

3. О распространенности и расплывчатости термина "культ предков" см. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С.255-256.

4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т.1. С.144.

5. Токарев С.А. Указ. соч. С.255.

6. Там же. С.261.

7. Хотя отдельные элементы культа умерших прослеживаются также и в других календарных праздниках и памятных днях, тем не менее, данный период следует признать основой для воссоздания культа у болгар и гагаузов Украины.

8. Подробнее см. Сахаров В. Эсхатологические сказания в древнерусской письменности. Тула, 1879.

9. Здесь и далее слова и выражения передаются на языке носителей болгарских и гагаузских говоров Украины, которые, разумеется, не соответствуют литературным языкам. Следуя фонетическому принципу написания в русской графике, в гагаузских словах буквой *ю* передается звук гагаузского языка, сходный с французским в слове *duc* и немецким в слове *für*, буквой *ё* - с французским в слове *deux* и немецким в слове *Köln*, буквой *я* обозначается особый открытый переднеязычный звук, встречающийся в некоторых тюркских языках (в чувашском, караимском и, возможно, реконструируемом тюрко-болгарском) и отдельных диалектах болгарского языка.

10. Например, о весенних жертвоприношениях у албанцев см. Иванова Ю.В. Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С.317 (о связи жертвоприношений с культом предков см. там же. С.319); у чувашей "к началу ... полевых работ (*ака туй*)" - см. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965. С.186; у древних монголоязычных сяньби (в первых веках н.э.) "в последнем весеннем месяце (в апрельской луне)" - Бичурин Н.Я. Указ. соч. С.149; у некоторых европейских народов на Масленицу и Пасху - см. Рикман Э.А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Историче-

ские корни и развитие обычаев. М., 1983. С.180 (у него же см. о связи жертвоприношений с культом предков).

11. В Болгарии этот день известен под названием "Малка задушница". См. Етнография на България // Отг. ред. С. Генчев. София, 1985. Т.3. С.103.

12. Василева М. Велика неделя // Българска митология. София, 1994. С.53.

13. Общепорское слово *ак* можно перевести с гагаузского как "белый", "чистый", "светлый", "истинный", что подчеркивает большое значение этого праздника для гагаузов.

14. Салманович М.Я. Румыны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С.305.

15. Там же. С.304.

16. Там же. С.305.

17. Кашуба М.С. Народы Югославии // Календарные обычаи... С.260.

18. Салманович М.Я. Указ. соч. С.307.

19. См. Дыханов В.Я. Календарная обрядность // Очерки истории и этнографии села Кирички в Бессарабии. Одесса, 1998. С.167.

20. О значении этого праздника для албанцев метрополии Ю.В. Иванова пишет: "В народе день св. Георгия (*Shen-Gjergji*, или сокращенно *Shnjergji*) почитался более, чем мусульманский байрам или христианская пасха". См. Иванова Ю.В. Указ. соч. С.317. Столь же исключительное место *шин Герги* занимает в календаре албанцев с. Жовтнево, причем многие специфически албанские обряды и поверья, связанные с этим праздником, сохранились среди албанцев-колонистов данного села. Этот факт указывает на поразительную устойчивость этнической традиции, несмотря на сильное болгарское влияние, которое испытали албанцы Бессарабии.

21. Подробнее см. Дыханов В.Я. Указ. соч. С.

22. Знаком *х* обозначается особый гортанный звук, встречающийся в армянском, персидском, курдском, арабском и некоторых анатолийских диалектах турецкого языка.

23. По сообщениям респондентов из Армении, можно выделить следующие параллели между *мадах* и *курбаном* у болгар и гагаузов:

1) на *мадах* назначается, как правило, ягненок;

2) заклятие на *мадах* дается в случае заболевания ребенка, а само жертвоприношение устраивается после его выздоровления;

3) *мадах* совершается человеком, пережившим смертельную опасность или тяжелое заболевание;

4) по желанию именинника *мадах* организуется на день рождения или день одноименного святого;

5) назначенное в жертву животное перед закланием украшается;

6) жертвенному ягненку, перед тем как зарезать, насыпается в рот соль;

7) кровью жертвы на лбах у детей различного возраста рисуется крест; особенность армянского жертвоприношения заключается в том, что *мадах* обязателен на крещение ребенка, причем на лбу крещаемого также вычерчивается крестик; возможно, этот обычай проливает свет на его происхождение у болгар и гагаузов;

8) из жертвенного животного готовится ритуальное блюдо, которое также называется *мадах* - баранину варят, предварительно порезав крупными кусками; данный рецепт совпадает в основном с *курбаном*, который готовится в болгарских селах, населенных преимущественно балканцами;

9) кости жертвенного животного ни в коем случае нельзя выбрасывать собакам, их необходимо закопать в землю;

10) происхождение обряда *мадах*, также связывается с жертвоприношением Авраама, описанном в Библии.

Из вышеописанных параллелей становится очевидно, что общие исторические корни обряда жертвоприношения следует искать не у турков-мусульман, а у христианского населения Малой Азии и, возможно, Восточного Средиземноморья.

24. Симаков Г.Н. Указ. соч. С.139.

25. Там же.

26. Художественное и, вместе с тем, достоверное описание годичных поминальных торжеств у казахов см. Ауэзов М. Путь Абая. М., 1987. Т.1. С.248-255.

27. Симаков Г.Н. Указ. соч. С.140.

28. Там же. С.142.

29. В ходе экспедиционных исследований выяснилось, что деревянные антропоморфные изображения на могилах характерны преимущественно для сел, заселенных болгарскими-балканцами. В некоторых таких селах деревянные кресты устанавливаются на могилах мужчин, а антропоморфные изображения - женщин.

30. Бичурин Н.Я. Указ. соч. С.230; Каховский В.Ф. Указ. соч. С.190-191; о некоторых археологических свидетельствах в пользу деревянных изображений у древних тюрко-болгар см. Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.77.

31. Каховский В.Ф. Указ. соч. С.190-191.

КАЛЕНДАРНИ ПРАЗНИЦИ И ОБИЧАИ В ГРАД ТВЪРДИЦА, БЪЛГАРИЯ, И В СЕЛО ТВАРДИЦА, РЕПУБЛИКА МОЛДОВА

Според исторически данни, бежанци от с. Твърдица, Сливенско, напускат родното си село и тръгват към Бесарабия наскоро след завършването на Руско-турската война 1828-1829 г. Те пристигат в Буджак през есента 1829 г., а през 1830 г. на свободен участък държавна земя основават ново село, на което дават името на родното си село в Румелия - в руското написание Твардица¹.

Българският говор на с. Твардица, Тараклийски район, Република Молдова, съхранява основните черти на диалекта на майчиното селище и е бил съпоставян вече с него². Много добре са запазени в бесарабското селище българските народни традиции и обичаи, които също могат да станат предмет за съпоставяне с тези от гр. Твърдица, Сливенско.

В статията са използвани материали от теренните проучвания, извършени от автора през 1995-1998 г., а също така и други източници, в които се споменават тези селища.

СВ. АНДРЕЙ, АНДРЕЕВДЕН (Б., М.) (Тук и по-нататък за по-удобно различаване на двете селища освен установилото се различно написание на названията им се използват и следните съкращения: Б. — гр. Твърдица, България; М. — село Твардица, Молдова. Когато названията са еднакви, бележки не се дават - А.К.) (30. XI/13. XII). И в двете селища смятат, че от Андреевден до Нова година денят става по-голям колкото “едно просено зърно” или, освен това, в Твардица - с един “сахат” (час). А от Сорваки до Танасовден - още с един. За да “наедрава” всичко и в стопанство, вари се царевича (в Твардица - “папур”) с боб или жито. Д. Маринов пише, че в Твърдица от житото са хвърляли из комина за мечката и за берекет³. Пак тук, по данни на Петко Крълев, са работили от всичко по малко - да се спори работата през годината⁴.

Вероятно от румънско-молдавската обредност е заимствуван обредът “пазене (вардене) на чесън” (молд. Pazit usturoi), изпълняван в с. Твардица срещу Андреевден. Момци и ергени се събират в някоя къща, донесат вино, момите готвят “тиквенци”, боб и други постни ястия. Цяла нощ те се веселят, свирят, играят... От чесъна, който по това време се намира в паница на гредата или е завързан на вратата, момите после си вземат за вкъщи, наричат няколко скилидки с имената на либетата си и ги засаждат в саксия. Която ще покара - за този, според варването, ще се омъжат.

В Твърдица се смята, че от **ВАРВАРА** (4/17. XII) “завървяват” болестите (и празниците), а в Твардица знаят, че какъвто седмичен ден е Варвара, такъв ще бъде и Колада. В майчиното селище раздавали питки с мед за предпазване от шарка, а “полезникът” бил тачен повече отколкото на Игнажден⁵.

НИКУЛДЕН (6/19. XII). И в двете селища това е голям празник, когато цялата махала се събира в някоя къща за обща трапеза. Задължително ястие на това празнество е рибникът. В книгата на Д. Маринов се дават изображения на два хляба от Твърдица, които попът реже “ведно с рибника”⁶: “Никулски хляб” с кръст и “богова пита” с два склучени обръча отгоре. В с. Твардица пък подобна “богова” обикновено се прави “на струване” (умряло), при това обръчите се склучват, когато и двамата съпрузи са починали, когато пък единият от тях е жив - не се склучват, или се склучва само един.

ИГНАЖДЕН, ИГИНАЖДЕН (20. XII/2. I). Сутринта на този ден стопаните чакат, кой ще им “полезе” (Б., М.) в къщи. В Твърдица “полезникът” (Б., М.) трябва да внесе няколко трески, клечки. И в двете селища той се насажда да “мъти” на слама. Сламата или клечките после се занасят в курника. В Твардица полезник може да бъде и кучето. И в двете селища могат да “мътят” и домашните. Полезникът се гощава с варена и пукана царевича, варено жито, вино. В Твардица, ако “полезта му е хубава”, той догодина се капи пак. В Твърдица казват: “Лек му е полеза”. Пак тук хранят кокошките в кръг от въже - “да се въртят в двора”⁷.

КОЛЕДА (Б.), **КОЛАДА** (М., Б.) (25. XII/7. I) в двете селища се празнува три дни, като последният от тях е **СТЕФАНОВДЕН**. Вечерта срещу празника, както и тези срещу Нова година и Йордановден, се нарича “Кадовен вечер” (Б., М.). Най-старият в семейството прекалява трапезата, четете молитва. Кади се и при добитъка. Вечерята срещу Коледа е постна. И за трите Кадовни вечери правят варено жито, краваи, “богова”, като върху житото или хляба запалват свещ. В Твърдица “боговата” е с кръст или колелце отгоре, а в дъщерното село тя няма украса. Обичаят с горенето на “бъдник” - голям кютюк или пън, който се изпълнява в майчиното селище, в с. Твардица е забравен.

КОЛЕДУВАНЕ. През ноща срещу Коледа (по данните на Боян Иванов - през деня на празника) в Твърдица ходят “коледари” (по-рядко - “коладници”) - ергени, облечени с ямурлуци, “потури”, с геги в ръцете. В по-късно време те са ходили няколко нощи наред преди Коледа, за да успеят да обиколят цялото село. “Коледуват” тук няколко “кола” (групи) от по 5-10 души. Пеят различни песни, за което са дарявани с кравай, кърпи, пари и друго. Със събраните продукти после си правят “моабет” (гуляй).

В Твардица пък обхождането на къщите от "коладници", "коледа-ри" започва сутринта на Колада. Групата им се нарича "коледарница" и се състои от 8-10 и повече ергена. Пеят под ръководството на «стане-ника» (в майчиното селище водачът няма название), пак той "одрича" кравая, при него обикновено отиват да си делят събраните краваи и да се черпят след като завършат обиколката си. Думата "кол" се среща и тук: пеят обикновено "на два кола", т.е. две четворки стоят една срещу друга и пеят по няколко реда една след друга.

Под влияние на местната църква в Твардица, както и в много други бесарабски български села, разпространява се и ходене на малките деца (до 10-12 г.) по времето на коледните празници. Те ходят по 2-3 из махалите, като носят прикрепена към пръчка "звезда" (обикновено направена от хартия) със звънчета и иконка и пеят песни на черковнославянски или молдавски език за раждането на Христа. Даряват ги с кравайчета, орехи, бонбони, дребни пари.

НОВА ГОДИНА, СОРВАКИ, ВАСИЛЪВДЕН (1/14. I). На Втория кадовен вечер и в двете селища пак се запалва свещ върху същите хлябове или варено жито, слага се и пача, други блажни ястия. В Твардица задължително се прави "баница", наричана от по-старите хора "мишина", а според Д. Маринов - "милин"⁸. В дъщерното село названието е "милина". Клончетата - "късмети" са от дрян (Б.) или фидана (М.), слага се и монета. И в двете селища на кихналия обещава първото родено агне или теле. В Твардица момите скриват първата хапка под възглавница, за да сънуват избраница си⁹; гадаят за женитба по чешпирова листенца, сложени върху огнището, като ги наричат с имената на либетата си и гледат кое ще се завърти по-силно. Гадае се тук и за здраве по дрянови пъпки, сложени върху огнището: чиято ще подскочи - този ще бъде здрав¹⁰. В Твардица момите вярват, че с името на човека, когото ще сънуват тази нощ, ще е и бъдещият мъж. И в двете селища се гадае за времето с 12 люспи лук, посипани със сол. В Твардица кадят с ръжен или "палечник", а сутринта децата бързат да го измият, като получават за това пари.

СУРВАКАНЕТО се извършва от малки момчета рано сутринта на Сорваки. "Сурвакницата" (Б.), "шибалката" (М.) се прави от дрян (Б.), фидана или черница (М.) и се украсява с цветна хартия и конци или се обелва. И в двете селища първото дошло момче водят при добитъка. Момите отчупват от сурвакниците пъпки и ги слагат във водата, с която ще си мият косата, за да расте дълга. Навремето и в двете селища са ходели и ергени - сурвакари¹¹. В с. Твардица вечерта срещу празника ергените обхождат къщите със звънци, акордеон, пеят до прозорца различни песни. Обичаят е резултат на молдавско влияние (поздравителните текстове са на молдавски език) и се нарича тук "хлопка", тъй като един от задължителните му атрибути е звънчето.

СВ. СИЛВЕСТЪР, СИЛИСТРА (Б.) (2/15. I) се празнува в Твардица за здраве на биволиите. През нощта срещу празника млади хора, ергени ходят да "ринат" оборите там, където има биволи. През деня стопаните (най-вече тези, които имат моми) ги канят на гости.

Вечерята срещу **ЙОРДАНОВДЕН** (6/19. I), както и тази срещу Коледа, е постна и в двете селища. Тази нощ, според вярването, "се отваря" небето. Сутринта на Йордановден в Твардица свещеникът три пъти хвърля кръст в реката. Младежите, които ще го извадят, ходят от къща на къща, носят взетите от попа китка и вързания с чешпир кръст и ръсят, за което им пускат пари в бакърчето, дават продукти, с които после те си правят "моабет". В Твардица пък по-рано попът е ходил да ръси къщите от Колада до Йордановден с талига, в която са се славали даровете. На Йордановден освещаването на водата тук става в черквата, след това всеки си донася от осветената вода вкъщи, където си умиват лицето и наръсват с нея стаите. И в двете селища сутринта на Йордановден става обредно измиване на иконите от децата, които са дарявани за това с пари.

В Твардица вечерта срещу **ИВАНОВДЕН** (7/20. I) млади хора вземат вино и ядене, излизат в местността "Каламанова нива", където палят огньове, играят и пеят докато съмне. Пак там гледат, къде "играе имане". През деня на Ивановден с босилек и вода "къпят" младоженците и Ивановците, ергените "къпят" момите, които след това им правят гошавка. В Твардица на този ден също "къпят" именниците и младоженците.

На **БАБИНДЕН** (8/21. I) жените отиват при бабата, поливат ѝ, дават ѝ сапун и пешкир да се избърши. Освен подарък за бабата, носят и кокошка, кравай или нещо друго за ядене. Готви се и бабата. В Твардица се пеят следните песнички: "Аферим, бабо, машалла/ Да ти порасте ... като на делва похлупката"; "Аферим, дядо, машалла/ Да ти порасте гроздея като на тесла дръжката". И в двете селища жените се маскират, се преобличат като булка и годеник, вземат за "байрак" помет (Б.) или престилка (М.) и тръгват по улиците. В Твардица се е правила и "камила" от две жени. Мъжете този ден се крият, защото иначе жените им разпасват "гащите", люлеят ги (Б.) или пък вземайки шапката, искат за нея почерпка (М.). За да прогонят любопитните деца, и в двете селища ги заплашват с това, че ще им "намажат гъза с катран". В края на веселието взят бабата с колесарка или шейна из улиците.

На **АНТОНОВДЕН** (17/30. I) в Твардица жените не шият, не предат, не пипат игла, конци, ножици - за предпазване от "пъпка".

И в двете селища битува представата за **АТАНАСОВДЕН** (18/31. I), като половина на зимата. В Твардица стопаните гледат, колко храна остава за добитъка, т.е. за да стигне до лятото, трябва до остане полови-

ната. В Твърдица пък го смятат за празник на железарите и казват, че циганите този ден излизат от колибите си или пък преместват в тях огнището. Употребява се известният израз: "Атанастялди, яз гялди" ("Атанас дойде, лятото дойде").

ТРИФОНОВ ДЕН, ТРИФОН-ЗАРЕЗАН (Б., М.). **ПЪРВИ ТРИФОН-ЗАРЕЗАН** (М.) (1/14. II). Рано сутринта и в двете селища мъжете отиват на лозето, отрязват някоя лоза и я поливат с вино. След това сядат на трапеза с донесеното ядене и пише. Позната си легендата за Трифон, отрязъл носа си.

СВ. ХАРАЛАМПЕЙ (Б.), **ХАРЛАМПИЙ, ХАРЛАН** (М.) (10/23. II). В Твърдица вярват, че през този ден ходела чумата. Жените подават на пътя питки с мед или петмез; събират се по 5-6 от махалата, излизат край селото и слагат там от тези питки "за чумата". Д. Маринов счита това за един вид оброк в чест на чумата¹². В Твърдица този ден се празнува "за здраве". Вярва се, че светецът "държи" всички болести. След обед жените се събират по махали да "гулеят". На този ден за предпазване от чумата задължително се коли черна кокошка¹³.

На **ВЛАСОВ ДЕН** (11/24. II) в Твърдица не се работи за здраве на добитъка - да не се разболява от болестта "влас", да не сплъства вълната. И в двете селища този ден не се меси хляб.

СИРНИ ЗАГОВЕЗНИ (Б.), **СИРНИЦА, СИРНА НЕДЕЛЯ, МАСЛЕНИЦА** (М.) (седем седмици преди Великден). На този ден (както и на Месни заговезни) на пътищата палят огньовете - "ламбадин", които се прескачат "от бълхи", около тях се играе хоро. "Взема се прошка" от кумовите, от по-възрастните близки. След празничната трапеза децата "се хамкат" с халва (Б.) или обелено яйце (М.). В Твърдица след полунощ стрелят с пушки, а по-рано са се пускали запалени стрели - "бутурници". Пак тук вечерта ходят от къща на къща така наречените "маскирани" или "кукери", като възрастта и полът са без значение¹⁴. Навремето тук се изпълнявали обичаят "Камила".

И в двете селища на следващия ден - **ПЕСИЯ ПОНЕДЕЛНИК**¹⁵, **ЧИСТИЯ ПОНЕДЕЛНИК** (Б.) - измиват, изваряват съдините от блажено, започва строг пост, който продължава три дена - **ТРИМЕРО** (Б., М.). Д. Маринов пише, че на този ден в Твърдица на всяко куче "са вързвали на опашката кратунка, напълнена с пепел, и го пуцали да бяга през селото"¹⁶.

Четвъртъкът след Сирни заговезни (Б.) или преди тях (М.) се нарича **ВЪРТОЛОМЕЙ**. На този празник и в двете селища не работят, особено добитъкът "въртоглав".

На **ТОДОРОВ ДЕН** (събота след Сирни заговезни) и в двете селища се организират "кушии" - надбягвания с коне (в Твърдица - и с магарета

на юзда). Момите си мият косите и изливат водата преди да минат конете - за да станат косите им дълги като опашките на конете.

БАБА МАРГА (1/14. III). Рано сутринта стопанката мята червен плат на вратата или на овошка. На децата и на агъндата завързват "мартеници" (Б.), "мартенца" (М.). В Твърдица носят мартениците докато видят първите жерави или щъркели, след което ги свалят и завързват на овошки или слагат под камък и след известно време гледат: ако под камъка има мравки - годината ще е плодовита с овце; червен - с коне; божи кравици - с крави. В Твърдица последното гадание се прави от моми, които носят "мартенцата" в косите си. Децата пък тук, след като видят жерави или щъркели и хвърлят "мартенцата" си на овошката, бягат подир птиците - за да не са мързеливи през годината.

СВЕТИ ЧЕТИРИСИ (9/22. III). Обредните действия са свързани предимно с числото 40. В Твърдица празникът се нарича още **ПЪРВА ПРОЛЕТ**. Тук обикновено излизат да посрещнат пролетта в балкана, където се стараят да уловят 40 рака в реката, търкалят се 40 пъти по земята, пият по 40 чаши или по 40 глътки ракия. В Твърдица мъжете също пият 40 чаши или 40 глътки вино, жените опичат и раздават 40 кравайчета. Вярват също, че този ден Господ забива в земята 40 нагорещени клина, и тъй като тя започва да се стопля, засаждат 40 гнезда картофи или цветя.

БЛАГОЩЕНЕ (Б., М.), **БЛАГОВЕЩЕНЕ, БЛАГОВЕЦ** (Б.) (25. III/7. IV). В Твърдица сутринта на този ден палят огън в двора, дрънкат с тенекия или ръсят с ръжена пепел и казват: "Бягайте, змии и гущери!". В Твърдица също вярват, че от този ден от земята излизат змии, мравки, буболечки, и за да ги изгонят, палят огън в двора. С пепелта от тази клада се ръси из двора и се засипват дупките на змиите, мишките и т.н. И в двете селища се яде риба на Благоощене, казват, че ако няма риба, макар с рибена кост трябва да се почовърка в зъбите. И тук, и там не се работи, тъй като на Благоощене и "птичка гнездо не вие".

ЛАЗАРОВ ДЕН (Б., М.), **ЛАЗАР** (М.) (събота, една седмица преди Великден). В Твърдица този ден се нарича още **МАЛКИЯ ЛАЗАР**, като следващият е **ГОЛЕМИЯ ЛАЗАР**. В Твърдица пък в събота, две седмици преди Великден, е **СЮРМАХ ЛАЗАР**, а на Лазаровден с **БОГАТ ЛАЗАР**.

Сутринта в Твърдица обхождат къщите групи по 2-3 малки момичета (до 10 г.) с национални носии, с кошнички и пеят различни песни (за ерген, дете, млада булка и т.н.), за което се дарявани с яйца, пари, бонбони. На другия ден тук след отпуск на църквата същото извършват големите моми. В двора, където има пчели, те завъртват хоро - за да се "въртят" пчелите. След като завършат обиколката си, те отиват на реката, увиват си венчега от върба, стъпват на мостчето и едновременно

ги пускат във водата. Чисто колелце ще изпревари - тя им става "кумица". Д. Маринов споменава за друг, вероятно по-стар начин, когато "...всяка мома слага своя зальк на дъсчица и всичките дъсчици се пускат едновременно"¹⁷. На втория ден на Великден участвалите в обичая моми ходят при "кумицата", като носят баници, курабии, разменят си яйца, сядат на трапеза, след която се веселят и играят хоро.

В Твардица малките момичета "ходят на Лазара" също сутринта на Лазаровден и по същия начин, както и в майчиното селище. По-големите моми тук ходят само да се "кумичкват" на следващия ден, като правят това също свенчетата от осветените върбови клонки. В присъствие на кумата те мълчат до Великден, когато отиват при нея "да се прощават".

ВРЪБНИЦА, ЦВЕТНИЦА (Б.), ВРЪВНИЦА (М.) (неделя, една седмица преди Великден). И в двете селища след църковната служба донасят осветени върбови клонки, които обикновено слагат до иконите и запазват за лек.

Подготовката към **ВЕЛИКДЕН** започва от **ВЕЛИКИ ЧЕТВЪРТЪК** и в двете селища. Този ден боядисват яйца, с първото шарено яйце трият децата по бузите. Различават се всъщност само обредните хлябове. В Твардица пекат краван и "паски" (козунаци). В Твърдица пък, освен козунаци и курабии, правят "богова" (с яйце в средата, прикрепено с кръст от две тестени ленти отгоре). В книгата на Д. Маринов се дават и изображенията на великденски "краван" от Твърдица с четири червени яйца и едно бяло в средата, разположени кръстообразно¹⁸. И в двете селища на Великден ходят при кумовете, като им носят кравай, кокошка, козунак, ракия или вино. Играят се хора на мегдана. В Твардица вярват, че тази сутрин слънцето "играе", трепти, когато изгрява.

СОФИИНДЕН (понеделник, една седмица след Великден). В Твърдица на този ден се "черкуват" на определено място извън селището. Курбанът се прекадява от свещеника. В Твардица този ден сутринта отиват на гробището, ядат, пият, поменуват умрелите, раздават за тях.

В с. Твардица в понеделник преди празника Преполовение (който е 25-ият ден след Великден) се прави общоселски курбан, наричан **ЧЕРКУВАНЕ ЗА ГОСПОДЯ**. Според думите на някои по-стари жители на това село, техните предци, след като се установили в Бесарабия, обещаха да празнуват този ден "за Господя" в благодарност за това, че им помогнал да се спасят и да се заселят на хубаво място. На този ден цялото село се събира до специално поставения на кръстопътя извън селото кръст, попът освещава целия курбан, след което започва общата трапеза.

Черковният празник "Преполовение" в Твардица е наричан **ЧЕРНА СРЯДА**. На този ден към обед по махали се събират стари жени, донасят

вино, варят си боб, картофи - празнуват "за здраве". Вярва се също, че детето, родено на този ден, леко може да се разболее и да умре.

СПАСОВДЕН (40 дена след Великден). Тъй като, според всеобщото вярване, душите на покойниците са на свобода от Велики Четвъртък до Спасовден, в сряда срещу празника (в Твърдица - **"ВЪЗНЕСЕНАТА СРЯДА"**) и в двете селища всички отиват на гробището. Попът чете панихиди, хората преливат на гробовете, поменуват своите близки, подават за тях. Д. Маринов пише, че в Твърдица срещу празника болните са ходели "на росен"¹⁹.

ТРОИЦА (Б.) (50 дена след Великден). В Твърдица на този ден донасят орехови листа къщи и ги слагат до кандилницата. От празника **СВ. ДУХ (Б.)** (понеделник след Троица) тук започва **РУСАЛСКА НЕДЕЛЯ, РУСАЛЯ (Б., М.)**. През тази седмица из полето играят "самодиви", или "русалки". Представяват ги обикновено облечени с бяло. "В с. Твърдица никой не смеел да работи през цялата седмица, защото непременно се разболявал от лошаата - русалската - болест"²⁰.

В Твардица пък в събота срещу Русаля закичват с пелин портите, кладенците, къщите, постигат в домовете орехови листа, пелин и други треви. Слагат пелин и под възглавниците, във водата, когато къпят децата, а също така посят го в джоба, най-вече който ходи по къра. През тази седмица не се спи само, на открито, не оставят сами малките деца (ако се налага - слагат метла при люлката). Не се пере, не се маже, не се шие или крои, не се мие главата. Всичко това се прави за предпазване от "русалимки", "русалки". Представят ги тук също с бели дрехи. Вярва се, че този, който не спазва тези забрани, може да се разболее и повече да не оздравее. За особено опасен се смята **ЛУДИЯТ ВТОРНИК (М.)** - на този ден не работят, за да не полудеят. На другия понеделник преди изгрев слънце изхвърлят посланиите треви, а към обед стари баби си вземат малко вино, хляб, варен боб, друго постно ядене и се събират да "изпровождат русалимките".

Освен споменатото по-горе черкуване на Софиинден, в Твърдица се черкуват и на друго място на празника **"СВ. ДУХ"**. Курбанът, който се прави "за здраве и берекет", а по други данни - за "бродещите духове"²¹, се освещава от попа. По всичко изглежда, че този обичай е пренесен и в дъщерното село Твардица. Курбанът се прави тук по същия начин, както и описаното по-горе "Черкуване за Господя", само че на друго място, до друг кръст. Той се прави същия ден, както и в майчиното селище, обаче този ден, който в православния календар е означен както св. Дух, в с. Твардица е назван **ТРОХИЦА**.

На **ГЕРГЪОВДЕН** (23 .IV/6. V) и в двете селища преди изгрев слънце се умиват с роса, украсяват портите и вратите с раззеленили се клонки, треви и цветя. Стопаните обикалят нивите си, за да видят, какъв ще е

берекетът. Коли се агне за курбан. На рогчето му запалват свещица, слагат на шията му венче или бяла басма на главата. То се прекадява и след като се заколи, с кръвата му (в Твърдица тя трябва да опръска източната стена) правят кръстчето по челата на децата, на вратата (М.) или на източната стена (Б.). Кръвта на агнето се излива в реката, а кокалите му се заравят в мравуняк - да се видят овците като мравки. След като се опекаг агнетата, в Твърдица се устройва обща трапеза на махалата, попът освещава целия курбан, като му се дават за това главичките на агнетата.

В Твардица общата трапеза се устройва в черквата, а в по-късно време се събират на чешмата. До тази чешма, чиято вода се смята за лековита, навремето е съществувала и църква. И в двете селища на този ден отбиват агънцата и издояват първото мляко, разплащат се и сключват нови договори с овчарите и ратаите.

В Твърдица се люлеят на люлки, вързани на орехови дървета; всички се теглят на кантар "за здраве"; момите този ден надпяват пръстените. В дъщерното село това не е познато. Тук на Гергьовден "засичат" безплодни дървета и бездетни жени, а срещу празника наричат стръкове коприва на членовете на семейството и сутринта гледат: чиято е "весела" - този ще е здрав през годината. В Твърдица със същата цел засаждат коприва или здравец²².

По-богато са представени в Твърдица обредните хлябове за Гергьовден. Тук се прави "богова" с пластична украса отгоре: овчарска гега и топчета, означаващи овце. Другият вариант на "боговата" е питата с пет топченца отгоре, разположени във форма на кръст, като едното от тях е в средата. Върху всяко топченце са сложени "просурки". Хлябове-те, подобни на тези, са изобразени в книгата на Д. Маринов²³. В дъщерното село пък на Гергьовден раздават "за здраве" хлебчета във форма на топчета, които се "присуряват" с "гергьовски кокал", т.е. кокал от крака на гергьовското агне. Когато пък нямат агне, върху това топче слагат едно по-малко топченце от тесто.

ПЕПЕРУДА и в двете селища се прави, когато дълго няма дъжд. Група деца начело с едно момиче, облечено като булка, ходят по улиците. Пеперудата с китки ръси вода, стопаните също изнасят вода и ги заливат. Обичаят се изпълнява и след молебен.

ЛЕТЕН НИКУЛДЕН (Б., М.), **ЛЯТНА НИКУЛКА** (М. (9/22. V)). Този ден е храмов празник на църквата в съседното с Твардица село Валя-Пержей (по-голямата част от жителите му са българи). По-рано на този ден се е организиран сбор от трите съседни села "на синура" (третото е гагаузкото село Бешгиоз).

СВ. ГЕРМАН (Б. (12/25. V)). В Твърдица не се работи - за предпазване от градушка.

КОНСТАНТИН И ЕЛЕНА (21.V / 3. VI). В материалите на Петко Крълев е преразказана легендата за еленовата саможертва, която ставала до вековни дървета в края на Твърдица, където на този ден преди Освобождението са се събирали българи и турци. Празнува се и за предпазване от градушка²⁴.

В Твардица се счита, че от празника **ВЪРТОЛОМЕЙ И ВАРНАВА** (М. (11/24. VI) денят "начева да се връща", т.е. става по-малък, а нощта започва да расте.

ЕНЬОВДЕН (24.VI/7. VII). И в двете селища казват, че на този ден "дядо Еньо си облича кожуха (или девет шуби) и отива за сняг". Рано в росата берат билки. В Твърдица сутринта всеки гледа сянката си: ако е цяла - ще е здрав през годината, ако е без глава - човекът ще се разболее или дори ще умре. Пак тук момите надпяват пръстените, както и на Гергьовден.

ПЕТРОВДЕН (29. VI / 12. VII). И в двете селища отговяват с "петровско пиле". В Твърдица на **ПАВЛЪОВДЕН** (30. VI / 13. VII) не се жъне - за предпазване от пожар.

На **ГОРЕЦИ ПРАЗНИЦИ** (Б., М.), **ГОРЕЩНИЦИ** (Б.) (15 - 17/28 - 30. VII) не се работи за предпазване от пожар и в двете селища.

ИЛИНДЕН (Б.), **ИЛИИНДЕН** (М.) (20. VII / 2. VIII). И в двете селища колят "за здраве" кокошка. В Твърдица от този ден ядат орехи, поядките им гадаят за здраве²⁵.

СВ. СЕДМОЧИСЛЕНИЦИ (Б.), **ПАНТЕЛЕЙМОН, ПАНТЕЛЕЙМОН-ИЗЦЕЛИТЕЛ, ПАНТЕЛЕЯ** (М.) (27. VII / 9. VIII). В Твърдица се празнува за предпазване от болести.

В Твърдица на **МАКАВЕЙ** (1 / 14. VIII) се събират да празнуват "баджанаците". След този ден започват сиденките на открито. В Твардица този ден берат цветя и освещават китки в църквата - "за здраве". Пак тук се смята, че щъркелите потеглят към юг на този ден.

ПРЕОБРАЖЕНЕ (Б.), **ПРИБРИЗИНЕ** (М.) (6 / 19. VIII). В Твърдица казват, че времето започва да се "преобръща". В Твардица не се ядат ябълки, дини, грозде, и други плодове до освещаването им на Прибризине. Освещава се и медът.

ГОЛЯМА БОГОРОДИЦА (15 / 28. VIII). И в двете селища жените, най-вече бездетните, носят дар на светицата. В Твърдица се подава от първото опято грозде, раздават се питки за "Ста Богородица".

ОБСИЧИНЕ (29. VIII / 11. IX). Забраните са еднакви: не се яде червено грозде, червена диня, не се пие червено вино, спазва се пост.

КРЪСТОВДЕН (14 / 27. IX). В Твърдица този ден започват да сеят есенниците, земята "се кръстосва". В Твардица празникът се нарича още и "гроздобер", тъй като след него може да се бере гроздето. Този ден тук се стараят да намерят и да осветят в черквата "кръстата" чепка. Спазва се строг пост.

ПЕТКОВДЕН (14 / 27. X) и в двете селища е храмов празник. В Твърдица този ден се мърлят овцете: "На Петковден се замърлиши - на св. Четириси се обогнат".

ДИМИТРОВДЕН (26. X / 8. XI). Общи са представи за празника като за края на лятото и началото на зимата, затова и в двете селища плащат на овчарите, "чираците", "аргатите". В Твърдица лъчат овцете, пускат ги при кочовите.

Следващият ден се нарича **МИШИНДЕН** (27. X / 9. XI). И в двете селища не се шие, плете, преде, тъче, не се пипат сандъците с дрехите. Стопанките обредно замазват пода с малко глина - "да замажат очите на мишките".

АРАХАНГЕЛОВДЕН (8 / 21. XI). В събота преди празника е задушница.

ВЪЛЧИ ПРАЗНИЦИ. Според Д. Маринов, в Твърдица те са девет дена: "три празнуват, три работят и после пак три дни празнуват. Последният носи название **КУЦУЛАН** и се пада на 21 ноември, отдето тоя празник се нарича **ВЪЛЧАТА БОГОРОДИЦА**"²⁶. В Твърдица празнуват също девет дена - от Коледни заговезни до празника Въведение Богородично, наричан тук **УЕДИНЕ**, а в град Твърдица - **ВЪВЕДИНЕ** (21. XI / 4. XII). И в двете селища забраните са едниотипни. Стопанките завързват ножиците - за да "завържат устите на вълците". През тези дни не се шие, плете, тъче, не се пере, особено за мъжете - да не ги разкъсат вълците, когато те ходят по кърпичата.

* * *

От извършеното съпоставяне се вижда, че в дъщерното село изчезват обичаите с бѣдник, надпяването на прѣстените, маскарадните игри, обредното ринене на оборите на св. Силвестър; по-бедно са представени обредните хлябове.

Под местни влияния (преди всичко молдавско) се появяват в с. Твърдица отделни чужди обичаи или техни елементи ("пазене на чесън", "хлопка", "звезда", помени на Софинден, а възможно и "изпровождане на русалимките"), които не нарушават целостността на българската система от календарните празници, тъй като те са много близки по своята семантика към съответните български обичаи.

Сред по-добре запазените в дъщерното село се открояват преди всичко обредите или елементите им, свързани с най-древния, езическия пласт на народната култура, като например коленето на черна кокошка за предпазване от чума, Черната сряда, Русалската неделя, общоселските курбани и други.

БЕЛЕЖКИ

1. Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С.69; Бернштейн С.Б. Страница болгарской иммиграции во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т.1. Москва, 1949. С. 335; Поглубко К.А.; Забунов И.Д. Обновленная Твардица. Кишинев, 1980. С. 10-13.

2. Стойков Ст. Говор села Твардицы (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии, вып.8, Москва, 1958.

3. Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1980. С. 702.

4. Крълев П. Музейна сбирка, гр. Твърдица, №539.

5. Пак там. С. 22.

6. Маринов Д. Посоч. съч. С. 709.

7. Крълев П. Посоч. съч. С. 24.

8. Маринов Д. Посоч. съч. С. 461.

9. Крълев П. Посоч. съч. С. 33.

10. Пак там.

11. Сорочяну Е.С. Зимняя календарная обрядность болгар юга Молдовы и Одесской области середины XX века // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1995. С. 100.

12. Маринов Д. Посоч. съч. С. 493.

13. Казанакий П. Твардица // Кишиневские епархиальные ведомости, 1873, № 19. С. 695.

14. Крълев П. Посоч. съч. С. 39.

15. Пак там. С. 38.

16. Маринов Д. Посоч. съч. С. 508.

17. Пак там. С. 544.

18. Пак там. С. 567.

19. Пак там. С. 635.

20. Пак там. С. 638.

21. Крълев П. Посоч. съч. С. 57.

22. Пак там. С. 52.

23. Маринов Д. Посоч. съч. С. 604.

24. Крълев П. Посоч. съч. С. 55-56.

25. Пак там. С. 60.

26. Маринов Д. Посоч. съч. С. 697.

ЖИЛИЩЕ КАК СУБЪЕКТ ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВ У НАСЕЛЕНИЯ БОЛГАРИИ И БОЛГАРСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ БЕССАРАБИИ

Материальная культура любого народа находится в тесном переплетении с его духовной жизнью. В традиционном быту наиболее важные моменты в жизни человека - рождение, свадьба, строительство дома, смерть - сопровождались соответствующими обрядами; из поколения в поколение передавались поверья и обычаи, связанные с этими событиями.

Каждая группа обычаев и обрядов, обслуживавших определенное событие, этап в жизни человека, требует пристального внимания ученых и серьезного изучения.

В этой статье сделана попытка разобраться в тех обычаях и обрядах, которые связаны с жилищем, показать, что жилище может быть как субъектом (обычаи и обряды, связанные со строительством дома), так и объектом (части дома, исполняющие обрядовые функции) обрядовых действий. Однако простое перечисление не дает желаемого ответа на вопрос: почему эти обряды, обычаи, поверья возникли, чем они вызваны, имеют ли под собой какую-либо логическую основу?

Рассматривая сначала жилище как субъект обрядовых действий, нужно подчеркнуть, что эти обряды служат своего рода системой знаний, предписаний, правил, реализацией которых и будет жилище. Ритуал строительства ориентирован не на конкретные детали постройки, а на самые общие признаки, образ дома. Эти обряды воссоздают не только идеальный образ дома, но и идеальный образ социальной группы (семьи), проживающей в этом доме. Жилище и семья представляется в ритуале неделимым целым. Поэтому обряды, совершаемые при строительстве дома, рассматриваются и как обряды, посвященные воссозданию социальной инфраструктуры¹.

Семантический смысл и обрядовую функциональность имеют не только вертикальные элементы жилого пространства (фундамент, стены, крыша), особенно важную роль игравшие в строительных обрядах. Столь же функциональны и горизонтальные элементы жилого пространства - очаг, порог, которые можно назвать ритуальными, сакральными единицами - объектами обрядовых действий в наиболее важные моменты жизни.

Однако, исторически сложилось так, что людьми были созданы различные типы жилищ, наиболее подходящие для определенных природ-

но-климатических условий. Соответственно отличается и обрядность, связанная со строительством дома и его обживанием. В данной статье будут представлены материалы, связанные с жилищем у населения Северо-Восточной Болгарии и болгарских переселенцев Южной Бессарабии.

Выбор северо-восточного региона Болгарии в качестве исследуемого не случаен, поскольку большинство переселенцев-болгар в Бессарабии - выходцы именно из этой части страны, а также из некоторых районов Восточной и Западной Болгарии.

Обряды, связанные со строительством дома и с жилищем вообще, подразделяются на несколько смысловых групп и отправляются соответственно в различные временные периоды:

- 1) обряды, связанные с выбором места строительства;
- 2) обряды, сопровождающие процесс строительства;
- 3) обряды, осуществляемые в процессе вселения хозяев в новый дом².

Такое деление отвечает основным действиям и охватывает целостные обрядовые комплексы.

Как правило, в основе самых разных обрядов лежат определенные поверья и предания, как бы обосновывающие актуальность их возникновения.

У болгар, как и у ряда других народов, в основе обрядов, связанных с выбором места строительства дома, лежит поверье о наличии "хозяина" у места, где предполагается возведение дома. Он же в дальнейшем оставался хозяином нового дома. Практически болгарский "хозяин дома" - таласым (таласъм - болг.) - это то же, что для русских домовый. Только он отличается тем, что имеет несколько разновидностей.

Первый вид таласыма (маров) жил в доме, предохранял его домочадцев от пожаров, смерти, чумы, злых духов и т.д. Этот "хозяин" считался добрым и чаще всего появлялся в образе змеи или ужа. Поэтому болгарин никогда не убивал змею, каким-то образом попавшую в его дом, наоборот, это воспринималось как доброе предзнаменование, знак благополучия и взаимопонимания в доме, поскольку здесь появилась врыткыца (управительница дома).

Второй вид таласымов появляется в пустующих больших зданиях, мельницах и заброшенным людскими домами. Такого домового называли пущина, а дом, в котором он обитал - пущинак (опустевший дом). В отличие от первого его считали злым духом, опасным для людей и домашних животных³.

Разнообразие типов таласымов повлияло и на отношение к ним в разных регионах Болгарии. К примеру, жители болгарских сел во Фракии верили, что хозяин дома может причинять и добро, и зло. Обычно он

был невидим, а иногда выдавал свое присутствие в доме тем, что топал по чердаку, перемещал предметы в комнатах или проползал в виде змеи внутри или вне дома. Но эту змею никогда нельзя было убивать, иначе это привело бы к смерти кого-либо из членов семьи⁴.

Вера в хозяина места широко была распространена и во всей Северной Болгарии: «Участок земли, который крестьянин обрабатывает и тем самым кормит свою семью, дуга, которые дают корм для животных; леса, которые дают ему топливо и освещение, охраняются отдельными добрыми духами. Эти духи не что иное, как души давно умерших известных и праведных их односельчан»⁵.

Сообразно с этим поверьем селянин, собравшийся строить дом, проверял сначала, есть ли у этого места хозяин и кто он. Так, в Добрудже при выборе участка для строительства, особенно, если дом на нем строился впервые, выполнялось следующее: на выбранном месте с вечера насыпалась кучка золы, а утром по следам, составленным на ней, определяли, кто его хозяин. Считалось, что лучше всего, если нет никаких следов - тогда здесь свободно⁶.

Вера в хозяина места нашла свое выражение в строительных обрядах и других народов. Так, на Украине перед началом строительства нового дома ночью высыпали в угли рожь, клали хлеб и ставили чашу с водой на новое место. Если эти предметы оставались нетронутыми, то место считалось удачным, в противном случае говорили, что «там черти будут толкаться». Благоприятным для строительства считался тот участок, куда ложился специально для этого приведенный рогатый скот. Здесь же была распространена практика гадания у знахарки по горсти земли о благополучии выбранного места для строительства⁷.

Интересно, что такая практика гадания о характере места по горсти земли имела место и в области Нишава в Восточной Сербии, то есть на территории, которая ни в коей мере не была связана с Украиной⁸. И это не единственный пример совпадения обрядов у разных народов.

Но процедура выбора места строительства была распространена не на всей территории Болгарии. Так, эта практика была не частым явлением у староболгарского населения в Северо-Восточной Болгарии. Чаще всего люди здесь строились на старых, обжитых местах. Поэтому обряды этой группы оставили слабые следы в памяти жителей этого региона. Известно, но только как воспоминание о реальной практике, что на новом месте нужно было поставить воду и положить пепел от старого очага (Дряновец)⁹. Скорее всего это действие имело предохранительную и очистительную функции.

На основе поверья о хозяине места зародился и обряд, который относился уже к началу строительства дома, то есть второй смысловой

группе обрядов, которую можно условно подразделить на две подгруппы:

- 1) обряды, проводившиеся при закладывании фундамента;
- 2) обряды, предшествовавшие началу возведения покрывной конструкции.

Вспомогательный обряд носит название «курбан» и относится к первой подгруппе. Вот как объясняет смысл этого обряда священник Твардицкого прихода II половины прошлого века Петр Казанаклий: «Курбан - слово необъяснимое; вероятно в этом обычае сохранились следы языческой жертвы, судя по тому, чем она обставлена. Приносится эта жертва и частно, и общественно. Частно: в дни ангела болгарин убивает лучшего барана и ... переднюю сырою лопаткою одаривает священника, а все остальное мясо и внутренности животного рубятся на мелкие части и варятся в котле без примеси других элементов... На приготовленный стол кладут хлеб и водку, вносят котел с приготовленной пищей и тотчас приглашают священника благословить курбан. После благословения начинается пиршество, на котором немислимы другие блюда. Такие же курбаны делаются и по умершим, а иногда и на их поминованиях»¹⁰. В обрядах, связанных со строительством жилища, курбан проводили до начала закладывания фундамента. Для курбана чаще всего резали птицу (курицу, петуха) или ягненка, причем таким образом, чтобы кровь жертвенного животного вытекала на первые положенные камни или в центр будущей постройки (Добруджа, Софийский край)¹¹. Также в Добрудже была распространена практика замуровывания костей жертвенного животного в фундамент, а у староболгарского населения - капанцев (Северо-Восточная Болгария) - замуровывали голову или даже целую курицу¹². Эти факты не оставляют сомнения, что в этих действиях заложены начальные представления о создании хранителя дома.

Однако, наряду с обрядами, символизирующими отголоски язычества, при закладке фундамента проводился обряд, носящий христианский характер - в фундамент замуровывали бутылку со святой водой или маслом и со списком имен хозяина и мастеров, строивших дом (Северо-Восточная Болгария, Добруджа) или производилось освящение первых камней¹³. В связи с поверьем о хозяине места у болгар существует еще один обряд, включаемый в первую подгруппу и называемый «вградяване». Суть его состояла в том, что если у места не было хозяина (галасьма), то было необходимо его заполучить. Для этого нужно было измерить и замуровать в фундамент тень человека или животного, первым прошедшего утром мимо места, на котором закладывали фундамент нового дома. По этому поводу бытовало мнение, что «измеренный» человек умирает через короткий период времени (40 дней) и появляется в

Основным моментом этого обряда снова был курбан, с которого практически начиналось и строительство дома. Проведение его считалось обязательным, абсолютно необходимым. Так, капанцы, верили, что "нетронутый" дом может "посещать нечистый дух"²². Каждый из приглашенных на "курбан" в Софийском крае приходил в новый дом с "дар на къщата"²³.

Как поверья и обряды, связанные со строительством, так и само жилище, его структурообразующие части давно и прочно вошли в болгарский фольклор, нашли отражение в песнях, пословицах, загадках и пр.: "Бащино огнище - топло пепелище", "Своя къщица - своя свобода", "Дето комин, там и дим", "В празен хамбар плъх не влиза", "Над къщата слама, ама в къщата слава", "Ако има в кошарата, ще има и в попарата" и т. д.²⁴

Строительные поверья и обряды сказались и в толковании снов у болгар. Так считалось, что увидеть во сне строителя у себя во дворе к могиле; если снилось, что покойный отец строит дом видящему сон, то должно было умереть какое-то животное в хозяйстве; видеть во сне себя строящим дом означало собственную смерть²⁵.

Дом и его составные части играли немаловажную роль в народных праздниках, свадебных, похоронных и прочих обрядах. К примеру, на Игнатиев день в западных краях Болгарии дом имел своего "спозязника", который, заходя в покровительствуемый дом, поздравлял хозяев следующим образом: "Добро утро на много весели години, да ви е честита младата година!" Затем он шел прямо к очагу и, размешивая в нем дубовой кочергой угли, желал им: "Колко искрици, толкова пиленца, пиленца, яренца, теленца, жребенца, агненца, а най-вече меду масло и бяла пшеница по сираци, сирамаси и цял народ!"²⁶

В свадебном ритуале постоянным был обычай, по которому сваты, прибыв в дом невесты, старались сесть у очага и помешать в нем кочергой угли. Эти действия выдавали хозяевам дома цель визита и имели свой символический смысл: как ярко разгорается в очаге огонь от помешивания, чтобы так же удачно состоялся сговор; как вспыхивает пламя, так чтобы и сердце девушки, которую пришли сватать, зажглось любовью к юноше, за которого ее сватали²⁷.

Большинство из проанализированных в статье поверий, обрядов утратили свое прикладное значение и сохранились лишь как памятники традиционного менталитета болгар, памятники болгарского народного творчества.

Безусловно, подобные поверья и обряды должны были иметь место у бессарабских болгар, переселившихся с болгарских земель в Бессарабию в конце XVIII-XIX вв.

Однако в ходе сбора полевого этнографического материала в болгарских селах и особенно его обработки выяснилось, как мало информации осталось о поверьях и обрядах, связанных со строительством дома. Остались лишь отрывочные сведения. Так в г. Тараклии помнят (информатор - П. А. Кайряк), что перед началом строительства проводили курбан, имевший то же смысловое значение, что и проводимый на территории самой Болгарии, - животное жертвоприношение хозяину места. Подобное действо встречается и в строительной практике жителей с. Кирички (Украина). При закладывании фундамента хозяин обычно резал барана (эта часть обычая сохранилась до сих пор), угощал строителей и дарил им по рубашке. Затем в фундамент дома закладывали кансулу, где на листе бумаги были изложены сведения о членах семьи и времени начала строительства²⁸.

Со строительством дома связана и кодификационная обычным правом коллективная помощь - меджия, которая чаще всего проводилась при возведении стен дома. На меджию обычно приглашались родственники, близкие, соседи. Отказаться от участия в этом виде коллективных работ было нельзя. Хозяева "оплачивали" такой вид помощи обильным угощением и выпивкой, которые они устраивали после дневной работы, и в свою очередь, должны были при необходимости явиться на меджию ко всем тем, кто помогал им. Приглашенные на меджию месили чамур, изготавливали необожженный кирпич, участвовали в кладке стен, обмазывали возведенные стены чамуром²⁹. Последний тип работ, как правило, осуществляли женщины, каждая из них приходила со своим инструментом - "дъска за мазани".

Подобная практика коллективной взаимопомощи имела и имеет распространение также в исследованных селах (Твардица, Викторовка, Стояновка, Тараклия).

В связи с поверьем о хозяине места и вмуровывании кого-либо при отсутствии хозяина, выбранного для строительства места, у болгар Бессарабии имела распространение хороводная песня о замуровывании жены первомастера. Эти сведения хранятся в архиве Новороссийского генерал-губернатора и опубликованы в Записках Одесского общества истории и древностей. В хороводной песне, составленной по случаю постройки крепости Пиргово, есть свидетельство, что болгарам-переселенцам в XIX в. был знаком обряд под названием "вградяване". Суть песни состоит в том, что крепость Пиргово строили девять лет: все, что за день возводили, ночью разрушалось. В конце концов от султана пришел фирман с требованием завершить строительство в короткий срок, иначе глава строителей останется без головы. И вот:

Пирван гюлгером думаше:
Гюлгери млади дружина,
От царю фирман довтоса,
Утря Свята неделя:
Елати да гу прочитем
И заговор да се заговорим:
Която невяста напред обряд донесе,
От нея сянка да земим,
Град Пиргова да заградим...³⁰
С начала XX в. из-за своей специфичности этот обряд практически

был забыт.

Если говорить об обрядах, связанных с возведением покрывной конструкции, то в Твардице сохранилось следующее действие: пред началом возведения крыши к центральной балке прибавали крест, на котором хозяева вывешивали рубашку - дар для главного мастера (информатор - Язаджи З.М.).

В Кирничках перед началом покрытия дома к стропилам прибавался маленький крестик - для защиты дома от злых сил, который оставался навсегда под крышей дома.

Отрывочные сведения сохранились и о том, как осваивалось пространство нового дома. Так, у тараклийцев в только что построенный дом первой запускали кошку и только после этого в него входили сами хозяева (информатор - Кайряк П.А.).

Из этого же обрядного цикла у твардичан сохранился обряд троянване - освящение дома лицом духовного сана и угощение всех родственников и соседей в честь этого события (информатор - Язаджи З.М.).

Значительно больше информации сохранилось о жилище как объекте обрядовых действий у болгар Бессарабии в обрядовых циклах, связанных с рождением ребенка, свадебными и похоронными действиями.

У Н.С. Державина сохранились сведения о том, что при трудных родах роженицу заставляли три раза переступить через порог комнаты, отпирали замки, раскрывали все двери, в церкви в алтаре открывали царские ворота (с. Кашлюу, Феодосийского уезда)³¹. Поскольку закрытое пространство (помещения в доме, церкви) ассоциировались с материнским лоном, то предполагалось, что открытые двери способны облегчить роды.

Далее известный ученый сохранил записи о том, что в с. Чешма-Варуита Бессарабской губернии после обряда крещения крестный или крестная приносят ребенка домой, где у порога его встречает мать. Передача ребенка матери происходила следующим образом: на порог клали кочергу, на кочергу решето, и вот по этому решету скатывали ребенка

со двора в дом со словами следующего содержания: "чифутян гу зех, пак христианин гу дунесах!" В с. Кирнички сохранилось очень близкое по форме и содержанию действие, относящееся к этому же циклу: ребенка из церкви домой приносила также крестная и передавала его трижды через порог встречавшей их матери, приговаривая при этом: "Зех ти гу еврейчи, давам ти гу христианчи (краштелнички)"³².

Сохранились некоторые сведения об обрядовых действиях из свадебного цикла. Также у Державина мы встречаем описание обрядов, происходящих во дворе и в доме жениха. "Отец жениха встречает свекровь с зажженными свечами, вставленными в тарелку с мукой, а отец приносит им хлеб с солью; хлеб берет жених, а невесте дают в руку ведро с водой... Отец, накинув на молодых пояс, вводит их в дом свой, причем они упираются, не идут и уступают по мере того, как отец, мать и ближайшие родственники обещают им какие-то подарки: на каждое такое обещание молодые отвечают одним шагом вперед..."³³ В это время внутри дома ножами записывалось число подарков, причем старались при этом как можно больше испарпать стены. Находясь уже в доме, невеста должна была смазать медом губы родственникам жениха. Мед служил скорее всего символом благополучия и богатства, поскольку в Тараклии до сих пор сохранился обычай, по которому невеста, перед тем как преступить порог дома жениха, рисовала медом кресты на дверной притолоке и пороге (из собственных полевых материалов - М.К.).

Другой обряд из этого цикла сохранился в с. Кирнички и служит ярким примером того, что дом и двор порой являются объектами обрядовых действий. Прежде чем вывести молодых из дома, отец невесты подает им по одной палочке, соединяет обе палочки в своей руке и выводит на порог молодых. Кроме палочек отец держит в руках и хлеб. Затем он отдает палочки, с помощью которых вывел их из дому, жениху, который переносит их через крышу. Если палочки перелетят через крышу - хороший знак, семейная жизнь молодых будет счастливой. Если же палочки не перелетят через крышу и упадут в этом же дворе, то это плохая примета, она свидетельствует о будущих трудностях в семейной жизни³⁴.

Дом, его части, двор играли немалую роль и в обрядах похоронного цикла. О смерти человека всем окружающим сообщают открытые настежь ворота; ворота иногда оставались закрытыми, но двери всегда открывались настежь. Возможно, что это объясняется тем, что двери и порог отделяют дом от окружающего, не освоенного "дикого" пространства, оберегают добрых духов, препятствуют проникновению зла извне, эта граница двух миров, через которую попадают вовнутрь и выходят в мир иной. По-видимому, двери открывались для души умершего, которой уже нечего было делать в мире живых.

Кроме того, покойного никогда не обмывают в доме. Для этой обязательной процедуры выбирают малодоступное место на территории двора умершего, где практически никто не ходит. После выноса покойника из дома за ним выпивали стакан воды, а оставшаяся дома женщина подметала и мыла пол. В некоторых случаях даже переставляли мебель. Исследователи этнографической экспедиции в с. Кирнички объясняют это тем, что дом, где умер человек, является нечистым и уборка преследовала магические цели - смыть следы покойника, не дать его душе вернуться в дом³⁵.

Близкие по смыслу действия описаны и в труде Н.С. Державина: сняв со стола гроб с покойником, на стол клали железо, которое оставалось на столе до возвращения с кладбища; после выноса из дома покойника из комнат выметался сор и вместе с меглой выбрасывался на улицу³⁶.

Степень задействованности жилища и его составных частей в обрядовых циклах в качестве субъекта и объекта последних свидетельствует о степени освоенности этого пространства, поскольку "освоенное пространство - это всегда семантизированное пространство, подвергшееся некоторой ценностной акцентировке, ... содержание, приписываемое освоенному пространству, и в частности дому, наиболее адекватно описывается с помощью таких категорий, как свое, близкое, принадлежащее человеку, связанное с понятием доли, судьбы, главное, связанное с огнем очага..."³⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград, 1983. С. 15
2. Генчев Ст. Трудови обичаи и обреди // Добруджа: етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С.355
3. Каравелов Л. Собрание сочинений. Т. 6. София, 1985. С.428
4. Арnaudов М. Студии върху българските обреди и легенди. София, 1972. С.230
5. Арnaudов М. Указ. соч. С.239
6. Генчев Ст. Указ.соч. С.357
7. Арnaudов М. Указ.соч. С.250
8. Там же С.250
9. Капанци. Бит и култура на старото българско население в северозточна България. София, 1985. С.253
10. Кишиневские епархиальные ведомости. 1873, №18. С.731
11. Генчев Ст. Указ.соч. С.356; Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993. С.267

12. Генчев Ст. Указ.соч. С.356; Капанци. Бит и култура... С.253
13. Генчев Ст. Указ.соч. С.356; Капанци. Бит и култура... С.253;

Генчев

- Указ.соч. С.356
14. Динев П. Български фолклор, ч. I, София, 1980. С.409-410
15. Генчев Ст. Указ. соч. С.356
16. Капанци. Бит и култура... С.254
17. Там же. С.255
18. Там же. С.255
19. Генчев Ст. Указ.соч. С.356-357
20. Капанци. Бит и култура... С.255
21. Там же С.256
22. Там же С.256
23. Софийски край. Етнографски... С. 267
24. Български пословици и поговорки, София, 1986.С.93, 282
25. Арnaudов М. Указ.соч. С. 243
26. Българско народно творчество. Т.5, София, 1962. С.55-56
27. Там же. С. 488
28. История и этнография с.Кирнички в Бессарабии. Одесса, 1998. С.114
29. Там же С. 114
30. Материалы для этнографии болгар. Из архива Новороссийского генерал-губернатора // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.15. Одесса, 1889. С.838
31. Державин Н.С. Болгарские колонии в России. София, 1914. С. 109
32. История и этнография с. Кирнички... С.186
33. Державин Н.С. Указ. соч. С. 139
34. История и этнография с. Кирнички... С.192
35. Там же. С.196-198
36. Державин Н.С. Указ. соч. С. 150
37. Байбурин А.К. Указ. соч. С.18

ДЕТСКАЯ ОДЕЖДА В С. КОРТЕН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (КОНЕЦ XIX - 50-ЫЕ ГОДЫ XX ВВ.)

Детский костюм является важным элементом материальной культуры каждого народа и отражает его социально-этические и эстетические представления. Детская одежда бессарабских болгар практически не изучена, в этой статье предпринимается попытка на примере с. Кортен Тараклийского района Молдовы рассмотреть, как одевали детей от рождения и до вступления во взрослую жизнь.

Одежда для детей изготавливалась из того же сырья, что и одежда для взрослых - из натуральных материалов животного и растительного происхождения: хлопка, шерсти, льна, конопли, шкур животных, реже из натурального шелка.

Ребенок считался одетым, когда на него надевали первую *ризку* - рубашечку, распашонку. Её шили из специальной ткани - *миро*. Эту ткань приносила в церковь крестная мать для крещения. В Кортене на *миро* брали обычно белую ткань 1-1,5м, так как она предназначалась для пошива только одной *ризки* для младенца. (В некоторых болгарских селах Молдовы и Украины *миро* было 7-8 м и из него шили также и нижнюю рубашку - *риза* - для матери новорожденного). Когда священник вынимал младенца из купели, он его опускал в *миро*, которое держала крестная мать, затем ребенка заворачивали в это *миро* и он всю ночь спал в нем. Обычно крещение совершали в субботу, а в воскресенье, ещё до восхода солнца, крестная приходила в дом к новорожденному, чтобы выполнить обряд «*вадене от мирото*» - вынимание из *миро*. Она вынимала младенца из *миро*, купала его, заворачивала. Затем она же стирала *миро* и вывешивала его обсохнуть на куст красной розы - «*на червен трандафел*», чтобы ребенок был здоровым и румяным, а вода выливалась под этот куст - «*където не са тълчи*», т.е. где люди не ходят, не ступает их нога. *Ризку* - распашонку - из *миро* обычно шила сама мать или её свекровь. Её шили незамедлительно после крещения новорожденного и одевали поскорее, т.к. из-за высокой тогда детской смертности боялись, что ребенок может умереть и уйдет на тот свет голым, не одетым. По этой же причине торопились с крещением, обычно новорожденного крестили в первую неделю после его рождения. Крой *ризки* весьма прост: ткань складывали вдвое, вырезали отверстие для головы - *огърли*, - переднее полотно немного надрезали - делали *пазву*, рукава пришивали прямые, без проймы. Разрез на груди - *пазва* - обязательно завязывался красными нитками или «*мартенцами*» - несколько ниток, белых и красных, или только красных, скручивали в веревочку - «*от уреки*», «*да бъде детето здраво*» - от сглаза, чтобы ребенок был здоровым.

При крещении крестная мать обычно дарила полный комплект одежды для новорожденного - «*един кат дрешки*» - который обычно она изготавливала своими руками: стеганое шерстяное одеяльце - *зимну юрганчи*; легкое дмотканое шерстяное одеяльце - *чергичка*; шерстяная пеленка - *вълнена пелена*; специально сплетенный для повивания младенца пояс - *поюф*; шерстяные вязаные носочки - *калцунки*; шерстяные тапочки - *терлички*; обычно белая косынка - *дольнянка* и непременно праздничный чепчик - *шапка*. До крещения голову ребенка повязывали *дольнянкой*, после крещения надевали чепчик.

После свершения обряда «*вадене от мирото*» крестная заворачивает младенца в принесенные ею в подарок пеленки - *пелени* и *колпани*. *Колпани* в Кортене - это небольшие, тонкие прямоугольные пеленки, которые, как правило, нарезали из изношенных хлопчатобумажных рубашек, платьев и др. В *пелени* заворачивали уже после *колпанов*, они обычно были более толстыми, грубыми, чаще всего шерстяными. Ткали также «пелени» и из конопли - *кунопяни пелени*, из льна - *леняни*, из хлопка - *памучани*, реже из натурального шелка - *коприняни пелени*.

По рассказам информантов, в Кортене до 30-х годов XXв. бытовала ещё детская *чергичка* - специально сотканное полотно, в которое заворачивали младенца осенью или весной (зимой - в шерстяное стеганое одеяло). *Черга* ткалась из ниток разного цвета - «*писана черга*», обычно теплых тонов. У стеганого одеяльца - *вълнено юрганче* - верхняя, лицевая часть была тканой, также пестрой, обычно красного цвета, позже стали его шить из атласа красного, розового, зеленого цветов. Нижнюю часть, подкладку - *астарь* - шили из тонкой простой ткани, которую на 7-8 см загибали на верхнюю тканую часть.

Начиная с 40-х годов крестная часто вместо *чергички* шила легкое одеяльце - *лятну юрганче*. Оно состояло из двух полотнищ: верхняя часть из байки или атласа обычно розового, красного, салатного или фиолетового цвета, а низ его, подкладка, был чаще всего светлым, однотонным и края его так же, как и у зимнего одеяльца, заворачивались наверх на 7-8 см. Верхний угол у зимнего и летнего одеяльца, который приходился на голову младенца, украшали атласными лентами, кружевами; из той же ленты делали большой бант и прикрепляли его к самому углу.

Также обязательной частью детского комплекта является *поюф* - сплетенная из красных и белых, иногда только белых, шерстяных ниток веревочка (пояс) для повивания младенца. Он не должен быть черного цвета, вообще одежда для новорожденного никогда не шилась из черной ткани, т.к. черный цвет, по поверью, сулит новорожденному тяжелую жизнь и близкую смерть, а также *поюф* не должен быть слишком длинным, т.к. верили, что ребенок, повиваемый длинным *поюфом*, долго будет холостым.

Интересна предыстория *поюфа*. В болгарской свадьбе (в селах Кор-

тенского ареала) есть ритуал «запридане на поюфа»: в понедельник, когда, как продолжение свадьбы, наступает «сладка ракия», мать невесты посылает своей дочери прялку - хурка - с куделью шерсти. В следующий понедельник, через неделю, когда молодая невестка идет в дом к родителям, чтобы помыть голову, её мама прядет нитку из той шерсти, которую она ей послала - «заприда за поюфа». Эта нитка сматывается в клубочек и, когда родится первый ребенок, из неё плетется поюф, который предназначен также для всех последующих детей. Этим поюфом ребенок повивается только первые сорок дней, затем - поюфом, который ему дарит крестная мать.

Отдельного рассказа заслуживает шапчица, шапка - чепчик. Чепчики шили праздничные и каждодневные. Крестная обычно дарила праздничный чепчик из белой, красной или другой яркой шерстяной ткани; позже их стали шить из атласа или шёлка. В отличие от других частей детского комплекта, которые очень скромно или почти не украшались, чепчик выглядел часто произведением искусства: он богато украшался лентами, кружевами, бусами. Ленты самых ярких тонов складывали в форме цветка, бабочки и пришивали по всему полю шапочки; обязательно нашивались синяя бусинка - от сглаза, красная бусинка - муска - для здоровья; часто из тонкой ткани шили крохотный мешочек в виде сердечка, в него помещали семена «сусам» или «бусиляк» и пришивали к шапочке. Иногда брали лобную кость крупной рыбы, пробивали горячей иглой в ней дырочку и тоже пришивали к чепчику. В Кортене нашивали также на шапочки (только для девочек) так называемые «сулнарки» - нанизывали на розовую шерстяную нитку мелкие яркие бусинки, а к краю прикрепляли блестящую монетку и пришивали на шапочку над ухом - «сулнарка» выглядела как сережка. Конечно же на каждый чепчик пришивали крестик. Праздничную шапочку обычно одевали ребенку, когда шли с ним в церковь или в гости. Шапочки для мальчиков украшались скромнее. Для каждого дня шили чепчики потемнее, для мальчиков даже иногда черные и украшали их не так богато, как праздничные.

Весь обязательный комплект крестная мать дарила только первому ребенку. Мать должна была все эти вещи беречь и сохранять для последующих детей. Обычно крестная все же дарила и потом шапочку, пеленки, носочки и другие мелкие предметы.

Таков детский комплект до 1 - 1,5 лет, т.е. до того времени, когда ребенок начинает ходить. Тут уже ему шьют хутичку. Хута - это плотная шерстяная юбочка на одной или двух бретельках. Шилась она одинаково и для мальчиков, и для девочек; была чуть присобранной и длинной до щиколоток. Летом ребенок мог ходить в одной хутичке, без рубашечки и нижнего белья, босиком. Зимой снизу одевали длинную рубашечку - ризку - , затем хуту; если было холодно - поверх одевали еще елече - в Кортене это был стеганый шерстяной жилетик, который засте-

гивался на 2-3 пуговички на плече и сбоку под мышкой и назывался обычно кожухенце. На ноги одевали вязаные шерстяные носочки - калцунки и спитые из толстой ткани или вязаные и подшитые снизу ещё более толстой и прочной тканью или телячьей шкуркой тапочки - терлички. На головы одевали шапки. Такую одежду носили дети до 4-5 лет; в конце прошлого и в начале нынешнего века - до 7-8 лет. Надо отметить, что в таком возрасте дети обычно сидели дома, их редко выпускали на улицу.

Единственным половым различием во внешнем виде этого возраста являлась прическа: мальчиков коротко подстригали, а девочкам никогда не резали волос. До 2-3 лет, пока волосы отрастали так, чтобы их можно было сплести в косы, девочкам на голову одевали связанную крючком сеточку, под которую подбирали волосы. Потом отросшие волосы заплетали в две спущенные на спину косички. С 11-12 лет девочка должна была уже скручивать косы вокруг головы и повязывать её платком; спускать косы разрешалось только в воскресенье, когда шли в церковь.

Начиная с 9-10 лет детей часто брали с собой в поле, чтобы они приглядывали за младшими детьми и тогда уже мальчикам шили домотканые штаны - гаитти, девочкам - платье - рокля и фартук - престилка. Для этих вещей специально ткали полотно: для штанов - из остатков шерсти, хлопка, конопли (более грубой, неровной); для платьев и престилок - более узкое, под рост девочки, обычно из шерсти, но ткали также из конопли и хлопка. Гаитти всегда были темными - черными, коричневыми, темно-синими; рокля и престилка - обычно такими же по цвету, как и у взрослых девушек, только совсем без украшений, упрощенного варианта пошива. На головы одевали летом белые дольнянки - хлопчатобумажные косынки, зимой - покупные клетчатые полушалки или желтые, коричневые, часто черные платки; мальчикам шили из овчины круглые, островерхие шапки - постове.

Детям до 14-15 лет не шили праздничную, яркую, как-то украшенную одежду, а только новую, к большим праздникам; например, на Пасху и Рождество обязательно должны были одеть что-то новое, даже в самом бедном семействе шили что-то новое, хотя бы терлици - тапочки.

В Болгарии впервые девичий наряд девочка одевала на Лазаровден или на Пасху в 15-16-летнем возрасте. Если до этого возраста она не имела права одеваться как взрослая девушка, украшать себя и свой наряд цветами, бусами, браслетами, тканым или вышитым поясом и т.д., то сейчас, надев праздничный наряд, она фактически узаконивает свое новое социальное положение - становится девушкой на выданье.

В Кортене Республики Молдова девочки начинают лазарувать значительно раньше, в 8-9 лет, поэтому на свой первый Лазаровден они обычно одевали новое платье, новую престилку, новый, чаще всего, белый полушалок с кистями средней длины (10-15 см), новые вязаные

РЕВИЗКИЕ СКАЗКИ КОЛОНИИ ТВАРДИЦА
КАК ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

чулки и новые тапочки. Специально для первого лазарования брали у недавно вышедшей замуж женщины веночек невесты и одевали на голову девочки. А первый праздничный девичий наряд в Кортене девочка одевала обычно на Пасху тоже в 15-16 лет, но это не привязывалось к празднику Лазаровден.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении мальчиков. Если в Болгарии одевание первого взрослого мужского костюма происходило в 15-16 лет и связывалось с обрядом «Коледуване» (Рождественские колядки), то в Кортене мальчики начинают колядовать в 9-10 лет и обычно надевают на этот праздник все новое: новую рубашку, новые брюки. Мальчики постарше - 14-16 лет - на рубашку надевали *елек* - жилет, у которого спинка шилась из сатина, а передняя часть - из шерстяной ткани или *кожухче* - кожаный кожушок овчины внутри. Поверх всего одевали полушубок из толстой шерстяной валеной ткани, на голову - шапку из овчины (овчиной наружу); на ноги одевали или сапоги, или *цървули* - постолы из свиной кожи предварительно обмотав ноги праздничными белыми портянками - *навуи* - и стянув их мягкими кожаными тесемками - *тасма*, т.е. практически они одевали взрослый мужской костюм, но не в первое свое *коледуване*, а в момент своего повзреления. Мальчики 9-12 лет одевались значительно скромнее и знаком того, что они впервые колядуют, был прикрепленный к груди белый цветок с жениховского костюма, взятый у недавно женившегося мужчины.

Наконец, несколько слов о том, в какой одежде хоронили умерших детей. Младенцев до 1-1,5 года хоронили в крестильной рубашечке - *ризке* - и шапочке, до пояса завернутым и в пеленку. От 1,5 до 13-14 лет одевали новую или праздничную одежду, от 14 лет и выше (речь идет о несемейных) одевали в свадебный костюм.

В наши дни детская одежда претерпела значительные изменения: практически, несмотря на её богатое разнообразие, детей одевают одинаково как в городе, так и в селе, как болгары, так и другие национальные группы Молдовы и Украины. В Кортене сохранились лишь некоторые элементы детского костюма. Так, например, до сих пор крестная мать при крещении дарит младенцу кусок белой ткани, но уже необязательно из неё сразу шить *ризку*, тем более, что многие крестят (если вообще крестят) детей много позже, чем раньше. Так же, как и прежде, крестная мать включает в значительно расширенный теперь комплект для новорожденного зимнее стеганое одеяльце - *зимну юрганче*, иногда шьют праздничные чепчики, вяжут носочки и пинетки - *терлички*, а всё остальное, как то: пеленки, байковое и шерстяное одеяльце, различные костюмчики, шапочки, обувь и т.д. обычно покупают. Из одежды для детей более старшего возраста практически ничего не сохранилось, вся она стала современной, её сейчас даже редко шьют, обычно покупают готовую.

Как известно, ревизскими сказками именовались переписи населения Российской империи, так называемые ревизии подданных российскому монарху ревизских семей, с которых взимались подати и которые выполняли определенные повинности. Ревизии были введены Петром I в начале XVIII века. Всего за два столетия было проведено десять ревизий.

К этому уникальному историческому источнику исследователи обращались и раньше¹. Что касается историков, занимающихся проблемами прошлого задунайских переселенцев, то они использовали ревизские сказки лишь в отдельных случаях, извлекая далеко не всю информацию, содержащуюся в этом документальном источнике².

А между тем здесь хранятся ценнейшие сведения историко-демографического характера. В настоящей статье мы рассмотрим материалы 8-й (1835 г.), 9-й (1850 г.) и 10-й (1859 г.) ревизий по колонии Твардица, основанной переселенцами из-за Дуная в 1830 году³. На примере комплексного исследования этих трех ревизских сказок мы попытаемся подробнее рассмотреть демографические процессы, протекающие в Твардице в указанный период, а также выявить и ввести в научный оборот новые историко-демографические данные о болгаро-колонистах, что в конечном итоге будет способствовать детализации прошлого задунайских переселенцев.

Как правило, запись в ревизских сказках велась подворно, все представители мужского пола записывались на левой половине развернутого листа, а на правой фиксировались лица женского пола той же семьи. Записи носят строго протокольный характер. Они содержат следующие сведения: фамилия, имя, отчество главы семьи, имена и возраст членов семьи, их родственное отношение к главе семьи.

Известно, что задолго до переселения из-за Дуная для болгар была характерна большая семья - такая социальная организация, при которой сыновья, женившись, не уходили из родительского дома, а оставались со своими женами и детьми жить с родителями. Структура такой семьи определялась иерархией ее членов в производственной и социальной жизни. Руководящей и представительной фигурой являлся отец семейства, то есть старший мужчина в семье, который одновременно был и юридическим собственником, и господином, решающим все без исключения вопросы. Супруга-мать заботилась об ежедневном быте и ра-

стила детей. Согласно обычному праву, она не владела недвижимостью.

Исследователи считают, что на момент переселения, в начале XIX века, большесемейная община в Восточной Болгарии находилась на последней стадии эволюции, она постепенно разлагалась и переходила в малую семью. Действительно, в ревизской сказке 1835 г. по колонии Твардица большая семья - редкость. Из 153 семей твардичан большими можно считать всего четыре семьи:

1. Стою Цонева Караиванова (31 г.), у которого жена, трое сыновей и дочь. С ними живет и семья брата Стою - Руси Цонева (29 лет) с женой и сыном. Вместе с сыновьями, невестками и внуками живет их мать и бабушка Стана Караиванова, которой на момент переписи было 64 года⁵.

2. Семья Влайко Иванова Балтажи (31 г.), состоящая из его жены и троих сыновей, а также брата главы семьи с женой⁶.

3. Семья вдовца Михаила Тодорова Михайлова (35 л.) с двумя сыновьями и дочерью, а также с семьей брата Михаила - Ненчо с женой и сыном⁷.

4. Семья Иордана Вилкова Миткова (24 г.) с женой Желой и дочерью Кристиной. Кроме того, здесь живут братья главы семьи Коста и Желез с женами и младший брат Станчо 14 лет⁸.

Однако, как нам представляется, не только общая тенденция разложения большой семьи в метрополии является причиной того, что в ревизской сказке 1835 года преобладают малые семьи. Для земледельцев-болгар, привязанных к родному очагу традицией и жизненным укладом, риск переселения в далекую Российскую империю был очевиден, и на этот риск решались далеко не все. Вероятно, в ряде случаев большая семья вынуждена была разделиться: одна ее часть оставалась на родине, другая снималась с места в поисках лучшей доли. Известно, например, что значительная часть твардичан, покинув родное село под Сливеном с намерением переселиться в Россию, осталась в пределах Османской империи, основав два села с одноименным названием - одно недалеко от Бургаса, а другое в Добрудже⁹.

В пользу этого утверждения свидетельствуют данные 9-й ревизии. В ревизской сказке 1850 года малые семьи практически отсутствуют. Самой многочисленной является семья Славы Георгиева Писова, состоящая из 25 членов: жены, четверых женатых сыновей с детьми и одного неженатого сына¹⁰. Семейство Николая Маркова Маслинкова состояло из 24 человек и по структуре идентично первому¹¹. Семья Влайко Минчова Попова насчитывала 22 души. Под одной крышей проживало пятеро женатых братьев со своей многочисленной челядью¹². Для этнографов особый интерес представляет семья Злата Петрова Папазова, у которого жена, трое сыновей и две дочери. Вместе с ними жили два бра-

та и племянник главы семьи с женами и детьми. Здесь же проживали мать и сестра Злата Папазова. Вся семья насчитывала 23 члена¹³.

По данным ревизских сказок, в среднем на одну семью в 1835 г. приходилось по 5 человек, а в 1850 г. - 9 человек. К 50-м годам XIX века твардицкие семьи в большинстве своем - многолюдные трудовые коллективы. По мнению И.А. Анцупова, семьи эти «становились семейными корпорациями со значительным удельным весом работающих членов», а это имело существенное значение, особенно в начальный период устройства переселенцев, когда приходилось рассчитывать на силы трудоспособных членов семьи¹⁴.

Как известно, каждая ревизская семья задунайских переселенцев была наделена 50 десятинами удобной земли, которые являлись собственностью сельской общины. Именно посредством общины власти пытались задержать обезземеливание колонистов. Согласно «Уставу о колониях», новые семьи могли образовываться только с разрешения начальства, при этом требовалось, чтобы дележи служили в прямую пользу поселян, а не к расстройству их хозяйства, чтоб у первого хозяйство удержано и у последнего заведено было с успехом». На основании этой статьи власти отказывались наделять землей новые семьи¹⁵. Вероятно, такая тактика царских властей также способствовала сохранению большесемейной общины. Ведь по сравнению с 1835 г., когда в ревизской сказке было зафиксировано 156 семей, в 1850 г. их было 136, то есть количество их даже уменьшилось в связи с миграцией твардичан в другие колонии, а новые семьи не создавались вообще.

Однако положение резко меняется к 10-й ревизии. По переписи населения 1859 г., насчитывается уже 315 семей твардицких колонистов, то есть количество их увеличилось почти в 2,5 раза. Причины такого скачка следует искать в общей тенденции развития Бессарабского болгарского водворения, когда семьи разрослись настолько, что задыхались в ограниченных земельных возможностях. Кроме того, как известно, в 40-х - 50-х годах ведется усиленная борьба колонистов за подворное наделение колонистов землей, поднимается вопрос о разверстании общинного фонда на посемейные участки¹⁶. Так или иначе, но к 1859 г. большая семья вновь уступает место малой. Как правило, это отец, мать и их дети¹⁷.

Большую ценность представляют собой сведения о количестве населения в колонии на момент переписи, содержащиеся в ревизских сказках. Численность твардичан росла достаточно быстро: с 719 человек в 1830 г. до 1541 в 1859 г., то есть чуть больше чем за четверть века она увеличилась в два с лишним раза. Составленная на основе архивных материалов таблица наглядно демонстрирует демографический взрыв, произошедший в колонии:

Динамика численности населения колонии Твардица в 1830-1859 гг.

годы	1830	1835	1850	1859
мужчин	379	445	613	757
женщин	340	424	629	784
всего населения	719	869	1242	1541
кол-во семей	-	153	136	315

Т а б л и ц а № 1.

Из представленной таблицы явствует, что численность мужчин и женщин в колонии примерно одинакова. Можно предположить, что в самом начале 30-х годов женщин было меньше, но постепенно число их сравнялось с количеством лиц мужского пола и к 1859 г. женщин в Твардице было больше на 27 человек.

Ревизская сказка 1835 г. проливает свет и на историю самого переселения. На основе подсчетов удалось выяснить, что среди переселившихся в Бессарабию твардичан преобладали молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет - 160 человек. За ними следуют люди среднего возраста - от 30 до 44 лет. Их было около 97 душ. Переселенцев от 45 до 60 лет было примерно 57 человек. Любопытно, что детей от 7 до 13 лет на момент переселения было приблизительно 165, а от 1 до 6 лет - 143¹⁸. Таким образом, становится очевидным, что в числе переселенцев преобладали болгары младших и средних возрастных групп, которые решились на переселение ради своих детей, ради продолжения рода, в поисках лучших условий существования.

В списках 8-й ревизии встречаются также и имена пожилых людей, которым в 1835 г. за 70 и даже за 80 лет. Среди них мать Тодора Балчова Калева Кера 84 лет, теща Ивана Цонева Караиванова Крайна 83 лет, Константин Константинов Попов 82 лет, Стайко Игнатов Игнatieв 79 лет, Петко Димитриев 78 лет, Иван Танасов Ламбов и Цони Коев Главчов 74 лет¹⁹.

Ниже приводим таблицу, составленную на основе проведенных исчислений с раскладом населения Твардицы по возрастным параметрам:

Население колонии Твардица по возрастным параметрам

год	возраст						
	от 60 и выше	45-59	30-44	18-29	14-17	7-13	1-6
1830	14	57	97	160	83	165	143
1835	26	63	144	207	103	152	174
1850	39	96	225	207	87	273	315
1859	50	133	287	291	169	290	321

Т а б л и ц а № 2.

Данные таблицы указывают на постепенную адаптивность колонистов к краю, улучшение социально-экономических условий их проживания на новой родине. Об этом свидетельствует как факт увеличения количества колонистов пожилого возраста, так и достаточно высокая рождаемость в Твардице. И это несмотря на частые засухи, неурожай и различные эпидемии в указанный период.

Нам удалось проследить по ревизским сказкам рождаемость по годам. Так, с 1830 по 1834 гг., то есть за пять лет, родилось 152 ребенка - 74 мальчика и 78 девочек. Особенно низкая рождаемость приходится на 1830-1832 годы, когда, как известно, в Бессарабии свирепствовала эпидемия холеры. После ликвидации очага эпидемии рождаемость значительно возросла - в 1834 году в колонии родилось 74 ребенка. За период с 1835 по 1850 гг., то есть за 14 лет, в колонии родилось 580 детей - 306 мальчиков и 274 девочки. А за восьмилетний период (с 1850 по 1859 гг.) - 403 ребенка, из которых 191 мужского пола и 212 женского. Пик рождаемости приходится на 1857 год, когда в селении родилось 85 детей. В среднем же в год рождалось примерно по 30-40 ребятишек²⁰.

Рождаемость в колонии Твардица (1830-1859)

год	1830	1831	1832	1833	1834	1836	1837	1838	1839
пол	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д
	8 2	10 3	6 8	16 25	34 40	7 13	11 12	18 16	16 19
всего	10	13	14	41	74	20	23	34	35

год	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849
пол	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д
26	25 13	9 30	25 13	22 18	26 18	22 18	32 20	20 20	30 20	36 45
всего	51	22	55	35	44	40	50	40	50	81

год	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857	1858	1859
пол	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д	м д
	29 24	22 22	26 20	20 25	15 19	27 28	34 51	7 11	11 12
всего	53	44	46	45	34	55	85	18	23

Т а б л и ц а № 3.

Весьма любопытны сведения о том, что, кроме собственных детей, в колонистских семьях иногда воспитывали чужих ребят, нарекаемых в

сказках воспитанниками, а нередко и племянников, вероятно, оставшихся сиротами. Так например, в семье Ивана Вилкова Божука, помимо двух его собственных сыновей, проживало четверо воспитанников - три мальчика и девочка²¹. Мы только можем строить предположения относительно того, как эти дети попали в эту семью. Может быть, это были сироты твардичан или других переселенцев, не выдержавших тягот переселения и скончавшихся по пути в Бессарабию? Или это были дети-сироты из какого-либо окрестного селения? К сожалению, никаких сведений на этот счет сказка нам не сообщает. Относительно племянников сказка 1835 года указывает на то, что они воспитывались в семьях Папазовых, Арабаджи, Пармакли²². Эта добрая традиция, бытующая среди колонистов, зафиксирована и переписью 1859 года²³. Она встречается у болгар и значительно позже.

Благодаря данным, содержащимся в переписях, удалось также выявить и уровень смертности в колонии, но только среди мужчин, поскольку в ревизских сказках ограничивались сообщением относительно года смерти только лиц мужского пола. Несмотря на неполноту данных о смертности, они все же представляют большой интерес для исследователей и помогут хотя бы приблизительно воссоздать картину благополучия или неблагополучия в той или иной колонии. Так, по нашим подсчетам, с 1836 по 1850 год в Твардице скончался 51 мужчина, а в 1851-1859 гг. - 57 мужчин²⁴. Учитывая тот факт, что в указанный период смертность женщин едва ли превышала смертность мужчин, можно констатировать, что в колонии Твардица в указанный период налицо демографический взрыв.

Для исследователя представляет большой интерес содержащаяся в ревизских сказках информация о миграции колонистов как в границах Бессарабского водворения, так и за его пределы. Речь идет прежде всего об оттоке твардичан из родного села в 40-е годы прошлого века по причине малоземелья в колонии Болград, Новопокровка, Дельжилеры, Гайдары и Главаны. Так, еще в 1838г. в Болград переселилась семья Петко Питропа. С 1840 по 1848 год к Новопокровке было причислено 12 семей твардицких колонистов, к Дельжилерам - 6, в Гайдары переселились две семьи, а в Главаны переехал бурлак (холостяк) Неделко Добрев. Таким образом, Твардицу покинуло 23 семьи²⁵.

Среди вынужденных покинуть ставшее родным село преобладают колонисты в возрасте от 24 до 45 лет. Преимущественно это сыновья, пожелавшие отделиться от отца, уйти из большой семьи для ведения самостоятельного хозяйства. Однако в числе мигрантов встречаем и 90-летнего старца Константина Попова, который рискнул переехать в другое село со своим 40-летним сыном и 12-летним внуком²⁶.

Перепись 1850 г. сообщает имя только одного твардицкого колониста, выбывшего за границу. Это бурлак Иван Дяков Бояджи, 27 лет, уехавший в Молдавию в 1838 г.²⁷. Согласно сказке, другой твардичанин - Тодор Колев Афтутов с 1840 г. находится «в неизвестной отлучке». Перепись 1859 г. сообщает о не вернувшемся с Крымской войны погонце Тони Искизаарском²⁸.

По всей видимости, твардичане весьма неохотно принимали в свое общество чужих. Доступ в сельскую общину, для которой характерны традиционализм и консерватизм, был достаточно ограничен. Сельская община - закрытая по своей сущности социальная организация, в значительной степени изолированная от внешнего мира и недоброжелательно настроенная ко вмешательству и влиянию извне. Эти качества были присущи болгарской общине в пределах метрополии, они сохранились и в Бессарабии²⁹. По существующей здесь практике для принятия в общество кого-то извне необходимо было решение мирского схода, так называемый мирской приговор. В Твардице за период с 1835 по 1864 год нам известны три случая иммиграции. В 1853 г. Тодор Тарлев с женой и сыном переселился сюда из колонии Башкалия³⁰. В 1860 г. в Твардице поселился турецкоподданный Афанасий Костинбой с дочерью Калиной, который прибыл из Турции в 1856 г.³¹. А в 1864 г. кирютнянец Петр Крестинков вместе с женой, твардичанкой Марией Шарковой были причислены к колонии Твардица³².

Что же касается еще одного вида иммиграции - имеется в виду женитьба колонистов на девушках из других сел - то его выявление очень затруднительно, поскольку ревизские сказки конкретных данных об этом не сообщают. Хотя, если судить по ономастике, можно предположить чисто эмпирически, что невесты из других мест в Твардице присутствовали.

В ревизских сказках содержится богатейшая антропонимическая информация. Именование глав семей, их братьев и зятьев трехкомпонентны (личное имя, притяжательное прилагательное от имени отца, фамилия). Дети записаны по именам. У матерей, жен и дочерей главы семьи фиксируются личные имена, предваряемые именем и полуотчеством главы семьи - например: Славы Пашева жена Чубра, Неделко Паскалова мать Стана и т.п.

Ономастикон болгар-колонистов Твардицы достаточно многообразен. Здесь присутствуют имена славянского происхождения: Влад, Добри, Драгне, Драгсин, Драгул, Желез, Слав, Стоян, Бойка, Мина, Мома, Русса, Станка, Труха, Тиха и т.п. Большинство выявленных в ревизских сказках имен вошли в именник через христианский календарь. Весьма популярны были такие имена как Атанас (Танас), Георгий (Герги, Ген-

чо), Димитрий (Митю, Димо), Николай (Коло), Стефан, Тодор, Христофор (Крыстю, Христан), Анастасия, Варвара, Екатерина, Елена, Ирина, Кера, Пелагея (Пена), Райна (Райка), Стефана, Тодора, Христина (Кристина) и т.д. Использовались также и имена римского происхождения - Константин (Коста), Павел, Домна (Домникия, Дона, Донка), Матрона, Никулина. Довольно часто встречаются и древнееврейские имена - Гавриил, Иван (Иванчо, Яни), Илия, Исаак, Лазар, Михаил, Иванна (Иванка), Мария (Мига), Раханла. В ревизской сказке 1850 г. находим два нехристианских имени тюркского происхождения - Сулгана и Баласа³⁵.

На основе всех трех ревизских сказок составлены таблицы частотности употребления женских и мужских имен по колонии Твардица, которые даются в приложении. Исходя из данных представленных таблиц, можно сделать вывод о том, что самым популярным мужским именем в селе было имя *Иван* (в 1835 году Ивановов было 40, в 1850 - 87, а в 1859 - 91). Затем следовали *Николай* (соответственно: 25, 61 и 60), *Тодор* (23, 35, 38), *Константин* (21, 33, 37), *Георги* (10, 23, 33), *Диордий* (16, 28, 23). Среди женских имен самыми почитаемыми были *Мария* (24, 76, 100) и *Анна* (9, 81, 86). За ними шли *Калина* (20, 32, 42), *Ирина* (11, 36, 40), *София* (6, 24, 32), *Стана* (30, 25, 25), *Параскева* (5, 18, 23).

Сказки четко показывают, что с течением времени в пределах Российской империи колонисты не нарекают вовсе или все реже и реже дают своим детям имена, которые в России трудно воспринимаются на слух. Это относится к таким именам как *Журо*, *Кальчо*, *Вьлко*, *Листовичка*, *Саранди*, *Драгсин*, *Святая*, *Балчо*, *Ружа*, *Труха*, *Цвята*, *Смада*, *Чубра*, *Мигна* и т.п. С другой стороны, если в 1835 г. имена и фамилии записаны в болгарском варианте произношения, то к 50-м годам положение несколько меняется: значительная часть антропонимов зафиксирована в русском варианте - *Анна*, *Георгий*, *Прасковья*, *Елизавета*, *Федора*, *Федор* и пр.

Отметим и тот факт, что женские имена регулярно образовывались от мужских личных имен. В Твардице, например, девочкам давали такие имена как *Слава*, *Савва*, *Герга*, *Петра*, *Иовва*, *Иванна*, *Тодора*, *Христана*, *Злата*, *Васила*, *Русса*, *Димитра*. Некоторые имена впервые появляются в Твардице в 50-е годы - такие как *Графина*, *Санда*, *Александра*, *Раханла*, *Аница*, *Мариуца*, *Андриян* и т.д. Вероятно, носители некоторых из них являются пришлыми (те самые невесты, о которых упоминалось выше), а другие входят в обиход через православие.

Чаще всего наследника в твардицкой (как, впрочем, и в любой болгарской) семье называли в честь деда, а наследницу - в честь бабушки. По мнению исследователей, такая традиция бытовала у древних фракий-

цев, греков, гагаузов, турок и других народов и была связана с тем, чтобы увековечить род³⁶. Любопытно то, что проследив историю любого твардицкого рода с момента заселения в Буджаке и до сегодняшнего дня, легко можно обнаружить, что имена их большей частью сохранились, передаваясь в течение почти двух столетий из поколения в поколение.

Для ученых-лингвистов интересным окажется и пестрый спектр фамилий, содержащихся в указанных ревизских сказках. Их мы насчитали в Твардице чуть больше ста. Большинство фамилий с окончанием -ов (-ев) - *Адамов*, *Бодлев*, *Желяпов*, *Калинков*, *Маслишков*, *Стоянов* и т.п. Многие фамилии твардичан образованы путем добавления тюркских аффиксов -джи, -жи, -чи, что является признаком принадлежности к определенной профессии - *Арабаджи*, *Бояджи*, *Гайдаржи*, *Дайракчи*, *Дугенжи*, *Кантаржи*, *Язаджи* и т.д. Иногда основой фамилии служит корень тюркского слова без добавления суффикса - *Афтуту*, *Врагал*, *Забун*, *Питроп*, *Торлак*, *Урман*, *Чолак*.

Фамилии твардицких колонистов в рассматриваемый период практически остались неизменными за редким исключением, что наглядно показано в приложении № 2 к настоящей статье. Так, например, в материалах 8-й ревизии мы встречаем колониста Тодора Михайлова, а в сказке 1850 г. находим и его фамилию - *Кирмикчи*³⁵. Таковы случаи с Господином Нягуловым, который в 1850 г. уже *Петров*, с Владом Романовым, ставшим *Кантаржи*, Неделко Георгиевым - *Николаевым*, Желю Петковым - *Желю Петковым Киором*, Недо Стояновым - *Недо Джолтайлы*³⁶. Некоторые фамилии вообще исчезают в Твардице по причине миграций. Таков случай с *Бусишковыми*, *Фешмерами*, *Иовчевыми*, *Божуками* и *Бояджиями*³⁷. Нам удалось выявить только одну из всех твардицких фамилий, которая, по всей вероятности, появилась уже в Бессарабии. Речь идет о фамилии *Немой*, исчезнувшей к концу XIX века, а носители ее превратились в *Кировых*. Примерно то же произошло с *Парликокошами* - они стали *Парликовыми*.

Совершенно очевидно, что состав и этимология болгарских антропонимов, содержащихся в ревизских сказках, требуют детального изучения профессионалов-лингвистов. Их анализ даст значительный материал для раскрытия целого круга вопросов этнокультурного пласта, а также межэтнических взаимосвязей и взаимовлияний как на Балканах, так и в Буджаке.

Ревизские сказки содержат также интереснейшую историческую информацию об администрации колонии: о выборных и присяжных стариках, которые участвовали в оформлении этого документа. Так, из переписи 1835 г. мы узнаем, что должность выборного исполнял *Николай Цонев Главчов*. Присяжных стариков (а это были самые уважаемые и

авторитетные селяне), которые должны были подтвердить, что сказка составлена верно, было трое: Зино Иванов Чолак, Желко Николаев и Игнатий Иовчов. Грамотных, по всей видимости, в селе в это время не было, так как подписал сказку твардицкий писарь, чадлунгский колонист Иван Чебаников³⁸.

Сказка 1850 г. сообщает, что выборным на момент переписи был Влайко Иванов Балгажи, а присяжными стариками были избраны Петр Стайков, Иван Варбанов, Коста Боров и Диордий Писов. Здесь же узнаем о том, что за них, неграмотных, расписался уже твардицкий колонист Драгане Казаков³⁹.

В ревизской сказке 1859 г. выборным фигурирует Драган Златов, а присяжные старики в это время - Николай Босев, Николай Драганов, Димитрий Парликокош и Нягул Ламбов, за которых расписался твардицанин Николай Киров⁴⁰. Все эти сообщения приобретают особую значимость, если учесть, что архивных документов, датированных первой половиной прошлого века, с подобными данными отложилось в архивохранилищах очень незначительное количество.

Как видно из вышеизложенного, анализ ревизских сказок может дать множество данных относительно динамики численности населения каждой колонии, начиная с самого основания поселений задунайских переселенцев и вплоть до начала 60-х годов прошлого века, а также статистические сведения по рождаемости и смертности населения, распределение колонистов по возрастным параметрам. Вместе с тем ревизские сказки позволяют проследить структуру болгарской семьи и изменения в ней в первой половине XIX века. Весьма любопытна информация и о миграциях колонистов, об ограниченности приема в сельскую общину и т. д. и т. п. Все это дает нам основание утверждать, что такой интересный исторический источник как ревизская сказка требует более детального и тщательного изучения. В результате его комплексного исследования историки, этнографы, социологи, лингвисты ответят на многие волнующие их вопросы. Ревизская сказка может оказаться нитью Ариадны не только для краеведов, занимающихся историей каждого отдельного села. Думаю, при скрупулезном изучении переписей населения по каждой колонии, а потом суммировании этих данных, можно внести ряд существенных корректив в уже написанные научные труды по истории задунайских переселенцев, а на многие проблемы, возможно, взглянуть совершенно по-новому.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кабузан В.М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII- первой половины XIX века. Автореферат на соиск-

научн.ст. канд.ист.наук. М., 1959, Дмитриев П.Г. Народонаселение Молдавии (по материалам переписей 1772-1773, 1774 и 1803 г.г.). Кишинев, 1973; Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX веке. Кишинев, 1979.

2. Анцупов И.А. Крестьяне левобережного Поднестровья в дореформенный период. Кишинев, 1990; Новаков С.З., Червенков Н.Н. Прошлое и настоящее села Кирютня. Кишинев, 1980. С. 74-87; Грек И., Червенков Н.Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София, 1993; Аствацатуров Г. Очерки истории села Парканы. Ч.1. Бендеры, 1995. С. 33-40, 142-161. Отметим также работы старейшего тараклийского краеведа П.А.Кайряка, составленные им на базе ревизских сказок многочисленные генеалогические древа болгар Бессарабии. См. напр.; Кайряк П.В.Олимпий Панов. Кагул, 1993; он же. Родословные древа Тараклии. Кишинев, 1999.

3. НАРМ, ф.134, оп. 2, а.е. 45, л. 477-533, там же, а.е. 247, л. 212-272, там же, а.е.701, л. 1-69.

4. Маркова Л.В. Сельская община у болгар в XIX веке // Славянский этнографический сборник. М., 1960. С.100-101; История и этнография села Кирнички. Одесса, 1998. С. 241.

5. НАРМ, ф.134, оп. 2, а.е. 45, л. 489об-490.

6. Там же, л. 493об.-494.

7. Там же, л. 490об.-491.

8. Там же, л. 521об.-522.

9. Чакъров С. Войводата Генчо Къргов. (Исторически разказ). Ч.1. София, 1905. С. 105-106.

10. НАРМ, ф. 134, оп. 2, а.е. 247, л. 241об.-242.

11. Там же, л. 234об.-235.

12. Там же, л. 215об.-216.

13. Там же, л. 257об.-258.

14. Анцупов И.А. Крестьяне левобережного Поднестровья в дореформенный период. Кишинев, 1990. С. 45

15. Грек И.Ф. Общественное движение и классовая борьба болгар и гагаузов юга России (конец 20-х-середина 50-х годов XIX века). Кишинев, 1988. С.59.

16. Там же. С. 60.

17. НАРМ, ф. 134, оп. 2, а.е. 701, л.1об.-69.

18. Отметим, что эти подсчеты носят условный характер, поскольку в сказке не отмечены те колонисты, которые скончались во время переселения и в первые годы проживания в Бессарабии. Поэтому окончательные данные могут быть получены только путем сравнения этих сведений с данными других источников.

19. Там же, а.е. 45, л. 519 об. - 521, 524 об. - 525, 492 об. - 493.
 20. Подсчеты проведены по: НАРМ, ф. 134, оп. 2, а.е.247, л. 212-272, там же, а.е. 701, л. 1об.-69.
 21. Там же, а.е. 45, л. 521об.-522.
 22. Там же, л. 485об.-486, 497об.-498, 515об.
 23. Там же, а.е. 701, л. 28об, 34об.-35.
 24. Там же, а.е. 247, л. 212-272, там же, а.е. 701, л. 1-69.
 25. Там же, а.е. 247, л. 233об., 248об., 259об., 261об., 262об., 263об., 264об, 266об., 267об., 268об., 269об.
 26. Там же, л. 261.
 27. Там же, л. 269об.
 28. Там же, л. 254об., там же, а.е. 701, л. 61об.
 29. См.подр.: Грозданова Е. Българската народност през XVII век. Демографско изследване. София, 1989. С. 594-598.
 30. НАРМ, ф. 134, оп. 2, а.е. 701, л. 61об..
 31. Там же, л. 66об.-67.
 32. Там же, л. 68-69.
 33. Курогло С.С. Личные имена у гагаузов // Историческая ономастика. М., 1977. С. 187-188.
 34. Дрон И.В., Курогло С.С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989. С. 101.
 35. НАРМ, ф. 134, оп. 2, а.е. 247, л. 227об.
 36. Там же, а.е. 45, л. 505об., 507об., 516об., 518об., 525об, 523об., там же, а.е. 247, л. 228об, 244об., 258об., 260об., 267об.,
 37. Там же, л. 260об.-261об.,267об.-268, 242об., 269об.
 38. Там же, а.е. 45, л. 527об.-528, 533об.-534.
 39. Там же, а.е. 247, л. 270об.-271.
 40. Там же, а.е. 701, л. 63об.-64.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Частотность употребления мужских имен в колонии Твардица

ИМЯ	1835	1850	1859
Аврам	12	2	4
Алексей	2	2	-
Андрей	-	-	2

Андриян	1	2	-
Ангон	1	11	10
Архангел	1	2	1
Балчо	3	3	1
Бачо	1	1	1
Богдан	-	-	1
Борис	-	-	1
Босило	-	-	1
Бою	1	1	3
Варбан	2	2	1
Василий	8	12	7
Велю(Велико, Величко)	3	3	-
Влад	3	4	6
Владимир	-	-	1
Влайко	5	9	10
Власий	-	-	-
Вьлко	1	1	-
Гаврил	1	1	-
Георги	10	23	33
Генчо	-	-	1
Господин	4	3	3
Григорий	-	-	1
Данаил	-	2	9
Денко	1	1	-
Димитрий (Митю, Димо)	18	31	39
Димиян	-	1	-
Диордий	16	28	23
Добри	5	5	4
Дони(с)	1	2	1
Драган	4	5	3
Драгне	12	12	15
Драгсин	1	1	1
Драгул	1	1	1
Дяко (Дико)	1	2	2
Емилиян	-	2	2
Ефтемий	1	1	1
Желез (Желязко)	2	2	-
Желю (Желко)	13	13	9
Журо	1	1	1
Захарий	1	8	19
Зино	1	1	-

Злати	12	12	13
Иван	40	87	91
Игнат (Гани)	8	12	10
Илия	6	12	9
Илларион	1	1	-
Иов	3	9	9
Иордан	2	2	2
Исаак	3	2	2
Кальчо	1	1	1
Киню (Кинчо)	3	4	4
Киро (Кирилл, Кирияк)	2	2	2
Колю (Николай)	25	61	60
Константин (Коста)	21	33	37
Косю	-	-	-
Кою (Койчо)	4	4	4
Кристо (Крыстю)	2	2	1
Лазар	-	1	1
Листовичка	1	1	1
Лука	-	3	3
Манаил (Мануил)	1	1	-
Марко	1	4	6
Маруш	1	1	1
Мафтеј	1	1	1
Милан	1	1	1
Миню (Минчо)	7	7	7
Михаил	6	10	11
Найден	1	1	1
Неделко	10	10	5
Недю (Недчо)	4	4	4
Нейко	3	4	2
Ненчо (Нено)	1	2	1
Никифор	-	3	3
Нягул	5	4	5
Павел	2	4	5
Панайот	1	1	1
Паскал	4	6	8
Паско	6	3	2
Паун	-	-	1
Петко	18	15	9
Петр	12	41	61
Прокопий	-	-	1

Ради	3	3	3
Роман	1	1	-
Русси	3	4	5
Руфан	-	-	1
Савва	1	10	12
Саранди	1	1	1
Свягия	3	3	2
Симеон	3	5	6
Слав	7	16	20
Сокол	1	1	1
Стефан	3	19	35
Стайко	4	6	5
Стани (Станко)	6	5	3
Стою (Стойко)	6	6	6
Стоян	14	19	19
Сяро	1	1	1
Танас (Атанас)	9	21	20
Тимофей	-	-	1
Тодор	23	35	38
Тончо (Тони)	-	-	2
Филипп	1	1	2
Христан	2	4	4
Цони	8	8	7
Яни	2	2	1

Частотность употребления женских имен

Агафия	-	1	1
Аграпина	1	1	-
Аксения	2	2	1
Акулина	-	-	1
Александра	-	1	2
Анастасия (Настасия)	2	4	7
Ангелина	-	1	1
Андона	1	-	-
Аница	-	-	1
Анна	9	81	86
Армяна (Армяна)	1	1	1
Арина	-	1	2
Атанаса	2	-	-
Баласа	-	1	-

Беля	1	1	-
Беляна	-	-	1
Бойка	4	3	3
Варвара	1	4	8
Васила (-ка)	5	-	4
Велика	2	4	1
Вида	1	1	-
Гана	9	4	2
Герга (Георга)	4	2	1
Гергина	2	3	2
Господина	4	3	3
Графина	-	-	1
Графина	1	1	-
Димана	4	3	3
Димитра	1	-	-
Димка	12	6	7
Добра	-	1	15
Дена	1	-	-
Диорга	9	4	5
Дойка	3	42	38
Домна (Дона, Донка)	-	-	1
Домиана	-	-	2
Думиникия	2	4	4
Евдокия	2	12	15
Екатерина	7	12	22
Елена	-	2	4
Елизавета	-	-	1
Ефросинья	1	-	5
Ефтимия	8	9	5
Жела	6	4	3
Злата	3	1	3
Иванна	4	5	10
Иовва	1	-	-
Иордана	11	36	40
Ирина (Ерина)	1	1	-
Калафера	20	32	42
Калина	10	12	4
Каля	1	1	-
Кана	5	11	15
Кера	3	-	5
Кина	-	-	1
Кирымкия	-	-	-

Кояна (Куяна)	3	3	-
Крайна	3	1	-
Кристина (Христина)	3	2	3
Куна	1	1	-
Лукица	-	1	1
Мариуца	-	1	-
Матрона	2	3	2
Мигна	-	3	1
Мила	2	2	1
Милания	-	-	1
Минка (Мина)	4	5	12
Мита	8	2	5
Мома	3	1	-
Мария	24	76	100
Марина	2	5	77
Неда	13	11	13
Неделя	4	2	4
Никулина	1	-	1
Нейка	5	2	-
Параскева	5	18	23
Пена (Пенка)	9	12	27
Петка	4	3	3
Петра	2	2	2
Рада	22	19	24
Ружа	1	1	-
Русса	15	9	9
Руссана	1	4	8
Росица	-	1	1
Рахаила	-	-	4
Савва	1	1	2
Санда	-	-	1
Слава	7	3	4
Смада	2	1	2
Смина	1	1	1
Солония	-	1	-
Сона	-	1	-
Стана (Тана)	30	25	25
Стояна	7	5	7
Стоила	-	1	-
София	6	24	32
Султана	-	1	-

Сыба (Себа)	2	1	1
Татьяна	2	1	1
Тодора	6	9	12
Тина	4	4	7
Тиха	-	-	1
Труха	2	1	1
Ульяна	-	-	2
Чубра	3	3	3
Яна (Янка)	7	5	2

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2
Список фамилий твардицких колонистов. 1835-1859 гг.

1835	1850	1859
Шарков	Шарков	Шарков
Ареков	Арьков	Арьков
Богданов	Богданов	Богданов
Попов	Попов	Попов
Шопак	Шопак	Шопак
Питроп	Питроп	Питроп
Терзи	Терзи	Терзи
Дулгер	Дулгер	Дулгер
Дугенджи	Дуламанджи	Дуламанджи
Дели	Дели	Дели
Кара	Кара	Кара
Дураков	Дураков	Дураков
Бритков	Бритков	Бритков
Паскалов	Паскалов	Паскалов
Романов	Романов	Романов
Ламбов	Ламбов	Ламбов
Бинягов	Бинягов	Бинягов
Главчов	Главчов	Главчов
Калинков	Калинков	Калинков
Арабаджи	Арабаджи	Арабаджи
Енев	Желков	Желков
Дайракчи	Даракчи	Даракчи
Варбанов	Димитриев	Димитриев
Сандакчи	Сандакчи	Сандакчи
Камбур	Камбур	Камбур
Маринов	Маринов	Маринов

Караиванов	Караиванов	Караиванов
Михайлов	Кирмикчи	Кирмикчи
Михайлов	Михайлов	Михайлов
Нягулов	Петров	Петров
Каламанов	Каламанов	Каламанов
Тинов	Тинов	Тинов
Дерменжи	Дерменжи	Дерменжи
Руйчо	Руйчев	Руйчов
Балгажи	Балгажи	Балгажи
Калев	Калев	Калев
Казак	Казак	Казаков
Кунов	Кунев	Кунев
Цонов	Цонов	-
Шопов	Шопов	Шопев
Чобан	Чобан	Чобан
Тодоров	Тодоров	Тодоров
Займов	Займов	Займов
Маслинков	Маслинков	Маслинков
Пармакли	Пармаклы	Пармакли
Карабуш	Карабуш	Карабуш
Врагал	Врагалев	Врагалев
Игнатов	Игнатиев	-
Дуламанджи	Дуламанджи	Доломанжи
Кокичков	Кокичков	Кокичков
Забун	Забун	Забун
Боров	Боров	Боров
Бельчовчин	Бельчивичин	Бельчевичен
Желяпов	Желяпов	Желяпов
Шавриев	Шавриев	Шавриев
Желков	Желков	Желяпов
Писов	Писов	Писов
Фешмер	Фешмер	-
Кралев	Кралев	Крылев
Драганов	Драганов	Драганов
Барбу	Барбов	Барбов
Пашев	Пашов	Пашов
Фердичли	Фердичли	Фердечли
Пасков	Пасков	Пасков
Гарнов	Гарнов	Гарнов
Нягов	Нягов	Нягулов
Царулков	Царулков	Царулков
Урман	Урман	Урман
Славов	Славов	Славов

Гайдаржи
Бобиков
Ковач
Чолак
Адамов
Джунгов
Майов
Турлак
Афтуту
Бодлев
Янгар
Немой
Попазов
Язаджи
Георгиев
Стойанов
Парликокош
Димов
Петков
Бусилков
Петков
Шереметьев
Димитриев
Божук
Митков
Желев
Тиганков
Грозов
Боев
Влайков
Златев
Иовчев
Стойанов
Баюв (Банев?)
Добров
Бояджи
Ескизаров
Тодоров
Романов
Диордиев
-
-
-

Гайдаржи
Бобиков
Ковач
Чолак
Адамов
Джунгов
Майов
Турлак
Афтуту
Бодлев
Янгар
Немой
Попазов
Язаджи
Николаев
Стойанов
Парликокош
Димов
Киор
Бусилков
Петков
Шереметьев
Димитриев
Божук
Митков
Желев
Тиганков
Грозов
Боев
Влайков
Златов
Иовчов
Джойтайлы
-
Добров
Бояджи
Искизааралы
-
Кангаржи
Папауров
-
-
-

Гайдаржи
Бобеков
Ковач
Чолак
Адамов
Джунгов
Майов
Турлак
Афтуту
Бодлев
Янгар
Немой
Попазов
Язаджи
Николаев
-
Парликокош
Димов
Киор
Бусилков
Петков
Шереметьев
Димитриев
Божук
Митков
Желев
-
-
-
Влайков
Златев
-
Джойтайлы
-
Добров
-
Искизаарски
-
Кангаржи
Папуров
Тарлев
Костинбой
Крестинков

ИЗ ИСТОРИИ АНТРОПОНИМИИ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Бессарабские болгары, проживающие на территории Молдовы и Украины (в Одесской области) переселись на эти земли из Болгарии, как известно, в первой трети XIX века. В местах компактного проживания они сохранили до наших дней не только свой язык, но и многие народные обычаи, обряды, традиционные элементы бытовой культуры. Язык и культура народа взаимосвязаны, поэтому и в языке мы находим отражение культуры народа.

Имя собственное - это "продукт определенной эпохи"¹. Состав и история имен собственных многое могут рассказать о традициях народа. Эта сторона языка бессарабских болгар пока мало изучена². Безусловный интерес представляет не только современное состояние системы собственных имен бессарабских болгар, живущих в окружении и в контакте с украинцами, молдаванами, русскими, гагаузами. Становление определенных имен у болгар подвержено влиянию культурных и языковых контактов с многонациональным населением Бессарабии. Но чтобы проследить во времени становление этой системы, необходимо представить ее в нескольких синхронных состояниях.

Документальные записи (переписи болгарского населения Бессарабии в 30-е годы XIX в. и позже) дают возможность описать антропонимическую систему болгар-переселенцев в исходном состоянии, еще мало подверженном влиянию контактов.

Предмет описания и анализа в нашей статье - антропонимия болгарского села Гюльмен. Материал взят из "Ревизской сказки" 1859 года³. Копию этого документа любезно предоставил нам ст.н. сотр. АН Молдовы канд. ист. наук И. Ф. Грек.

В "Сказке..." зарегистрировано 194 статьи, записаны имена, отчества и фамилии 448 мужчин и 414 женщин.

Датой основания села Гюльмен (сегодня село - Яровое, Тарутинского района Одесской области, Украина) считается 30 мая (12 июня по новому стилю) 1830 года. Оно было основано болгарскими-переселенцами из села с тем же названием, расположенного на 12 км юго-западнее города Ямбол в Болгарии⁴.

Образование села Гюльмен в Буджакской степи было связано с массовым переселением болгар в Молдову, Валахию, Южную Россию после заключения Адрианопольского мира. Название села "Гюльмен" было утверждено Николаем I в 1832 году. Но уже в середине XIX в. появляются варианты наименования - Гюльменово, Гюлмены, Дюлмен. Последнее наименование возникло, вероятно, в связи со взаимозаменой зву-

ков "г" - "д". Такую взаимозамену встречаем также в одном распространенном в середине XIX века мужском имени (Георгий - Диордий). В селе Гюльмен со времени его основания проводилось несколько переписей населения. Мы используем материалы третьей переписи, проводившейся в 1859 г. Запись имен в "Ревизской сказке" отражает частично живое произношение имен, частично нормированное. Нормированную форму отражают в записи имена, относящиеся к именинику христианского (православного) календаря, большей частью совпадающие у русских и болгар. Встречаются формы имен, частично скорректированные русским переписчиком.

Мужские имена

Из общего числа зарегистрированных имен нами выделено 110 мужских имен. Каждое из них представлено в записи как официальное имя. Но многие из самостоятельно представленных имен родственны, по происхождению это сокращенные или суффиксальные варианты одного имени, первоначально могут быть отнесены к речевым вариантам.

Запись не отражает ни социальной, ни возрастной связи имени его носителя. Общий состав имен неоднороден по происхождению, словообразовательной структуре и по частотности. Основная масса имен - христианские, связаны с православным календарем. Это имена греческого, латинского и еврейского происхождения. Вообще в болгарском языке чаще встречаются православнокалендарные имена именно греческого происхождения, так как большинство православных святых, чьи имена используются болгарскими, происходят из эллинизированных областей Восточного Средиземноморья³. Всего в болгарском именике более двухсот имен греческого происхождения, не учитывая производных.

Наряду с именами православнокалендарными многочисленны и имена собственно болгарского происхождения. В иноязычных по происхождению именах значение, как правило, затемнено, просматривается ближайшая связь антропонима с именем святого, исторической личности и т.д. Значение большинства болгарских по происхождению имен ясно и сегодня. Редко встречаются имена турецкого и русского происхождения.

Имена греческого происхождения. Мы уже упоминали о большой вариативности имен в нашем источнике. В списке мы приводим имена различного образования, данные как самостоятельные. Атанас (Афанасий), Андрей, Ангел, Василий, Георгий, Данил, Дмитрий, Зиновей, Илия, Кирил, Кристо, Марин, Мирон, Никодим, Николай (Никола), Пантелей, Петър, Панайот, Спиридон, Савва, Стефан (Степан), Тодор, Трифон, Христофор, Штеро (греч. "твердый"), Янакий.

Из перечисленных имен отмечены как редко встречающиеся в болгарском (по письменным источникам и в современном языке) - Данил, Янакий, Христофор, Пантелей, Савва.

Латинские имена: Антон, Константин, Мартин. По происхождению это также календарные имена святых, как и еврейские: Авраам, Иван, Иордан, Лазар, Михаил. Скорее всего, русские по происхождению имена, отмеченные в "Ревизской сказке", немногочисленны - Фома, Федор. Встретилось только одно имя турецкого происхождения Курти - "волк".

Имена болгарского происхождения. К болгарским по происхождению можно отнести имена, образованные как варианты иноязычных. Они получают статус самостоятельных после утраты связи с исходным именем. Такое явление наблюдается в разных языках. Как правило, "можно отметить особую бифункциональность языковых гипокристик" (сокращенных имен, уменьшительных, ласкательных - Н.К.), которые приобретают "автономию" наряду с исходными формами⁴. Бытование в устной речи привело к утрате первоначальной связи, расхождению речевых вариантов имени. Следующие имена, данные в "Сказке..." самостоятельно, являются речевыми вариантами одного по происхождению: Атанас - Танас, Андрей - Андричо, Антон - Дони, Тоню, Богдан (эта форма не значитя) - Бочко, Георгий - Ганю, Ганчо, Диордий, Йордан - Дако, Дмитрий (Димитрий-Димо), Дичо, Митко, Митрий, Николай - Колпо, Кирил - Киро, Кирчо, Константин - Коста, Котпо, Михаил - Минко, Петър - Пенко, Петко, Пеню, Пантелей - Панчо, Иоанн - Яне, Янко, Янчо. Большая часть вариантов - словообразовательные. Фонетические варианты - Митрий, Танас, Диордий.

Истинно болгарские по происхождению имена связаны с дохристианскими верованиями болгар. Чаще всего это защитное имя, которое давали человеку, чтобы предотвратить беду, а также пожелательное имя. Семантика таких имен (если это не производная, а начальная форма), как правило, не затемнена. В нашем источнике таких имен чуть меньше, чем христианских, хотя вариативность их больше.

Представляем имена с вариантами. Пожелательные имена: Братан (пожелание рода и семейства), Велико (чтобы был большим, великим) - Велю, Веле, Велчо. Невен (название цветка - "ноготки", в источнике эта начальная форма не представлена) - Венчо. Добри (чтобы был добрым). Драган (чтобы был дорог) - Драгин, Ганю. Младен (форма не представлена) - Деню. Железчо (форма не зафиксирована: чтобы был крепким, как железо) - Жечо, Желю, Злати. Обретен ("найденный"). Рад (форма не зафиксирована) - Радо, Раду, Радко, Раю, Рачо, Дойчо (от "Радойчо"). Господин (чтобы был хозяином). Женьчо (чтобы знал женскую работу - это если в доме не рождались девочки).

Защитные имена. Эти имена, как и пожелательные, связаны с языческой верой в магическую силу слова. Они помогали бороться с детской смертностью. Богдан ("богом данный" - начальная форма не зафиксирована) - Боско. Вълко (сам волк, потому ему не будут вредить волки). Стоян (чтобы остался жив) - Стойко, Стою, Стане, Цане.

Два имени исконно болгарского происхождения связаны с христианской верой: Недялко - варианты Недко, Нейко, Нено (от женского имени Неделя - "воскресение", название праздничного седьмого дня недели в христианском вероисповедании), Христо (Христи) - Къньо (от имени Христа).

Не зафиксировано в словаре Ст. Илчева⁵ имя Сетен. Возможно, корень этого болгарского имени диалектного происхождения сет - в одном из значений: "последний" или "догадливый". Отметим, что в указанном словаре нет еще нескольких имен, встреченных в "Ревизской сказке": Джечо (хотя возможно, что это вариант Жечо), Диордий, Котю (возможно, из Коста).

Выделим имена, которые по данным словаря Ст. Илчева, распространены в основном в Восточной Болгарии, откуда родом были первые жители села Гюльмен. Это имена и формы Стани, Стою, Шгеро, Панайот, Жечо, Ганчо, Коста, Мавро, Афанасий, Дичо, Колю, Бочко, Пеню, Дони, Железко.

По частотности мужские имена распределяются следующим образом (приводим общее число употреблений каждого имени): Димитрий - 49, Иван - 47, Николай - 23. Диордий - 22, Георгий - 20, Петр - 20, Тодор - 20, Стефан - 19, Василий - 15, Димо - 12, Михаил - 11, Стоян - 11, Тапас - 7, Йордан - 7, Илия - 6. Остальные имена встречаются менее 5 раз. Обратим внимание, что к частотным относятся исходные формы имен (за исключением имен Димо, Диордий). Варианты как самостоятельные имена малоупотребительны. Иногда братьев называли вариантами одного имени - это доказательство того, что варианты уже разошлись и воспринимаются как самостоятельные имена: Стефан и Степан⁷, Тодор и Федор⁸, Стани и Стою⁸, Георгий и Диордий¹⁰.

Женские имена

Значительная часть представленных в "Сказке" женских имен, как и мужских, восходит к православному календарю, т.е. имеет греческое, латинское или еврейское происхождение. Женские имена также вариативны, но в меньшей степени, чем мужские. Многочисленна группа имен болгарского происхождения.

Греческие имена: Александра, Ангелина, Акулина, Анастасия (Анастасия), Варвара, Василиса, Гергана, Домника, Димитра, Ефимия, Ефросиния, Евдокия, Елена, Екатерина, Зойка, Зиповия, Замфира, Ирина, Калуда, Костанда, Кирикия, Марина, Минка, Мария, Никулина, Панагия, Парасковия, Пелагея, Петра, Стефана, София.

Имена латинского происхождения: Домна, Матрена, Наталия.

Имена еврейского происхождения: Ивана, Йордана, Рахила, Сарра. Встретилось лишь одно имя тюркского происхождения - Султана.

Как уже отмечалось, многочисленны собственно болгарские имена. Но, как принято считать, "...представление об исконности имен может быть более широким, может включать в себя также имена, которые с незапамятных времен функционируют у народа. Этимологически такие

имена относятся к различным языкам. Но народ к ним привык, трансформировал по законам своего языка"¹¹. Иными словами, к собственно болгарским относим две группы имен: 1) трансформированные имена иноязычной этимологии и 2) языческие по происхождению или более поздние с корнем болгарского происхождения.

Собственно болгарские имена. Приводим начальную заимствованную форму и производную как собственно болгарское имя. Анастасия - Настасия, Василиса - Васила, Гергана - Гана, Гена, Тодора - Дора, (Кирил) - Кирана, Кирица, Кера, Димитра - Мита, Петра - Пена, Ангония (полная форма не отмечена) - Тона, Севастияна (не отмечена) - Себа.

Имена языческого происхождения (защитные, пожелательные) Велика, Гана (сокр. от Драгана - "дорогая"), Добра, Дена (сокр. от Младена - пожелание молодости), Желязка (пожелание крепости - варианты Жечка, Желяза, Жела, Желка), Злата, Карамфила ("гвоздика"), Калина (в честь нарядных плодов дерева), Пауна (птица "павлин"), Руса ("светловолосая"), Рада (пожелание радости), Селпина (от "село"), Стана (пожелание стойкости, жизненной силы), Тана (от Стана), Цона (от Стояна), Яна (то же, хотя возможно как образование от Бояна), Добра.

К болгарским относим имя христианского происхождения - Неделя ("воскресенье" как день недели). Варианты - Нена, Неда, Нейка, Деча. В словаре Стефана Илчева не отмечены два имени - Себа (возможно из Сева - Севастияна) и Стомна. Явно русского происхождения имена Федора, Феодосия, Стефанида (соответствующие болг. - Тодора, Теодосия, Стефания). Следующие имена встречаются главным образом в Восточной Болгарии - Велика, Гена, Добра, Желяза (Желязка, Жечка, Жела, Желка), Зойка, Кера, Кирана, Нейка, Руса, Стойка, Стояна, Султана.

По частотности имена распределялись следующим образом: Мария - 35, Ивана - 24, Рада - 20, Тодора - 17, Елена - 16, Анна - 14, Стефана - 14, Гана - 11, Руса - 10, Замфира - 10, Неделя - 10, Марина - 10, Стойка - 8, Петра - 8, Калина - 7. Варианты женских имен, как и мужских, значительно менее частотны, чем полные формы.

Анализ производных имен показал, что гипокористические (уменьшительно-ласкательные) формы у женских имен чаще образованы сокращением, усечением форм (краткие гипокористики): Неделя - Неда, Нена, Деча, Нейка. Реже - это суффиксальные образования (Зойка). У мужских имен в равной степени встречаются и суффиксальные образования (Андричо, Велчо, Ганчо, Радко) и усеченные формы (Раю, Дако, Желю, Колю, Нено и др.).

Фамилии

В "Ревизской сказке" насчитывается чуть более 60 фамилий. Часть из них восходит к славяноязычным апелливам - всего 25 фамилий. Эти фамилии (с прозрачным по исходному значению апелливам) объединяются в несколько групп:

1) апеллатив - личное имя: Андреев, Бонатиев (Боньо - сокр. от Богдан), Велев, Гендо (совпадает с именем производным от Гено), Георгиев, Гердев, Гердиев (оба - от имени Герда, Гердана), Дичо (имя, производное от Димитър), Денев (от Деньо - сокращение от Младен), Замфилов, Иванов, Конда (Кондо - сокращение от Константин), Недков, Недов, Пенков, Стоянов, Янчо;

2) апеллатив - слово оценочного характера, фамилия восходит к прозвищу: Парликокошка, Грек, Дрондарь (от диалектного "дръндьо" - "неряшливый, несобранный"), Дундеров (от диалектного "дунда" - "толстяк"), Коба (древнеславянское - "дурное предзнаменование, предсказание, плохой знак, проклятие");

3) две фамилии даны по месту происхождения носителя - Загорец и Бонатиев (как один из вариантов истолкования). Согласно словарю Ст. Илчева, как уже указывалось, Бонатиев - от Беньо (Богдан). Но, возможно, фамилия указывает на происхождение ее владельца - родом из Баната (территория, присоединенная к северо-дунайским княжествам, куда еще в XIV веке переселялись болгары, опасаясь турецкой колонизации, ныне на территории Румынии). Переход а-о - изменение фонетического облика слова на письме.

4) Большая часть фамилий представлена апеллативами, заимствованными из турецкого языка. Они восходят к прозвищам, характеризующим носителя по личным качествам или роду занятий.

Характеристика по роду занятий. Абаржи (возможно от абаджия - "торговец тканью"), но возможно и от абрежи - "глашатай, вестовой". Бардук - «глиняный кувшин». Бахчеванжи - "огородник". Кащи - "тот, кто выращивает гусей". Ердекчи - "тот, кто пасет гусей". Капчи - "тот, кто делает водосточные трубы". Топчи - "артиллерист".

Характеристика по личным качествам. Деде (происхождение не совсем ясно, но, возможно, тот, кто дает обещания - турецк. dedik, а возможно, и от общетюркского деде - "прародитель", "прадед", "дед"). Делик - "буйный человек", хотя скорее это может быть прозвище по другому качеству или внешнему облику: "делик" - "дыра, отверстие, прореха". Фамилия Дундеров была отнесена нами к группе болгарских, но возможно, что она восходит к турецкому апеллативу "диндар" - (dindar) - "набожный, верующий". Жарыт - "болтун, хвастун", а возможно также от "жарыт - джырыт" - "дротик, метательное копьё". Картий - "твердый, крепкий" или "старый". Кара - "черный". Касыр - "бесплодный, бездетный". Кичук - "маленький, мелкий". Киосе - "безбородый, безусый". Топал - "хромой". Узун - "долговязый", Мержан - "коралл". С корнем Кара встречаются несколько образований - Карамавров, Караманов, Карабаджак (черноногий).

Встретилась одна фамилия греческого происхождения - Морти (греч. - "невоспитанный, уличный").

Группа фамилий восходит к апеллативам неясного происхождения: Браку, Берил, Гербали, Гуткан, Губан, Дожа, Тербаба, Сараин. Эти фамилии не зафиксированы в словаре Ст. Илчева¹². Мы попытались определить происхождение фамилий через этимологию апеллатива (старший научный сотрудник Института национальных меньшинств доктор филологии Гайдаржи Г. А. (ныне покойный) помог нам в этимологизации апеллативов неясного происхождения, относящихся к тюркоязычным заимствованиям). Браку - возможно, восходит к гагаузскому корню "брак" - "оставлять, отставлять". Берил - возможно из "берия" - устар. - "деньги, которые собирала с населения община", Гербали - гаг. "гербаль" - 1) "уплативший государственную пошлину", 2) "обложенный обязательной государственной пошлиной". Гуткан - предположительно от "гутка, гугутка" (горлица). Губан - возможно от "губат" - диал. "устат, бьбнив" ("говорливый, болтун"). Дожа - возможно диал. от "дода" - "старшая сестра". Тербаба - возможно, от арабско-турецкого "тербие" - "воспитание", то есть "воспитанный, учтивый человек". Сараин - 1) возможно, суффиксальное образование от "сара" (имеет два значения: а) ряд, строка, б) эпилепсия). 2) или от "сарач" - "всадник".

Цель нашей статьи - дать лингвистическое описание, систематизировать и ввести в научный оборот материал по болгаро-бессарабской антропологии, представленной в переписи середины XIX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986. С.229
2. Колесник В.А. Двучленные формулы именования лиц в речи болгарских поселенцев юга Украины // Номинация в ономастике. Свердловск. 1991. С.133-136
3. Ревизская сказка тысяча восемьсот пятьдесят девятого года февраля двадцатого дня Бессарабской области Аккерманского уезда Нижнебуджакского Округа Колонии Дюлмен.
4. Грек И. Гюлмен // "Роден край", №16 (38), 19 апреля 1992.
5. Илчев Стефан. Речник на личните и фамилни имена у българите. София. 1969.
6. Теория и методика ономастических исследований. С.166.
7. Ревизская сказка... С. 357 об.
8. Там же. С. 387 об.
9. Там же. С.412 об.
10. Там же. С.437 об.
11. Исаева З.Г. К вычислению культурно-семантических страт в антропологии // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988. С.170.
12. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX в. Подред. на Стефан Илчев. София. 1974.

«ПРЕСЕЛЕНИЕТО» НА ФОЛКЛОРНИТЕ МОТИВИ

Явната условност в заглавието ще бъде и основен компонент в изложението. Условност, която се вписва контекстуално във фактичката същност на някогашното преселване на българи по различни поводи и в различно време към чужди територии. И в частност на българи в Русия¹.

Без да се впускам в недотам присъщи за фолклорист анализи на историческата ситуация, само ще подчертая, че това преселване е *процес*, провокиран от конкретни събития и е израз на стремежа за самосъхранение от гледната точка на етническото самосъзнание, съхранението на рода. И съответно в етнически план особено значение има опозицията *свой-чужд*.

Едва ли някой би оспорил, че преселването на българите в чужбина е процес, а не акт. Процес, който включва и акта на преселването, съпроводен с още много други актове, но започнал с една подготовка в етнопсихологичен и етносоциален план, с нагласата за промяна на етнокултурния и етносоциален стереотип. Продължил с процеса на усвояването на това пространство във времето, с "адаптирането" към новата етнографска среда, взаимоотношенията с нея и създаване на нов етнокултурен и етносоциален модел. Във всички случаи (независимо, че е съхранен основният код на етническото самосъзнание, което е и смисълът на преселването) става дума за нов модел на живот на преселническия колектив, ако може така да се нарекат групите. Мисля, че има основание за такова терминологично определяне, като се има пред вид, че общо взето хората се движели компактно, както са се изселили от селищата, както са се откъснали от селищните колективи, но от момента на тръгването вече, като че ли с нов статут на колективи (в повечето случаи съставени от групи на няколко селища)², наложен от спецификата на динамиката на преселването във всичките му особености.

Всички тези моменти са били обект на изследване в науката³ и едва ли тук може да се претендира за новост от гледна точка на неизследван проблем. По-скоро ми се иска съвсем схематично, в идеен план, на базата на извършени изследвания да коментирам възможността за допълването им с нови идеи в аспекта на динамиката на процеса на преселване в целия му хронологичен модел. С една дума, да се проследи развитието на този процес във всеки един от вероятните му елементи и варианти на проявление в исторически и етнокултурен смисъл. И съответно от моя гледна точка на базата на извършени фолклористични изследвания да

се проследи "преселването" на фолклорните мотиви като съществен елемент и етноидентифициращ белег в културата на тяхните носители.

Наясно съм с неудобството и трудностите, произтичащи за един изследвач, който не е бил на терена и не е събирал материал в естествената среда на живот и възпроизводство на явленията и тяхното пряко наблюдение, но се надявам това да стане възможно в бъдеще, за да мога да обоснова по-ясно идеите си, възникнали на базата на извършените досега фолклористични проучвания сред преселниците българи и техните потомци.

И тъй като съм наясно също, че е невъзможно да се обхване цялото население, заселило се в Русия, ще спазвам регионалния и локалния принцип и неговия адекватен вариант, утвърдил се в новото пространство. Тоест, обект трябва да бъде фолклорната култура на населението, чиито предци са дошли от Сливен и Сливенско. Мисля, че това "локализиране" на изследователския принцип би било по-полезно като подход, тъй като дава възможност за детайлизиране на процеса на проучване и проследяване в динамичен план "пътуването" на мотивите и тяхното вариантно развитие по пътя и в новите условия (разбирано от момента на заселването до наше време).

Съвременното състояние на фолклорната традиция на българските преселници е също много важен проблем, тъй като процесите в социалното развитие не са адекватни тук и там. А се наблюдават и нови явления, за които, надявам се, ще стане дума.

Основният базисен материал, който използвам, е двутомното издание на проф. Н. Кауфман⁴. Възщност в една кратка статия е невъзможно да се реализира идеята, заложена в заглавието. По-скоро ми се иска с няколко примера, съпоставяйки песенни мотиви, да предложа възможността за прилагането на подобен подход към цялата фолклорна култура на българските преселници и нейното комплексно изследване. В своите исторически спомени Селимински пише: "Всеки домакин събра в една кола семейството си, храна и най-необходимите покъщни работи. Всичко това в една кола, когато едно семейство притежаваше движим имот за 10 и повече коли!"⁵.

Тръгвайки в своето изключително драматично пътуване, освен най-насъщното от покъщнината и семейните и родови реликви преселниците носят със себе си етническо знание, паметта за род и предци, наследеното и усвоено знание за цялостния социокултурен живот и история на своя етнос, на своето селище, своя род, цялата художествена култура, начинът на мислене и световъзприемане, представите, вярванията.

Всичко това е в основата на механизма за изграждане на новите селища - запазване на етнородния състав на ядрата население по селища,

така, както са тръгнали от България. Така е образуването на с. Твърдица, Сливенско, на с. Кортен, Сливенско и на много други. И тук е невъзможно да се подмине този факт и да се осмисли механизмът, чрез който се запазва компактността на тези групи и техният живот като колективи по време на пътуването. А това пътуване е свързано не само с преодоляване на географски пространства и преминаване в непознатото, чуждото, докато се стигне до евентуалното "свое" ново пространство и неговото усвояване.

Народните песни вероятно са изпълнявали изключително важна функция в този процес на преселване. Те са един огромен дял от фолклорното знание, съхраняващ по художествен път всичко от живота и историята на селищния колектив. Пеещо се е във всеки случай - по празници и обреди, по хора и седенки, на трапеза и жетва, пеещо се из път. Ясно е, че по време на това тежко драматично пътуване и заселване песента е изпълнявала основна емоционално-естетическа, социоорганизираща и етнодиференцираща функция.

Както твърди проф. Кауфман, "стилът на местната народна песен е чист български по отношението на изпълнение и по музикално-поетични белези. Основният фонд са пренесените от България песни"⁶. И още нещо важно - върху този песенен фонд почти не се забелязва влияние отвън. Тоест, песенните цикли са живеели свой затворен живот и са се възпроизвеждали и обогатявали в неговите рамки. Това е естествена реакция, базирана на новото етнокултурно и езиково обкръжение, особено за покъсния период.

С оглед на ограниченния обем е невъзможно да се осъществи цялостното наблюдение върху мотивите в песенния фолклор на бесарабските българи, затова ще се ограничи само върху хайдушките песни, чиито мотиви са се "преселили" от България.

Като жанр с определена историческа мотивация и като носител на определена историческа информация в преселената и битуваща хайдушка песен у бесарабските българи се запазват мотиви и образи, историческа информация, характерни до времето на преселването. Това е съществен момент с оглед на развитието на хайдушката песен в България след преселването вече с новите образи в новата историческа ситуация, в която постепенно се революционизира и фолклорното съзнание.

Защо се опрях точно на хайдушката песен, а не на някой друг цикъл от песенната традиция на Сливенско? Всеки от останалите песенни цикли притежава конкретна локална и регионална специфика и също биха били благодатна база за разработването на заложената тук идея. В хайдушкия епос в Сливенско има всичко, което е характерно за хайдушката народна песен в рамките на българската етническа територия. Но

има и нещо, което е свързано с локалната и регионална специфика на фолклорната култура от този край, а също специфично характерно и за хайдушкия фолклор от този район.

Няма да изброявам поредицата от социални, политически, икономически и етнически предпоставки и условия за развитие тук на силно хайдушко движение. Само ще отбележа, че този факт намира своето логично подчертано място във фолклорната култура на сливенското население. Сливенско е известно като хайдушки край и мисля, че тази си слава то утвърждава не без решаващото участие на фолклорното съзнание и респективно на хайдушкия фолклор. Казвам "хайдушки фолклор" в смисъла не само на хайдушка песен, но и на богатото хайдушко предание. В хайдушкия фолклор е налице особен образен вариант на етнокултурната същност на региона. В него се проецират по специфичен начин всички съществени моменти от живота на местното население, по специфичен художествен начин се съхранява и възпроизвежда информацията - историческа и социокултурна.

Разсъждавайки върху това логично би било да се предположи, че тази специфика е запазена по някакъв начин в хайдушката песен, като един от съществените елементи за съхраняване на етническата памет във фолклорната култура на района, от който се изселват бесарабските българи.

Съдейки по записаните текстове на хайдушки песни и публикуванни във втори том на изданието на проф. Кауфман, първото, което прави впечатление, е преобладаващото присъствие на образа на по-стария, класически хайдутин. Този образ, който е междинно звено между юнака от юнашкия епос и героя от хайдушкия епос. Велко (Милко) войвода събира дружина "дур сидемдесе и седем юнака", която след това оставя, за да отиде в Сливен на пазар, а междуременно арапче избива дружината му. При срещата на Велко войвода с арапче започва двубой, в който победител е Велко войвода (№ 1363, 1364). Двубоят на героя е с антропоморфния вариант на злото, с което се бори и юнака от юнашкия епос, но вече с неговата етническа определеност и подчертаване на свръхестествената му природа - при тежаването на три сърца.

Явно мотивът «двубой на героя с противник» е един от най-съхранените в хайдушкия фолклор на българските преселници, което е логичен резултат, нуждаещ се от обяснение, като естествена реакция на фолклорното съзнание на преселващите се.

Видул (Татунчо) се отказва от хайдутлъка по съвета на майка си (широко разпространен у нас мотив), продава оръжието си и започва да оре, но минава потеря "о дванайсе байрака" и героя я погубва с чикела

си (№ 1345, 1346, 1363, 1364). Героят тук е сам, но с подчертана свръхсила с оглед идеализирането на образа му, потребно на фолклорното съзнание и основен похват в хайдушкия фолклор. Няма да се впускам в анализи, само ще подчертая интересното очертаване на пространството, в което хайдутинът-орач оре нива и след това побеждава потеря в двубой:

Отиде Ведул да юре,
да юре, Видул, да сее,
дето хората не ходат
между два друма хайдушки.

Това е хайдушко (героническо) пространство, в което героят трябва да осъществи своя подвиг. Всъщност това е чудесният орач от юнашкия епос, неосъществил докрая своето оране заради появата на антагониста⁷. Или по-точно в хайдушкия фолклор е налице героически вариант на мотива за чудесното оране, чийто генезис отвежда към стари митологични представи.

Такива митологични представи не са рядкост в хайдушкия фолклор като епическа система. Най-силна е проявата на митологизация в мотивите на двубой или гибел на героите.

Интересен мотив в сливения фолклор с подчертана митологизация на образа е носенето на хайдушка глава от турците. Дори в някои от текстовете е налице конкретизация на героя като историческа личност - Ст. Караджа⁸, като късен вариант на мотива, но много потребен в конкретната историческа ситуация.

Същият мотив е публикуван в цитираното издание в три варианта (№ 1353, 1354, 1355). И в тях е посочено името на героя, но то не отвежда към конкретна историческа личност. Митологизирането на образа на героя се осъществява също чрез неговата гибел и признанието в думите на противниците му. Ще цитирам най-пълния вариант (№ 1353):

Бабо льо, стара бабичко,
да знаиш, бабо, да повниш,
дордето Стоян да хваним,
девът балкани разбийми;
дордя му ръце вързиме,
девът синджира скъсайми;
дордя му глава юдземим,
девът саби строшийми;
дордя му глава донисем,
девът си пръта счупийми.
И ти, бабо льо, са каш,
защо ти Стояна хванахме.

Градацията в думите на противника с определен акцент върху магическото число 9⁶ и разбиването на девет балкана, скъсването на девет синджира, строшаването на девет саби, счупването на девет пръта представлява потребния образ на свръхестествените качества на героя, на неговата свръхсила (а това трябва да означава и образа на етническата сила). Тя е подчертана и чрез наслагването на число девет, което изразява сила и интензивност¹⁰. В сливения вариант митологизацията е засилена и от митологичните образи на старницата и златото, тъй като тя "се със златен ръжен се подпира" и тяхната евентуална връзка с дедите-покровители¹¹. Тези образи липсват в споменатите по-горе текстове.

Номер 1358 от цитираното издание представлява вариант на мотива хайдушки сън и то на онзи вариант от Сливенско, в който войводата сънува, "че пушката му се изпрегнала и сабята строшила". А в преселническия вариант е: "че му е сабя ръждива, пушка му равно не бие". В него липсва тълкуването на съня от самия войвода и намерението му да вземе съответни предпазителни мерки, както е в сливения вариант¹². Но и в двата случая става дума за рушането на оръжието на войводата, което означава разрушаването на порядъка в дружината, както става и по-нататък. В сливения вариант войводата отива при майстори "коемджия" и "пофекция" в с. Ичера "пушката да си направя, сабята да си прилея". Тоест не да си поправи оръжието, а да бъде възпроизведена неговата сила като важен атрибут на война. А това могат да свършат майсторите-създатели и така да бъде възстановен порядък. И докато пофекцията (майсторът на пушки) е логично да поправя (напрявя) пушката, то впечатляващо е, че със сабята вместо бучакчията (майсторът-ножар) се занимава "коемджия" (майсторът-златар). Той трябва да я прилее със злато. Той е създател, творец. Като майстор, създаващ от метал, се приближава много до смисъла и същността на майстора-ковач като притежател на свръхестествена съзидателна сила, свързана с огън и на качества на деминург¹³. Майсторът-златар е в непрекъснато съприкосновение с огъня, обработвайки златото. Именно това е другото, което го специфицира със специални функции - златото. Така майсторът, приет в архаичното общество като магьосник и носител на тайно знание¹⁴ и способността му да борави със злато - метала на отвъдното¹⁵, трябва да извърши конкретно магическо действие срещу рушенето на сабята и за възпроизвеждането на качества и като атрибут на война да унищожава злото.

В преселническия вариант войводата отива на пазар да купи куршуми и барут - липсва момента, осигуряващ оръжието. Но в двата варианта е налице сън на войводата. Сънят е хипостаза на отвъдното и в случая представлява послание (знак) към отсамния свят и конкретно към героя

-предсказание за предстоящо лошо събитие. В първия вариант войводата е гадател на съня и като такъв той стои на границата между отсам и отвъд и като всички гадатели на сънища той е в някакви взаимни отношения с отвъдното, за да може да разчита знаците му, което пък означава, че притежава медиативни функции. В преселническия вариант гадаенето на съня липсва. Но и в двата варианта е налице събъдването на лошия знак - черно арапче (циганче) избива дружината му. Порядъка възстановява войводата, убивайки антагониста. Искам обаче да отбележа, че в преселническия вариант е налице момент, липсващ в сливенския. Войводата Велко побеждава противника си с хитрост - не хвърля ножа преди започването на борбата и го убива с него. Мотив, характерен за юнашкия епос.

Искам да се спра и на още един мотив, широко разпространен в българския хайдушки фолклор и съответно в Сливенско, съхранен в песенната култура на българите-преселници. В сливенските песни с този мотив на преден план стои идеята за двубоя с етническия враг и опеляването на етноса като в контекста прозират равни митологични представи. В повечето варианти се налага преобличането на хайдутин като булка и инсценирането на сватбено шествие от хайдушката дружина, за да слезе в Сливен заради преждевременното падане на "слана есенна", изгорила сливенските балкани, където се намира и известната Малка Света гора¹⁶. Няма да се впускам в анализ, тъй като такъв е правен в друг текст¹⁷, само ще подчертая, че от гледна точка на семантиката на основната идея в този мотив едва ли е възможно друго обяснение, освен това, че тази необичайна (иятна) слана представя прикрито мотива за изгарянето на Света гора в митопоетична традиция¹⁸. И може би е по-точно да се каже, че тук става дума за вариант на мотива изгарянето на Света гора (в нейния сливенски вариант Малка Света гора) в един следващ етап на митопоетичната традиция и вече в съответствие с новата идейна платформа на хайдушкия епос, и вече с онази семантика, която актуално се вписва в тази идейна платформа. В случая е важно да се подчертае, че вероятно става дума за движение на хайдушкото сватбено шествие от сакрално пространство и време към човешкия социум, свързано с преодоляването на границата между двете пространства с цел убийството на етническия враг - пашата, извършено от хайдушката булка, което увенчава края на шествието от горното (сакрално) пространство и завръщането при своите. А това пък означава края на годишния хайдушки цикъл и разшиждането на дружината¹⁹.

В преселническите варианти (№ 1359, 1375) е налице травестията мъж-жена, съответно хайдутин-булка, и организиране на сватбено шествие и слизане в населено място, но има две съществени разлики. Първо,

целта на слизането в града е разбойническа, определена с думите на войводата: "от там же са обличети, от там же са обуйти" (№ 1359), или само преминаване през Дрянов, защото "дряновци са ора омразни". И второ, липсва образа на етническия противник, а населението е обозначено по името на селището, а не етнически. Фактически двубой няма, и важното е разбойничеството, извършването на обира, чрез който се осъществява детравестирането на персонажа булка.

Едва ли тук е възможно, а на този етап и необходимо, да се правят изводи без да е направено по-обстойно сравнително-типологическо проучване относно развитието на мотива. Защото явно в Сливенско той е обвързан и с конкретното етническо пространство и с цялата митопоетична традиция и в съответствие с тях се развива и до по-късно време. А в своето "пътуване" този мотив попада в нова хронотопна среда, в която липсва потребната му за развитие традиция, и запазва само разбойническия вариант. Но за да се утвърди това като извод е необходимо обстойно теренно изследване, в което да се обхване преселническото население от Сливенско във всички новосъздадени селища, което ще е предпоставка да се запишат повече варианти и тогава евентуално да се установи, кой от вариантите е най-старинен като база за наслагане на нови идеи.

По подобен начин стоят нещата и с друг мотив "Дунав тече от златна ябълка". В сливенския хайдушки фолклор и в текста (който е само един и е от тъй наречени безсюжетни текстове) става дума за гибелта на героя, но чрез комплекс на митологични образи, най-важни от които са златната ябълка и световното дърво. Като се има предвид семантиката на златната ябълка като образ²⁰ и реката с нейните функции в митологичното мислене²¹ (и конкретно река Дунав, която от една страна е границата с отвъдния свят от гледна точка на българския етнос и митопоетичната му традиция²², и от друга, че е вариант на световното дърво в митопоетичното съзнание), то явно става дума за митопоетичен образ, който е в отношение, "подготвя" нещо важно, което ще се случи на междата между двата свята, нещо много важно за фолклорното съзнание. Събирането, концентрацията на образните варианти на световното дърво, тяхното наслагане в една точка от пространството е много показателно в това отношение. Важното се случва - гибелта на героя.

В сливенския вариант тази гибел е с определено логична мотивация в семантичната връзка между образите и смислите, закодирани в тях, в тяхната съотносимост с етническите потребности, реализирана на синхронно равнище в края на текста чрез обезсмъртяване на героя, заложено в заръката му към дружината му:

Дълбоко ме в поле зарийте,
на глава ми дърво посадете,

кой да мине на сянка да седне,
да помни, мене да помене.

Под този явно късен пласт прозира фолклорно-митологичното мислене, свързано с идеята за временната смърт на героя и прераждането му²³.

В преселническия вариант липсва този момент и като че ли текста стои незавършен, отворен:

Миял викна,
та гората ечна,
Миял пшкка
та гората тръшка.

Вероятно има някакъв друг край, логически обвързан с другата част, но затова трябва да се запишат още варианти на този интересен текст.

Независимо от твърде повърхностния сравнителен анализ на някои мотиви, е ясно, че те са факт в песенната хайдушка традиция на българите-преселници, но е ясно още, че въпреки големия обем на двutomното издание и точно заради богатия материал в него, предоставящ тази възможност, може и е необходимо да се извърши допълнително теренно изследване на песенната и не само песенната, а и на цялата фолклорна традиция на преселниците-българи от Сливенско, за да се проследи "преселването" на песенните мотиви в хайдушкия фолклор, за много от които не стана дума: мома войвода, булка войвода, болен (ранен) войвода, предаден от кумичката войвода, хайдушки обир и т.н. В песенната традиция по специфичен начин е съхранена определена етнокултурна и историческа информация. Защото как ще се обясни един такъв кратък песенен текст, битуващ в преселническата песенна традиция, публикуван под № 1356 в цитираното издание:

Де са е чуло видяло,
какъв помен е станало
във Котлън село голямо,
на Котлънските баири,
триста са пушки пукнали,
триста са момка убили
и двеста млади девойки. -

ако не се потърсят негови варианти, вероятно и по-разширени, за да се свърже с някакво събитие, станало в Котел? Или пък защо няма записани текстове, битуващи в сливенската песенна традиция - дали защото някои от тях са по-късни или пък други са по-стари (както е наситения с митологични представи текст за погълнатия от мряна риба хайдутин Иванчо Нончев от Котел)²⁴, но "изгубили" се по пътя на преселването или в новите условия, откъснати от етнокултурната им среда, простран-

ство и време? И понеже стана дума за пространство и време, те също са интересен обект за изследване от гледна точка на развитието на хроно-топния модел на хайдушкия фолклор²⁵ (и не само на него) далеч от мястото му на създаване и възпроизводство в новите пространствени и временни параметри.

В този смисъл е интересно да се изследват и хайдушките (и не само хайдушките) предания. Има ли такива, какви и кои са се запазили? Защото много от тях са свързани с конкретни исторически личности, събития, местности, и е интересно да се проследи техния "живот" след акта на преселването и каква информация е съхранена в тях. Тъй като, стана ясно, в хайдушкия песенен фолклор се е запазила само онази част от мотивите и вариантите им, битували до акта на преселването, без да продължи развитието и "актуализирането" им с нови образи съобразно потребностите на фолклорното съзнание в новата конкретна етноисторическа ситуация, както това е ставало в България. Това е така, защото там липсва най-важното условие и база - робството, чуждоетническия враг.

Всичко това може да бъде осъществено в един бъдещ проект за изследователска работа, за да се довърши започнатото на базата на направеното в тази посока. И ако в това изложение предложих (макар и схематично) идея за такова изследване по пътя на "преселението" на мотивите в хайдушкия фолклор, то съм убеден, че е възможно подобно комплексно изследване в съответствие с една по-обща програма, включваща специалисти от различни области, в основата на което да стоят извършените досега проучвания на преселниците от Сливенско. Изследване, което да проследява социокултурното развитие на българските преселници като непрекъснат процес на самоидентификация.

БЕЛЕЖКИ

1. Руско-турските войни: 1768-1774; 1787-1791; 1806-1812; 1828-1829; 1853-1856 и след това. А също и в края на XVIII и началото на XIX в. по време на кърджалийските размирици.

2. Греков М. Спомени. София, 1971. С. 237.

3. Дякович В. Българска Бесарабия. Историко-етнографски очерк. София, 1918; Библиотека "Д-р Иван Селимински". София, 1904. Кн. II. "Исторически спомен"; Бурмов А. Народни песни на приазовските българи // Сборник за народни умотворения. Г. 43. София, 1936; Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Материалы по славянской этнографии. Т. I // Сборник за народни умотворения. Г. 29. София, 1914; Табаков С. Опит за история на град Сливен. Т. II. София, 1924; Мещерюк

И.И. Переселение болгар в Южную Бессарабию в 1828-1834 г.г. Кишинев, 1965.

4. Кауфман Н. Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР. София, 1982. Т. I-II.

5. Библиотека "Д-р Иван Селимински". С. 36.

6. Кауфман Н. Посоч. съч. Т. I. С. 19.

7. Афанасиева-Колева А. Мотивът на юнашката оран в славянското епическо творчество //Проблеми на българския фолклор. Т. VIII. 1991. С. 74-81.

8. Демирев В., Ников Н. Блажена гора зелена. (Хаджи Димитър и Стефан Караджа в българската фолклорна традиция). София, 1994. С. 206.

9. Георгиева Ив. Българската народна митология. София, 1993. С. 80.

10. Пак там.

11. Демирев В. Погълнатият хайдутин, или раждането на героя в хайдушкия фолклор. (По материали от Сливенско). Под печат. С. 37.

12. Пак там. С. 47.

13. Мифы народов мира. М., 1988. Т. II. С. 21.

14. Маразов И. Митология на златото. София, 1994. С. 13.

15. Пак там.

16. Шкорпил К. Спомени за Сливен и манастирите му. Исторически бележки. София, 1886. С. 42.

17. Демирев В. Посоч. съч.

18. Калоянов А. Света гора в българския фолклор. (С оглед Малка Света гора в Сливенско) //Фолклорната традиция на Сливенския край. София, 1989. С. 58.

19. Демирев В. Посоч. съч. С. 14-17.

20. Маразов И. Посоч. съч.

21. Мифы народов мира. Т. II. С. 374-376.

22. Калоянов А. Етничното усвояване на пространството, отразено в българския фолклор //Етнографски проблеми на народната духовна култура. София, 1989. С. 83, 91.

23. Демирев В. Посоч. съч. С. 46.

24. Демирев В., Ников Н. Посоч. съч. С. 97.

25. Демирев В. Вариант на хронотопен модел в хайдушкия фолклор. (По материали от Сливенско). Под печат.

Кондов Васил

ЕДНО ИНТЕРЕСНО ЯВЛЕНИЕ В ЕЗИКА НА БЪЛГАРИТЕ ОТ БЕСАРАБИЯ

(като резултат на морфологична интерференция
между български и руски език)

Най-масовото двуезичие при българите в историческата област Бесарабия¹ е българско-руското, тъй като то е присъщо тук почти на цялото българско население. Руското въздействие върху езика на българите в Бесарабия (представен тук от редица български диалекти, които спадат предимно към източното наречие) има продължителен период (най-малко около два века след първото масово преселване в този край през руско-турската война от 1806-1812 г.)². Като официален език в царска Русия, а след това и в СССР (където се предпочиташе определението "език на международното общуване"), руският език е имал доминираща позиция спрямо всички други езици. Тази позиция на руския език в Бесарабия обаче на два-три пъти за известно време е отслабвала. Това е ставало, когато част от Бесарабия (след Кримската война от 1853-1856 г. до 1878 г.) или цялата тази територия (през 1918-1940 и 1941-1944 г.) се е намирала в пределите на Молдавското княжество или в границите на Кралство Румъния³. Във връзка с този факт (без обаче да се пренебрегват и някои други факти) естествено е именно руският език да е упражнил, да упражнява все още и днес, след разпадането на СССР, най-голямо влияние върху езика на българите в Бесарабия (територията, която сега пък влиза в пределите на държавите Молдова и Украйна).

В езика на българите от Бесарабия руското влияние се открива преди всичко в лексикалния му състав. По-малко то се наблюдава тук във фонетичната, морфологичната и синтактичната система на българските говори.

Общуването между носителите на различни езици създава условия на взаимно влияние между тези езици на различните им, както вече отбелязах, равнища - лексикално, фонетично, морфологично и синтактично, а също така семантично и акцентно.

Това влияние се проявява в отклоненията, които се появяват в речта на владеещите два или повече от два езика. Явлението се нарича интерференция (от лат. интер - «между, взаимно» и ференс - «носещ, принадлежащ»)⁴.

Понякога резултатите от интерференцията имат доста сложен, но затова пък и твърде интересен характер. Така, например, широко разпространение в морфологичната система на българските диалекти в Бесарабия⁵ са получили днес редица нови неопределителни местоименни и

наречни форми, създадени в резултат на интерференция между български и руски език. Това е станало чрез калкиране (тоест чрез образуване на нови думи и изрази по модели на чужд език с използване на елементи от даден език) и контаминация (тоест чрез образуване на нови думи и изрази посредством кръстосване, обединяване на части от двете думи или два израза):

Неопределителни местоимения

1. За лица и предмети: който // койту (м.р., им.п.), /ку/гото // ку/готу (м.р., вин.п.), /ка/квато // ка/квату (ж.р.), /ка/кото // ка/коту (ср.р.), /ка/квито // ка/квиту (мн.ч.) със значение "някой, някого, някоя, някое, някой". Например: *И кут са върнат, и доат, чи сениат фаф който (някой) дор, и начеват, и гулейат. Който (някой) ша расказва нешту, ино време б'ало уткриту, панимаши, ду коту (някое) време (с. Исерлия, Тарутинско, Одеска обл.). Който (някой) ша им даде ино парченци л'ан. Който (някой) им приказваши. И гледам: който (някой) флиза. Който (някой) идин ден ми каза (с. Кортен, Молдова). Гачи има и ут Корт'ан който (някой) си. Койту (някой) си май чи й ут Корт'ан (с. Холмское-Селиоглу, Арцизско, Одеска обл.).*

2. За неодушевени предмети и животни: /ка/кото // ка/коту със значение "нещо": Например: *Тр'абва какото (нещо) да са прави (с. Димитровка - Делжиер, Татарбунарско, Одеска обл.). Там коту (нещо), къкту ни им уйдисалу (с. Светлоє - Н.Кортен, Молдова). Аскоту (нещо) ни разбрах. Коту (нещо) са случи, де да знам. Като (нещо) ни йе т'ий. Коту (нещо) са случи, де да знам. Кото (нещо) джумул'ала. Какото (нещо) там ша им тр'абва. На д'ада прайахми соруг дена и мойту дете умр'а: уд ураки ли, или ут коту (нещо), ут квиту учи. То на кото (нещо) упр'а. Т'а зачена кото (нещо) да анализира. То кото (нещо) са шчепкаха. Ни ми са ут'ува кото (нещо). И ас коту (нещо) прайах ай тука ай т'ий. Те при нас кото (нещо) ошти..., ни йе ришену (с. Кортен, Молдова).*

3. За признаци: /ка/къфто // ка/къфту (м.р.), /ка/квато // ка/квату (ж.р.), /ка/кото // ка/коту (ср.р.), /ка/квито // ка/квиту (мн.ч.) със значение "някакъв, някаква, някакво, някакви". Например: *Гу пуила с квато (някакво) уда. Най-напред' гу турили, гу прикарали прис квату (някакво) машинка, прис квиту (някакви) нужови (с. Исерлия, Тарутинско, Одеска обл.). Ф къфту (някакъв) си унив'арститет ... (с. Холмское, Арцизско, Одеска обл.). Да има библиотека квато (някакво) там уже (с. Димитровка, Татарбунарско, Одеска обл.). Пулучи са какъфту (някакъв) си обрач. Намер'али квато (някакво) уда, ликувита уда, за раматис. То уже притпалагава квату (някакво) свубуда. Кай Васила, фчера къфто (някакъв) будил'... Той утишел за квито (някакви) ликарства и там*

умр'ал. На д'ада прайахми соруг дена и мойту дите умр'а: уд ураки ли, ут коту, квиту (някакви) учи. Ша духод'ат квиту (някакви) художници да йа красет, да рисуват куни. Каквиту (някакви) мелачи... (с. Кортен, Молдова). Васе, ти пишии, ачи сти испруодяли кото (някакво) нешту, но ни ни сме пулучавали ништу⁶. Получили каквато (някакво) помощ от російското началство и почнали да си правят пръстени къчички (колиби), за да се приотят (с. Викторовка, Молдова)⁷.

4. За число и количество: колкото // колкату със значение "няколко" или "някое" в съчетание със съществителното "време".

Например: *Той присид'ал там колкату (някое) време, чи... и гу пуснаха ут т'урмата (с. Исерлия, Тарутинско, Одеска обл.). Колкату (някое) време ги държали там и след това ги насочили към Бесарабия да си търсят свободна земя да се населят (с. Викторовка)⁸.*

Неопределителни наречия

1. За място: /ка/дето // ка/дету със значение "някъде, нейде" или "приблизително, около". Например: *Той кадето (някъде) заминал, за чужбина⁹. Дето (някаде) ас вид'ах такива. То са мина дето (около) три гудини (с. Кортен, Молдова). И той там служал дету (около) сед'ам-ос'ам гудини. Дето (около) шез гудини (с. Исерлия, Тарутинско, Одеска обл.). Ошти б'ах дето (приблизително) на сед'ам-ос'ам гудини (с. Твърдица, Молдова). Той беши ф Казахстан дето (около) си гудини три (гр. Болград, Одеска обл.). Студентити ша имат дету (някъде) си лекции (с. Холмское, Арцизско, Одеска обл.).*

2. За начин: /къкто // къкту със значение "някак". Например: *Ма запомни къкто (някак), т'ий, бърджи (с. Кортен, Молдова). Там коту, къкту (някак) ни им уйдисалу (с. Светлоє - Н.Кортен, Молдова).*

Някои от формите на посочените горе, в примерите, нови неопределителни местоимения (без тези на неопределителните наречия) са отбелязани и от изследвача на езика на българите от Бесарабия Н.Тодоров, който обаче неточно ги определя като относителни местоимения: "В разговорно-бытовой речи бессарабских болгар вместо неопределенных местоимений *някой, някакъв, нечий, няколко*, вероятно, под влиянием русского языка, употребляются относительные местоимения *който (си), какъвто (си), чийто (си), колкото (си)* - ср.: рус. Некто - кто-то, некий - какой-то и пр. Такое употребление противоречит нормам современного болгарского языка.

Запомнете:

Правильно Неправильно

Някой чука. Който чука.

Донеси ми няколко книги. Донеси ми колкото книги.

Някакви момчета те викат. Квито момчета те викат."¹⁰

Изконните форми на неопределителните местоимения и наречия в езика на българите от Бесарабия не се отличават по граматичната си характеристика от съответните местоимения и наречия в съвременния български книжовен език и широко се използват в речта. Те се образуват от въпросителните местоимения и наречия с помощта на морфемите за неопределителност *н'а/ не-, йеда-, -год'а, да йе.*

Например: *Н'акуй пита ли та да са убависади? Тете, н'акакъв чил'ак та търси! Н'аколку души б'аха. Търсии ли нешту? Тр'а гу й дал на н'акуго. Ни ми тр'аба ко да йе! Устай гу нейд'а, ва!* (с. Кортен, Молдова)¹¹.

Руските неопределителни местоимения и наречия също така се образуват от въпросителните местоимения и наречия с помощта на афиксите за неопределителност *не-, кое-, -то, -либо, -нибудь:* *некий, некоторый, какой-нибудь, какой-то, нечто, где-то, как-то, кое-какой, как-нибудь, куда-то, когда-то, кое-как, кое-где, кое-куда* и под¹².

За калкирането (тоест за буквалния превод на чуждия образец) на руските въпросителни местоимения и наречия с българските им съответствия в Бесарабия /кто с кой, какой с /ка/къф, что с /ка/ко, где с /ка/де и т.н. /и контаминирането на последните (тоест кръстоването или обедняването им) с руската частица-суфикс за неопределителност *-то* при образуване на нови форми на неопределителните местоимения и наречия в българските диалекти в Бесарабия (като кой+то или кой+ту или де+ту и т.н.) говори преди всичко отсъствието понякога на редукция в тези форми на неударената широка гласна /о/ в руската морфема *-то* /срв. кой+то/ или пък промяната й не в посока към тясната гласна /у/, както това обикновено става в езика на българите от Бесарабия /във връзка със споменатата вече редукция /срв. кой+ту/, а в посока към гласна /а/, както това става в руската книжовна реч /при така наречения *акавизъм*/, например: *Кота /нецо/ ти ми са иде. Къфта /някакъв/ друк път ималу. Къфта /някакъв/ пр'амой път. Сига бързати деца /за някъде/ ли?* (с. Кортен, Молдова).

Именно тези факти, а също така и семантиката (значението) на новите местоименни и наречни форми в езика на българите от Бесарабия, са най-доброто потвърждение и доказателство за контаминирания (хибридния) им характер. Но нека още веднъж да видим някои от посочените горе примери: *Гачи има и ут Корт'ан който (някой) си. То на кото (нецо) упр'а. Гу пуила с кватонякаква) уда. Студентити ша имат дету (някъде) си лекци. Ма запомни къкто (някак), тъй, бърдже.*

Никак не е случайно, разбира се, и обстоятелството, че от всички руски афикси за образуване на неопределителни местоимения и наречия именно частицата-суфикс *-то* се използва за образуване на новите им форми в езика на българите от Бесарабия.

Според Н. А. Янко-Триницкая и някои други езиковеди, *-то* е основна частица-носител на неопределително значение в руската морфологична система¹³. Местоименията с постфикс *-то* посочват предмети и качества, неизвестни както за говорещия, също така и за слушащия, например: *Тебе кто-то звонил по телефону.*

Морфемата *-то* е добре позната и в българския език, защото доста широко се използва в морфологичната му система, както в книжовната, така и в диалектната. Като частица тя, например, участва в образуването на относителните местоимения и наречия (както, която, когато и т.н.)¹⁴, по отношение на които новите неопределителни местоименни и наречни форми в езика на българите от Бесарабия, когато са с българска промяна (редукция) на неударената гласна, са омоними (тоест думи, които имат еднаква звукова форма, но различно значение). Срв. например: *Койту* (относ. мест.) *доди по-напрет', на негу ша гу дам и Койту* (някой, неопред. мест.) *си май чи й ут Корт'ан.*

Морфемата *-то* в българския език се използва много често и като задпоставен определителен член в имената и местоименията от ср.р. ед.ч. (морето, небето, високото, моето и т.н.)¹⁵.

В новите форми на неопределителните местоимения и наречия в езика на българите от Бесарабия обаче морфемата *-то* (и нейните варианти *-то, -ту* или даже *-та*) изпълнява функцията на постфикс (или на частица-суфикс) - носител на неопределено значение, каквато функция тя има в съответните руски форми.

И последно. За това, че въпросните форми изпълняват функцията именно на неопределителни местоимения или наречия, говори също така и фактът на употреба след тях на усилителната частица *си*, която засилва тяхната неопределителност, като им придава и известен пренебрежителен стилистичен оттенък, вж. още веднъж например: *Ф къфту си унив'арситет. Гачи има и ут Корт'ан койту си. Койту си май чи й ут Корт'ан.*

И така, анализът на формалния състав и семантиката на новите форми на неопределителните местоимения и наречия в езика на българите от Бесарабия според мене позволява да се направи окончателния извод, че тези форми са образувани по съответния модел от руски език, като първата им съставка по произход е българска (кой-, /ка/ къф-, кък- и др.) и се появява в резултат на калкиране, а втората е заемка от руски език /частица-суфикс *-то*/, представена от фонетичните си варианти (срв. кой-то // койту // койта, ка/дето // ка/дету // ка/дета и т.н.).

В случая много е интересен също така и фактът, че в езика на българите от съседна Румъния са отбелязани подобни (контаминирани, хибридни) форми на неопределителни местоимения и наречия, образувани

по румънски модел, тоест с помощта на румънската морфема (носител на значение за неопределителност) и съответните български въпросителни местоимения:

За лица и предмети: оркой (им.п.), оркогъ (вин.п.).

За неодушевени предмети и животни: оркъко.

За признаци: оркъкѣй, оркъкос.

Отбелязани са и някои въпросителни и относителни наречия с *ор-*: орде, оркък, оркогът, оркукот, оркугит.

Например: *Пази съ дъ н'гу види оркой* (тоест някой). *Жи гу намеръ ордету* (тоест където) и *дъ иди*. *Прай оркъкоту* (тоест каквото) *шити*.

Според проф. Кирил Димчев предпоставката за появата на тези форми в езика на българите от Румъния е аналитичният образователен строеж на съответните румънски неопределителни местоимения, в състава на които влиза *-ор* (рум. *ori*) и въпросителното местоимение *сине* - «кой», *саре* - «кой, какъв», *се* - «какво, що»¹⁶.

Същото може да се каже и за новите форми на неопределителните местоимения и наречия в езика на българите от Бесарабия, предпоставка за появата на които пък е аналитичният образователен строеж на съответните руски неопределителни местоимения и наречия, в състава на които влиза частицата-наставка *-то* и въпросителното местоимение или наречие «*кто / кой*», «*какой / какъв*», «*что / какво*», «*где / къде*» и т.н.

Както се вижда от направения анализ и сравнение, неопределителните местоимения и наречия в езика на българите от Бесарабия и Румъния имат една и съща съдба, както впрочем и самите тези българи.

Колкото обаче и да са интересни от езиковедска гледна точка тези нови форми на неопределителните местоимения и наречия в езика на българите от Бесарабия и Румъния, те трябва да се избягват в родната реч, за да бъде тя по-близо до нормите на българския книжовен език, който, както и всички други книжовни езици, според думите на българския писател Илия Волен, е «подобрен и обобщен народен говорим език».

Б Е Л Е Ж К И

1. Историческата област Бесарабия има и по-малко известни названия, като например Пустия Сехитика, Онгъл, Буджак и др. Вж.: Атанасов Г. Народите на Бесарабия, в-к «Век-21», № 6; Енциклопедия «България». Т. 1. София, 1978. С. 270-271; Т. 4. София, 1984. С. 713; Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982. С. 31.

2. Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. София, 1993. С. 13.

3. Пак там. С. 27, 161, 200.

4. Димчев К. Възможности за проява на езикова интерференция // Известия на Института за български език. Кн. XIX. София, 1970. С. 751-755.

5. Косек Н. Лексикална интерференция в българските говори върху територията на Украинската ССР // Език и литература. 1973. № 1. С. 67-72; Стоянов И.А. Лексическо взаимодействие българских говоров с русскими, украинскими, молдавскими говорами // Първи международен конгрес по българистика. Доклади. Исторически развой на българския език. Т. 3. София, 1983; Неделчев Н., Чухаджия Т. Лексикалната интерференция в ойколекта на гр. Тараклия // Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1997. С. 6-12.

Предполагам, че явлението на морфологична интерференция в езика на българите от Бесарабия, за което ще стане дума по-нататък, съществува и в езика на българите от други региони на бившия Съветски Съюз (например в Таврия), където влиянието от страна на руския език е още по-силно. Но това ще покажат бъдещите изследвания. Поради липса на материал от други региони в бившия СССР, където има компактно българско население, аз се ограничавам с резултатите от личните ми наблюдения и някои други източници, свързани само с Бесарабия.

6. Примерът е взет от писмото на Илия Кондов от с. Кортен до автора на тази статия.

7. Бесарабските българи за себе си. София, 1996. С. 170.

8. Пак там.

9. Примерът е записан от Андрей Гургуров от с. Кортен, студент в София.

10. Тодоров Н.Н. Роден език. Кишинев, 1992. С. 117.

11. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. София, 1983. С. 203-205; Кондов В. Кандидатска дисертация. 1993 (София).

12. Современный русский язык. Часть 1. Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1976. С. 272.

13. Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. М., 1982. С. 81-82; Костромина Н. В. и др. Русский язык. Часть 2. М., 1989. С. 110, 254.

14. Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. С. 202-203, 387-408.

15. Пак там. С. 115, 167, 184, 195, 198, 207.

16. Димчев К. Цит. съч. С. 751-755; Младенов М. Български говори в Румъния. София, 1993. С. 70, 96, 134, 181, 211, 386.

ГАГАУЗСКИЕ НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ

Народные гуляния - это одна из наиболее интересных и массовых форм отдыха граждан, эффективное средство духовного обогащения и расширения кругозора.

Праздник, программа которого включает в себя элементы обрядности, насыщенные национальным колоритом - народные песни, маани¹, зрелищные представления, конкурсы и выставки - выполняют важную познавательную и идейно-воспитательную функции. Праздничная атмосфера, непосредственное участие каждого подчеркивает общественный характер мероприятия.

Испокон веков тяжелый изнурительный труд определял бытие земледельца и скотовода, но в редкие минуты отдыха раскрывались самые прекрасные черты и особенности национальной культуры народа.

Раньше одной из самых активных форм отдыха и проведения досуга сельчан служили проводимые по праздникам и выходным дням народные гуляния - «хору»². Проводились они обычно в центре села, на площади («мейданда») у церкви. Здесь нарядно одетые сельчане могли отдохнуть, пообщаться, показать свое мастерство в танце, послушать любимые мелодии. Острословы, соревнуясь между собой, своими рассказами веселили присутствующих, привлекая внимание многочисленных слушателей.

У сельской молодежи существуют различные формы проведения досуга. В памяти старшего поколения ярки еще воспоминания о традиционных молодежных играх «*роп-роп*», «*баба топу*», которые популярны и сегодня. Шумные, азартные, они притягивали к себе всю округу и находили многочисленных почитателей среди молодежи. Играли в них и зимой, во время поста, когда церковь запрещала народные гуляния - хору, но особенно активно они возобновлялись весной, когда первая зелень покрывает землю.

Все эти традиционные формы проведения досуга отличались массовостью, являясь своеобразной, испытанной многими поколениями системой воспитания людей средствами лучших образцов народной педагогики. Традиции трудового воспитания связаны были с устраиваемыми в долгие зимние вечера посиделками, где звучали народные песни, предания, загадки и где сельские мастерицы демонстрировали свое искусство в рукоделии.

Сейчас многие из этих традиций почти забыты, поэтому организаторам праздников и других современных форм отдыха особо важно сохра-

нить, а то и возродить лучшие из них. При этом надо стараться, чтобы современные узоры вышивались по старой канве таким образом, чтобы основа праздника соприкасалась с традициями, сохранившимися в памяти многих людей старшего поколения.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Значительное место в подготовке праздника занимает сбор и обработка местных этнографических и фольклорных материалов, куда необходимо включить и материалы малых этнических групп, проживающих в данной местности.

Для участия в программе праздника приглашаются известные сочинители и исполнители *маани*, песен, рассказчики веселых историй. Лучшие танцоры села привлекаются в качестве учителей-инструкторов танца (*ойун уреджиси*) для показа искусства исполнения во время танца, в кругу.

К отбору и разработке мероприятий следует привлечь людей изобретательных, хорошо знающих свой край, народные обычаи и традиции. Также следует активно вовлекать в организаторскую работу работников Домов культуры, педагогов, актив школ, фольклорные ансамбли, школьные этнографические кружки, молодежь.

Основой праздника «Гагаузские народные гуляния» могут стать народные танцы. Представленный вниманию читателя сценарий рассчитан именно на это. Отметим, что предложенные конкурсы и представления должны проводиться на местном фольклорном материале. Праздник может проводиться в любое время года в выходные дни, его можно приурочить к другим праздникам и торжественным датам села.

Важным моментом в подготовке является приобретение призов и памятных подарков для победителей в конкурсах и состязаниях. Существенную помощь в этом отношении может оказать этнографический кружок школы. Также можно приобрести различные предметы декоративно-прикладного искусства или заказать их у местных умельцев. Прекрасным подарком послужат книги гагаузских писателей, поэтов, ученых, в которых ярко отражается духовное богатство народа, его быт и традиции.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАЗДНИКА

Каждый праздник начинается с красочно оформленных афиш, которые в шутливой стихотворной форме освещают программу предстоящего мероприятия. Существуют различные формы оповещения населения:

местное радиотелевещание, объявление в газете, афиши и, конечно же, пригласительные билеты. Учитывая многонациональный состав современного села (города), тексты целесообразно давать параллельно на русском и гагаузском языках. Пригласительные билеты рассылаются почетным гостям праздника, участникам показательных выступлений.

Празднично украшенная транспарантами площадь (парк, стадион) гостеприимно приглашает тружеников отдохнуть, повеселиться после рабочей недели:

«Хош гельдиниз бизим йортуя!»
«Добро пожаловать на наш праздник!»
«Чальшкан ишледжик, шен динненжейз!»
«Хорошо поработали, весело отдохнем»
«Хоруйа тутундун ойна башадан!»
«Пустился в пляс - не робей!»
«Шаканьз жобунузда олсун!»
«Юмор - верный спутник в жизни!»
«Шен гелдиниз - канаат гидежейнлиз!»
«Прекрасного праздничного настроения всем!»

Место проведения праздника желательно выбирать вблизи зеленых насаждений, чтобы люди могли в летнее время отдохнуть в тени деревьев.

Праздничные гуляния призваны отражать во всем своеобразие традиции, быт и культуру народа. Этому будут способствовать расположенные по краям площади шалаши, навесы (*чалмар*, *салма*) для выставок и продажи овощей и фруктов, сооруженные и оформленные в национальном стиле. Внутренним убранством послужат ковры (*килим*), изготовленные местными мастерами, разные вышивки (*пешикир*, *дорожки*, *сайма*, *рамка* и др.).

Многочисленные выставки, организованные к празднику, должны свидетельствовать о мастерстве народных умельцев. Нарядные, яркие, пестрящие букетом разнообразных красок и поражающие тонкостью и изяществом исполнения, они на протяжении всего праздника будут привлекать к себе множество почитателей.

По возможности, мастера своего дела прямо на празднике, рядом со своими готовыми образцами могут раскрыть секреты своего мастерства, показать сам процесс изготовления того или иного изделия. Это делается с целью заинтересовать, привлечь молодежь, найти поклонников и даже будущих учеников с тем, чтобы мастерство и искусство прикладного народного творчества не забылось, не исчезло (на изделиях обязательно указывается автор-изготовитель - народ должен знать и ценить своих умельцев.)

Предлагаем читателю краткий перечень всевозможных выставок (*серги*), которые могут быть использованы при подготовке праздника. На выставках можно показать в сравнительном аспекте изделия и предметы, отражающие культуру и быт населения других национальностей: болгар, молдаван, русских, украинцев и др.

«ДОКУМАКЛАР» - представляются образцы ткацких изделий, начиная от маленьких ковриков (*палэмжик*) до больших настенных ковров (*килим*). Вниманию посетителей также представлены и образцы домашних тканей (*димми*, *чукман*, *саргы плады*, *кушак*, *бурунжук пешикир*), что дает общую картину различных орнаментов и техники исполнения.

«САЙМАЛАР» - представляются образцы вышивок, различные виды исполнения (*дикиши басма*, *алажсалар*, *гергеф*, *йастьэжак*, *дорожка*, *рамка* и др.).

«ОРМЕЛАР» - представляются образцы вязания с разной техникой исполнения - крючком, спицами (*кукьялан*, *ишишилан*) - тантела, орма маса беги, орма кофта, чорап, елден и др.

«ЧЕКМА ТЕРТИПЛАР» - резьба по дереву (*аач оймасы*, *чекма тертиплар*) - представляется кухонная утварь, образцы орнамента, традиционные украшения домов и колодцев, деревянный декор (*евин гозелли*).

«АА Ч УЗУНУ ЙАКМАА» - выжигание по дереву - кухонная утварь (*тузлук*, *кашыклык*), пустотелые тыквы (*сусак*, *сасарка*), украшенные выжиганием.

«ЧИТЕН» - корзины из тонкой лозы, камыша (*панурдан*, *фьшикандан орулу читен*, *оруду сенет*).

«ВЫСТАВКА БУМАЖНЫХ ЦВЕТОВ» будет оригинальной и неожиданной и, возможно, восстановит почти забытое искусство изготовления всевозможных букетов цветов. В прошлом девушкам в зимние календарные праздники, на Рождество (*Колада*) приходилось изготавливать около десяти и более огромных букетов, в этом заключалось преимущество каждой из них. Предназначались эти букеты для молодых людей, пришедших с новогодними поздравлениями в дом девушки. Самый красивый и большой букет предназначался суженому и прикреплялся к его шапке. Таким образом, в этот вечер девушка определяла свой выбор.

Процесс изготовления цветов начинался задолго до праздника и превращался в целое событие в жизни молодежи села, а само изготовление цветов и украшений - в настоящее искусство. Эти украшения были не только обязательными атрибутами зимних календарных праздников, но являлись особым знаком внимания между молодыми людьми, а впоследствии долгие годы хранились как самое сокровенное.

Восстановить этот прекрасный обычай или просто ознакомить молодежь с ним, предоставив ей самой возможность это увидеть и оценить,

сыграет немаловажную роль в эстетическом воспитании подрастающего поколения.

Активное участие каждого в празднике подчеркивалось бы и организованными выставками школьников и самых маленьких сельчан (горожан), в которых бы отражался творческий поиск, мастерство, детская фантазия юных умельцев.

Выставки о природе помогают ребятам лучше узнавать, любить и беречь свою землю, Интересна будет выставка «*Чудесные фантазии родной земли*» («*Топраан фасыл булутулары*»), где представлены причудливые овощи и фрукты, хитросплетенные ветви и корни деревьев, принявшие различные формы фантастических и сказочных образов. Названия этим образам можно дать исходя из сюжетов народных сказок, песен, рассказов («Айы кулак», «Тепягез», «Дунна гозели», «Сърма сачлы кыз», «Тудорка», «Шалвер Коса» и т.д.)

Можно организовать выставку-конкурс «*Умелые руки*» («*Гержик устажылар*»), выставку детских рисунков «*Веселый карандаш*» («*Шен карандаш*»), конкурс рисунков на асфальте «*Солнечный мелок*» («*Гунешли тебешир*»).

ПРОВЕДЕНИЕ ПРАЗДНИКА

Накануне праздника население оповещают через местный радиоузел, телестудию. Примерный текст обращения передается параллельно на двух языках:

«...Паалы кардашлар, кызкардашлар! Гечти ишленир афта. Буук йорту олажсек хору еришди (мейданда, меркезда). Буйур едериз сизи, айлелеринизи хош-беиш (3) етмаа бу назар бизимнан била. Сизи беклеер гозал хавалар, гениш ойунлар (хорулар), жумбуушулу ашиятмалар, гурени, йарышмалар, турлу сергилар. Беклериз бу буук севишмелаа бууну да кучууну да.

Буйрун да гелин гагауз халкын йортусуна!»

«...Дорогие односельчане! Завершена трудовая неделя, и мы приглашаем вас со всей семьей на праздник танца, песни и юмора. Вас ожидают интересные конкурсы, театрализованные представления, состязания сильнейших, увлекательные скачки, выставки народных умельцев и танцы, танцы, танцы!

Добро пожаловать на гагаузские народные гуляния!»

О начале праздника свидетельствует музыка, звучащая в центре села. Празднично одетые люди собираются на площади. Почетные гости праздника, приглашенные в качестве жюри, занимают места, специально подготовленные для них, желательны расположенные на возвышенности и в тени.

Придерживаясь традиций прошлых лет, праздник открывает танец, исполняемый мужчинами. В данном случае его могут исполнить известные танцоры села. Молодые люди подхватывают инициативу, круг танцующих разрастается (в качестве первого танца можно использовать сложный и быстрый танец «*фырликундак*»⁴).

Следующий танец «*дюз хору*» вовлекает в круг танцующих всех желающих.

Как бы соблюдая живую связь времен, по желанию отдыхающих на протяжении всего праздника звучат колоритные зажигательные мелодии народных танцев, популярные мелодии 50-70-х годов, современные танцы, где каждый может показать свое мастерство.

Внутри больших «*хору*», как это было раньше, организуются маленькие «*жоружук*», где можно устраивать целые представления, образцы лучшего исполнения разнообразных элементов танца. Рядом организовывается «жоружук» для самых маленьких, где с ними танцуют «учителя» танца, помогая овладеть им этим искусством.

В перерыве между танцами ведущие (девушка и парень в национальных костюмах) выходят на сцену, благодарят собравшихся за участие в празднике и знакомят с программой, приглашая на первый конкурс.

Объявляется конкурс на лучшего танцора или танцевальную пару (он проводится на протяжении всего праздника). К концу праздника победителям вручаются призы.

Можно провести конкурс на знание старинных народных танцев, который будет носить познавательный характер. На звучащую мелодию угадывается название танца и его элементы. Использовать можно следующие народные танцы: *кадынжса, фырликундак, майрамжса, ики тарафа, уч айак, хардалка, елда хору, чекирга, терсина хору, дюз хору* и др.

В гагаузских селах и городах в дружбе и согласии проживают люди различных национальностей: болгары, молдаване, украинцы, русские и т.п. Люди знают и любят песни и танцы соседних народов. Исполняющиеся на протяжении всего праздника так называемые танцы дружбы непременно найдут среди отдыхающих своих поклонников. Будет интересно, если участники массовых гуляний других национальностей будут одеты в национальные костюмы и внутри больших «хору» будут устраивать показательные исполнения своих народных танцев.

Основными компонентами любого праздника являются смех и народный юмор, в которых проявляется неиссякаемая выдумка, сметливость и народная мудрость. Рассказы о веселых героях народных сказаний Ходже Насреддине и Шалвер Кёсе, смешные истории из повседневной жизни вызовут у зрителей живой интерес.

Организованный конкурс на лучший рассказ «*жумбуш гечирмелар*» будет по достоинству оценен зрительской реакцией - веселым смехом. По завершении конкурса работники Дома культуры, танцевальная группа могут показать небольшую инсценировку из жизни веселых народных героев «*Ходжа бизим кууда*», «*Данышалым Косийалан*».

Конкурс на юмористические рассказы завершается объявлением победителя «*Кууйун лаф устасы*» с вручением приза, изготовленного этнографическим кружком.

Возможный текст для инсценировки «Знакомство с хитрым Кёся» («*Данышмак шелвер Косийалан*»):

Бир адамын кайбелмиш окузлери, кайып буук, гидер о адам фалжыслара ачыклама бу иши.

Аннадээр адам зооруну, илк фалжы са деер:

- Сенин окузлериши ким чалды, онун ады Муса. Шинди гит сор беним орта кардашыма, не солейжек о.

Орта кардашы бу адама сорэр:

- Агам не деди-е?

- Буук аган деди, ани ким чалмыш окузлери онун ады Муса.

- Онун ады Муса, озаман онун бойу да кыса. А шинди гит сор кучук кардашыма.

Гидер бу адам фалжысларын кучук кардашына. Фалжы лафыны чекедер узактан:

- Е-е буук агам не соледи?

- Буук аган соледи, ани онун ады Муса.

- Е-е ортанкы агам не соледи?

- Ортанкы аган деди, ани онун бойу кыса.

- Оласейди ..., чыкэр ады Муса, бойу кыса, кендиси да озаман Коса,

- Ону сан кендин да танарсын гит та ал окузлериши⁵.

В качестве выступлений со сцены можно использовать короткие юмористические рассказы.

«...Незаман са Настрадаин йапмыш буук бир зарар, падишаа бу узера коолэр ону кенди топраандан.

Гечер бирки йыл, Настрадаин дайанамэр, дарсэр жаны да кенди еви ичин. Пипер ешена, баалэр бир да чувал топрак ешаан сыртына да йоллаэр нэр ева.

Падишаа ачан горер ону шашэр, пенчердан баарэр:

- Сан гена ми гелдин беним топраама ба хайырсыз?

- Уфкеленма, паалы падишаам, бан гелдим кенди топраамнан,- деер Ходжа, гулумсеерак гостурер чувальны. (См. приложение № 1).

В устном народном творчестве гагаузов маани является одним из самых древних исполнительских песенных жанров. Тематика маани разнообразна и колоритна. Конкурс на лучшего исполнителя маани обогащает ваш праздник и вызовет большой интерес у молодежи.

Конкурс начинается с показательных выступлений лучших исполнителей и слагателей маани (*мааниджи*), выступает группа женщин в национальных костюмах. Как бы подхватив инициативу, ведущие обращаются к зрителям, приглашая их к участию в конкурсе. Исполняют в форме вопроса-ответа:

*... Маани, маани маништир,
Ону да билмак бир иштир.
Маанежи башымышын,
Жафайыр ташымышын.
Биркач маана солесам,
Жобунда ташырымьсын...?*

*Маанежи башы да бан
Жафайыр ташы да бан
Онбеш маани солесан
Жобумда ташырым бан*

*Манайа башчымышын
дувара ташчымышын?
Манейи баштан сола
Кирпиктан, каштан сола.*

Конкурс маани уйдурмасы готовится заранее, маани исполняются по определенной тематике: лирические, трудовые, юмористические и т.п. Конкурс рассчитан на активность зрителя, он заключается в исполнении только первых двух строчек, остальное угадывается, что в конечном итоге предполагает и создание новых веселых и неожиданных четверостиший.

Народные пословицы и поговорки (*солешилар*), содержащие в себе удрье народные наставления, жизненный опыт, богатство родного языка, являются лучшими выразителями мысли. Конкурс пословиц и поговорок организуется как на определенную тематику, так и на знание наибольшего их количества. Приведем здесь следующие пословицы о дружбе (*достлук ичи*):

«Дост хем кардаш зоорлукта танынэр».

«Достлук парадан таа паалы».

«Досттан зарар гелмаз».

«Иокса достун - аара ону, булажан- коору ону».
«Ески дост душман олмаз, олсада йакышмаз».
«Бин достун варса, ааздыр, бир душманын варса чоктур».
«Кенди адамынан и ч, алыш-вериш йапма».

Народные загадки (*билмейжа, билмейжа - бири бирина илиштир-мейжа*), содержащие в себе хитроумный вопрос, развивающие логику и мышление, требуют меткого ответа. Конкурсы, проводимые на этом материале по принципу «вопрос-ответ», будут интересны всем.

*«Хору-хору кудурур
Сепеди да долдурур.
Недир о?»*

(Елемнелар, чакырык)

*«Баалэрсын-гезер, чозерсин дурэр.
Недир о?»*

(Чарык).

Ведущие попеременно загадывают загадки, и отгадавший наибольшее их количество получает приз.

Маленькие театрализованные представления, показанные во время праздника, являясь кратким экскурсом в реальную действительность прошлых лет, раскроют прекрасные страницы национальной культуры и быта народа. В качестве примера предлагается представление «Танцы прошлых лет» (*евелки хорулар*), воспроизводящее наряду с танцами сцену знакомства (*даньшмак*), дарение знака внимания - вышитого платочка, цветка (*басма, чичек, болдур*), во всем строго придерживаясь всех элементов, бытовавших в прошлом.

В представлениях можно отразить и такой важный, волнующий момент из жизни сельской девушки в прошлом, как вывод в первый раз на хору, в котором принимали участие родственники, старшие сестры, подружки, соседки.

Представление «Мода прошлых лет» (*«Евелки донапмаклар. Илерки мода»*), включающее образцы старинной гагаузской одежды, организовано на собранном и восстановленном этнографическом материале. Образцы воссозданы с помощью старожилков села. Представляются женские и мужские, повседневные и праздничные костюмы, с подробным описанием всех их элементов, национальных особенностей, а также традиционные украшения.

Существенную помощь в подготовке информационного текста к образцам национальной одежды окажет монография доктора истории М. Маруневич «Материальная культура гагаузов», где подробно и полно раскрывается эта проблема.

Примерный текст описания женских украшений может выглядеть следующим образом: «Основным элементом женской одежды гагаузов являются многочисленные нагрудные украшения, состоящие из нескольких рядов бус (*седеф, боижук*), монетообразных кружков (*махмуда, алтын*), золотых монет (*лефт*). Существенным дополнением к наряду являются и золотые серьги (*купа, халка купа*), медные и серебряные браслеты (*гумуш блезик*). Одним из обязательных элементов одежды гагаузов являются и пояса (*колан*) с серебряной пряжкой (*пахта*), украшенной чеканным узором. Существовали и более старинные серебряные пояса (*гумуш кушак*).» Таким образом можно раскрывать подробно все элементы традиционной национальной одежды гагаузов.

На протяжении всего праздника в специально подготовленном месте для игр (*ойун еери, мейдан*) проводятся национальные игры. Игры, рассчитанные на выносливость, быстроту реакции, изворотливость, сообразительность являются любимым занятием детей. Это популярные и почти забытые: «*басма*» «*тура*», «*шманжак*», «*кор чопуш*», «*сайа-сайа*», «*домус*», «*баба топу*», «*жидолка*», «*птанка*», «*торба капмынжак*», «*ешек белли*», «*жызык*», «*дувар топу*» и многие другие. Среди молодежи популярны такие игры как «*роп-роп*», «*чадыр буржуу*», «*узун кол*», «*узук*», «*кабак*».

Отметим и настольные игры, развивающие логику, мышление, сметливость: «*куран*», «*тузак*», «*бешика*» и другие. (См. приложение № 2).

Старожилы рассказывают, что традиционным элементом любого праздника у гагаузов на протяжении веков была и есть национальная борьба - состязание самых ловких и сильных, демонстрация мужества. Не включить ее в программу праздника - значит нарушить вековые традиции народа. В настоящее время такие виды национальной борьбы, как «*гуреш*», «*кемердян*», «*кушактан*», «*кабак атмак*» и другие, являются самой популярной и запоминающейся частью праздника, привлекающей к себе множество зрителей. Победителям вручаются традиционные призы: баран, петух, сувениры, грамоты. Им же можно присудить звание «Лучшего борца года» («*Пехливан-гурешчи*»). Придерживаясь старинных традиций, победитель состязания «*каштан*» может быть награжден кожаным поясом, специально изготовленным для этой цели из тисненой кожи, украшенным национальным орнаментом, надписью, титулом и т.п. («*кемер кашш*»). Также победителя повязывают красным домотканым поясом (*кушак*), свидетельствующим о мужестве и силе победителя.

У каждого праздника должна быть своя изюминка, свой сенсационный номер. Для этого можно использовать зрелищный, веселый, впечатляющий и в то же время традиционный элемент - скачки (*кош*) чабанов на осликах.

Скачки на лошадях - древняя традиция гагаузов. Ни один праздник не обходился без захватывающих состязаний на краю села. Молодые парни на ухоженных, нарядных скакунах демонстрировали свою удаль и ловкость. Уздечка украшалась бахромой из разноцветных гарусных и шерстяных ниток «*киткалы кайтырма*», богато вытканная попона («чул») завершала наряд скакуна.

Скачки проводились и в зимнее время. На украшенных коврами саях развезжала по селу молодежь, проявляя иногда излишнюю и опасную лихость на узких сельских улицах.

По окончании праздника вручаются призы победителям конкурсов, звучат слова благодарности и добрые пожелания всем участникам праздника, которые приглашаются исполнить танец поколений «*буук хору*». Начинают танец представители старшего поколения, а постепенно подключаются молодежь, дети, как бы подчеркивая преемственность поколений и сохранение традиций и культуры народа. «Народные гуляния» рассчитаны на охват и отражение интересов всех присутствующих на празднике.

Представленные рекомендации не являются готовым сценарием, они призваны оказать методическую помощь в организации праздника, рекомендованные конкурсы и представления могут быть выборочно использованы, расширены и изменены в зависимости от этнического состава населения и от специфики местных условий. При подготовке настоящих рекомендаций для проведения народных гуляний автором использованы фольклорные материалы, собранные в гагаузских селах Кабардино-Балкарии, Запорожской области Украины и в с. Томай Чадыр-Лунгского района во время экспедиций 1987-1988 гг., а также из уже опубликованных источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Маани** - особый жанр гагаузских лирических песен, состоящих из четверостиший.
2. **Хору** - народные танцы, проводимые в выходные и праздничные дни.
3. **Хош-беш-егмаа** - приглашение хорошо и весело отдохнуть вместе.
4. **Фырликундак** - быстрый народный танец, исполняемый группой мужчин.
5. Сказка записана у гагаузов Кабардино-Балкарии (сказитель - С.Г.Радьшев).

Приложение № 1

Варианты текстов для использования на празднике

*Настрадаин ап-аач гелмиши достуна мусаафирла.
Досту да ону сармыйлан конукламыши.*

*Ходжа гиришими да сармалары икишар-икишар аазына атармыши.
Сыкы сыкы ийирмиши...*

Достун карысы буну горун дуймуш, ани сармалар етмийэсеклар да кыйышмайа - кыйышмайа Ходжайа демши:

-Настрадаин амуэса, сармалармыз кыт бираз, йалварэсам тек-тек алыңыз!

-Учаар аазыма сыымэр,-бууларак сармыйлан, жуван етмиши Ходжа.

Комушусу Ходжайа акыл бермиши:

-Ходжа, рубаларыны коймаа дейни бир долап кендина алсана!

-Забун акылысьин сан комушу, - дейа жуван етмиши Ходжа да сор-муш: Сора бан чытлак мы гезейим?

Ходжа бир гун ешекта атлы гезармиши да, насыл разгелмиши, ешек ону ера душурмуш. Буну горан чоэсуклар:

-Аа! Ходжа ешектан душту!- деа гулмаа чекетмишилар.

Ходжа хич айыфланмайрак жувабыны бермиши:

-Не гулерсиниз? Бан ола да инжисидим.

Настрадаин гидер сокакча, аушусту, елинда йежжик.

Уурэр бир тукена, китли. Башлэр йежжиклан идиртмаа килиди, гире-жсек тукена. Инсаннар сокактап гечерлар сорэрлар:

- Настрадаин, сан набэрсын орада?

-Кеменча чалэрэм.

-И переда сеси-е?

-Сааба ишидилэжсек сеси.

Приложение № 2

Варианты национальных игр для использования на празднике

Тура (басма). Игроки становятся в круг и садятся на корточки, их называют «*кун*», за ними, возле каждого сидящего, сидит охранник. Один из игроков с платком в руке - «*турой*» (один угол платка завязан узлом) - водит игру. Он обходит сзади круг и приговаривает: «*Ал сатэрэм, бал сатэрэм, устам олду, куркуму сатэрэм*». При обходе он незаметно оставляет платок сзади одной из пар. Чем дальше остается платок незамеченным, тем лучше для ведущего, поскольку он должен успеть обогнуть круг и занять место зазевавшегося охранника. Охранник должен вовремя заметить оставленный платок, поднять его, догнать ведущего и дотронуться до него, пока тот не занял его пустующего места. Если ведуще-

го не догоняет охранник, то последний становится ведущим, так как у него в руках остался платок.

Баба то пу. Готовится место для игры: проводится черта, за которой стоят два игрока - подбрасывающий мяч «*едижи*» и бьющий палкой по мячу «*уружу*». На расстоянии 20-30 м от черты расчерчивают круг диаметром 1 м «*бобальк*». На некотором расстоянии от круга расположены игроки в два ряда друг за другом и на самом конце последний игрок «*гудужу*», который бежит за мячом.

Правила игры: играет группа парней и девушек. Один из игроков - *едижи* - подбрасывает мяч, *уружу* сильно бьет палкой по мячу, после чего он должен успеть добежать до круга, обогнуть его и вернуться на свое место. Игроки расположены строго по номерам, ловят мяч и должны попасть в бегущего игрока, пока он огибает круг - *бобальк* - и находится за чертой. Для вероятности попадания мяч передается близлежащим игрокам. Мяч не должен касаться земли. Если игроки попадают в бегущего, то первый номер занимает место подбрасывающего (*едижи*), а *едижи* занимает место бьющего по мячу - *уружу*, а он переходит к группе игроков и занимает последнее место - *гудужу*. Все остальные игроки передвигаются на один номер вперед. Если же попадания не было, то все остаются на местах, и игра продолжается.

Наказания для игроков: бросающий мяч, если он это плохо делает, может занять место *гудужу*. Бьющий по мячу, если три раза подряд не попадает по нему, переходит к игрокам, а его место занимает следующий.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Баллада туркулери. Солпет топлуму. Сост. Дурбайло М. А.. Кишинев, 1991.
- Буджактан сеслар. Сост. Танасоглу Д. Н.. Кишинев, 1959.
- Гагауз фольклору. Сост. Бабоглу Н. И.. Кишинев, 1969.
- Зеленчук В. С., Лоскутова Л. Д. Новые гражданские праздники, обряды и ритуалы. (Практические рекомендации). Кишинев, 1984.
- Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX- начале XX в. Кишинев, 1980.
- Колца М. М. Гагауз халк туркулери. Гагаузские народные песни. Кишинев, 1982.
- Маруневич М. В. Материальная культура гагаузов. Кишинев, 1988.
- Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

Технический редактор
Компьютерный набор
Компьютерная верстка

Т.В.Зайковская
Г.И.Господинова
И.А.Казаку

Подписано к печати 6.09.99 г. Формат 60x84 1/6.
Бумага офсетная. Гарнитура типа «Таймс». Печать офсетная.
Объем 15 авторских листов. Тираж 1000 экз. Заказ 252.

Отпечатано «Buziness-Elite» S.A. г. Кишинев, ул. Щусева, 106, к.23